

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

АВСТРАЛИЯ, ОКЕАНИЯ И ИНДОНЕЗИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВРЕМЕНИ И ИСТОРИИ

Статьи по материалам Маклаевских чтений
2007–2009 гг.

Маклаевский сборник

Выпуск 3

Санкт-Петербург
2010

УДК 39+81(1-925.8/.9+1.929.4/.9)
ББК 63.5
А22

Рецензенты:

д.и.н. И.Ю. Котин, к.ф.н. М.А. Болдырева

Составитель и ответственный редактор Е.В. Ревуненкова
Ответственный за выпуск А.А. Лебедева

Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2010. 362 с. (Маклаевский сборник. Вып. 3).

ISBN 978-5-88431-193-0

В предлагаемом вниманию читателей сборнике публикуются доклады, прочитанные на Маклаевских чтениях в 2007–2009 гг. как в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, так и на Маклаевских чтениях, проходивших на родине выдающегося российского ученого — в Окуловке (Боровичский р-н Новгородской обл.). Как и в предыдущих изданиях, в данном сборнике представлены новая интерпретация трудов Н.Н. Миклухо-Маклая, а также исследования по этнографии, истории, культуре и языку народов бассейна Тихого океана. Специальный раздел сборника включает статьи сравнительно-типологического характера, основанные на материалах, представленных в странах Дальнего и Ближнего Востока, а также Европы. Книга рассчитана на тех, кого интересует вклад Н.Н. Миклухо-Маклая в этнографическую науку, а также этнографов, историков, лингвистов, филологов, занимающихся изучением культуры и истории австрало-океанийского региона, Дальнего и Ближнего Востока.

Current collection of articles contains proceedings from the conferences dedicated to work of N.N. Mikluho-Maklay. The conferences took place in 2007–2009 at Saint-Petersburg Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstammer) of the Russian Academy of Sciences, and at the village of Okulovka (Borovichsky district of Novgorodsky region). Similar to previous publications, our collection contains new interpretations of Mikluho-Maklay's works and diaries, as well as articles on ethnography, history, culture and language of the nations of the Pacific. A special part of this collection includes comparativistic and typological papers, based on materials collected in the countries of Far and Near East as well as Europe.

This volume is of interest to scholars of N.N. Mikluho-Maklay's contributions to ethnography as well as to the anthropologists, philologists, linguists and historians studying Malaysia and South-East Asia, Australia, Oceania, Far and Near East.

ISBN 978-5-88431-193-0

© МАЭ РАН, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Е.В. Ревуненкова

В предлагаемом вниманию читателей сборнике публикуются материалы некоторых докладов, прочитанных на Маклаевских чтениях в 2007–2009 гг. как в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, так и на Маклаевских чтениях, проходивших на родине выдающегося российского ученого — в Окуловке (Боровичский р-н Новгородской обл.).

Маклаевские чтения посвящены прежде всего исследованиям различных проблем Тихоокеанского региона, с которым была связана жизнь и научная деятельность Николая Николаевича Миклухо-Маклая, а именно — Австралии, Океании, Индонезии, Филиппин. Но не только. В них всегда принимали активное участие специалисты по этнографии, истории, филологии и культуре тех стран и континентов, которые с древнейших времен были связаны многосторонними историко-культурными отношениями с обширным австралоокеанским регионом. Это исследователи Китая, Тайваня, Таиланда, Вьетнама, Северной и Южной Америки, Африки и др. Данный сборник продолжает эту традицию. По сравнению с предыдущими выпусками расширились его географические рамки. В сборнике представлены работы специалистов по изучению арабского Востока, Японии, Монголии — статьи Н.Н. Дьякова, Д.В. Иванова, А.Ю. Синицына. Все это чрезвычайно расширяет кругозор ученых, занимающихся исследованием этнографии и культуры народов бассейна Тихого океана, позволяет увидеть генетические связи и типологические параллели этого региона с другими, весьма отдаленными от него регионами в более глубоком измерении.

Необходимо отметить, что каждая конференция становилась, по существу, международной, так как в форумах принимали участие ученые из других стран, прежде всего из Индонезии. Так, многие годы на Маклаевских чтениях с докладами выступала аспирантка факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, а затем и кандидат политических наук Хенни Саптата Драджати Нуграхани, статьи которой опубликованы в предыдущих сборниках. В 2007 г. в Маклаевских чтениях принимал участие преподаватель Исламского государственного института в Бандар Лампонге и директор Центра по изучению ислама Центральноазиатского и Российского регионов (Индонезия) доктор философии Ван Джамалуддин, специально прибывший из Индонезии на нашу конференцию. До этого он был аспирантом на восточном факультете СПбГУ, постоянно участвовал в Маклаевских чтениях, в 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию о роли суфизма в истории Индонезии, используя в качестве источника малайскую рукопись, хранящуюся в Институте восточных рукописей РАН. В 2007 г. в качестве гостей на конференции присутствовали работники посольства Индонезии в Москве, в том числе советник по культуре господин Берлиан Напитулулу — батак по национальности, которому, помимо докладов, была чрезвычайно интересна экспозиция Музея антропологии и этнографии по народам Суматры, прежде всего макет традиционной каро-батакской деревни, в котором он узнал известную деревню Лингга. На каждых Маклаевских чтениях обычно присутствуют студенты из Индонезии, которые учатся на различных факультетах СПбГУ и в других учебных заведениях Санкт-Петербурга.

Выпуски Маклаевских сборников обычно начинаются с раздела, в котором публикуются новые материалы о жизни и научной деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая, с позиции современных этнографических знаний оцениваются многочисленные труды выдающегося ученого, в свете которых более полно и ярко предстает совершенный им научный подвиг. Данный сборник продолжает и эту традицию. Новые подробности личной биографии, а также судьба научных материалов ученого, представленные на основании тщательного изучения архивных источников, свежий взгляд на научное значение его рисунков отражены в разделе «Новое о Н.Н. Миклухо-Маклае» (статьи Л.А. Ивановой, А.Я. Масова, А.М. Решетова). Именно на Маклаевских чтениях часто впервые звучали и вводились в научный оборот новые данные исторического и источниковедческого характера.

Для Маклаевских чтений всегда был характерен многоаспектный подход к изучению жизненного уклада, материальной и духовной культуры, истории, социальной организации и социально-экономического развития народов бассейна Тихого океана. Все статьи, прямо или косвенно связанные с Н.Н. Миклухо-Маклаем, органично вписываются в круг проблем исторического, социального и культурного развития народов Южных морей, которым посвящен сборник в целом.

Представленные статьи сгруппированы в определенные разделы. Помимо вышеназванного раздела «Новое о Миклухо-Маклае» мною были выделены следующие разделы: «Этнография, фольклор, язык, литература»; «История и источниковедение»; «Тихоокеанский регион в сравнительно-типологическом освещении». Как и в предыдущих выпусках, эти разделы выделены с известной долей обобщения и условности, поскольку каждый из них имеет много точек соприкосновения с другими, и могут быть одинаково важны и интересны как для этнографа и историка, так и для фольклориста и филолога. В частности, раздел «История и источниковедение» включает статьи, в которых затронут широкий круг проблем, связанных не только с исследованием исторических событий в Тихоокеанском регионе, но и с изучением архивных и музейных документов, т.е. с тем направлением, которое Л.А. Иванова определяет как музейное источниковедение. В рамках этого направления важнейшее место отводится атрибуции предметов культуры и быта. Но подобные проблемы ставятся и решаются в статьях, относящихся по своему основному содержанию к другим разделам сборника (например, статьи П.Л. Белкова, Д.В. Иванова, А.Ю. Сеницына, Н.В. Ушакова и других авторов).

Ряд важных докладов, прозвучавших на Маклаевских чтениях, не был оформлен в соответствующие статьи для сборника по разным причинам, в том числе и потому, что за прошедшее время авторы успели опубликовать их в других изданиях. Перечислю эти доклады: Е.В. Иванова «Семанги в Южном Таиланде на рубеже XX–XXI вв.» (2007), «Конференция “Тайские исследования” в Бангкоке, 2008» (2008); О.Ю. Артемова «Экспедиция в Кейп-Йорк (Австралия)» с демонстрацией фильма (2007); С.Е. Яхонтов «Австралийские языки и сравнительное языкознание» (2007); М.А. Родионов «Малайско-йеменские связи» (2008); С.В. Банит «Индонезийская женская литература» (2008); В.А. Попов «Макроистория, микрокультурология и наноантропология в Болонском процессе: к перспективам этнографического изучения Ну-

сантары» (2008); А.К. Касаткина «Иллюстративные коллекции Отдела по Индонезии и Филиппинам» (2008); М.В. Станюкович «Символика украшений, музыкальных инструментов и жевания бетеля в эпосе ифугао» (2008).

Внимательный читатель сразу обратит внимание на обилие статей по австралийской тематике. И это не случайно. Научная общественность в 2007 г. отмечала 200-летие со времени установления дипломатических связей между Россией и Австралией. На Маклаевских чтениях были заслушаны и обсуждены несколько докладов по Австралии, в основном исторического характера. В дополнение к этому 13 апреля 2009 г. в рамках Маклаевских чтений в Кунсткамере прошла специальная конференция, посвященная 20-летию установления дружественных связей между Санкт-Петербургом и Мельбурном. Организаторами конференции были А.Я. Массов и П.Л. Белков. На конференции присутствовал Почетный консул Австралии в Санкт-Петербурге господин Себастьян К. Фицлайон. Его приветствие участникам конференции представлено в сборнике. Кроме австраловедов и океанистов, работающих в Музее антропологии и этнографии, в конференции приняли участие австраловеды из других научных и учебных учреждений. Австралийская конференция, хотя и проведенная в рамках Маклаевских чтений, все-таки представляла собой самостоятельное мероприятие. Поэтому для создания цельного впечатления о ней статьи, написанные по материалам этой конференции, выделены в особый раздел под названием «Австралия и Россия».

Как правило, на каждом Маклаевских чтениях ученые делились своими впечатлениями от поездок в изучаемые страны. В 2007 г. о встрече с аборигенами Австралии рассказала О.Ю. Артемова (Москва), в 2008 г. о посещении Австралии — А.Я. Массов — участник всех Маклаевских чтений, стоявший у истоков этих научных конференций. М.В. Станюкович неоднократно делилась своими впечатлениями о поездках к различным филиппинским народам, прежде всего населяющим горные районы этой страны.

Круг участников ежегодных Маклаевских чтений, которые существуют уже более 25 лет, с одной стороны, остается постоянным, в чем может убедиться каждый, кто захочет ознакомиться со всей серией публикаций их материалов, с другой стороны, все время обновляется, появляются новые авторы, а среди них — молодое поколение ученых. Неизменным остается само существование конференции, образующей своеобразный перекресток культур, где каждый год встречаются иссле-

дователи для обсуждения интересных и острых проблем этнографии, истории и культуры народов бассейна Тихого океана и многих других стран и континентов.

За время подготовки сборника к печати мы потеряли двух замечательных ученых — Александра Михайловича Решетова (1.08.1932–29.05.2009) и Инну Наумовну Соломоник (Москва) (7.08.1932–14.07.2009). Они были не только коллегами, постоянными авторами как Маклаевских сборников, так и других научных публикаций, издаваемых отделом Австралии, Океании и Индонезии, но и очень близкими друзьями в течение многих десятков лет. В данном сборнике представлены последние работы А.М. Решетова и И.Н. Соломоник. Я была одним из составителей, ответственных редакторов и авторов предисловия к сборнику, посвященному 75-летию А.М. Решетова (вместе с Е.В. Ивановой) [Иванова, Ревуненкова 2007: 3–13]. В том же соавторстве был написан и некролог А.М. Решетову [Ревуненкова, Иванова 2010: 218–220]. В сборнике по материалам Кюнеровских чтений, посвященных памяти А.М. Решетова, имеется моя статья-воспоминание об ученом [Ревуненкова 2010]. К этим публикациям я отсылаю заинтересованных читателей. В данном сборнике представлена статья, посвященная памяти Инны Наумовны Соломоник — глубокому и тонкому исследователю, человеку большого душевного благородства и высокой порядочности, с которым я долгие годы была связана как профессиональными интересами, так и доверительными, дружескими отношениями.

Считаю своим долгом поблагодарить нескольких человек, без которых это издание не вышло бы в свет. Арина Александровна Лебедева проделала большую работу по подготовке рукописи к печати, оперативно связывалась с авторами, в том числе из других городов, быстро и четко вносила необходимые исправления и авторские указания. Екатерина Борисовна Толмачева, как и во всех предыдущих изданиях отдела Австралии, Океании и Индонезии, проявила свои высокие профессиональные качества в подготовке иллюстраций. Я очень признательна рецензентам сборника — Игорю Юрьевичу Котину и Марии Александровне Болдыревой, которые, несмотря на чрезвычайную занятость, внимательно прочитали сборник, сделали ценные замечания и дали доброжелательные отзывы. И, конечно же, я очень благодарна редакторам издательства — Марине Александровне Ильиной и Татьяне Владимировне Никифоровой, а также всем работникам издательского отдела, которые вложили свой труд в оформление сборника, за доброжелательное отношение, проникновение в суть статей, способность в значительной

степени улучшить авторский текст, ни в малейшей степени не нарушая замысла и интонации автора. Очень надеюсь, что наше совместное творчество будет продолжаться и дальше.

***

Иванова Е.В., Ревуненкова Е.В. Предисловие [А.М. Решетов] // Проблемы общей и региональной этнографии: сборник в честь 75-летия А.М. Решетова. СПб., 2007.

Ревуненкова Е.В., Иванова Е.В. Александр Михайлович Решетов (1932–2009) // Восток (Oriens). № 3.

Ревуненкова Е.В. Александр Михайлович Решетов в экспедиции // Кюнеровские чтения. СПб., 2010 (в печати).

НОВОЕ О Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ

А.Я. Массов

Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ И КОНТР-АДМИРАЛ Н.В. КОПЫТОВ

Исследователям жизни и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая хорошо известно, что к 1883 г. у русского ученого созрели планы по учреждению на Берегу Маклая в Новой Гвинее русского протектората. Одна из главных целей вмешательства России в новогвинейские дела, по мысли Н.Н. Миклухо-Маклая, состояла в том, чтобы с помощью протектората России избавить папуасов Берега Маклая от колониального закабаления Англией и Германией. Для того чтобы сделать идею участия России в колониальном разделе Океании более привлекательной для русских правящих кругов, Н.Н. Миклухо-Маклай в октябре и ноябре 1882 г. дважды встречался с императором Александром III и поставил вопрос о возможности создания на Новой Гвинее русской военно-морской базы. Эта база должна была не только стать опорным пунктом России в южной части Тихого океана, но и положить начало формированию Россией собственной сферы влияния в Океании. Александр III, как известно, идеей заинтересовался, и в итоге было решено направить к берегам Новой Гвинее русский корвет «Скобелев» с задачей присмотреть удобную гавань для создания военно-морской станции. В этом плавании принял участие командующий отрядом русских судов в Тихом океане контр-адмирал Н.В. Копытов. Планировалось, что в экспедиции «Скобелева» будет участвовать и Н.Н. Миклухо-Маклай, который еще в декабре 1882 г. выехал из Петербурга в Австралию. В связи с этим корвету было предписано в конце марта 1883 г.

зайти в Сидней, чтобы принять на борт русского путешественника. В феврале 1883 г., когда «Скобелев», направляясь к берегам Новой Гвинеи, сделал остановку в Батавии, в этот порт на английском пассажирском корабле «Чибаасса» прибыл Н.Н. Миклухо-Маклай. Ученый направлялся в Австралию и к этому времени еще не успел добраться до Сиднея. Н.Н. Миклухо-Маклай поднялся на борт «Скобелева», и русский корабль, отказавшись от ставшего ненужным захода в Австралию, направился прямо к Новой Гвинее. Плавание «Скобелева» в новогвинейских водах проходило в феврале–марте 1883 г. [подробнее см.: Вальская 1972; 1982; Тумаркин 1977].

В Российском государственном архиве Военно-морского флота в фонде Н.В. Копытова хранятся интересные и, насколько известно, еще не в полной мере изученные документы, относящиеся ко времени этого плавания. Речь идет о письмах адмирала к его жене Софье [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Частично и с купюрами опубликовано в: Вальская 1982: 88–92]. Эти письма носят частный характер, они адресованы близкому человеку, поэтому весьма откровенны и, судя по всему, вполне правдивы. Письма Н.В. Копытова показывают эволюцию отношения к Н.Н. Миклухо-Маклаю царского адмирала, а также позволяют несколько иначе взглянуть на результаты плавания «Скобелева» и судьбу проекта создания на Новой Гвинее русской военно-морской базы.

По своему воспитанию и воззрениям адмирал Копытов был типичным военным и с традиционным для военных людей подозрением относился к чуждым ему по происхождению и социальному статусу «господам интеллигентам». Более чем настроенно, если не сказать негативно, он воспринял известие о неожиданном появлении в Батавии на борту вверенного ему корвета Н.Н. Миклухо-Маклая. «Я бы предпочел его не видеть», — пишет он жене 11 (23) февраля 1883 г. «Житель между дикарями, — иронизирует адмирал, — оказался гораздо более взыскательным... для него военные суда не довольно удобны». Но «я все-таки не одного вольного (имеется в виду штатского. — А.М.) человека привел к порядку. Ссориться мы, конечно, будем, но меня удручить нелегко, и турусы на колесах я не буду слушать, развеся уши» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 27 об.].

Однако быстро и, видимо, во многом неожиданно для самого Н.В. Копытова его отношение к Н.Н. Миклухо-Маклаю кардинально изменилось. В следующем письме к жене от 15 (27) февраля Н.В. Копытов опять заявляет, правда, уже скорее по инерции, что хотя для цели экспедиции корвета «Скобелев» появление на борту русского путешественни-

ка весьма полезно, но «для меня же лично, верно... лишний случай к неудовольствиям». Однако в этом же письме несколькими строками ниже адмирал вынужден признать: «Он (Н.Н. Миклухо-Маклай. — *А.М.*)... сам по себе человек чрезвычайно интересный, проделавший вещи, почти невозможные во время его жизни с дикарями... по всем углам Тихого океана. Слушать рассказы его о приключениях доставляет много удовольствия, и часто не верится, чтобы такой маленький и слабейший человек мог бы делать такие дела» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 28 об., 29]. Чем же этот тщедушный «штафирка», как презрительно называли штатских людей военные в XIX в., сумел вызвать уважение у грозного морского волка? Прежде всего своей ученостью и обаянием. «Он говорит на 12 языках, — продолжает Н.В. Копытов рассказ о Н.Н. Миклухо-Маклае своей жене, — и субъект не только образованный, но и ученый. В России, Англии, Франции, Германии он познакомился и даже в некоторых случаях подружился со всеми современными знаменитостями... Думая найти дикаря, убежавшего от людей на Новую Гвинею, я встретил человека, у которого теперь учусь светскости и общности. Кого он не знает и с кем он не друг! В здешних колониях различных государств он приятель со всеми генерал-губернаторами, вице-королями и махараджами туземцев. ...До сих пор я ничего, кроме отличного, ...про него сказать не могу. Весьма строгий нравственности, серьезных правил и вообще во всех отношениях выдающийся человек». В заключение этого письма, как бы не веря самому себе, Н.В. Копытов, правда, опять высказывает сомнения: «Говорят, он бывал неуживчив, вот почему я думаю, что мы будем ссориться». «Но, может быть, и обойдется», — ставит оптимистическую точку адмирал [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 29].

Оптимизм этот оказался не напрасным. Н.Н. Миклухо-Маклай и адмирал Копытов в итоге отлично поладили. «Проводить с ним время мне доставляет большое развлечение», — пишет он жене в письме от 10 (22) марта. И тут же отмечает: «Такого рода русские исследователи и путешественники, если бы их было побольше, были бы весьма полезны» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 48 об.]. В знак своих дружеских чувств Н.В. Копытов подарил Н.Н. Миклухо-Маклаю свою фотографию с надписью: «На память. Н. Копытов. Скобелев 1883» [Миклухо-Маклай 1996: 320]. Переписка между русским путешественником и адмиралом продолжалось некоторое время и после завершения плавания «Скобелева» на Новую Гвинею. Н.Н. Миклухо-Маклай даже предпринял попытку привлечь Н.В. Копытова в качестве союзника в борьбе за создание русской сферы влияния в Океании. В письме адмиралу от 29–30 сентября

(11–12 октября) 1883 г. из Сиднея он делится со своим корреспондентом планами по установлению русского протектората над Новой Гвинеей и высказывает сожаление по поводу вялой тихоокеанской политики России, которая не спешит подключиться к колониальному разделу Океании. «Жаль, однако ж, будет, *очень и очень* жаль, если Россия упустит время заявить свое *положительное желание занять* (т.е. пока дать один только “*протекторат*”) одну из групп островов Тихого океана» [Там же: 336].

В этом письме Н.Н. Миклухо-Маклай также рассказывает Н.В. Копытову о настойчивом желании австралийских колоний добиться присоединения к владениям Британской империи не только не занятой Нидерландами восточной половины Новой Гвинеи, но и всех других островов южной части Тихого океана, которые еще не аннексированы европейскими державами. С этой целью предполагается созыв специальной конференции, на которой представители всех английских колоний в Австралии потребуют от имперского правительства выполнения своих требований. «Эта конференция, — пишет Н.Н. Миклухо-Маклай, — будет также знаменательна для Австралии как первый или один из первых шагов к *соединению колоний*... Рост колоний подвигается действительно замечательно быстро, и Австралийские Соединенные Штаты — дело не особенно далекого будущего» [Там же]. Это предвидение русского ученого и путешественника оказалось удивительно точным. Объединительные процессы, важным шагом на пути развития которых стала межколониальная конференция 1883 г., завершатся в 1901 г. образованием Австралийского Союза в качестве доминиона Британской империи.

В письмах к жене Н.В. Копытов отмечает исключительно дружеское отношение туземцев Новой Гвинеи к Н.Н. Миклухо-Маклаю и, как следствие, к русским морякам. «Несмотря на пятилетнее отсутствие Маклая, — пишет адмирал в письме от 6 (18) марта 1883 г., — туземцы его тотчас узнали... С нами все время очень любезничали» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 41]. «При моем выходе на берег они старались все быть сколь можно приветливы, повели в свои деревни и предоставили рассматривать все их домашние устройства. Затем потчевали кокосами, которые срывались при нас с огромного дерева» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23, 41 об.]. Русские моряки передали папуасам в подарок закупленных заранее по просьбе Н.Н. Миклухо-Маклая корову, быка, трех коз и козла. Русский путешественник, как подчеркивает Н.В. Копытов «много расхваливал их нравственность и обычаи» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 41]. Однако на самого адмирала и жители Новой

Гвинеи, и их образ жизни произвели крайне негативное, отталкивающее впечатление. Достаточно подробно описывая увиденное в письме к жене, адмирал обнаруживает типичные для большинства европейцев того времени расистские взгляды и утверждает, что у папуасов «от обезьян разница весьма невелика» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 41]. Впечатление это, однако, лишь усилило уважение Н.В. Копытова к Н.Н. Миклухо-Маклаю. «Видя здешних людей и условия их жизни, — читаем рассуждения адмирала, — нельзя не любоваться и не удивляться предприимчивости и характеру Маклая, прожившему так долго между ними и желающему опять тут же поселиться» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 42].

В своем рапорте в Петербург управляющему морским министерством И.А. Шестакову из Манилы от 3 (15) апреля 1883 г., в котором Н.В. Копытов рассказывает об итогах плавания «Скобелева» в новогвинейских водах, адмирал достаточно тепло для официального документа отзываясь о помощи Н.Н. Миклухо-Маклая. «Во время посещения островов, — пишет он, — равно как и в продолжение всего плавания, я пользовался весьма существенными услугами и содействиями г. Миклухо Маклай (так в подлиннике. — *А.М.*)... в чем я ему очень обязан. Его знание местных языков чрезвычайно облегчило наши сношения с дикарями» [РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4155. Л. 42].

Знакомство с письмами Н.В. Копытова жене в связи с миссией «Скобелева» и пребыванием на его борту Н.Н. Миклухо-Маклая ставят перед исследователями еще одну задачу. Из писем становится ясно, что, занимаясь поисками подходящей бухты для организации военно-морской базы, русским морякам удалось обнаружить, по крайней мере, несколько мест, пригодных для этой цели. «Офицеры, делающие съемку, только и докладывают о рейдах один другого лучше» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 45 об.]. Об одном из них Копытов пишет жене более подробно: «Я нашел великолепный рейд... Он во всех отношениях производит наилучшее впечатление, и потому его находка составила для меня чрезвычайную радость» [РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 44]. Почему же тогда в официальном рапорте морскому министру И.А. Шестакову Н.В. Копытов отрицательно отзывался о Береге Маклая как о возможном местоположении русской базы? «Ни один из посещенных мною пунктов..., — писал он в донесении 3 (15) апреля 1883 г., — не представляет вообще удобств для устройства на них угольных складов» или полноценной военной станции [РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4155. Л. 35 об.]. Почему адмирал так резко изменил оценку пригодности найденных им бухт и рейдов? Не кроется ли за этим стремление «угодить начальству»:

известно, что И.А. Шестаков был противником создания каких-либо русских военно-морских баз в южной части Тихого океана. Однако аргументированный ответ на этот вопрос, так же как и выяснение позиций различных представителей русской правящей элиты по вопросу участия России в колониальном разделе Океании, требует дальнейших научных изысканий.

***

Вальская Б.А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г. // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 13. С. 7–40.

Вальская Б.А. Плавание Н.Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г. // Страны и народы Востока. М., 1982. Вып. 24. С. 65–94.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1996. Т. 5.

РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. 12. Оп. 2. Д. 23.

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4155.

Тумаркин Д.Д. Папуасский Союз (из истории борьбы Н.Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи) // Расы и народы. М., 1977. Вып. 7. С. 103–127.

**К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В АРХИВАХ РГО И АН СССР**

Научное наследие выдающегося российского ученого и путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая огромно и разнообразно, оно имеет большое значение для развития многих гуманитарных и естественных наук [Миклухо-Маклай 1923; Путилов 1980; 1981; Станюкович 1978; Тумаркин 1999: 553–673]. Еще при жизни, 13 декабря 1886 г., он передал в дар Императорской Академии наук часть своей этнографической коллекции, другая часть со временем поступила в Императорское Русское географическое общество (ИРГО), а оттуда в 1891 г. была передана в Императорскую Академию наук. Ныне этнографическое собрание Н.Н. Миклухо-Маклая хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Научные труды и рукописи ученого вошли в состав Архива Императорского Русского географического общества (ИРГО). Барон Н. Каульбарс по поручению ИРГО составил опись бумаг, переданных наследниками Н.Н. Миклухо-Маклая названному обществу. К сожалению, эта опись оказалась, как впоследствии выяснилось, далеко не полной. Следует отметить, что еще при жизни Николая Николаевича дневники его путешествий практически были подготовлены к печати, а потому 13 мая 1889 г. Совет ИРГО принял решение о подготовке издания его трудов. Однако время шло, а издание сочинений великого ученого и путешественника, «скромного, самоотверженного фанатика науки Николая Николаевича Миклухо-Маклая» не появлялось. Сейчас трудно сказать, почему при активной издательской деятельности ИРГО постановление Совета общества оставалось невыполненным. Скорее всего, это произошло потому, что не нашлось энтузиаста, который бы выполнил оставшуюся часть работы по подготовке рукописей дневников Н.Н. Миклухо-Маклая непосредственно к печати. Н.А. Янчук еще в 1913 г. попытался по материалам «Известий ИРГО» восстановить ход дальнейший событий.

В 1885 г. ИРГО возвращается к своему решению об издании трудов Н.Н. Миклухо-Маклая и заключает договорные отношения с выдающимся ученым, почетным академиком Императорской Академии наук, профессором Императорского Московского университета Д.Н. Анучиным по вопросу о «приготовлении к печати посмертного издания на-

учных результатов путешествия Н.Н. Миклухо-Маклая». Причем в протоколе было специально отмечено, что «в Бозе почивший император Александр III изволил приказать объявить Совету Обществу, что все расходы по изданию трудов русского путешественника и ученого Н.Н. Миклухо-Маклая изволят принять на себя». Тогда же, как считает Н.А. Янчук, некоторые рукописи, по-видимому, были переданы Обществом в Москву Д.Н. Анучину на рассмотрение, но в 1898 г. они были востребованы Обществом обратно в Санкт-Петербург по просьбе брата покойного путешественника Михаила Николаевича Миклухо-Маклая, собиравшегося написать его биографию. О состоянии дел на 1913 г. не было никакой ясности [Янчук 1913: 10–11]

Не беря на себя обязанности выяснять, когда и при каких обстоятельствах рукописный архив из ИРГО вновь был переправлен в Москву, отмечу только, что благодаря целенаправленной и упорной деятельности Д.Н. Анучину в конце концов удалось подготовить к печати два тома «Путешествий» Н.Н. Миклухо-Маклая, хотя они, тем не менее, по разным причинам до революции не увидели свет. Как считают некоторые ученые, осуществить издание тогда не удалось из-за пассивности и косности руководства Географического общества [От редакции 1950: VII]. Только в 1923 г., уже после смерти Д.Н. Анучина, в Москве вышел в свет первый том «Путешествий» Н.Н. Миклухо-Маклая, второй же так и остался неизданным.

Как представляется, в 20-е гг. XX в. Географическое общество прежде всего решало проблемы выживаемости, и его руководству было не до выяснения судьбы и возвращения архива Н.Н. Миклухо-Маклая, взятого в Москву Д.Н. Анучиным. Однако, как оказалось, в Ленинграде у младшего брата Николая Николаевича — Михаила Николаевича Миклухо-Маклая — еще сохранялись научные материалы Николая Николаевича, не переданные в свое время в архив ИРГО и, вероятно, хранившиеся у его матери и у самого Михаила Николаевича.

В 1927 г. дочь последнего, Серафима Михайловна, решила передать все семейные реликвии в Музей антропологии и этнографии АН СССР, где они спокойно лежали забытыми вплоть до 1931 г. После избрания в 1930 г. директором Музея известного этнографа, фольклориста и организатора науки Н.М. Маторина резко возрос уровень научно-исследовательской деятельности в этом учреждении, в частности были разобраны архивы, хранившиеся в региональных и проблемных отделах Музея. Таким образом, они становились доступными для использования их в научных целях. Очевидно, только в 1931 г. в залах отдела Австралии и Океании Музея антропологии и этнографии

АН СССР были обнаружены ранее переданные туда племянницей Николая Николаевича материалы ее знаменитого родственника [Подробнее об этом см.: Лебедева 2007: 321–333]. Как свидетельствуют документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, обнаруженные буквально днями раньше в отделе Австралии и Океании МАЭ, они поступили в этот архив 30 сентября 1931 г. и составили личный фонд Н.Н. Миклухо-Маклая под № 143 [Архив АН СССР 1933: 160]¹. Фонд состоит из двух описей: опись 1 (62 дела) — рукописные материалы, письма, личные документы; среди рукописных материалов оказались к тому времени уже опубликованные (1855–1925); опись 2 — печатные работы (43 дела) (1873–1886), увидевшие свет в основном еще при жизни автора. Факт поступления именно всех этих материалов подтверждается запиской инспектора Архива АН А. Черникова от 23 мая 1938 г.²

Как можно предполагать с большой долей вероятности, обнаружение в МАЭ архивных материалов Н.Н. Миклухо-Маклая и передача их в Архив АН СССР вызвали интерес в дирекции МАЭ и у специалистов — сотрудников МАЭ к судьбе той части архива Н.Н. Миклухо-Маклая, которая еще в дореволюционный период была вывезена Д.Н. Анучиным в Москву. Так, в письме от 25 декабря 1932 г. ленинградского этнографа А.Г. Данилина, работавшего в одной команде под руководством Н.М. Маторина, можно найти поручение московскому этнографу и лингвисту-тюркологу Н.А. Баскакову: «Зайти проф[ессору] Бунаку (антрополог), ул. Фрунзе, 4, кв. 6 (угол Моховой), и узнать о судьбе архива Миклухо-Маклая, который после смерти Д.Н. Анучина был в Антропологическом Музее(Ин[ститу]те), где работал Бунак. Я писал ему об этом, теперь тщетно жду ответа. Дома бывает до 9¹/₂ утра и вечером после 6-ти»³. Сейчас трудно со всей определенностью сказать, какими мотивами руководствовались дирекция МАЭ и его сотрудники, упорно пытаясь узнать о судьбе московской части архива Н.Н. Миклухо-Маклая и надеясь вернуть его в Ленинград. Прежде всего неясно, способствовали ли они его возвращению в ВГО или хотели разместить его среди других маклаевских научных материалов и документов, незадолго до того переданных из МАЭ, в Архиве АН СССР. Нельзя исключать и такого повода, как стремление иметь их для подготовки к изданию. Работавшие в те

---

¹ До переезда Президиума АН СССР в 1934 г. в Москву Архив АН СССР находился только в Ленинграде.

² Благодарю сотрудников Санкт-Петербургского архива РАН за эту справку.

³ Текст письма А.Г. Данилина хранится в его личном архиве, владелицей которого является его дочь, Лидия Андреевна Данилина, живущая в настоящее время в Голландии. Благодарю Л.А. Данилину за предоставленную возможность ознакомиться с архивом ее отца и опубликовать данный фрагмент его письма.

годы в МАЭ в отделе Австралии и Океании И.Н. Винников и А.Б. Пиотровский могли бы тогда достойно выполнить эту миссию.

В 30-е гг. XX в. значительно активизировался интерес к московским материалам Н.Н. Миклухо-Маклая и у руководства ВГО. Как представляется, здесь основную роль вдохновителя действий по возвращению научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая на прежнее место играл выдающийся ученый, биолог и генетик, президент Всесоюзного географического общества академик Н.И. Вавилов⁴. Активно проявляли себя почетный председатель Общества Ю.М. Шокальский и академик И.Ю. Крачковский. Исполнителем выступал заведующий архивом ВГО Е.И. Глейбер, который неоднократно безуспешно ездил с этой целью в Москву. В этой ситуации Совет Государственного географического общества, заседавший 28 марта 1938 г. под председательством Н.И. Вавилова, обратился в Совет народных комиссаров СССР и Народный комиссариат просвещения РСФСР с просьбой утвердить план мероприятий по проведению 50-летия со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая⁵. Уже 7 апреля 1937 г. Н.И. Вавилов сообщил Совету общества о состоявшемся постановлении Совнаркома СССР относительно ознаменования 50-летия со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая. В постановлении Правительства СССР об увековечении памяти выдающегося ученого и путешественника предусматривался обширный план мероприятий, в частности установка памятника, проведение ряда юбилейных заседаний, организация специальных выставок. Одним из пунктов значилось издание собрания его сочинений.

В июне–июле 1938 г. Е.И. Глейбер вновь провел в архивах и библиотеках Москвы разыскания, опираясь на постановление Совнаркома СССР. На этот раз поиски дали результаты. Оказалось, что к этому времени материалы Н.Н. Миклухо-Маклая уже хранились в научной библиотеке МГУ им. М. Горького, библиотеке Института географии и Кабинете физической географии почвенно-географического факультета МГУ. Часть их уже вошла в ряд московских архивов: феодальной и крепостнической эпохи, внешней политики, Государственного исторического музея, Библиотеки им. В.И. Ленина. Из учреждений МГУ они и были возвращены в Ленинград, в Архив ГГО под названием «Миклухо-Маклай Николай Николаевич (фонд 6)» [Русские географы... 1971: 86–89]⁶. В советское

⁴ Академик Н.И. Вавилов был президентом Географического общества в 1931–1940 гг.

⁵ Подробнее о развитии событий см.: [Хроника работы Государственного географического общества... 1939: 306–308].

⁶ На странице 89 указывается, что «фонд принят от Д.С. Миклухо-Маклая и С.М. Миклухо-Маклай в 1938 г.».

время было принято неукоснительно выполнять постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, указания лидера партии и государства И.В. Сталина. Это хорошо понимали многие деятели Общества, прежде всего президент ГГО академик Н.И. Вавилов. А архиве ГГО материалы Н.Н. Миклухо-Маклая, полученные из Москвы, после спешной ударной обработки составили в нем фонд № 6, где зафиксировано 349 единиц хранения (дел), охватывавших период 1853–1938 гг. [Русские географы... 1971: 89].

Итак, в 1938 г. в Ленинграде сосредоточились практически все архивные материалы Н.Н. Миклухо-Маклая: в Архиве АН СССР и Архиве ГГО⁷. Они стали широко использоваться в процессе подготовки юбилейных мероприятий, связанных с 50-летием со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая. В частности, его новогвинейские дневники были переданы в Институт этнографии АН СССР, где они были использованы для тщательной сверки текста подлинников и текста, опубликованного в 1923 г. Д.Н. Анучиным [Значение исследований... 1940: 10]. За короткий срок сотрудниками отдела Австралии и Океании Института этнографии АН СССР (он тогда находился в Ленинграде) И.Н. Винниковым и А.Б. Пиотровским были подготовлены и в 1940–1941 гг. опубликованы два тома «Путешествий» Н.Н. Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай 1940; 1941]. ГГО опубликовало архивные материалы в специальном выпуске «Известий ГГО» [Дневники, письма... 1939: 217–305].

В 1938 г. В Ленинграде прошли специальные юбилейные заседания и памятные выставки. ГГО организовало выставку архивных материалов о Н.Н. Миклухо-Маклае и представило карту маршрутов его путешествий [Жамойда 1996: 1112]. 14 апреля 1938 г. В Музее антропологии и этнографии, входившем тогда в состав Института этнографии АН СССР, на галерее зала Индии состоялось торжественное открытие выставки из собраний Н.Н. Миклухо-Маклая [Выставка... 1939], на котором с речами выступали И.Н. Винников, академики В.В. Струве и Н.И. Вавилов, член-корреспондент Л.С. Берг [Жамойда 1996: 1112]. На следующий день, 15 апреля, в Географическом обществе прошло торжественное заседание, посвященное той же знаменательной дате. Вступительное слово произнес академик Н.И. Вавилов, было зачитано письмо почетного академика Ю.М. Шокальского, лично знавшего Н.Н. Миклухо-Маклая. С основным докладом выступил член-корреспондент АН СССР Л.С. Берг.

---

⁷ Ради скрупулезной точности следует отметить, что в примечании к описаниям фонда Н.Н. Миклухо-Маклая, хранящимся в ГГО, отмечается: «Часть материалов Н.Н. Миклухо-Маклая хранится в Л[енинградском] О[тделении] А[рхива] АН СССР и в других архивах страны [Русские географы... 1971: 86].

Обращает на себя особое внимание активность на обоих заседаниях Н.И. Вавилова, каждый раз подчеркивавшего важность научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая для современности. Он говорил: «Ныне, в обостренных социальных отношениях XX века, когда основным принципом фашистских государств стала так называемая “расовая теория”, разграничивающая народы на низшие и высшие в целях порабощения первых, подвиг Николая Николаевича Миклухо-Маклая приобретает особое значение. Как никто из географов, изучавших быт и характер народов Юго-Восточной Азии и Океании, этой вероятной прародины человечества, Миклухо-Маклай показал весь вздор и нелепость предрассудков и понятий о “высших” и “низших” расах. Как естествоиспытатель, глубоко проникший в изучение первобытных людей, он ясно показал единство человеческого рода» [Вступительное слово... 1939: 8].

Член-корреспондент РАН А.И. Жамойда, бывший тогда школьником и деятельным участником научного кружка при МАЭ, вспоминает на основании своих дневниковых записей того времени, что академик Н.И. Вавилов много и убедительно рассуждал о необходимости изучения наследия Н.Н. Миклухо-Маклая [Жамойда 1996: 1112–1113]. Он с негодованием громко и ясно говорил о том, что в изданной в Германии книге, посвященной истории изучения Новой Гвинеи, нет ни слова о заслугах Н.Н. Миклухо-Маклая в комплексном изучении этого далекого региона. «Н.И. Вавилов спросил присутствующих: почему так получилось? И сам же ответил в том смысле, что и сами мы во многом виноваты, так как плохо демонстрируем наши достижения, до сих пор не изданы дневники и другие труды нашего выдающегося соотечественника. Эти слова мне хорошо запомнились» [Жамойда 1996: 1112]. Можно предполагать, что в такой ситуации он считал этот аргумент одним из важных для организации памятных мероприятий, сыгравших, в частности, как представляется, свою роль в возвращении архива Н.Н. Миклухо-Маклая из Москвы в Ленинград. Нельзя исключать, что он же лежал в обосновании Докладной записки Президиума АН СССР и ГГО в Совет народных комиссаров СССР, по которой и было принято вышеупомянутое решение о проведении юбилейных мероприятий, посвященных 50-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая. Для заявленной темы оно важно тем, что в целях его выполнения архив великого русского ученого и путешественника, наконец, навсегда вернулся из первопрестольной в культурную столицу страны и занял положенное ему место в Архиве Русского географического общества.

Архив АН СССР. Обзорение архивных материалов (Труды Архива АН СССР. Вып. 1). Л., 1933.

Вступительное слово президента Государственного географического общества акад. Н.И. Вавилова // Известия ГГО. 1939. № 1–2.

Выставка к 50-летию со дня смерти великого русского путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая (1888–1938). Путеводитель / сост. А.Б. Пиотровский; под ред. И.Н. Винникова. М.; Л., 1939.

Дневники, письма и другие материалы из архива Н.Н. Миклухо-Маклая // Известия ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1–2.

Жамойда А.И. Странички из школьной тетради // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 12.

Значение исследований Н.Н. Миклухо-Маклая для этнографической науки // Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. М.; Л., 1940. Т. I.

Лебедева А.А. Материалы и документы, хранящиеся в отделе Австралии, Океании и Индонезии // Культура и быт австронезийских народов. Сб. МАЭ. СПб., 2007. Т. LIII.

Миклухо-Маклай Николай Николаевич (фонд 6) // Русские географы и путешественники. Фонды архива Географического общества. Л., 1971.

Миклухо-Маклай Н. Путешествия. Т. I / вступ. ст. [и под ред.] Д.Н. Анучина. М., 1923.

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия / подгот. к печати И.Н. Винникова и А.Б. Пиотровского; отв. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1940. Т. 1: Океания и Новая Гвинея; М.; Л., 1941. Т. 2: Океания, Индонезия.

От редакции // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: в 5 т. М.; Л., 1950. Т. 1: Дневники путешествий. 1870–1872.

Путилов Б.Н. Н.Н. Миклухо-Маклай: путешественник, ученый, гуманист. М., 1980.

Путилов Б.Н. Н.Н. Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981.

Русские географы и путешественники. Фонды архива Географического общества. Л., 1971.

Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.

Тумаркин Д.Д. Н.Н. Миклухо-Маклай. Биографический очерк // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: в 6 т. М., 1999. Т. 6. Ч. 1.

Хроника работы Государственного географического общества и Академии наук СССР в связи с ознаменованием памяти Н.Н. Миклухо-Маклая // Известия ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1–2..

Янчук Н.А. Николай Николаевич Миклухо-Маклай и его ученые труды. К 25-летию его кончины (1846–1888). СПб., 1913.

**М.А. ЧАПЛИЦКАЯ И ЕЕ СТАТЬЯ
«ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ»**

Готовя к печати по просьбе известных польских этнографов и историков науки А. Кучиньского и З. Ясевича письма М.А. Чаплицкой к Л.Я. Штернбергу, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, я заинтересовался личностью этой исследовательницы, к сожалению, малоизвестной в нашей этнографической науке. М.А. Чаплицкая внесла определенный вклад в историю изучения народов Сибири. В 1914–1915 гг. она совершила экспедицию, получившую название Енисейской. Ее перу принадлежит ряд трудов по этнографии коренных сибирских народов, вызывающих интерес ученого сообщества вплоть до нашего времени. Ее первая монография «Aboriginal Siberia», изданная в Оксфорде в 1941 г., была переиздана там же в 1965 г. В 1999 г. был издан сборник ее избранных трудов [Czaplicka 1999]. Естественно, у меня появился интерес к личности М.А. Чаплицкой.

В библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН я обнаружил ряд ее работ, явно прежде принадлежавших российским ученым, в частности лично Л.Я. Штернбергу и Г.М. Василевич. Здесь же я обнаружил и ее статью о жизни и деятельности великого русского ученого и путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая, опубликованную в 1914 г. в английском журнале «Man», которая и является предметом настоящего сообщения. Но сначала немного о личности и судьбе М.А. Чаплицкой. К сожалению, поиски литературы о ней оказались нелегким делом. Благодаря счастливому стечению обстоятельств мне удалось получить о ней некоторое представление. В современной Польше, к счастью, уделяется большое внимание воссозданию истории отечественной науки, в том числе появились статьи о М.А. Чаплицкой, сослужившие мне хорошую службу при написании первого раздела статьи [Kubica Grazyna 1999: 47–51; Токарская-Бакир 2007: 62–68].

Жизнь М.А. Чаплицкой была коротка, судьба поистине трагична, а потому наверняка вызовет у читателя чувство сострадания. Мария Антонина (Антуанетта) Чаплицкая родилась 25 октября 1884 г. в Варшаве, где окончила гимназию, а затем стала обучаться под руководством известного педагога и психолога Анны Щиц учительской профессии. В 1905–1906 гг. она с семьей жила в Либаве (Латвия), там занималась в

Николаевской гимназии и успешно сдала экзамены на звание учителя. В 1906–1909 гг., работая секретаршей, изучала географию и естествознание в Обществе научных курсов, где среди ее учителей были известные тогда географ, педагог и публицист Вацлав Налковский и физик и просветитель Станислав Калиновский. Она хорошо владела русским языком и проявляла интерес к трудам российских ученых. Особо ее увлекала этнография, знакомство с культурой поляков и других народов. С этой целью в 1909 г. она посетила Ченстоховскую выставку и позднее побывала во Львове. В 1910 г. на средства стипендиатской кассы имени польского врача и общественного деятеля Бронислава Каспера Мянковского Мария Антонина Чаплицкая отправилась для продолжения учебы в Англию, где занималась под руководством этнолога Ч.Г. Селигмана в Лондонской школе экономики. Первоначально ее зачислили в женской Бэлфорд-колледж Лондонского университета, в Самервилл-колледж в Оксфорде. Как отмечают польские исследователи, это было единственное место, где «терпели» девушек. В Оксфорде существовало правило, запрещавшее лицам женского пола ходить по газонам и лужайкам: они должны были ходить только по дорожкам, посыпанным гравием.

Однако некоторые преподаватели не обращали внимания на ограничения такого рода и поддерживали девушек, которые целенаправленно стремились получить высшее образование. К числу таких профессоров относился известный английский антрополог и религиовед Роберт Ранильф Маретт (1866–1943), многое сделавший для развития этнографии в Оксфорде. Он стал покровителем и руководителем прибывшей из Польши российской студентки Марии Антонины Чаплицкой, которая произвела на него благоприятное впечатление. Между ними сложились весьма доверительные отношения. По ее рекомендации ее соотечественник Бронислав Малиновский стал секретарем Р.Р. Маретта. Более того, можно с уверенностью говорить о том, что английский профессор на всех этапах жизни М.А. Чаплицкой в Англии поддерживал ее, ценил ее трудолюбие и творческие достижения, а после ее кончины посвятил ей некролог [Marett 1921]. Под его руководством в 1912 г. она получила докторскую степень по антропологии. С большой долей вероятности можно предполагать, что именно по его рекомендации она стала собирать материал по народам Сибири и в начале 1913 г. закончила монографию «*Aboriginal Siberia. A study of social anthropology*», вышедшую в свет в 1914 г. в Оксфорде с предисловием Маретта. Конечно, этот труд М.А. Чаплицкой не отличался оригинальностью, а был в значительной мере компилятивным, как, впрочем, и книга Б. Малиновского об австралийских аборигенах, но обе эти англоязычные монографии представля-

ли довольно полные сводки материалов по соответствующим темам, и к ним можно было обращаться как к добротным справочным изданиям. Работы М.А. Чаплицкой и Б. Малиновского заполняли определенную нишу в британской этнографической литературе, т.е. таким образом выполняли свою роль, а их авторы по праву были удостоены докторских степеней.

В 1912 г. в жизни М.А. Чаплицкой произошло еще одно важное событие, оказавшее, как представляется, определенное влияние на направление ее научной деятельности. 27 мая 1912 г. в Лондоне открылся XVIII Международный конгресс американистов, в котором приняли участие российские ученые Л.Я. Штернберг и В.И. Иохельсон. Первый выступил на нем с докладом «Турано-ганованская система и народы Северо-Восточной Азии», второй — с докладом «Алеутский язык и его отношение к эскимосским диалектам». Очевидно, во время конгресса состоялось знакомство М.А. Чаплицкой с российскими делегатами. 5 июня 1912 г. она пишет на английском языке записку Л.Я. Штернбергу следующего содержания: «Антропологическое собрание в четверг является открытым, и Вы не нуждаетесь ни в каких билетах. Оно будет проводиться в Университетском музее в 8.30. Не будете ли Вы так любезны информировать об этом своего спутника. Я очень надеюсь, что встречу Вас там. М.А. Чаплицкая» [ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 308. Л. 1]. Пожалуй, это было первое письменное обращение М.А. Чаплицкой к Л.Я. Штернбергу (последний тщательно сохранял адресованную ему корреспонденцию), но после внимательного знакомства с текстом письма можно со всей определенностью сказать, что они уже встречались, познакомились, беседовали и она надеется на встречу с ним. Это вполне естественно: ведь одна из задач конференций и конгрессов — знакомство коллег по интересам. Л.Я. Штернберг и В.И. Иохельсон были в то время известными учеными-сибиреводами, имевшими большой опыт общения с изучаемыми ими народами. М.А. Чаплицкая в то время уже работала над своей книгой об инородческой Сибири, а потому была заинтересована во встречах и беседах с российскими этнографами.

Знакомство М.А. Чаплицкой, Л.Я. Штернберга и В.И. Иохельсона положило начало переписке между ними. К сожалению, сохранились только письма М.А. Чаплицкой к Л.Я. Штернбергу. Основная их часть хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, она насчитывает 25 листов (страниц писем и конверты) и охватывает период 1912–1916 гг. [ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 308]. Недавно в папке входящих материалов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1916 г. мною при помощи сотрудницы Архива О.В. Иодко были обна-

ружены еще два письма на трех листах [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 127, 127 об., 127 а, 135, 135 об.]. Судя по отсутствию упоминания об этих письмах М.А. Чаплицкой к Л.Я. Штернбергу в известных мне польских работах, в том числе у Г. Кубики и И. Токарской-Бакир, польской научной общественности они до сих пор не известны. В настоящее время мною ведется работа по подготовке к печати и комментированию этих писем, представляющих значительных интерес для более полного понимания важных моментов жизни и деятельности М.А. Чаплицкой в 1912–1916 гг., ее плодотворных связей с представителями этнографической науки в Санкт-Петербурге и Москве. К сожалению, не удалось обнаружить писем М.А. Чаплицкой к В.И. Иохельсону, хотя тщательные поиски проводились в Архиве востоковедов (Институт восточных рукописей РАН, бывший Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения) и Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Однако из писем М.А. Чаплицкой к Л.Я. Штернбергу мы знаем об их существовании.

1912 и первая половина 1914 гг. были заняты М.А. Чаплицкой работами по завершению монографии «Aboriginal Siberia» и подготовкой к экспедиции в Сибирь. Во всех вопросах она имела полную поддержку российских ученых: от них посылались в Англию необходимые ей этнографические публикации и советы. В мае 1913 г. М.А. Чаплицкая по пути в Сибирь останавливалась в Санкт-Петербурге и Москве, где встречалась с Л.Я. Штернбергом, В.И. Иохельсоном, Д.Н. Анучиным, В.В. Богдановым, В.Н. Харузиной и другими коллегами. В 1914–1915 гг. она вместе с членами экспедиции работала в приенисейских районах. Экспедиция сначала поднялась на пароходе по Енисею вплоть до его устья, а затем уже самостоятельно начала движение в обратном направлении. В России она узнала о начале Первой мировой войны. Английская пресса с большим интересом следила за ходом сибирской поездки М.А. Чаплицкой, авторитетные газеты выходили под сенсационными заголовками: «Дама возглавляет ученых. Первобытная жизнь в Сибири. Экспедиция с целью изучения неизвестных рас» («Дейли кроникл», 22 мая 1914 г.), «Неустрашимая исследовательница. Три тысячи миль на санях по Сибири. Первая белая женщина, которую увидели туземцы» («Дейли кроникл», 8 сентября 1915 г.), «Женщина из Оксфорда в Сибири. Туземцы ничего не слышали о мировой войне» («Ивнинг ньюс», 8 сентября 1915 г.). Журнал «Atheneum», издававшийся Р.Р. Мареттом, писал с восхищением: «Неслыханное дело, чтобы молодая женщина со столь скромным материальным оснащением предприняла зимнее путешествие протяженностью во много тысяч миль, да еще в страшной ди-

кой глуши на территории между долинами Енисея и Лены, не имея возможности рассчитывать там ни на что хорошее, кроме гостеприимства туземцев» [Токарская-Бакир 2007: 66].

М.А. Чаплицкая и ее спутник, американский антрополог Г. Холл, с уважением относились к туземцам, могли есть их пищу, спать в их жилищах, а при необходимости лечить их простейшими лекарствами, которые они провезли с собой. Такие доверительные отношения позволяли членам экспедиции собирать необходимые для будущей научной работы антропологические и этнографические материалы, в том числе вещественные коллекции для английского и американского музеев. В письмах, адресованных Л.Я. Штернбергу, М.А. Чаплицкая постоянно интересовалась реакцией российской научной общественности на ее книгу «Aboriginal Siberia», просила фиксировать все появляющиеся отклики. Большой радостью для нее явилось сообщение о рецензии В.И. Иохельсона, опубликованной в конце 1915 г. в журнале отделения этнографии Императорского Русского географического общества «Живая старина» [Иохельсон 1915].

После возвращения из экспедиции в Англию осенью 1915 г. у М.А. Чаплицкой были грандиозные планы. Она хотела написать две книги по результатам работы среди аборигенов Сибири, но в 1916 г. в Лондоне издает только одну — «My Siberian Year». В 1918 г. в Оксфорде выходит ее монография «The Turks of Central Asia». Она печатается в журнале «Folk-lore», сотрудничает с таким престижным изданием, как «Encyclopedia of Religion and Ethnics». В 1916 г. М.А. Чаплицкая ведет весьма активную переписку с Л.Я. Штернбергом, который по ее заказам высылал ей необходимую для исследования этнографическую и антропологическую литературу на русском языке. Ее глубоко заинтересовали проблемы Сибири. В изданном в Лондоне сборнике статей «The Soul of Russia» в 1916 г. она опубликовала проблемную статью «The Siberian Colonist or Sibiriak». В 1916–1918 гг. активно развилась ее преподавательская деятельность в Оксфордском университете. В 1920 г. она получила разовую стипендию Мэрчисона, которая тогда считалась высокой наградой в области географических открытий. В том же году за достигнутые научные успехи М.А. Чаплицкая была избрана действительным членом Королевского географического общества. Казалось, ее положение приобрело стабильность. Но еще в 1919 г. в письме Б. Малиновскому она с горечью и тревогой писала о своем будущем: «На следующий год, т.е. осенью, человек, место которого я заняла на время войны, вернется, мне что-нибудь предложат, видимо, лекции и т[ому] п[одобное], но в материальном выражении это будет так мало, что при всем уважении Ок-

сфорда ко мне и моем к Оксфорду мы, возможно, расстанемся» [цит. по: Токарская-Бакир 2007: 67]. Предполагался контракт с Колумбийским университетом в США, но дело ограничилось поездкой туда на рубеже 1919–1920 гг., во время которой она прочитала там лишь несколько лекций. Осенью 1920 г. появилась перспектива получить годовой контракт на факультете анатомии Бристольского университета в Великобритании. Однако продлить договор не удалось. Душевные силы М.А. Чаплицкой были истощены, и в порыве отчаяния она приняла сильную дозу лекарств. Скончалась эта мужественная женщина 27 мая 1921 г. в Бристоле. В смерти она решила найти выход из жизненного тупика.

Творческое наследие Марии Антонины Чаплицкой в последние годы, особенно в Польше, привлекает к себе все больше внимания. Ведутся поиски ее дневников и неопубликованных материалов. Но, к сожалению, и среди опубликованных ее работ есть прочно забытые публикации. К их числу следует отнести ее статью биобиблиографического характера о выдающемся русском ученом и путешественнике Николае Николаевиче Миклухо-Маклае [Czaplicka, 1914: 198–203]. Нет упоминания об этой статье в новейших работах отечественных ученых — Б.Н. Путилова [Путилов 1981: 213] и Д.Д. Тумаркина [Тумаркин 1999: 553–673] — о жизни и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая.

Немного об истории этой статьи. В 1913 г. российская научная общественность почтила память Н.Н. Миклухо-Маклая в связи с 25-й годовщиной со дня его кончины. В частности, в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1913 г. была опубликована статья одного из активных членов и деятелей Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете Н.А. Янчука, в том же году изданная в Санкт-Петербурге Сенатской типографией отдельной книгой с портретом путешественника и ученого [Янчук 1913]. Очевидно, уже тогда у М.А. Чаплицкой существовали более или менее тесные связи с российскими учеными, от которых она и получила экземпляр книги Н.А. Янчука о Н.Н. Миклухо-Маклае. С сообщения о выходе в России вышеназванного издания работы Н.А. Янчука, увидевшей свет по случаю четвертьвековой годовщины со дня кончины Н.Н. Миклухо-Маклая, и начинается рассматриваемая статья. В первом абзаце своей статьи М.А. Чаплицкая объясняет читателю, почему она считает необходимым поместить статью о неутомимом русском ученом и путешественнике в английском журнале. Во-первых, большинство регионов, которые посетил Н.Н. Миклухо-Маклай, находятся под британским правлением. Во-вторых, почти все его работы публиковались в различных изданиях на французском, немецком, ан-

глийском и в меньшей мере на русском языках, а потому они малоизвестны. Однако они, несомненно, представляют большую ценность для современных английских научных работников, а потому весьма целесообразно ознакомить английскую общественность с этой информацией. Очевидно, этими же соображениями руководствовался и президент Фольклорного общества, лектор по социальной антропологии Оксфордского университета Р.Р. Маретт, поместивший статью М.А. Чаплицкой в журнале «Man» в одном из номеров за 1914 г. Следует также отметить, что журнал «Man», издающийся Антропологическим институтом Великобритании и Ирландии с 1901 г., принадлежит к числу ведущих и авторитетных научных изданий страны. Поэтому публикация в нем статьи М.А. Чаплицкой о Н.Н. Миклухо-Маклае представляется значительным событием в плане пропаганды его научного наследия не только в Англии, но и во всем западном мире.

Свою задачу М.А. Чаплицкая видела в том, чтобы дать краткий обзор жизни и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая. Поэтому на первых страницах (с. 198–200) она сжато излагает содержание работы Н.А. Янчука. К сожалению, она оказалась незнакомой с термином «малоросс» (у Янчука: Миклухо-Маклай по национальности малоросс; у М.А. Чаплицкой: Miklukho-Maklay was Little Russian nationality). Она приводит основные биографические сведения: родился в 1846 г. в Новгородской губернии, обучался на юридическом факультете Петербургского университета, но, не закончив его, уехал в Германию. Там в Гейдельберге, Лейпциге и Йене изучал философию, медицину и естественные науки. Его интересовала жизнь организмов в естественных условиях. Свою мечту он впервые воплотил под руководством профессора Геккеля в 1866 г. во время экспедиции на Канарские острова, о. Мадеру и в Марокко. В следующем году он предпринял самостоятельную поездку к берегам Красного моря, где производил исследования в течение почти 18 месяцев. В 1869 г. Н.Н. Миклухо-Маклай представил Императорскому Русскому географическому обществу (у М.А. Чаплицкой — Петербургскому университету) план антропологических и зоологических исследований, рассчитанный на 8 лет, на самом деле длившийся 12 лет. Весной 1871 г. он стартовал на корабле «Витязь» в Тихий океан. На Новую Гвинею Николай Николаевич прибыл осенью того же года, посетив по пути и другие места. Оставаясь на острове с двумя спутниками, он договорился с капитаном о местах, где он спрячет материалы — результаты своих работ — в случае необходимости. Однако ему удалось преодолеть враждебность дикарей и даже установить с ними дружеские отношения. Он провел здесь 16 месяцев (этот берег получил название

Берега Маклая), он был первым европейцем, посетившим этот регион. В 1872 г. на русском корабле «Изумруд» Миклухо-Маклай отправился на Яву, где в течение трех месяцев изучал малайцев. В Батавии ему удалось опубликовать некоторые статьи о папуасах Новой Гвинеи, Малайе и австралийских племенах на голландском языке.

В 1874 г. Н.Н. Миклухо-Маклай предпринял вторую экспедицию на Новую Гвинею, на этот раз на юго-западное побережье острова. Местное население этого региона отнеслось к ученому исключительно враждебно, и он выдержал здесь всего два месяца. Результаты исследований опубликованы на немецком и английском языках. В 1875 г. он проводил исследования в Малакке. В 1876 г. Николай Николаевич предпринимает третью экспедицию на Новую Гвинею, на ее северный берег. Проведя здесь два удачных года, он в 1878 г. отправился в Батавию и Сингапур, Австралию. В 1879 г. ему удалось из Сиднея побывать на Новой Каледонии, Новых Гебридах, Соломоновых островах, островах Адмиралтейства. В заслугу ему М.А. Чаплицкой поставлен его протест против торговли местным населением как рабами.

В течение некоторого времени Николай Николаевич был увлечен проектами установления российского протектората в Тихом океане, он даже имел аудиенцию у царя, но его попытки не дали существенных результатов. Переехав в Австралию, он основал близ Сиднея биологическую станцию и женился на мисс Робертсон, дочери премьер-министра Нового Южного Уэльса. В 1887 г. Николай Николаевич вернулся с семьей в Россию с большими планами подготовки и издания своих трудов. Однако ему удалось подготовить только первый том, в следующем году он умер.

М.А. Чаплицкая с грустью отмечает, что, несмотря на то что после его кончины прошло 25 лет, его научное наследие остается неизученным. Жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая имеет не только научный, но и социально-психологический интерес. На эту заслугу ученого путешественника обратил внимание Л.Н. Толстой в своем письме к Миклухо-Маклаю по возвращению его в Россию: «Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом» [Янчук 1913: 32; Czaplicka 1914: 198].

Н.А. Янчук в своей книге о Н.Н. Миклухо-Маклае приводит сведения о публикации его работ непосредственно в тексте, увязывая их с определенными событиями в жизни ученого, четко следуя хронологическому принципу. Хотя список трудов Н.Н. Миклухо-Маклая неполный, но, как

справедливо отмечает М.А. Чаплицкая, ученые должны быть благодарны Янчуку за приведенный список работ на английском, французском, немецком и голландском языках. М.А. Чаплицкая, следуя хронологическому принципу, выводит список работ Н.Н. Миклухо-Маклая из текста и публикует его отдельно. В период 1866–1870 гг., согласно приводимому ею списку, Н.Н. Миклухо-Маклай опубликовал на западноевропейских языках 8 статей, в 1871–1876 гг. — 21, в 1877–1879 гг. — 17, в 1880–1884 гг. — 33. Итого за период 1866–1884 гг. учтено 79 наименований. Работы на русском языке, не вошедшие в приведенные списки, как отмечает М.А. Чаплицкая, публиковались в Санкт-Петербурге в «Известиях Императорского Русского географического общества», а также в других изданиях («Новое время», «Новости», «Голос», «Знание»). Списки работ Н.Н. Миклухо-Маклая занимают большую часть публикации М.А. Чаплицкой (с. 200–203).

Конечно, для зарубежного ученого читателя интересны сведения биографического характера о жизни, научной деятельности и исследовательских трудах Н.Н. Миклухо-Маклая, но не менее значимо библиографическое описание работ великого русского ученого и путешественника, разбросанных в самых различных научных периодических изданиях на основных западноевропейских языках. М.А. Чаплицкая не имела целью создать оригинальное исследование, ее работа в значительной мере носит компилятивно-реферативный характер, но это ни в коей мере не умаляет значения проделанной ею работы. Внимательно знакомясь со статьями, нельзя не заметить, что она отнюдь не ограничивается простым пересказом книги Янчука, но подходит творчески к изложению наиболее важных сведений из жизни и научной деятельности выдающегося российского ученого и путешественника, находит свои принципы изложения материалов, в частности библиографических сведений. Публикуя статью о Н.Н. Миклухо-Маклае к 25-летию со дня его кончины, она не только почтила его светлую память, но и — главное — познакомила с его биографией и трудами западноевропейский научный мир.

Выдающийся российский этнограф-сибиревед В.И. Иохельсон в своей вышеупомянутой рецензии на книгу М.А. Чаплицкой «Aboriginal Siberia» справедливо отмечал: «Книга Чаплицкой представляет собой компилятивную работу и является сводкой данных по религии и социологии сибирских инородцев на основании трудов, главным образом русских авторов, — трудов, написанных, за некоторыми исключениями, на русском языке... Главная заслуга Чаплицкой состоит в том, что она открыла английским антропологам малодоступные для них русские источники. Мы можем только пожелать ей успеха в ее намерении про-

должать сводку антропологических материалов о Сибири по отделам материальной культуры, соматологии и археологии» [Иохельсон 1915: 318, 321]. В известной мере эти слова мэтра можно отнести к оценке ее статьи о Н.Н. Миклухо-Маклае.

В 2009 г. отмечается 125 лет со дня рождения Марии Антонины Чаплицкой. И сегодня, отдавая дань уважения самоотверженной труженице науки, хочется особо отметить ее вклад в пропаганду достижений российской науки в Англии, шире — среди англоязычной научной аудитории.

***

Иохельсон В.И. (рец.) М.А. Czaplicka. Aboriginal Siberia, a Study in Social Anthropology (Инородческая Сибирь, исследования в области социальной антропологии). Oxford University Press, 1914. P. I–XIV, 1–374, 16 plates, 2 maps // Живая старина. Периодическое издание Императорского Русского географического общества. Год XXIV. Вып. III. 1915. Пг., 1916. С. 317–321.

Путтилов Б.Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 308.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 127, 127 об., 127 а, 135, 135 об.

Токарская-Бакир Иоанна. По газонам не ходить. Рассказ о Марии Чаплицкой, антропологе // Новая Польша. Варшава, 2007. № 11 (91). С. 62–68.

Тумаркин Д.Д. Николай Николаевич Миклухо-Маклай (биографический очерк) // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: в 6 т. М., 1999. Т. 6. Ч. 1. С. 553–673.

Янчук Н.А. Николай Николаевич Миклухо-Маклай и его ученые труды. К 25-летию его кончины (1846–1888). СПб., 1913.

Collected Works of M. A. Czaplicka. T. 1 / ed. D. Collins. Richmond, 1999.

Czaplicka M.A. Biography. The life and work of N.N. Miklukho-Maklay // Man. 1914. Vol. 14. № 12. P. 198–203.

Kubica Grazyna. Maria Antonina Czaplicka // Etnografowie i ludoznawcy polsky. Sylwetki, szkice biograficzne. T. II Wroctaw; Krakow, 1999. S. 47–51.

Marett R. M.A. Czaplicka // Man. 1921.

**О РОЛИ РИСУНКОВ И ПОЛЕВЫХ ЗАМЕТОК
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
В АТРИБУЦИИ ЭКСПОНАТОВ ЕГО КОЛЛЕКЦИИ**

Как известно, бóльшая часть этнографических предметов, собранных Н.Н. Миклухо-Маклаем за 15 лет путешествий по Тихоокеанскому региону, сегодня хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Петербурге. Согласно последнему «Каталогу этнографических коллекций» (далее: Каталог 1999 г.) ученого, изданному в 1999 г., его собрание в МАЭ насчитывает 757 экспонатов¹, еще 52 вещи не были обнаружены к этому году [Миклухо-Маклай 1999: 22–169, 170–176].

Мне уже приходилось писать о том, что по объективным причинам некоторые предметы в коллекциях Н.Н. Миклухо-Маклая имеют неверную атрибуцию, указанную им самим, а также ошибочные атрибуции, сделанные в Музее [Иванова 1997, 2000, 2006]. Продолжая эту тему, еще раз с удовлетворением отмечу, что для проверки атрибуций предметов, привезенных путешественником в Россию, первостепенную роль играют его полевые заметки, дневники, а также рисунки, часто с легендами, сделанные на месте приобретения вещей. Несомненно, они представляют для реатрибуции источники более ценные и важные, чем любые музейные аналоги, что, впрочем, не исключает поиска последних. В подтверждение сказанного рассмотрю ряд новых примеров по теме.

«Шапка из расщепленного бамбука» папуасов Берега Маклая
(колл. № 168-64)

В первом Каталоге коллекции, составленном самим путешественником в 1886 г. под п/№ 64 фигурирует: «Шапка из расщепленного бамбука, которая привязывается к волосам пляшущегося, а в верхнюю оконечность которой вставляется бамбук, футов 15 вышины, разукрашенный различными перьями» [Миклухо-Маклай 1886: 7].

При регистрации в 1898 г. экспонат получил в МАЭ колл. № 168-64/_{6а} (рис. 1). Он представлял собой конический колпак с отходящей от вершины бамбуковой трубкой. Изготовлен из ее нижней половины, рас-

---

¹ Всего Каталог 1999 г. включает 766 этнографических экспонатов собрания Н.Н. Миклухо-Маклая, но восемь из них хранятся в Музее У. Маклая Сиднейского университета (кат. № 63, 179, 180, 184, 205, 275, 366, 460) и еще один — в Русском географическом обществе (кат. № 581).

щепленной на 10 пластин, раздвинутых в виде конуса. Общая длина трубки с колпаком 75,5 см. Пластины крест-накрест привязаны мочалом к жесткому кольцу, в настоящее время сплюсненному. На каждой из пластин сохранились следы обмотки материалом растительного происхождения. В месте расщепления трубки оставлена перегородка — междоузлие бамбука, а снаружи надето кольцо, сплетенное из ротана.

Выше колпака трубка имеет две вертикальные противоположащие прорезы, длина одной из них — 38 см при ширине 2,3 см, длина другой — 36 см при ширине 3 см, $\varnothing$ верхней части трубки 5 см. В нее вставлен другой отрезок бамбукового ствола длиной 141,2 см и $\varnothing$ нижней части 2,4 см. По его верхнему краю вертикально размещены черные перья казуара, обмотанные полоской ротана. Высота перьев, выступающих из-под обмотки, ~ 12,5 см. Нижний конец вставной трубки снабжен прямоугольным вырезом длиной в 2,5 см при ширине в 1,2 см [Иванова 1999: 31, кат. № 34]. На поверхности обеих трубок, в их полость просверлены небольшие круглые отверстия. На предмете сохранилась надпись Ф.К. Руссова, принявшего его в 1886 г. коллекцию от Н.Н. Миклухо-Маклая одну из коллекций: «64/6».

Информация о предмете, содержащаяся в Каталоге 1886 г., крайне скудна, а сам предмет, несомненно, является всего лишь каркасом некоего головного убора, надеваемого «пляшущим», т.е. человеком на празднике.

Известно, что дневники, записные книжки и рисунки ученого освещают многие аспекты жизни и быта папуасов Берега Маклая в заливе Астролябия Новой Гвинеи. Собранные им материалы отражают и такое явление культуры папуасов, как праздник, которому всегда сопутствовали не только музыка, песня, пантомима, обильный пир и ритуальный обмен, но и раскраска, экзотические одеяния и украшения участников [Путилов 1980].

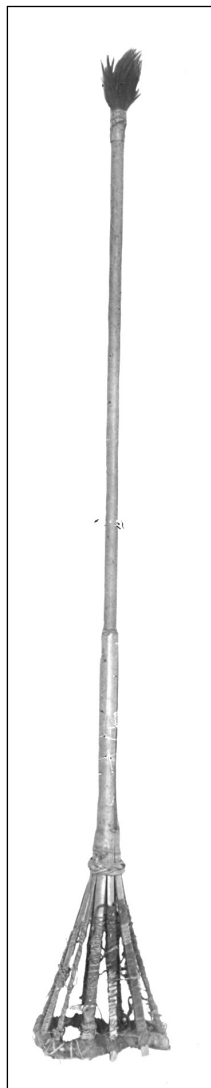

Рис. 1.
«Шапка» из расщепленного бамбука (Каркас наголовника сангин-оле). МАЭ, колл. № 168-64/6а

Отдельные факты, касающиеся праздников папуасов, вкраплены в общую ткань его дневников и записных книжек. Кроме того, сведения о них собраны в ряд компактных текстов, содержащих краткие, но яркие описания их проведения в деревнях Бонгу, Горенду и Гумбу залива Астролябия [Миклухо-Маклай 1993, т. 3: 55–56; 79–86; 117–122; 318–320, 323–325]. Помимо этого, Н.Н. Миклухо-Маклай сделал один акварельный и семь карандашных рисунков, связанных с праздниками папуасов и их атрибутами [Миклухо-Маклай 1993, т. 3: 84, 120, 121; 1999: 390; 1954: вторая–четвертая вклейки после с. 66]. Три из них он повторил позднее в акварельном варианте и большом формате.

Эти рисунки запечатлели танцоров — участников праздников *мун-коро-ром*, *сель-мун*, *мун-яд*. На одном из рисунков голову юноши украшает трехъярусный султан. Его нижний ярус состоит из черных перьев казуара, средний — из перьев какаду, а верхний — из перьев райской птицы. Они укреплены на эластичном стебле, колеблющемся «при каждом движении танцора». Н.Н. Миклухо-Маклай называет султан *сангин-омуль* и *сангин-оле*.

Путешественник подробно описывает одну из разновидностей такого убора: «Из трех сангин-оле самый высокий превышал три роста человека и был по крайней мере 5 м вышины. Для того чтобы держать эти громадные бамбуки на головах, бамбук на конце был корзинообразно расщеплен и во многих местах *привязан* к волосам» [Миклухо-Маклай 1993, т. 3: 119].

И дополняет в другом месте: «“Сангин-оле” состоит из бамбуков футов 15 вышиною (4 м 57 см. — *Л.И.*). На нем нанизано около 12 султанов из перьев казуара, из которых на длинных эластичных стеблях выходят в разные стороны белые петушиные перья. Весь бамбук обмотан красной материей, из-под которой выглядывают пестрые перья разных птиц. Чтобы удержать на головах эту махину, папуасы придумали специальную каску из расколотого бамбука, которая для большей устойчивости привязывается к пучку их волос. Для большей прочности над каской бамбук пробуравливается, в отверстия вставляется перекладина, так что танцор может придерживать убор руками» [Миклухо-Маклай 1993, т. 3: 324]. Эта последняя особенность зарисована Маклаем в одной из записных книжек (рис. 2) [ЗК 1876–1877, № 4. Л. 46 об./50]. Текст путешественника вместе с рисунком совпадает с особенностями конструкции нижней части предмета № 168-64/_{ба} и позволяет уточнить его атрибуцию.

Очевидно, данный экспонат есть не что иное, как каркас высокого наголовника *сангин-оле*. Маклай не уточняет, какое число бамбуковых трубок включали наверх «шапок» такого рода или эта конкретная.

У сангин-оле из МАЭ сохранились одна основная трубка, отходящая вверх от колпака, и одна вставная, увенчанная «короной» из перьев казуара, что определяет ее как самую верхнюю. Прорезь на ее нижнем конце не стыкуется с прорезями наверху первой трубки, и можно думать, что между ними существовали другие вставные части. Об этом свидетельствует и надпись Ф.К. Руссова на предмете «64/», где индекс «6» означал шесть деталей каркаса, существовавших еще в конце XIX в. Налицо, между тем, только две из них, и, очевидно, в XX столетии была утрачена его центральная часть, состоявшая из четырех трубок. Вполне возможно, недостающие бамбуковые детали находятся среди неатрибутированных экспонатов Музея.

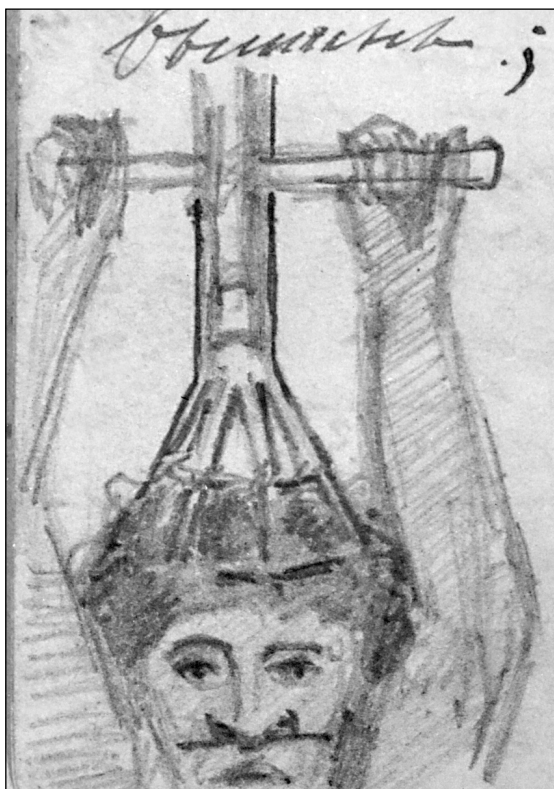

Рис. 2. Способ удержания «шапки» на голове.
 Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая из ЗК 1876–1877, № 4. Л. 46 об./50.
 Архив ИЭА РАН. К-1. Оп. 1. Ед. хр. 1

Рис. 3. Тансор с сангин-оле на голове.
Дер. Бонгу. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая. Архив РГО, шифр неизвестен

Многочисленные перьевые аксессуары, воткнутые в просверленные в трубках отверстия, естественно, не сохранились за многие годы транспортировки в упакованном состоянии. Остается пожалеть, что до нас дошел только фрагмент голого остова этого оригинального и, судя по рисунку собирателя, не лишённого изысканности головного убора (рис. 3).

Итак, в данном случае тексты и рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая дополнили информацию о предмете, содержащуюся в Каталоге 1886 г., и позволили уточнить его атрибуцию в качестве каркаса танцевального головного убора сангин-оле, а также установить его назначение и способ ношения.

Фаллокрипт *мана* «с островов Ниниго» (колл. № 168-152)

Следующий пример относится к числу ошибочных атрибуций. Предмет с порядковым номером 159 отсутствует в Каталоге 1886 г. Впервые он появляется в дополнительном списке Е.Л. Петри 1898 г.: «159. Мешечек из растительных волокон с о-ва Ниниго» [Инвентарный список № 168. Л. 21]. Тогда же колл. № «168¹⁵⁹» был поставлен ею на авторской этикетке Н.Н. Миклухо-Маклая: «*ОС^{ва} Ниниго. | (футляр для glans | penis) | 18 $\frac{15}{17}$ 76*», т.е. фаллокрипт с о-ва Ниниго. Очевидно, он был идентифицирован с неким плетеным мешочком. Однако фаллокрипты-мешочки ни в этом регионе [Решетов 1997: 70–90], ни вообще в Океании неизвестны. Кроме того, мешочек с колл. № 168-159 до сих пор не обнаружен, и в последнем издании Маклаевской коллекции он числится среди отсутствующих предметов [Соболева 1999: 174, кат. № 0.33].

По-видимому, приведенная этикетка относилась к единственному фаллокрипту из раздела «С ос-в Ниниго» в Каталоге 1886 г. под номером: «152. Образец *единственной* одежды мужчин». В первом экземпляре Каталога 1886² рядом с порядковым номером — поме-

² Имеется в виду один из трех экземпляров печатного Каталога 1886 г., хранящихся в Архиве МАЭ. Его шифр — Ф. К-V. Оп. 1. № 321. Об иерархии экземпляров см.: [Иванова 1999: 20; 2006: 105 и примеч. 2 и 12 на с. 117, 118].

та Ф.К. Руссова: «NB », означающая и важность предмета, и его отсутствие [Миклухо-Маклай 1886: 12]. Отсутствует № «152» и среди временных номерных этикеток Ф.К. Руссова [Инвентарный список № 168. Л. 15–19]. Все это означает, что в 1886 г. фаллокрипт с островов Ниниго в Музей не поступал.

Тем не менее в противоположность мешочку, начленник с колл. № 168-152 и атрибуцией Каталога 1886 г. сегодня в наличии. С этой же атрибуцией он был включен в 1898 г. в Инвентарный список № 168, затем, в 1930-е гг., — в рукописную Опись № 168 А.Б. Пиотровского, далее без иллюстрации — в Каталог коллекций Н.Н. Миклухо-Маклая 1940–1941 гг.: «109. (№ 168-152). Футляр для penis'a — раковина *Ovula ovum*» в разделе «О-ва Ниниго» [Пиотровский 1941: 272, кат. № 109]. Впервые с фотографией и той же атрибуцией вещь была издана в последнем собрании сочинений путешественника [Соболева 1999: 130, кат. № 518].

Фаллокрипт № 168-152 представляет собой раковину моллюска *Ovula ovum* овальной формы с выпуклой спинкой и уплощенным брюшком, продольная щель которого рукотворно расширена. На спинке раковины — гравированный орнамент в виде продольных широких лент, между которыми размещены треугольники и широкие зигзаги. Внутри контуров лент, треугольников и зигзагов нанесена углубленная разнонаправленная «штриховка», образующая ромбическую сетку (рис. 4, 1, 2).

Материал, форма, расширенное устье, гравированный метод орнаментации, система орнаментики в виде широких продольных полос с фигурами между ними, ромбическая сетка внутри всех контуров весьма близки другому фаллокрипту (№ 168-136) из коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая с островов Адмиралтейства (рис. 5, 1). Случайно ли это? Думаю, что нет.

Углубленная ромбическая сетка внутри геометрических фигур и лент, нанесенная на предметы № 168-152 и № 168-136, характерна для многих видов изделий, созданных обитателями островов Адмиралтейства из раковин морских моллюсков. Ромбической сеткой покрыты треугольники, идущие по окружности лицевой стороны кап-кап'ов из тридакны; пояски и треугольники с такой же сеткой нанесены на поверхность палочек из того же материала, втыкавшихся в отверстие носовой перегородки; лицевая сторона браслетов из трохуса украшена тонкой сетчатой гравировкой внутри геометрических фигур; наконец, полоса подобных же фигур вырезана на спинке ножа из раковины моллюска пинктада [Миклухо-Маклай 1999: илл. к кат. № 393, 385, 386, 398–400, 445]. И это только на предметах коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая.

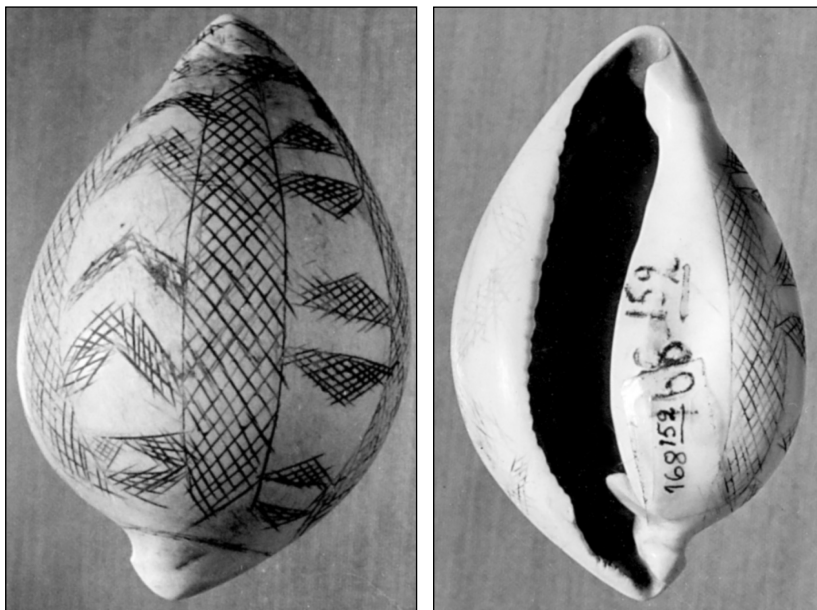

Рис. 4, 1, 2. Фаллокрипт *мана* из раковины моллюска *Ovula ovum* (совр. *Bulla ovum*) со спинки и брюшка. Длина 7,5 см. МАЭ, колл. № 168-152.

1 — вид раковины со спинки; 2 — вид со стороны брюшка

Аналогичные геометрические фигуры с ромбической сеткой можно видеть и на предметах тех же категорий в других коллекциях с островов Адмиралтейства. Например, в собрании Альфреда Бюлера из Музея народоведения Базеля, сравнительно недавно опубликованном Сильвией Онемус [Ohnemus 1996: Abb. 35, 36 a, 50, 69, 284, 318], или в коллекции с острова Манюс³ Лудвига Коена из Музея в Бремене [Heintze, Ohnemus 1997: 29, 31].

Об орнаменте на изделиях архаических обществ как показателе этнической и культурной близости их создателей написано немало, и я отсылаю к обзору литературы на эту тему [Иванова 2000: 104, примеч. 26]. Судя по всей совокупности изложенного, наличие ромбической сетки внутри контуров фигур на фаллокрипте № 168-152 не просто вызывает сомнения в происхождении предмета с о-вов Ниниго, населенных микронезийцами, а прямо указывает на его принадлежность меланезийцам островов Адмиралтейства.

³ Главный остров архипелага, у нас называемый островом Адмиралтейства.

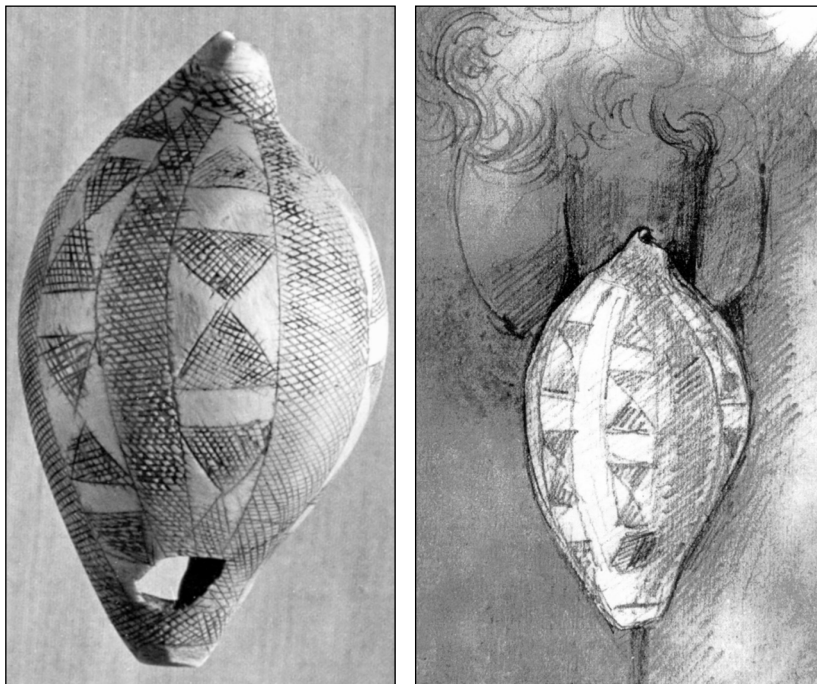

Рис. 5, 1, 2. Фаллокрипт *мана* из раковины моллюска *Ovula ovum*.
 1 — длина 8,5 см. МАЭ, колл. № 168-136; 2 — фаллокрипт *мана* на пенисе.
 Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая. Архив РГО, шифр неизвестен

Но, несомненно, важнейшая роль в решении вопроса о происхождении предмета — Ниниго / Адмиралтейства — принадлежит текстам и рисункам Н.Н. Миклухо-Маклая. Касаясь фаллокриптов из раковин на острове Адмиралтейства, он записал 29 мая 1876 г.: «Довольно замечателен был костюм <...>. У многих конец *penis*'а был защемен в узкое отверстие *Ovula ovum*⁴. <...> Когда туземцы переменяют костюм, т.е. заменяют “мана” (туземное название *Ovula ovum*) поясом из тапы, то они надевают ее часто на ухо или вкладывают ее в небольшой мешочек, носимый на шее. <...> Я пожелал приобрести для своей этнологической коллекции несколько

⁴ Здесь восстановлено авторское название раковины «*Ovula ovum*», замененное в порядке редактирования и соответствия современной малакологии на «*Bulla ovum*» [Миклухо-Маклай 1993, т. 2: 109 и примеч. 15 на с. 475]. Подобная правка едва ли оправданна, хотя бы потому, что возникают несоответствия подлинных текстов путешественника с их публикацией, а это затрудняет сопоставление его изданных сочинений с его же этикетками и пометами на рисунках.

экземпляров раковины, послужившей для этой цели, отчасти ради орнамента, который был вырезан на ней, отчасти чтобы удостовериться, что узкое отверстие ее расширено» [Миклухо-Маклай 1993, т. 2: 109]. И далее следует замечание, существенное для атрибуции одного из рисунков путешественника: «...туземцы могут испускать мочу, не снимая раковины, чего я сам был свидетелем и для чего *сделано небольшое отверстие в круглой стенке Ovula ovum*» [Миклухо-Маклай 1993, т. 2: 109] (курсив везде мой. — Л.И.). Впрочем, как показывают аналогичные предметы из Музея народоведения в Базеле, наличие последнего необязательно.

Итак, текст Маклая содержит данные о существовании на острове Адмиралтейства фаллокриптов из раковин, способах их ношения и хранения на ухе или в мешочке, о наличии отверстия в стенке раковины для мочеиспускания и (!) о желании приобрести для коллекции нескольких экземпляров такой «одежды».

Кроме текстов, сохранились его рисунки, сделанные на месте и касающиеся непосредственно предметов с № 168-152 и 168-136. Так, о происхождении предмета № 168-152 с островов Адмиралтейства свидетельствует одна из полевых графических работ Н.Н. Миклухо-Маклая. Это погрудный портрет мужчины, голова которого развернута в профиль, а торс — в три четверти (рис. 6). Изображение запечатлело многочисленные аксессуары — гребень, воткнутый на темени в зачесанные назад и собранные на затылке волосы, где они упрятаны в «футляр»; полукольцо в носовой перегородке; браслет на правом плече; шнурок на шее и орнаментированная раковина, надетая на левое ухо. Автор передал скарификацию на лбу, виске, под левым глазом и на левом плече. Рядом с изображениями отдельных деталей написаны их местные названия, например, круг на лбу — «мандаламай», закрывающая ухо раковина — «мана». В правом верхнем углу: «Ноан | (Митилау) | талай» [АРГО. Ф. 6. Оп. 3. № 41, 213–4]. Орнаменты раковин на рисунке и экспонате № 168-152 весьма близки и свидетельствуют о едином месте создания рисунка и приобретения предмета.

В последнем издании сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая изображение имеет подрисовочную подпись: «Ноан, житель о. Адмиралтейства, с характерной прической». Однако подпись, содержащая атрибуцию рисунка, принадлежит издателям [Миклухо-Маклай 1993, т. 2: 104].

Но изображению мужчины по имени Ноан определенно соответствует текст Н.Н. Миклухо-Маклая, датированный 1 июня 1876 г.: «Рисуя портрет одного из туземцев, с красивым римским носом, которого горб, однако, не был достаточно велик, чтобы отличить его обладателя

Рис. 6. Ноан с фаллокриптом *мана* на ухе. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая.
Архив РГО. Ф. 6. Оп. 3. № 41, 213-4

от прочих туземцев, я заметил пять кругов, состоящих из лучеобразно расположенных шрамов мм 3 длины. Они были симметрично распределены: один над переносицею, по одному на висках и под глазами. <...> туземцы, принимавшие большое участие в движениях моего карандаша, называли мне каждую фигуру татуировки особенным именем и показывали ее, если такая имелась, также у себя на лице. Круг над переносицею оказался почти у всех, почему часто повторенное имя его “мандаламай” осталось у меня в памяти. Кроме пяти кругов, у рисуемого объекта нашлись по четыре ряда мелких шрамов, расходящихся веерообразно от угла глаз на виски и скулы» [Миклухо-Маклай 1993, т. 2: 117–118]. Правильность атрибуции рисунка издателями подтверждают, таким образом, полевые записи путешественника, сделанные во время пребывания на островах Адмиралтейства.

Существенно сопоставить фаллокрипт на ухе Ноан с экспонатом № 168-152, происходящим якобы с островов Ниниго. Фаллокрипт на рисунке и фаллокрипт № 168-152 имеют весьма схожую, хотя и не тож-

дественную композицию орнаментов. Однако степень их сходства на рисунке и на предмете такова, что позволяет определить адмиралтейское происхождение вещи. Вероятно, предмет с № 168-152 относится к числу тех нескольких раковин-фаллокриптов с Адмиралтейских островов, о желании приобрести которые писал путешественник.

Музейные аналоги фаллокрипту № 168-152 имеются в собраниях А. Бюлера и Л. Коена. Узоры предмета из МАЭ вполне укладываются в варианты орнаментальных схем с сетчатой штриховкой внутри фигур на фаллокриптах этих коллекций [Ohnemus 1996: Abb. 122; Heintze, Ohnemus 1997: 31]. Примечательно и совпадение его названия — «манна» — на рисунке Н.Н. Миклухо-Маклая с более поздними данными А. Бюлера 1931–1932 гг. и Г. Неверманна, приведенными С. Онемус [Ohnemus 1996: 107]. Таким образом, разнообразные источники — в первую очередь рисунки и тексты Н.Н. Миклухо-Маклая, а также аналоги в других собраниях позволяют установить истинное происхождение фаллокрипта № 168-152 с островов Адмиралтейства.

Поскольку оба обсуждаемых экспоната (колл. № 168-152 и № 168-136) МАЭ происходят с островов Адмиралтейства, это может означать, что в фондах Музея, вероятно, хранится неидентифицированный начленник с островов Ниниго из коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая. Правда, не исключен и другой вариант — при составлении Каталога ученый за давностью лет ошибочно включил в текст раздела «С островов Ниниго» отсутствующий в коллекции фаллокрипт.

Завершая рассмотрение изделий этой категории, должна остановиться на рисунке Н.Н. Миклухо-Маклая, опубликованном в последнем издании его сочинений [Миклухо-Маклай 1999: 432, нижний]. Рисунок хранится в Архиве РГО, к сожалению, его архивный номер неизвестен (рис. 5, 2). В подрисуючную подпись к нему, данную издателями: «Фаллокрипт из раковины. О-ва Ниниго», вкралась опечатка. Читать следует: «О-ва Адмиралтейства», так как по всем параметрам фаллокрипт на рисунке является «портретом» экспоната № 168-136 с островов Адмиралтейства из коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая. Несмотря на то что он заменил ромбическую сетку косой штриховкой, но весьма точно передал форму пробитого в стенке отверстия и самую систему орнаментации. Такую же форму отверстия для мочеиспускания и схему расположения фигур имеет и фаллокрипт № 168-136 (рис. 5, 1).

Так, экспонат № 168-136, хранящийся в МАЭ, позволяет (пусть задним числом) заметить опечатку в издании, поскольку особенности его орнамента и «конструкции», здесь представленные, не оставляют со-

мнений в создании рисунка Маклаем именно на острове/островах Адмиралтейства.

«Хаджа» — копьё из Новой Гвинеи с колл. № 168-43 или с № 738-3?

Предмет с порядковым номером 43 в Каталоге 1886 г. — ««Хаджа» или копьё из твердого тяжелого дерева» с Берега Маклая [Миклухо-Маклай 1886: 6] — не имеет ни знака приема, ни текстовой этикетки собирателя, ни номерной — Ф.К. Руссова. Тем не менее копьё появилось в Инвентарном списке № 168 с атрибуцией, указанной Н.Н. Миклухо-Маклаем в его Каталоге.

В Каталоге 1999 г. оно фигурирует под п/№ 101: «Копьё (*хаджа*), цельное, деревянное, круглое в сечении. Резной зигзаг в верхней трети копьё. На другом конце из древка вырезано концевое копьёцо (д. 25 см)». Размеры копьё: «д. 273,5 см Ø 2,5 см» (рис. 7) [Соболева 1999: 47, кат. № 101].

Одна из записных книжек путешественника содержит рисунки, относящиеся к копьё *хаджа* [ЗК 1876–1877, № 4. Л. 80/82]. На развороте книжки представлены четыре наиболее характерные детали предмета с пометами (рис. 8). Вдоль нижнего края ЗК зарисовано острие с центральным желобком и едва намеченной резьбой на переходе в древко. Пометы: «*острие*» и число «12,5» [см], означающее, очевидно, длину. Левее — нижний конец копьё с двумя группами выпуклых поясков и пометами: «*бибурру*», «250 *М^м*», что можно понимать как название нижнего конца предмета и его длину — 25 см.

В центре листа ЗК в натуральную величину изображена рельефная резьба на переходе древка в острие. Она показана в двух ракурсах, отличающихся углом поворота в 45°. Резная часть выделена на древке двумя выпуклыми горизонтальными поясками, расстояние между которыми указано в помете «950» [мм]. Характерная особенность резьбы — два выпуклых «глаза» на каждом повороте копьё, что предполагает наличие на предмете четырех «глаз». Длинные зигзагообразные линии рельефа под ними воспринимаются как клювы/пасти/тела. Два слабовыпуклых треугольника с косой штриховкой на гранях вырезаны на древке под нижним пояском и, возможно, изображают хвосты. Сочетание четырех «глаз» и двух «хвостов» говорит о двух зооморфных персонажах, размещенных на границе древка и наконечника. Число «1.72» [м] очевидно соответствует общей длине предмета, отрезок прямой со словом «толщина» и числом «28 *М^м*» означает толщину копьё в этом месте, овально, а не круглого в сечении.

Авторская помета в правом верхнем углу страницы: «*Копье Богатим | (Хаджа–Яя.)*» сообщает название деревни — «Богатим» на Берегу Маклая и название самого предмета — «хаджа–яя».

Сравнение рисунка с копьем № 168-43 показывает отсутствие всякого сходства между ними и главное — отсутствие резьбы на переходе к древку, а значит, идентификация экспоната № 168-43 с копьем *хаджа* неверна.

Между тем в Маклаевской коллекции № 738 существует копье с п/№ 3, рельефная резьба которого весьма схожа с той, что изображена на рисунке в ЗК 1876–1877, № 4. В Каталоге 1999 г. оно фигурирует под п/№ 103 с описанием Е.С. Соболевой, указавшей аналог предмета в собрании Лайоша (Людвига) Биро из Музея в Будапеште. Этот аналог происходит из той же деревни Богатим / «Богадым», что и копье на рисунке Н.Н. Миклухо-Маклая [Соболева 1999: 47, кат. № 103].

Первое, что впечатляет при сравнении перехода острия в древко на рисунке и копье № 738-3 (рис. 8, 9), — это стилистическая близость резьбы, выполненной методом убранного фона, при которой значимые детали выступают из углубленного фона, рельефны валики вокруг выпуклых «зрачков», рельефны зигзаги, символически передающие детали тел/клювов/голов. Их объединяет также наличие именно четырех глаз.

Все это в целом предполагает если не руку одного мастера, то одну «школу», одну художественную традицию, одно место изготовления, в данном случае — деревню Богатим, указанную ученым в помете на рисунке. Тем не менее необходимо отметить и некоторые различия деталей: на предмете нет двух треугольных «хвостов»; валики, передающие глаза, и рельефные зрачки скорее подпрямоугольны, тогда как на рисунке они, безусловно, овальные; выпуклые зигзаги «двухъярусны». На музейном предмете резьба воспринимается как изображение скорее антропоморфного, чем зооморфного существа. Очевидно, в данном случае речь может идти не о «портрете» конкретной вещи, приобретенной ученым (что довольно часто встречается в его полевых зарисовках), а о типологическом сходстве резьбы двух копий, одно из которых — на рисунке — содержит полную атрибуцию самого собирателя, зафиксированную еще в поле.

Обращаясь к аналогичным копиям хаджа в собрании Л. Биро (это резьба копий на рисунках 6, 6₁, 15 в таблице VIII), можно видеть некоторые мелкие расхождения в деталях, возможно определяемые либо иконографией персонажей либо индивидуальной манерой резчиков

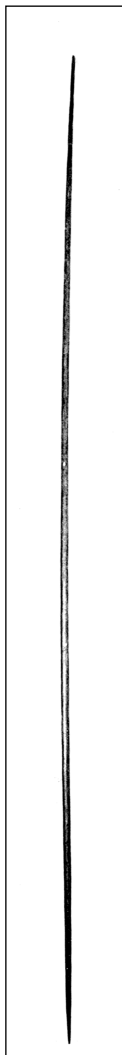

Рис. 7.
Копье.
МАЭ,
колл.
№ 168-43

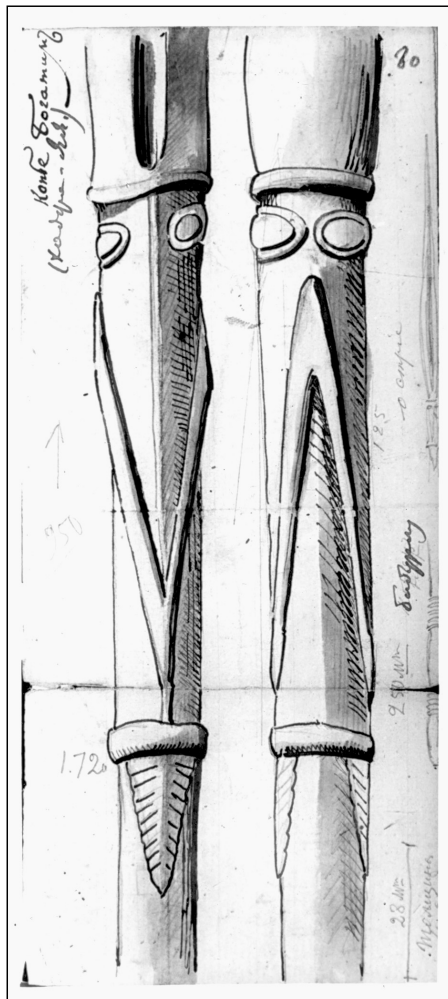

Рис. 8. Копье *хаджа* из дер. Богатырь.
Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая из ЗК
1876–1877. № 4. Л. 80/82.
Архив ИЭА РАН. К-1. Оп. 1. Ед. хр. 1

Рис. 9.
Резная деталь
копья. МАЭ,
колл. № 738-3

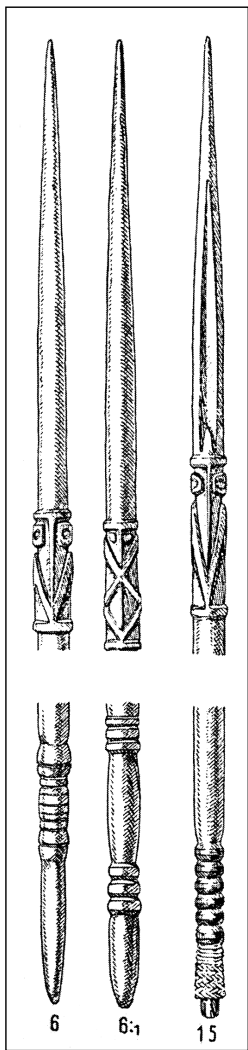

Рис. 10. Образцы копий *хаджа* из деревни Богатим из Музея народоведения в Будапеште [Biró 1901: Taf. VIII, Abb. 6, 6,₁, 15]

(рис. 10). Однако стилистическая близость резьбы очевидна [Biró, Semayer 1901: Taf. VIII, Abb. 6, 6,₁, 15].

Это сходство не только еще раз подтверждает происхождение предмета № 738-3 из деревни Богатим, установленное Е.С. Соболевой, но и позволяет атрибутировать данный экспонат как копье *хаджа*.

Однако копье № 738-3 имеет плетеную ротановую «муфту» и два таких же кольца, надетых на острие копья и фактически закрывающих его, что делает его использование в качестве оружия невозможным. Между тем копье № 738-3 цельное, а не составное, и поэтому его острие не нуждается ни в каком дополнительном креплении с древком. Последнее означает, что и «муфта», и оба кольца нефункциональны, т.е. избыточны, их соединение с копьем приходится признать искусственным. Оно могло произойти где угодно: на таможне, в Музее или сделано на месте самим путешественником в целях сохранности. В любом случае и муфта, и кольцо являются деталью какого-то другого предмета.

Этот тезис косвенно подтверждает первое описание экспоната, составленное Е.Л. Петри: «[738-]3. Длинное копье с бамбуковым наконечником. Древко из гладкого черного дерева, украшено резьбой, резьба у основания бамбукового наконечника» [Инвентарный список кол. № 738. Л. 1]. В описании Е.Л. Петри отсутствуют плетеные кольца и муфта, но имеется «бамбуковый наконечник», что предполагает наличие хотя бы одной из этих плетеных деталей, пусть и не отмеченной в Инвентарном списке.

Объяснить различия между реальным предметом и его первым музейным описанием возможно двояким образом. Первое — по ошибке (или в целях сохранности) бамбуковый на-

нечник был скреплен с цельным деревянным копьём, имеющим собственное острие. Второе — копьё, зафиксированное в Инвентарном списке № 738-3, и копьё, сегодня имеющее шифр 738-3, — два разных предмета.

Я склоняюсь к первому объяснению, и вот почему. Н.Н. Миклухо-Маклай, прямо указывал, что хаджа — «из твердого тяжелого дерева», т.е. цельное, не составное копьё, он не упоминал никакого бамбукового наконечника [Каталог 1886: 6]. В то же время в Каталоге 1886 г. за п/№ 44 числится: «“Сервару” — копьё с бамбуковым острием» [Там же]. В Каталоге 1999 г. копьё *сервару* бамбукового острия не имеет [Соболева 1999: 47, кат. № 102]. Весьма вероятно, путаница в съёмных деталях произошла еще до поступления в Музей, и Е.Л. Петри «получила» для регистрации комбинированный предмет — копьё *хаджа* с деталью копьё *сервару* — съёмным бамбуковым наконечником и плетеной муфтой. Во всяком случае к 1999 г. в Маклаевских коллекциях имелись несколько листовидных бамбуковых наконечников без древков [Соболева 1999: 50–51, кат. № 121, 122].

Возможно, позднее ошибку исправил А.Б. Пиотровский, убрав бамбуковый наконечник. Этот случай показывает, насколько важны подробные исчерпывающие описания и размеры экспонатов для их атрибуции и идентификации с записью. Одного названия вещи недостаточно.

Принимая за рабочую версию об искусственном соединении деталей разных предметов в одной вещи, посмотрим, что представляла собой коллекция № 738. Ее Инвентарный список был написан на двух листах, судя по почерку, Е.Л. Петри. Титульный лист, заполненный другим лицом, не содержит ни даты поступления в Музей, ни времени регистрации, ни имени регистратора. Описание пяти предметов этой коллекции Е.Л. Петри сопровождает преамбулой: «738 Дополнительный список к № 168: коллекция Миклухо-Маклая. Новая Гвинея. Папуасы».

По-видимому, пять маклаевских предметов 738-й коллекции прошли регистрацию только в 1903 г., поскольку все коллекции из Океании с семисотыми номерами были зарегистрированы Е.Л. Петри именно в этом году, например № 736, 737, 750. Ссылки на документ о времени поступления коллекции Инвентарный список № 738 не имеет, вероятно, по причине отсутствия такового.

Сегодня достоверно неизвестно, когда именно предметы, зарегистрированные в 738-й коллекции, поступили в МАЭ. Но очевидно, что у Е.Л. Петри были веские основания считать все пять предметов дополнением к Маклаевской коллекции № 168. Быть может, именно к ним от-

носится помета Ф.К. Руссова на обложке первого экземпляра Каталога 1886 г.: «Несколько предметов доставлены им [Н.Н. Миклухо-Маклаем] в ноябре без списка и этикет».

В «Каталоге коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ» датой поступления 738-й коллекции назван 1886 г., а общее количество экспонатов уменьшено до четырех [Шафрановская, Азаров 1984: 16]. Однако последнее противоречит фактам. И сегодня все пять экспонатов этой коллекции в наличии и фигурируют в Каталоге Маклаевской коллекции 1999 г. [Соболева 1999: кат. № 339 (колл. № 738-1); кат. № 340 (колл. № 738-2); кат. № 103 (колл. № 738-3); кат. № 105 (колл. № 738-4); кат. № 326 (колл. № 738-5)].

Итак, рассмотренный здесь рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая, аналоги вещи из собрания Л. Биро, в том числе и приведенный Е.С. Соболевой, определенно позволяют атрибутировать предмет с колл. № 738-3 как копье *хаджа* из деревни Богатим на Берегу Маклая. Очевидно, такое же копье хаджа было приобретено Н.Н. Миклухо-Маклаем на месте в полевой сезон 1876–1877 гг. В свете всего изложенного можно сделать вывод, что экспонат с колл. № 738-3 очевидно является тем самым копьем *хаджа*, который в Каталоге 1886 г. был обозначен под № 43, но не был передан Ф.К. Руссову.

Предложенное исследование трех экспонатов Маклаевской коллекции в сопоставлении с рисунками и заметками путешественника показало их роль и значение в решении проблем источниковедения и атрибуции, существующих в его этнографическом собрании. Рассмотренные здесь примеры раскрывают возможности сравнительного анализа графики, текстов Н.Н. Миклухо-Маклая и музейной вещи. Приведенные примеры подтверждают взаимную дополняемость различных источников (предметного, графического и письменного), расширяют и углубляют информацию, которую несет каждый из них в отдельности.

Безусловно, метод сопоставления предметов с изображениями отнюдь не нов в этнографическом музееведении, но впервые графика Н.Н. Миклухо-Маклая с пометами на ней рассматривается не как собрание иллюстраций к текстам, а в качестве самостоятельного источника. Такой подход позволил уточнить атрибуцию одного из рассмотренных здесь экспонатов, реатрибутировать другие и подтвердить их фактическую принадлежность к 168-й коллекции МАЭ.

- Архив РГО. Ф. 6. Оп. 3. № 41, 213–4.
 Записная книжка (ЗК) 1876–1877, № 4 // Архив ИЭА РАН. К–1. Оп. 1. Ед. хр. 1.
- Иванова Л.А.* Источниковедческие проблемы изучения этнографического собрания Н.Н. Миклухо-Маклая в свете его рисунков // Человек из легенды. К 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая (Малайско-индонезийские исследования, VIII). М., 1997.
- Иванова Л.А.* Кат. № 34 // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. М., 1999. Т. 6. Ч. 1.
- Иванова Л.А.* Общая концепция и схема Каталога // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. М., 1999. Т. 6. Ч. 1.
- Иванова Л.А.* Проблемы источниковедения и атрибуции этнографических коллекций Н.Н. Миклухо-Маклая в МАЭ (на примере «барабана» и «подставки» с о-ва Мангарева) // ЭО. 2000. № 5.
- Иванова Л.А.* О чужеродных вкраплениях в коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая из Океании // Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна: Маклаевские чтения 2002–2006 гг. СПб., 2006.
- Инвентарный список коллекции № 168 // Архив отдела учета и хранения МАЭ.
- Инвентарный список коллекции № 738 // Архив отдела учета и хранения МАЭ.
- [*Миклухо-Маклай Н.Н.*]. Каталог предметов этнологической коллекции с ос-вов Тихого океана Н.Н. Миклухо-Маклая. СПб., 1886 (архивный экземпляр МАЭ с шифром: Ф. К-V. Оп. 1. № 321).
- Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений: в 5 т. М.; Л., 1954. Т. V: Рисунки и этнографические коллекции.
- Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1993. Т. 2: Путешествия 1874–1887 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты.
- Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1993. Т. 3: Статьи и материалы по антропологии и этнографии народов Океании.
- Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1999. Т. 6. Ч. 1: Этнографические коллекции и рисунки.
- [*Пиотровский А.Б.*]. Список предметов этнографической коллекции, собранной Н.Н. Миклухо-Маклаем на разных островах Океании // Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. М.; Л., 1941. Т. II. (Якобы в соавторстве с И.Н. Винниковым.)
- Путтилов Б.Н.* Миф–обряд–песня Новой Гвинеи. М., 1980.
- Решетов А.М.* Читая собрание сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая: К вопросу об одежде у папуасов и ее происхождении // Этнография, история, культура стран Южных морей: Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997.
- Соболева Е.С.* Кат. № 0.33, 101, 102, 103, 105, 121, 122, 326, 339, 340, 518 // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. М., 1999. Т. 6. Ч. 1.

Шафрановская Т.К., Азаров А.И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ // Сб. МАЭ. Т. XXXIX. Л., 1984.

Biró L., Semayer W. Beschreibender Catalog der ethnographischen Sammlung Ludwig Biró's aus Deutsch-Neu-Guinea (Astrolabe Bai). Budapest, 1901.

Heintze D., Ohnemus S. Teure Bräute. Manus — Kunst und Leben auf einer Südsee-Insel. Bremen, 1997.

Ohnemus S. Zur Kultur der Admiralitäts-Insulaner in Melanesien. Die Sammlung Alfred Bühler im Museum für Völkerkunde Basel. Basel, 1996.

В.Е. Балахнов — автор фотографий 2, 7–9.

С.Н. Иванов — автор фотографий 4, 1, 2 и 5, 1.

Иллюстрации 1, 3, 5, 2, 6 — из старых фотографий МАЭ, возможно, их автором был А.В. Маторин.

ЭТНОГРАФИЯ, ЯЗЫК, ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА

П.Л. Белков

ТЕОРИЯ SIGNIFICATA В. ТЭРНЕРА. К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО АВСТРАЛИЙСКОГО МИФА

Теория символа В. Тэрнера занимает достаточно заметное место на общем фоне исследований по фольклору и мифологии. Хотя могут быть другие мнения по поводу смысла его теоретических построений. Например, В.А. Бейлис предпочитает рассматривать его труды как исследования по теории ритуала [Бейлис 1983]. Но нас в данном случае будет интересовать именно та сторона рассуждений В. Тэрнера, которая обращена непосредственно к семиотике Ч.С. Пирса. Представляется, что такой подход позволяет оценивать вклад В. Тэрнера более объективно, вместе с тем дает дополнительные возможности при истолковании эмпирического материала.

При определении символа В. Тэрнер, как и Э. Кассирер, исходит из тезиса, что главное свойство символа — это свойство полисемии [Тэрнер 1983: 33]. Как он пишет, символ — это «мельчайшая единица ритуала» с семантической структурой (под семантикой он понимает отношение между знаками и символами с вещами, к которым они «относятся»), обладающая следующими признаками: (1) *множественность* значений, или *significata*; (2) *объединение* различных *significata* на основе принципа взаимосвязи по аналогии или ассоциации; (3); *конденсация*, т.е. отношения между *significata* сами играют роль символов; (4) поляризация *significata*: референты символа имеют тенденцию группироваться на противоположных полюсах, распределяясь таким образом, что *significata* на одном полюсе, который он называет норма-

тивным, соотносятся с категориями нравственности и социального порядка, а на другом полюсе, именуемом сенсорным, — с категориями «желаний и чувств» (по авторскому замечанию, *significata*, связанные с сенсорным полюсом, часто имеют прямое отношение к чувственно воспринимаемым атрибутам символа) [Тэрнер 1983: 33, 34]. Теперь мы рассмотрим приводимые им примеры, чтобы определить, подтверждают ли они его теорию символа, т.е. насколько они поддаются интерпретации с помощью ее терминов.

В. Тэрнер пишет, что дерево мудьи, или молочное дерево (*Diplorrhinus mossambicensis*), — центральный символ ритуала совершеннолетия девочек у народности ндембу в современной Зимбабве. На своем нормативном полюсе этот символ представляет женственность, материнство, связь матери с ребенком, девочку-неофита, проходящую посвящение в зрелую женственность, специфический матрилинидж, принцип матрилинейности, процесс изучения «женской мудрости», единство и прочность общества, а также все ценности семейной, правовой и политической жизни, руководимой людьми, наследующими власть по материнской линии [Тэрнер 1983: 33–34]. На сенсорном полюсе сосредоточены представления о грудном молоке (дерево выделяет млечный сок), материнской груди, гибкости тела и уме неофита (символизируемой гибким молодым деревцем мудьи) [Тэрнер 1983: 34]. Первое, на что следует обратить внимание, — это то, что дерево мудьи символизирует, т.е. является образом женской сферы деятельности или всего связанного с образом женщины в целом. Аналогичным образом кровавое дерево мукула (дерево выделяет темно-красную смолу) символизирует мужскую сферу деятельности. В частности, «для ндембу мукула представляет мужа, за которого девушка выйдет замуж сразу после обрядов совершеннолетия, а мудьи олицетворяют невесту — саму новопосвященную» [Тэрнер 1983: 37]. Ср.: символические функции дуба на мужском полюсе (мужественность, отцовство, связь отца с ребенком, принцип патрилинейности, мудрость, власть и пр.) и символические функции березы или рябины на женском полюсе (женственность, белизна, чистота, покорность родительской воле и пр.) в русском фольклоре.

О множественности значений мудьи как символа говорить не приходится, поскольку эти «значения» являются элементами сложной системы представлений, так что в силу вступают признаки (2) и (3), в сущности являющиеся двумя аспектами одного признака, или двумя способами выражения одного и того же признака образности и вместе с тем изоморфности данного символа изображаемому явлению. Что же касается «поляризации» этого символа, речь должна идти скорее

о различии по степени абстрактности двух уровней символизации, т.е. указания одновременно и на некий образ, или представление (например, *женщина*), и на некое свойство, выраженное в понятии (например, *женственность*). Это деление соответствует противопоставлению двух отделов семиотики: сигматики и семантики, десигната символа и его значения (семантики).

Интерпретировать дерево мудьи (или мукула) в качестве символа гораздо проще в терминах семиотики и, в частности, теории создания знаковых систем как метода формализации. То, что В. Тэрнером принимается за «множественность» или «поляризацию» значений, на самом деле является проявлением свойства изоморфности символа отображаемому явлению. Представление о множественности значений символа может проистекать еще из того, что в ходе ритуала, как выражается В. Тэрнер, значения символа высвечиваются *porozнь* в различных *эпизодах* [Там же].

Символ подыскивается целиком и целиком подставляется к уже существующему целому образу подобно тому, как субъект высказывания подставляется к предикату. Это «чувственное значение» (термин В. Тэрнера. — *П.Б.*) заключается в представлении о дереве как живом существе, подчиняющемся закономерностям жизненного цикла (рождение–жизнь–смерть), содержащем в себе жизненные соки, которые могут быть уподоблены грудному молоку или крови, отдаленно напоминающему одновременно морфологию человеческого тела и морфологию человеческого сообщества как системы родства (корни, ствол, ветви, крона). Не случайно и в европейской традиции дерево является символом родословной (генеалогическое древо).

Пример с деревом мудьи интересен еще и в том смысле, что оно представляет собой чистый символ, чистый (безмолвный) мотив — без примешивания словесных форм, которые выступают факультативно, лишь в качестве комментариев. Таким образом, экспериментально выявляется подлинная сущность мотива как зрительного образа любой физической природы, т.е. независимо от того, в каком сочетании выступают сенсорные аспекты образа, можно ли его только видеть, воочию или мысленно, или до него еще можно дотронуться. Символ, или мотив, в качестве обозначающего является образом, «видимостью», безразличной к возможности создания дополнительной словесной оболочки.

Вполне разумными кажутся рассуждения В. Тэрнера по поводу классификации символов на доминантные, представляющие фундаментальные темы (мотивы), и энклитические, или зависимые, стремящиеся к

однозначности (т.е. *простоте*. — П.Б.) [Тернер 1983: 36–37]. Фактически речь идет о сложных и элементарных символах, когда одни изображают более сложные объекты, выступая в виде системы элементов, являющихся символами более низкого порядка (ранга), изображая более простые объекты. Чем выше степень сложности символа, тем выше степень его изоморфизма, тождественности или «партиципации» по отношению к изображаемому им явлению, и, наоборот, чем проще символ, тем слабее его связь с обозначаемым. В последнем случае одна крайность, т.е. отношение «часть–целое», переходит в другую — отношение «реплика–оригинал». В ритуале совершеннолетия девушки у някюса в Танзании символические действия производятся с помощью трех предметов: горького на вкус корешка *undumilla*, воронки, или чашки, из листа дерева и соли, которая насыпается в эту чашку. По существующим этнографическим источникам, во время совершения ритуала корешок «просовывается в отверстие воронки или чашки, сделанной из листа дерева, покрытого корой, затем в чашку насыпают соль. Девушка берет кончик корешка в рот и зубами заталкивает его внутрь, открывая тем самым отверстие, через которое соль сыплется ей в рот» [цит. по: Тэрнер 1983: 43]. Вот как истолковывают это действие сами женщины някюса: «Едкий корень — это penis мужа, чаша — ее vagina, соль тоже едкая — семя ее мужа. Прикусывание корня и съедение соли — это совокупление» [Тернер 1983: 43].

Таким образом, мы имеем дело с двумя типами символов. К первому относится символ, включающий все действие с упомянутыми объектами. Именно все действие в целом создает образ *coitus*'а и в этом качестве символизирует, т.е. является необходимой частью всего того, что связано, опять-таки, с единым образом женской функции деторождения, включающим различные компоненты: от физиологии до магической защиты. Ко второму типу относятся составные части доминантного символа: корешок, воронка, соль, которые сами по себе не имеют магической силы, будучи лишь репликами соответствующих объектов. Эти предметы замещают объекты, но не мыслятся как их части-символы. Вероятно, именно здесь проходит граница между знаком и символом в ритуальной практике, вероятно, совпадающая с линией разделения ритуальных предметов на те, которые создаются и разрушаются в процессе совершения обряда, и те, которые сохраняются, переходя из обряда в обряд.

Мотив (здесь архетип) уподобления коитуса еде, а элементов коитуса — растениям, по-видимому, универсален. Удивительно другое: элементы символики, связанной с деторождением, могут повторять-

ся — вплоть до мельчайших деталей — в самых отдаленных друг от друга частях земли, подвергаясь очень незначительным перестановкам и в то же время сохраняя структуру отношения между доминантными и зависимыми символами, так что «целокупный образ» совпадает практически полностью. К вопросу о свойстве изоморфности символа: тождество символа *как образа* и вещи как отображаемого происходит из того факта, что вещь *как образ* диктует, каким должно быть обозначающее, т.е. тоже выступает в качестве некоторого образа. Нижеприведенное сравнение, кажется, это подтверждает.

В одном из австралийских мифов герой делает женщину из мужчины, отрезав ему пенис и тестикулы и прорезав у него вход как у женщин (первая неудачная попытка сделать женщину запечатлена в виде ктеических углублений в скале), а затем принялся «делать» ребенка. Для этого он взял кору кровавого дерева (bloodwood) и молочного дерева (milkwood) и выжал из нее красную и белую жидкость. Эти жидкости он влил внутрь созданной им женщины через отверстие, которое он сделал раньше. Молоко дошло до груди, которые разбухли подобно женским, а кровь осталась на месте. В одном из вариантов он вложил в женщину спелый (колючий. — П.Б.) плод пандануса, чтобы вызвать менструацию. Затем он набрал красных цветов бутылочного дерева и огненного дерева (в некоторых районах Австралии огонь ассоциируется с коитусом. — П.Б.), положил в плетеную сумку дилли (мифический аналог матки. — П.Б.) и смешал с клубнями ямса, используя длинный и круглый ямс: «пенис» и «тестикулы». (В другом мифе роль пениса выполняет корень пандануса.) Содержимое сумки дилли герой мифа вложил внутрь женщины и начал «работать» (местный термин *djãmbi* имеет два значения: «пенис» и «работа», коитус), т.е. все это перемешивать. Но ребенок получился только тогда, когда он добавил еще один сорт ямса, сделав проход более скользким (чтобы ребенку было легче родиться). Этот мифологический прецедент стал магическим образцом, по которому нынешние мужчины делают детей, правда, у них на это уходит много месяцев [McConnel 1931: 9–25].

В известном смысле классификация символов на сложные и простые (мы осознаем всю условность такого противопоставления) соответствует двум процедурам построения символов: по аналогии и по ассоциации. С одной стороны, могут быть различными аналогии данному *образу* (сфера сигматики). Так, в австралийской мифологии образ покоящегося первопредка связывается и с камнем, и с деревом, и с водоемом. С другой стороны, могут быть совершенно противоположными ассоциации материальных объектов с теми или иными абстрактными свойствами

(сфера семантики). Как уже указывалось выше, *значение*, т.е. *семантика*, символа заключается в его ассоциациях. В этом отношении символика современной культуры мало чем отличается от символики традиционных культур, тем более что и то, и другое относится к сфере традиции, т.е. устной, бесписьменной форме передачи информации от поколения к поколению. Наши собственные ассоциации действительно подчиняются тем же алгоритмам, что и первобытные универсалии. Красный цвет (краска) — кровь и жизнь (или смерть, если речь идет о крови, льющейся во время охоты), белый цвет (краска) — кость и смерть, белое полотно, ритуальная чистота, день, черный цвет (краска) — пепел, прах, земля, ночь и смерть или: пепел, удобрение, земля и жизнь (в это же время это ритуальная чистота или нечистота в зависимости от ассоциации пепла с огнем или грязью).

В. Тэрнер склоняется к тому, что в качестве символов три основных цвета — белый, красный и черный — представляют собой сокращенные или концентрированные обозначения психобиологического опыта; именно человеческий организм и важный для его существования опыт образуют источник цветовой классификации; основная цветовая триада имманентна телу человека [Тэрнер 1983: 102–103]. Отношение к таким высказываниям двойственное. С одной стороны, возможные возражения по поводу «биологизма» и прочего как бы заранее предупреждены В. Тэрнером. Все акценты расставлены вроде бы правильно: «три цвета символизируют *возвышенный* физический опыт» или «физический опыт, связанный с тремя цветами, есть *также* опыт социальных отношений» (курсив мой. — П.Б.) [Тэрнер 1983: 101]. С другой стороны, в системе его высказываний не хватает чего-то такого, что бы позволило относиться к подобным оговоркам иначе, чем к просто заверениям. Мы указываем на это противоречие, поскольку физиологический акцент в понимании символа является недостатком с точки зрения самого В. Тэрнера. Как возникает это противоречие, причем, по всей видимости, помимо его собственной воли? Для ответа на этот вопрос надо вернуться к определению символа как «мельчайшей единицы ритуала», которая «вовлечена в отношения знаков и символов с вещами, к которым они относятся» [Тэрнер 1983: 33]. Прежде всего бросается в глаза тавтологичность данного определения: символ — это обозначение некоторой вещи. Эта тавтология происходит из того, что определение символа дано на объектном языке этнографии. На метаязыке, т.е. языке семиотики, символ как неязыковой знак является результатом овеществления абстрагирующей деятельности человека. На наш взгляд, это меняет дело. Только с этого момента вступает в

силу иерархия компонентов внутренней структуры символа. Красный цвет (краска) символизирует кровь (*десигнат*), кровь символизирует жизнь (или смерть), выступающую в качестве *значения*. Но оппозиция жизни и смерти в определенных отношениях тоже является символом добра и зла (прагматика символа, заключающаяся в отношениях, в которые вступают люди). Кроме того, данная последовательность может читаться в обратном порядке. Например, кровь в известном смысле представляет, т.е. *символизирует*, красный цвет, так как явление всегда изоморфно своему обозначению.

***

Бейлис В.А. Теория ритуала в трудах Виктора Тэрнера // Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

McConnel U. A Moon Legend from the Bloomfield River, North Queensland // Oceania. 1931. V. II. №. 1.

ДВА МОТИВА В МИФОЛОГИЯХ ЗАПАДНОЙ МЕЛАНЕЗИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛАПИТЫ

Статья основана на электронном каталоге мифологических мотивов, который доступен на сайте <http://starling.rinet.ru/kozmin/tales/index.php?index=berezkin>. Обновление сайта происходит ежегодно в декабре–январе. В 2009–2010 гг. работа над каталогом поддерживалась грантом РФФИ № 07–06–00441 и программой Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Карты распространения мотивов по выделенным ареалам и английские определения мотивов см. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, обновление карт — дважды в год.

Со времени открытия лапиты и признания за ней статуса культуры, предковой для носителей австронезийских языков в пределах почти всей Океании [Sinoto 1992: 206], исследователей не перестает поражать несоответствие лингвистической принадлежности обитателей Вануату, Новой Каледонии и островов Лоялти их антропологическим характеристикам. Все без исключения языки этих островов принадлежат к числу австронезийских, но культура местных обитателей и их физический тип указывают на родство с папуасами. Для архипелага Бисмарка и Соломоновых островов подобного противоречия нет. Эти территории были заселены задолго до появления в Океании австронезийцев, а папуасские языки сохранились там до сих пор. Однако поиски более древних, чем лапита, памятников на Вануату и других удаленных архипелагах результатов не дали [Sand 1997: 539–547; 1998: 194–223; 2001: 65–76]. Единственная гипотеза, которая позволяет объяснить существующий парадокс, — это предположение о различной культурной и расовой принадлежности тех людей, которые в разное время и в разных районах изготавливали керамику лапита или, по крайней мере, ею пользовались. Лингвисты доказывают наличие в австронезийских языках Вануату и Новой Каледонии черт, обнаруживающих соответствия в неавстронезийских языках региона [Donohue, Denham 2008: 433–443]. Не углубляясь в языкознание и археологию, приведем некоторые материалы из мифологии, имеющие отношение к данной проблеме. Речь пойдет о повествованиях, включающих мотивы «смена кожи как условие бессмертия» и «цепочка из стрел».

«Смена кожи как условие бессмертия» — самый характерный из числа мотивов, связывающих Африку южнее Сахары с индо-тихоокеанской

половиной мира. Мотивы этого рода могут являться наследием первых сапиенсов, начавших 50–60 тыс. лет назад распространяться из Африки вдоль побережья Индийского океана [Березкин 2007а: 70–89; Berezkin 2009а: 242–264; 2009б: 3–28]. Мифологический мотив смены кожи предполагает, что существо, поменявшее свою кожу (панцирь и т.п.), молодеет, так что продолжительность его жизни не ограничена. Почти всегда речь идет о том, как люди утратили способность омолаживаться или упустили возможность ее получить. Нетипичные варианты (конкретный человек, а не люди вообще, омолодился подобным образом; змеи — безотносительно к людям — сбрасывают кожу и молодеют) представлены единично и преимущественно за пределами основных областей распространения мотива, в частности на Ближнем Востоке (финикийцы, древние греки) и в Арктике (восточные инуиты). Помимо встречающегося в большинстве текстов противопоставления смертных людей вечным змеям (реже — беспозвоночным или сбрасывающим кору деревьям), африканские, индонезийские, меланезийские и южноамериканские версии связывает дополнительная деталь: люди больше не меняют кожу, так как родственники не узнали человека в новом обличье или потревожили его в момент обновления. Эта подробность и будет нас интересовать.

В Полинезии мотив смены кожи довольно редок (Самоа, Туамоту, Гавайи) и связан с противопоставлением людей моллюскам или ракообразным [Beckwith 1970: 234–236; Anell 1989: 22]. На Онтонг Джава, полинезийском анклав к северу от Соломоновых островов, «змеи не водятся, но ящерицы считаются бессмертными, регулярно меняя кожу» [Anell 1989: 22]. Сходные представления зафиксированы на соседнем острове Нукуману [Sarfert, Damm 1931: 458]. Мотив утраты способности обновляться в результате того, что персонажа не узнали в новом обличье или потревожили, когда он сбрасывал старую кожу, в Полинезии отсутствует. У папуасов Новой Гвинеи и архипелага Бисмарка сам по себе мотив смены кожи хорошо представлен, но уточняющий мотив прерванного омоложения или неузнанного после омоложения персонажа здесь также не удалось обнаружить. В новогвинейско-меланезийском ареале этот мотив характерен исключительно для меланезийцев архипелага Бисмарка, островов округа Массет у юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, Соломоновых островов, Новой Каледонии и Вануату. В некоторых случаях мотив неузнанного и отвергнутого родственниками персонажа сочетается не с мотивом сброшенной кожи, а с мотивом омоложения иным способом, обычно путем купания в источнике. Вот несколько примеров.

Лакалай (Новая Британия). Старуха снимала кожу, внук испугался, увидев ее молодой и не узнав. Чтобы утешить его, старуха снова надела старую кожу, с тех пор люди не молодеют [Valentine 1965: 165].

Добу (округ Массет). Жена северо-восточного Ветра, взяв внучку, пошла купаться. Отойдя вниз по течению, она сняла старую кожу и вернулась молодой. Внучка не признала в женщине бабушку, заплакала. Та нашла сброшенную кожу, надела ее снова, поэтому люди больше не молодеют. Пока кожа валялась, змеи, ящерицы, крабы, омары поели ее. Теперь они сбрасывают кожу и обновляются [Fortune 1932: 186].

Тробрианцы (округ Массет). Бабка с внучкой пошли купаться. Бабка отошла в сторону, сняла кожу, сделалась молодой. Внучка не узнала ее и прогнала. Разгневанная старуха пообещала, что отныне молодые будут стариться и умирать. Способность сбрасывать кожу и обновляться сохранили только живущие под землей «нижние существа», т.е. змеи, крабы, игуаны и ящерицы. Раньше люди жили под землей, а если бы они жили наверху, то кожу сейчас сбрасывали бы и модели «верхние существа» — птицы, летучие лисицы и насекомые [Malinowski 1926: 81–83; 1948: 104].

О-ва Адмиралтейства. Старуха выкупалась, сменила кожу, сделалась молодой. Когда ее сыновья вернулись, один назвал ее матерью, другой — женой. Старуха сказала, что теперь люди станут умирать и натянула свою старую кожу [Meier 1908, № 1: 193].

Гуадалканал (Соломоновы о-ва). В источнике жил дух, делавший купавшихся молодыми. Старуха выкупалась, ее маленький ребенок ее не узнал, заплакал. Мать окунулась снова, попросив духа вернуть ей ее прежний облик. Тот выполнил просьбу, но покинул источник, и после этого люди не омолаживаются [Anell 1964: 3].

Анейтьом (Вануату). Работая на огороде, старик снимал старую кожу, делался молодым. Его внуки нашли кожу и продырявили. Надев ее, старик стал дрожать от холода. Он сказал внукам, что теперь люди не станут молодеть и жить вечно, но будут умирать [Williamson 1933: 146–147].

Танна (Вануату). Старуха оставила ребенка в углублении на скале, сняла старую кожу, сделалась молодой, стала купаться. Ребенок ее не узнал, ей пришлось надеть старую кожу, поэтому люди теперь умирают [Williamson 1933: 147].

Остров Янде (Новая Каледония). Паиму Пюрехевази предложил жене сменить кожу и жить вечно. Та ответила, что лучше родить детей. Мужу это предложение не понравилось, он ушел в дом сменить кожу и не велел жене идти следом. Однако жена вошла, муж согласился сой-

тись с ней, она родила детей, а муж не сменил кожу [Leenhardt 1932: 447; Пермяков 1970, № 81: 193].

Тексты подобного рода записаны также у меланезийцев полуострова Газель на Новой Британии [Пермяков 1970, № 44: 120–121], у обитателей Малаиты, Сан-Кристовалия и Флориды в пределах Соломоновых островов [Anell 1964: 4; Fox, Drew 1915: 238; Frazer 1939: 242], у жителей Вануату на островах Банкс, Оба, Малекула, Пентекост, Анейтьюм [Anell 1964: 6; Codrington 1881: 274; 1891: 283–284; Deacon 1934: 581; Fox, Drew 1915: 238; Suas 1912, № 5: 44; Tattevin 1931, № 25: 875–876; Williamson 1933: 147]. Тянувшаяся от Новой Каледонии на север и запад цепочка текстов с мотивом неудачной попытки сменить кожу не кончается на архипелаге Бисмарка, но, минуя Новую Гвинею, уходит далее на Молукки, Тимор и Сулавеси с ответвлением в Микронезию на острова Палау. Все группы, у которых записаны тексты, — австронезийские по языку. Любопытно, что именно на Палау обнаружены древнейшие в Микронезии и примерно синхронные ранней лапите (3300–3000 лет назад) следы пребывания человека [Clark 2005: 369–370].

Вот несколько примеров восточно-индонезийских текстов.

Западные тораджа (Сулавеси). Люди меняли кожу и молодели. Мать с детьми пошла к воде сменить кожу. Дети не узнали ее, испугались, она надела прежнюю кожу, сказала, что люди станут умирать [Kruyt 1938, № 8: 434, 436–437].

Острова Кай (южные Молукки). Старики купались, сбрасывая старую кожу и омолаживаясь. Когда Мимингунг вернулась домой юной девушкой, ее внук не признал ее и стал плакать. Мимингунг в гневе пошла назад к реке, напялила старую кожу, сказала, что саранча будет сбрасывать кожу и обновляться, а люди — умирать, после чего умерла сама [Anell 1964: 2].

Тетум (Тимор). Люди обновлялись, подобно змеям. Помолодевшую женщину ее дети не узнали и не впустили в дом. Тогда она приняла прежний облик, обрезала плющ, связывавший небо и землю, небо поднялось на нынешнюю высоту [Vroklage 1952: 129].

Палау. Сыновья желали, чтобы мать жила вечно, пошли к Тангрегои, тот дал ветку драцены, велел опустить в водоем, где купается их мать. Мать сделалась молодой, но дочь не признала ее. Тогда она выкупалась еще раз и опять стала старухой [Anell 1964: 6].

Аналогичные тексты записаны на Сулавеси у мори и лоинанг [Fischer 1932: 213–214] и на острове Бабар в южных Молукках [Briffault 1927: 644].

К северу от Сулавеси и Молукк цепочка текстов на подобный сюжет прерывается. В Восточной Азии, в Северной и Центральной Америке данного мотива нет, и он вновь появляется лишь у индейцев востока Южной Америки (яномами, секоя, харакмбет, намбиквара [Becher 1974: 29; Califano 1976–1980: 126–127; Cipolletti 1988, № 9: 73–75; Pereira 1983, № 25: 41–42]). Приведем два примера.

Яномами (верховья Ориноко). Женщина только что поменяла в реке кожу. Ее сын при виде помолодевшей матери пришел в возбуждение и изнасиловал ее. Божество-луна приложило к его телу сброшенную его матерью кожу, и юноша сам превратился в старуху.

Намбиквара (Мату-Гросу). Юноша мечтает о том, чтобы его мать снова была молодой. Та наряжается, идет к ручью, купается, снимает с себя кожу, как это делают змеи и ящерицы, становится молодой, кожу прячет на дереве, велит внукам не трогать ее. Те стреляют в кожу из луков, поэтому люди теперь умирают.

Ареал распространения мотива цепочки из стрел в общем и целом близок ареалу мотива неудавшейся смены кожи, хотя в отличие от объяснений смертной природы людей, тексты с мотивом цепочки из стрел не связаны с одним определенным сюжетом, но описывают разные ситуации, в которых герои должны забраться на небо или — реже — преодолеть водную преграду. Суть мотива в том, что каждая из пущенных стрел вонзается в хвост предыдущей и вместе они превращаются во что-то вроде цепочки, веревки или веревочной лестницы. В Меланезии «цепочка из стрел» известна почти исключительно обитателям Вануату (острова Торрес, Аоба, Эфате, Маэво и другие более мелкие), а кроме того, меланезийцам восточного побережья Новой Гвинеи [Пермяков 1970, № 54: 137–138; Codrington 1891, № 1: 373–375; Dixon 1916: 139; Natt 1949: 44; Lessa 1961: 129–130; Suas 1912, № 10a: 54–57, 57–60]. В островной части Юго-Восточной Азии мотив представлен на Палаване, на Суматре (у батаков) и на Калимантане (у нгаджу) [Fischer 1932: 222, 237; Macdonald 2005: 77–78; Schäfer 1966: 48–53, 125–126]. Далее он зафиксирован на Малаккском полуострове у семангов [Evans 1937: 14; Endicott 1979: 164], а еще дальше в Гималаях у лепча [Siiger 1967, № 2: 215–218] и в Приморье у удегэйцев и орочей [Лебедева и др. 1998, № 107: 474–476; Маргаритов 1888: 29]. В Северной Америке «цепочка из стрел» встречается во многих десятках текстов, записанных в пределах насыщенного разноразличными этносами, но компактного и четко ограниченного ареала, охватывающего часть заселенных атапасками внутренних районов Аляски, Северо-Западное Побережье и Плато (источники не указываю ввиду их обилия). В Южной Америке этот мотив

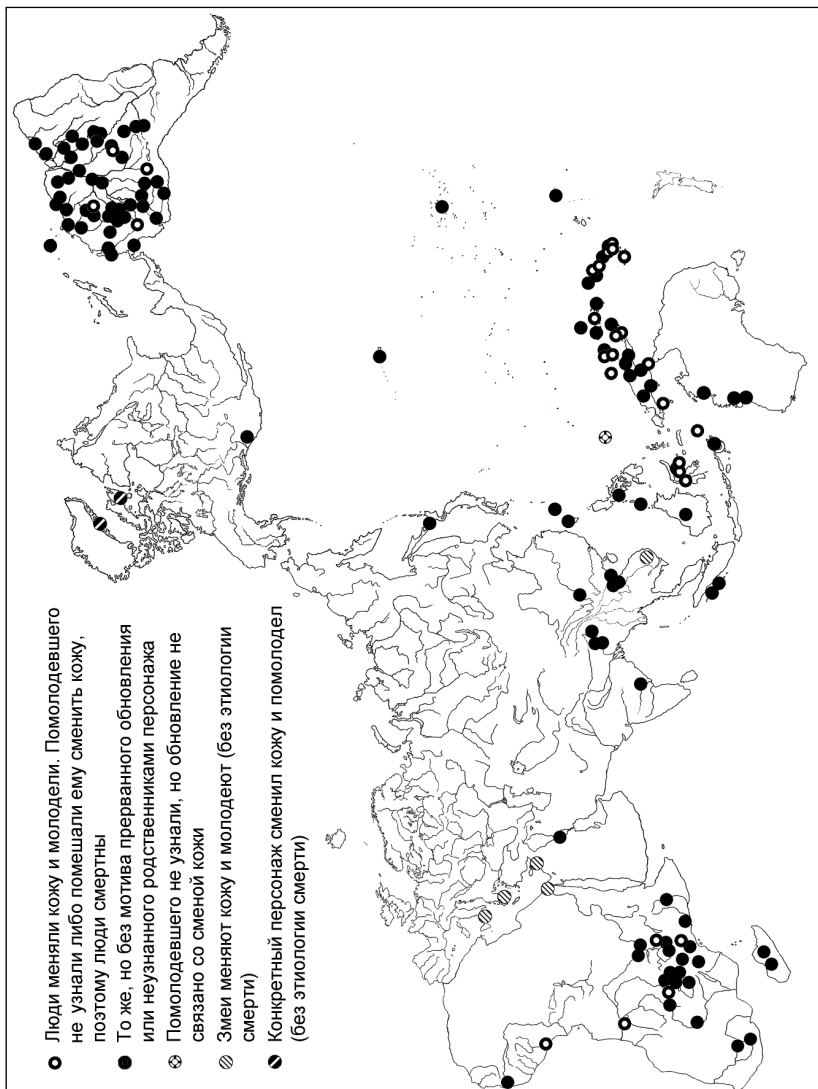

Рис. 1.
 Распространение
 мотивов «смена
 кожи как условие
 бессмертия»
 и «неулавливаясь
 обновление»

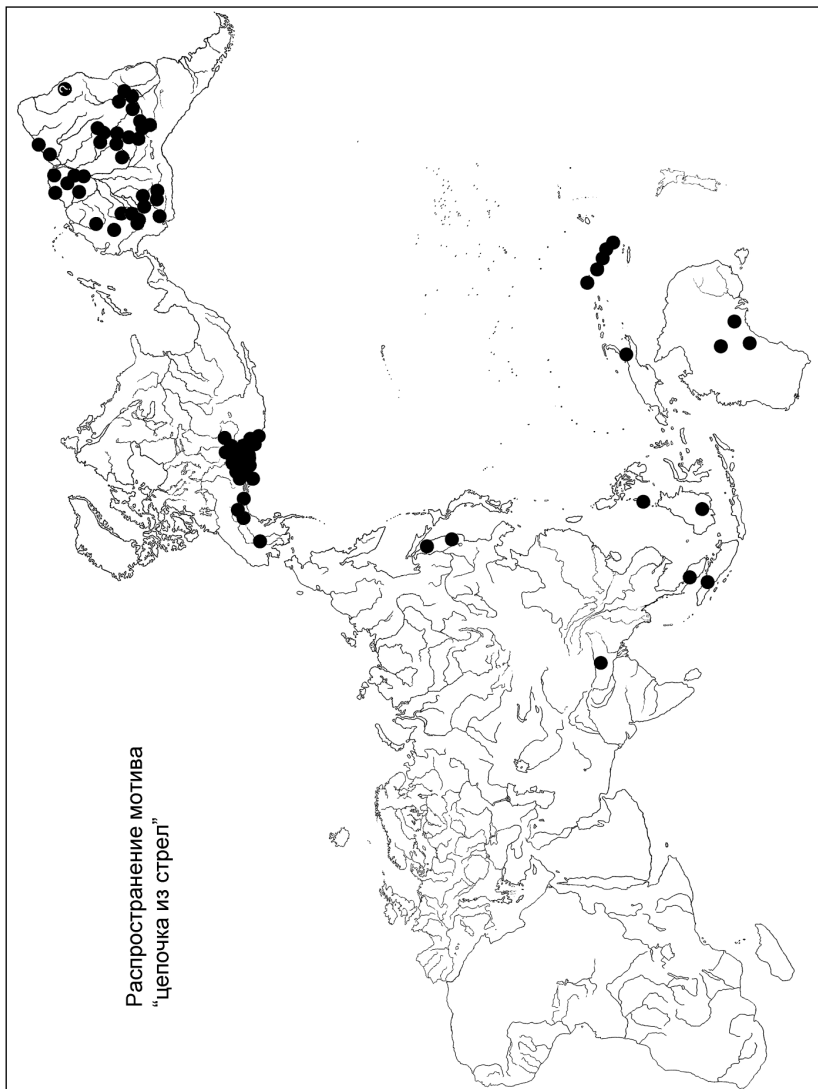

Рис. 2.
Распространение
мотива «цепочка
из стрел»

характерен почти для всего востока континента, хотя в наиболее удаленных от Панамского перешейка районах, таких как Огненная Земля, Патагония и Бразильское нагорье, «цепочка из стрел» отсутствует.

В Австралии мотив цепочки из стрел (точнее дротиков, поскольку лук здесь не был известен) изредка встречается только на юге континента [Dixon 1916: 294; Pettazzioni 1924: 162–163; Waterman 1987: 101]. Мотив смены кожи в Австралии имеется, но довольно редок (три случая на северо-западном побережье [Poignant 1967: 136; Waterman 1987: 86]), а мотив прерванного процесса смены кожи или персонажа, неузнанного после омоложения, отсутствует.

Выводы

Папуасы внутренних районов Новой Гвинеи в заселение Океании, разумеется, не были вовлечены. Речь может идти о доавстронезийских группах, вошедших в контакт с австронезийцами в зоне формирования лапиты по берегам моря Бисмарка. Однако наличие индонезийских параллелей меланезийским текстам допускает возможность того, что взаимодействие с аборигенным населением началось раньше, по ходу освоения австронезийцами островной части Юго-Восточной Азии. Отсюда — распространение интересующих нас мотивов не только в западной Меланезии (при отсутствии на Новой Гвинее), но и в Индонезии и на филиппинском Палаване. Лингвистические особенности, связывающие Вануату и Новую Каледонию с более северными и западными районами, также представлены не только на Новой Гвинее, но и в Индонезии, Микронезии и на Филиппинах [Donohue, Denham 2008, maps 1–6].

Некоторые мифологические мотивы и некоторые особенности мужских ритуалов на Новой Гвинее и на востоке Южной Америки очень похожи [Березкин 2002: 172–177]. В то же время предположение о миграции папуасов в Америку явно нелепо, а культуры Новой Гвинеи и Амазонии все же нельзя назвать идентичными. Первые люди, которые проникли в Южную Америку, не были американоидами, но их кранеологические характеристики не дают оснований слишком тесно сближать их с папуасами и обитателями западной Меланезии. Скорее речь идет о протоморфных группах, находившихся близко к основанию восточного расового ствола [Березкин 2007b: 162–163]. Не исключено, что в совокупности ареалы распространения мотивов цепочки из стрел (дротиков) и прерванного омоложения фиксируют вехи на маршрутах расселения

данных групп. Исходная область, откуда началось расселение, могла охватывать ныне затопленные мелководья Восточной Азии (Сунда) и Австралии — Новой Гвинеи (Сахул). Смещение к северу ареала распространения человека современного вида в тихоокеанском бассейне и заселение Нового Света, скорее всего, были вызваны не только улучшением условий обитания в Северной Пацифике после окончания ледникового максимума, но и затоплением в это время огромных территорий на юге. Результатом подобных процессов и стало появление сходных мифологических мотивов по всей циркумтихоокеанской дуге от Меланезии до Амазонии. За прошедшие тысячелетия наследие ранних протоморфных групп было в значительной мере стерто и перекрыто новыми культурными формами азиатского происхождения. Поэтому оно сохранилось лишь в отдельных изолированных ареалах, разделенных огромными расстояниями.

***

Березкин Ю.Е. Рец. на «Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley; Los Angeles; L., 2001. 392 p.» // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 172–177.

Березкин Ю.Е. Происхождение смерти — древнейший миф // Этнографическое обозрение. 2007а. № 1. С. 70–89.

Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007б.

Лебедева Е.П. и др. Фольклор удэгейцев / сост., вступ. ст., комм. и словарь Е.П. Лебедевой, М.М. Хасановой, В.Т. Кялундзюги, М.Д. Симонова. Новосибирск, 1998.

Маргаритов В.П. Об орочах Императорской Гавани. СПб., 1888.

Пермяков Г.Л. Сказки и мифы Океании. М., 1970.

Anell B. The origin of death according to the traditions in Oceania // *Studia ethnographica upsaliensia*. 1964. Vol. 20. P. 1–32.

Becher H. Poré/Perimbó. Einwirkungen der lunaren Mythologie auf den Lebensstil von drei Yanonámi-Stämmen — Surára, Palidaí, und Ironasitéri. Hannover, 1974.

Beckwith M. Hawaiian Mythology. Honolulu, 1970.

Berezkin Yu.E. Why are People Mortal? World Mythology and the «Out-of-Africa» Scenario // *Ancient Human Migrations. A Multidisciplinary Approach*. Salt Lake City, 2009а. P. 242–264.

Berezkin Yu.E. Out of Africa and further along the Coast (African — South Asian — Australian mythological parallels) // *Cosmos: The Journal of Traditional Cosmology Society*. 2009b. Vol. 23. № 1. P. 3–28.

Briffault R. The Mothers. A Study of the Origins of Sentiments and Institutions. Vol. 2. L.; N.Y., 1927.

Califano M. Muerte, miedo y fascinación en la crisis de embüye de los Mashco de la Amazonia Sudoccidental // *Runa*. 1976–1980. Vol. 13. № 1–2. P. 125–151.

Cipolletti M.S. Aipë Koka. La Palabra de los Antiguos. Tradición Oral Siona-Secoya. Quito, 1988.

Clark G.R. A 3000-year culture sequence from Palau, Western Micronesia // *Asian Perspectives*. 2005. Vol. 44. № 2. P. 349–380.

Codrington R.H. Religious beliefs and practices in Melanesia // *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1881. Vol. 10. P. 261–316.

Codrington R.H. The Melanesians. Oxford, 1891.

Deacon A.B. Malekula: a Vanishing People in the New Hebrides. L., 1934.

Dixon R.B. Océanic Mythology. Boston, 1916.

Donohue M., Denham T. The language of Lapita: Vanuatu and an early Papuan presence in the Pacific // *Oceanic Linguistics*. 2008. Vol. 47. № 2. P. 433–443.

Endicott K. Batek Negrito Religion. Oxford, 1979.

Evans I.H.N. The Negrites of Malaya. Cambridge, 1937.

Fischer H.Th. Indonesische Paradiesmythen // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1932. Bd. 64. H. 1–3. S. 204–245.

Fortune R.F. Sorcerers of Dobu. The Social Anthropology of the Dobu Islanders of the Western Pacific. L., 1932.

Fox C.E., Drew F.H. Beliefs and tales of San Cristobal // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1915. Vol. 45. P. 131–228.

Frazer J.G. The Native Races of Australasia. L., 1939.

Hatt G. Asiatic Influences in American Folklore. København, 1949.

Kruyt A.C. De West-Toradjas op Midden-Celebes. Deel II. Amsterdam, 1938.

Leenhardt M. Documents Néo-Calédoniens. P., 1932.

Lessa W.A. Tales from Ulithi Atoll: A Comparative Study in Oceanic Folklore. Berkeley, 1961.

Macdonald C. Du corps déconstruit au corps reconstruit // *L'Homme*. 2005. Vol. 174. P. 75–102.

Malinowski B. Myth in Primitive Psychology. L., 1926.

Malinowski B. Magic, Science and Religion and Other Essays. Boston, 1948.

Meier P.J. Mythen und Sagen der Admiralitätinsulaner // *Anthropos*. 1908. Bd. 3. H. 2. S. 193–206.

Pereira A.H. O Pensamento Mítico dos Nambikwara. São Leopoldo, 1983.

Pettazzoni R. The chain of arrows: the diffusion of a mythic motive // *Folklore*. 1924. Vol. 35. № 2. P. 151–165.

Poignant R. Oceanic Mythology. The Myths of Polynesia, Micronesia, Melanesia, Australia. L., 1967.

Sand C. The chronology of Lapita ware in New Caledonia // *Antiquity*. 1997. Vol. 71. P. 539–547.

Sand C. Recent archaeological research in the Loyalty Islands of New Caledonia // *Asian Perspectives*. 1998. Vol. 37. № 2. P. 194–223.

Sand C. Evolution in the Lapita cultural complex: a view from the Southern Lapita province // *Archaeology in Oceania*. 2001. Vol. 36. P. 65–76.

Sarfert E., Damm H. Luangia und Nukumanu. Hamburg, 1931. Ergebnisse der Südsee Expedition, 1908–10. Bd. 12. Teil 2. S. 245–506.

Schärer H. Der Totenkult der Ngadju Dajak in Süd-Borneo. 'S-Gravenhage, 1966.

Stiger H. The Lepchas. Part 1. Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1967.

Sinoto Y.H. A brief overview of current knowledge on the eastward expansion of early populations in Oceania // *Japanese as a Member of the Asian and Pacific Populations*. Tokyo, 1992. P. 205–221.

Suas J.Bt. Lolopuépué (Oba). Mythes et légendes des indiennes des Nouvelles-Hébrides (Océanie) // *Anthropos*. 1912. Vol. 7. Fasc. 1–2. P. 33–66.

Tattevin P.E. Mythes et légendes du sud de L'île Pentecôte // *Anthropos*. 1931. Vol. 26. Fasc. 5–6. P. 863–881.

Valentine C.A. The Lakalai of New Britain // *Gods, Ghosts, and Men in Melanesia*. Melbourne, 1965. P. 162–197.

Vroklage B.A.G. Ethnographie der Belu un Zentral-Timor. Teil 2. Leiden, 1952.

Waterman P.P. A Tale-Type Index of Australian Aboriginal Oral Narratives. Helsinki, 1987.

Williamson R.W. Religious and Cosmic Beliefs of Central Polynesia. Vol. 2. Cambridge, 1933.

ФОРМИРОВАНИЕ АВСТРАЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

По ходу истории *австралийская этническая идентичность формировалась исключительно в силу политических решений*, сначала со стороны Британии, когда осужденных из Англии переправляли в далекую Австралию, таким образом решая две проблемы: переполнение тюрем и колонизацию нового континента, а затем — согласно решениям австралийского правительства. При этом можно выделить три этапа формирования австралийской этнической идентичности: (1) англо-кельтская (переселенцы и осужденные из Британии), (2) европейская (первоначальная англо-кельтская идентичность подверглась модификации за счет большого притока новых иммигрантов из Восточной Европы после Второй мировой войны согласно политическому решению австралийского правительства и превратилась по сути в европейскую идентичность на основе англо-кельтской) и (3) расширенная европейская за счет политики «азианизации» и мультикультурализма в 1990-х гг.

Население Австралии составляет 22 166 121 человек [Australian Bureau of Statistics...]. Согласно статистическим официальным данным, со времени Второй мировой войны в Австралию эмигрировало около 5,7 млн человек. В 2000 году в Австралии проживали 4,5 млн человек, которые родились за пределами Австралии, составляя почти 24 % населения Австралии. Более 53 % из них родились в Европе (в основном в Великобритании, Италии, бывшей Югославии, Греции, Германии) или в бывшем Советском Союзе. Почти 24 % из них родились в азиатских регионах (в основном во Вьетнаме, Китае, Филиппинах и Индии) [Australian Bureau of Statistics...].

В связи с переписью населения в 2001 году был проведен опрос, выходцем какой этнической группы считает себя респондент. 6,7 млн человек считают себя австралийцами (англо-кельтский австралиец является более широким термином, чем англо-саксонский австралиец, так как он подчеркивает культурное наследие первых поселенцев и их демографическую роль, а именно — переселенцев из Ирландии, Шотландии, Англии и Корнуолла), 6,4 млн — англичанами, 1,9 млн — ирландцами, 800 тыс. человек — итальянцами, 742 тыс. — немцами, 557 тыс. — китайцами, 540 тыс. — шотландцами. Затем шли следующие группы (количество людей между 150 тыс. и 500 тыс.): греки, голландцы, ливанцы, вьетнамцы, поляки.

1. Система ценностей и этническая основа формирования австралийской национальной идентичности до середины XX в.

Полагают, что задолго до прибытия европейцев, примерно за 40–70 тыс. лет (доисторический период Австралии до 1606 г.) [Australia colonized earlier than previously thought?..]. Австралию населяли люди, прибывшие из Азии в плейстоценовую эпоху, когда миграция из Азии достигла не только Австралии, но и Северной Америки (через существующую тогда сушу между нынешней Сибирью и Аляской). Австралия, Новая Гвинея, Тасмания и часть Гебридских островов образовывали единое пространство суши, поэтому было вполне возможно осуществить перемещение с юго-восточной Азии в Австралию через Малайский архипелаг с его частыми островами.

Когда в 1788 г. первый флот с европейцами-переселенцами прибыл в австралийскую бухту, там проживало, возможно, около 300 тыс. аборигенов, которые жили племенами и занимались охотой [Hughes 1996:9]. Существуют и другие версии, согласно которым в Австралии проживало около 500 племен, насчитывающих полмиллиона аборигенов. В 1788 г. английский капитан Артур Филлип прибыл в район Сиднейской бухты во главе 11 кораблей с 1500 человек на борту, из которых 736 были заключенными. Они были собраны со всей Англии, большинство — лондонцы. Первые прибывшие осужденные не были политическими заключенными. Среди них также не было осужденных за убийство или изнасилование. В основном это были те, кто совершил преступление против собственности или ограбление с насилием. В течение последующих 100 лет около 162 тыс. осужденных были перевезены из Англии в Австралию. Открытие в 1851 г. месторождений золота привело к увеличению потока свободных переселенцев [Clark 1995: 232]. К 1890 г. население Австралии составляло 3 млн человек, в основном британского происхождения. Население Австралии тогда имело самый высокий уровень доходов на душу населения в мире. Австралия вообще была одной из самых процветающих стран до 70-х гг. XX в.

В конце Второй мировой войны Австралия, наряду с США и Канадой, была самой богатой страной мира. Одной из главных причин экономического роста в XVIII–XIX вв. являлась связь Австралии с Британией. Промышленные достижения Британии послужили «взлетной полосой» для развития Австралии. Британия также дала большой приток британских иммигрантов — тех, кто не хотел смириться с устаревшими британскими законами, мешающими развитию промышленности. Австралийцы унаследовали промышленные и коммерческие принципы и практику,

банковскую и финансовую системы и политические институты. Однако их отличали *новый приоритет социальной справедливости и уважения к труду*. Колонисты с самого начала пытались изолировать себя от азиатских соседей. Федеральный совет колоний появился в 1885 г. В 1891 и 1897–1898 гг. на съездах был разработан проект Конституции, и после проведенных референдумов, одобдивших новое объединение, 1 января 1901 г. был образован Австралийский Союз. Именно тогда была принята государственная политика «белой Австралии», которая исключала иммиграцию «не белых» в Австралию. «Не белые» не могли въехать в страну, не столько якобы по причине цвета кожи, сколько по причине недостаточного уровня образования. «Не белым» предлагались соответствующие языковые тесты. Премьер-министр А. Дикин объявил, что «белая Австралия» означает равные законы и возможности для всех на этой земле, что, в свою очередь, означает социальную справедливость, которая будет установлена, включая справедливую торговлю и справедливую оплату труда. Считалось, что азиаты и островитяне бассейна Тихого океана будут использоваться в Австралии так же, как рабы на плантациях Америки, и, таким образом, обесценят физический труд и подорвут идеал равенства.

Жителям островов Тихого океана после 1904 г. не разрешалось иммигрировать в Австралию, а все те, кто уже жил в стране, были репатриированы к 1906 г. Фермеры, занимающиеся продажей сахара в Квинсленде и использующие труд азиатов, в связи с этим законом и потерей дешевой рабочей силы получили скидки на акцизный сбор, а затем вместо этих скидок — правительственную премию для поощрения развития производства [Сланевская 2001: 129]. *Этническая однородность была сразу создана в новом государстве, аборигены никогда не играли никакой роли в формировании австралийской идентичности*. Австралийская Федерация установила стратегию экономического развития и социальной защиты в форме пакта между трудом и капиталом, регулируемого государством, и способствовала формированию *особой австралийской системы социальных и политических ценностей* и в конечном счете австралийской национальной идентичности. Идея основной заработной платы, ниже уровня которой нельзя было опускаться (договора между работодателем и работником контролировались государством) и которая могла дать приличное обеспечение работающему белому мужчине для поддержания себя и своей семьи, включала две характеристики: недоверие к рынку и уважение к труду рабочего. Это был идеал независимости на основе труда, который стал основой социальных ценностей австралийцев. В годы депрессии, в 30-х гг. XX в., идеал независимого

труда был сильно подорван. Около $\frac{1}{3}$ австралийцев остались без работы [Capling, Crozier, Considine 1998: 122]. После Второй мировой войны полная рабочая занятость входила в программы всех партий. Лейбористы в своей программе сочетали элементы кейнсианской макроэкономической политики и старые австралийские традиции государственного вмешательства. Годы депрессии превратили старый средний класс австралийцев в класс, идеалами которого стали: добросовестный тяжелый труд, трезвая мораль и опора на собственные силы. Послевоенная политика премьер-министра Р. Мензиса выражала идеалы этого среднего класса, выходцем из которого он был [Сланевская 2001: 134].

После Второй мировой войны Австралия нуждалась в увеличении численности населения для развития промышленности и укрепления оборонной мощи страны. Впервые за всю историю своего существования австралийцы испытали шок от реальности вторжения на свою территорию. Послевоенная иммиграционная программа была создана из-за нехватки рабочей силы. Но вскоре стало очевидным, что мигранты являются также и хорошими потребителями. С мигрантами заключался двухлетний контракт, в основном это были люди сельского происхождения, низко квалифицированные. Они не составляли конкуренцию австралийцам, защищенным профсоюзными договорами. Но все же австралийскому правительству не удалось набрать желаемого числа иммигрантов из Британии или Западной Европы. В итоге основная масса иммигрантов приехала из Восточной Европы. Этнический состав населения Австралии заметно изменился. Население Австралии с 1947 по 1988 г. увеличилось до 16 млн человек. Более 60 % новых поселенцев были небританского происхождения. Бурный рост населения за счет иммиграции наблюдался дважды: первый раз он был связан с открытием месторождений золота, а второй — с окончанием Второй мировой войны. Таким образом, *англо-кельтская идентичность начала образования Австралийского Союза подверглась модификации за счет большого притока новых иммигрантов из Восточной Европы после Второй мировой войны и особой ценностной системы, созданной политикой государства на протяжении всей истории Австралии.*

2. Проект «азианизации» Австралии и критерии совместимости национальных идентичностей

Более широкий доступ к образованию, большая социальная мобильность и материальное изобилие способствовали созданию новых культурных и социальных моделей, особенно среди хорошо образованной и

хорошо обеспеченной молодежи послевоенного бума. Среди определенных групп общества стала раздаваться критика по поводу таких вещей, как доминирование материальных ценностей в сельской местности Австралии, ужасное положение аборигенов, дискриминация по отношению к женщинам при трудоустройстве и отношение к иммигрантам и мигрирующим рабочим. Аборигены получили равный рабочий статус в 1966 г., затем женщины — в 1969–1972 гг. В 1960-х гг. политика «белой Австралии» стала вызывать сомнения, и поддерживаемые государством иммиграционные программы стали менять этнический состав. С приходом к власти лейбориста Г. Уитлема политика «белой Австралии» окончательно была забыта. Правительство Уитлема (1972–1975) внесло значительные изменения во внешнеполитический курс Австралии. Расставание с идеалом «белой Австралии» означало то, что Австралия больше не могла игнорировать новые национальные государства в регионе. Согласно объявленной политике мультикультурализма в 70–80-х гг. XX в. Австралия должна была включить элементы не только западной культуры (имея, однако, в своем основании западный либерализм), но и других культур.

В 1980-х гг. правительство Р. Хоука особенно пристально стало смотреть в сторону Азии и проводить интеграционную политику с Азией. Азия стала рассматриваться как хороший рынок для Австралии и перспективный с точки зрения развития экономических связей. В 1994 г. новый премьер-министр Австралии П. Китинг заявил об историческом сдвиге в сторону Азии. В своей речи в Институте Азии и Австралии при Университете Нового Южного Уэльса Китинг объявил, что к 2000 г. он хочет, чтобы Австралия стала страной, культура которой была бы сформирована под воздействием окружающих азиатских стран, и сама Австралия оказывала бы воздействие на эти культуры. Ответственный редактор по внешнеполитическим делам Г. Шеридан написал в своей статье по поводу этой речи, что еще ни один австралийский премьер-министр не был так явно настроен на «азианизацию» Австралии (*Asianisation of Australian life*) [Sheridan 1994: 29–30].

Была организована программа по ознакомлению австралийцев с Азией. Эта программа называлась «Азиатская грамотность», или «Элементарные знания об Азии», девизом которой стал тезис: как можно больше узнать об Азии и как можно больше рассказать об Австралии [Сланевская 2001: 135]. Правительство Китинга поставило цель превратить Азиатско-Тихоокеанский регион в главную тему внешней политики. Австралийский сдвиг в направлении к Азии наметился в первой половине 90-х гг. Программа «Элементарные знания об Азии»

предусматривала, что все австралийцы должны усвоить элементарные знания об Азии. До начала 1990-х гг. как изучению Азии в Австралии, так и изучению Австралии в Азии не придавалось значения. Интерес к Азии был вызван развитием экономик азиатских стран. Экономика стимулировала изменение языка политики. Правительство Китинга стремилось к тому, чтобы Австралию рассматривали как страну азиатского региона. Правительство поощряло азиатские инвестиции и рекомендовало австралийским бизнесменам вступать в деловые отношения с Азией.

В начале 90-х гг. в Австралии появились новые центры, созданные австралийским правительством по изучению Азии. Так, в 1992 г. был основан Азиатский образовательный фонд, целью которого было разработать школьные программы, дающие первоначальные знания об Азии. Представленный федеральному правительству в 1989 г. доклад рекомендовал не ограничиваться специальными факультетами по изучению Азии в высших учебных заведениях, но и знакомить с Азией студентов других факультетов. Результатом этой политики стало резкое увеличение числа австралийских студентов, изучающих японский язык (Австралия заняла первое место в мире по числу студентов, изучающих японский язык). Двусторонние соглашения и образование культурных фондов, например между Индонезией и Австралией, Японией и Австралией, также являлись важными механизмами по налаживанию образовательных, научных и культурных программ. Частная организация «Азиалинк», основанная при университете в Мельбурне, и созданные ею образовательные программы также были составной частью системы по изучению Азии.

В начале 90-х гг. появилось много новых городов-побратимов. Число студентов и учителей, посетивших Австралию или Азию по обмену, в начале 90-х гг. значительно увеличилось. В 1993 г. были открыты новые представительства в разных странах. Некоторые дипломатические миссии закрылись в Европе и Северной Америке, чтобы иметь возможность использовать освободившиеся средства для открытия новых в Азии. Однако азиатские страны продолжали воспринимать Австралию как западную страну внутри азиатского региона, несмотря на то что Австралия меняла тактику и все чаще начала принимать сторону Азии в спорных международных вопросах. Австралийские многосторонние переговоры имели смешанный успех в 1995 г. На встрече стран АСЕАН в Брунее министр иностранных дел Г. Эванс безуспешно пытался внушить азиатским лидерам мысль о том, что Австралия — это часть Азии, демонстрируя карту с Австралией посередине восточно-

азиатского полушария. Однако эта попытка «картографической дипломатии», как ее называли, не очень повлияла на мнение азиатских лидеров о принадлежности Австралии к Азии. Для азиатских стран Австралия осталась представительницей западных стран. В конце 1995 г. малазийский премьер-министр М. Махатхир окончательно отверг идею Австралии называть Австралию азиатской страной, указав ей на систему азиатских ценностей, которой она не имела, а также на разницу в понимании прав человека. Выступая, однако, в Сингапуре, в январе 1996 г., Китинг утверждал, что азиатские ценности являются и австралийскими.

Насаждение новой идентичности сверху дало негативную реакцию в Австралии. Азиатские соседи также отказывались верить, что Австралия когда-нибудь станет азиатской страной. В азиатско-австралийском обзоре событий за 1997–1998 гг. автор статьи «Двойное видение: как Азия и Австралия видят друг друга» К. Беннет сравнил мнения австралийцев о себе и азиатов об австралийцах. Мнение азиатов об австралийцах: австралийцы — потомки осужденных, признающие только белую расу, ленивые, неуправляемые, склонные к забастовкам, неохотно признают значимость чужих культур, необразованные, лицемерные, грубые и неотесанные, неточные в фактах и склонные к предвзятым суждениям. Тем временем австралийцы считают: азиаты воспринимают их страну как технологически более развитую, страну божьей благодати, в которую все азиаты стремятся приехать. Они считают, что азиаты любят австралийцев, доверяют им и ценят их за эгалитарность и дружелюбность. Как же они были бы удивлены, если бы узнали, что японские и южнокорейские туристы считают Австралию полуиндустриальной страной; японские туристы находят Австралию грязной и скучной, не предполагающей повторного визита; студенты из Юго-Восточной Азии находят уровень обучения низким; китайцы и вьетнамцы рассматривают Австралию как второсортную страну для эмиграции, а тайландцы говорят о том, что ходить по улицам австралийских городов небезопасно [Bennett 1997: 33–52].

Значительное увеличение числа иммигрантов из Азии наблюдалось после окончания войны во Вьетнаме. В основном приезжали с юго-восточной части Азии. К концу 70-х гг. приток иммигрантов из Азии составлял 30 %. Пик наблюдался в 1992 г., когда более половины иммигрантов приехали из азиатских стран региона. Затем пропорция стала меняться, и количество людей, прибывших из Азии, стало уменьшаться. Политика правительства Австралии постоянно находится под давлением как внешних сил, так и противоречивых сил внутри страны. Австра-

лия преследует внешнеполитический курс развития международных отношений с азиатскими странами, политика которых часто не соответствует западным стандартам.

Положение правительства усугубляется еще и внутренними противоречиями в стране в связи с процессом глобализации, способствующим разобшению монолитного национального восприятия многих политических вопросов. Возникновение партии П. Хэнсон под названием «Одна нация» в 1997 г. после выборов 1996 г. стало предметом широких дискуссий. Академики, политологи и широкая общественность пытались найти причину неожиданной популярности П. Хэнсон и ее программы. С. Джекмен [Jackman 1998: 167–186] в своей статье «Полина Хэнсон, массы и политическая элита: место расового вопроса в австралийской политической идеологии» использует данные по федеральным выборам 1996 г. и делает обзор мнений как кандидатов от партий, так и их электората относительно общей идеологической предрасположенности, включающей вопросы об австралийских аборигенах, иммигрантах и связях с Азией. Электорат придерживается более консервативных взглядов, чем кандидаты вообще, и намного более консервативных, чем кандидаты лейбористской партии в частности. В конечном счете, как показали данные Джекмена, политика коалиционной партийной группировки оказалась более совместимой с расовой идеологией электората, чем политика лейбористской партии и Китинга. П. Хэнсон стала хорошо известна после ее негативных выступлений по поводу закона об аборигенах и азиатской иммиграции. К 1999 г. произошли перемены в вопросе интеграции Австралии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. После азиатского экономического кризиса произошло резкое сокращение объема торговли, и новое правительство Дж. Говарда отказалось от плана «азианизации» австралийцев сверху. Политика *мультикультурализма* правительства Китинга, бесспорно, *повлияла на формирование австралийской идентичности: австралийцы, несмотря на непринятие плана «азианизации» сверху, расширили свою базовую европейскую идентичность в результате политики мультикультурализма.*

Вопрос о роли национальной культурной идентичности стал широко обсуждаться в начале 90-х гг. Г. Хофстеде предлагает подробные схемы и карты для ряда стран, согласно которым можно прогнозировать поведение людей на государственном и деловом уровнях [Сланевская 2001: 135–145]. Он приводит определенные закономерности относительно определенных ценностей. Эти ценности связаны с властью и неравенством, с отношениями между индивидуумом и группой людей, социальной ролью, ожидаемой от мужчины и женщины, с отношением к

неопределенности и приоритетом настоящего, прошлого или будущего. Если проследить культурное различие между Австралией и азиатскими странами — ближайшими соседями Австралии — и сравнить их по предлагаемым Хофстеде индексам, то можно прийти к неутешительному выводу: Австралии будет трудно «азианизироваться», а азиатским странам — «австрализироваться».

Приведем некоторые данные из таблиц Хофстеде с включением Австралии, некоторых азиатских стран, США и Великобритании: Хофстеде дает следующие *индексы дистанции власти* (ИДВ): Малайзия — 104, Австрия — 11, США — 40, Великобритания — 35, Австралия — 36, Филиппины — 94, Индонезия — 78, Сингапур — 74, Гонконг — 68, Таиланд — 64, Южная Корея — 60, Тайвань — 58, Япония — 54, Новая Зеландия — 22. Если в Австралии с индексом 36 позволительно выражать свое мнение в прессе и критиковать правительство, то для такой страны, как Малайзия с индексом 104, это кощунственно. Один из лидеров оппозиционной демократической партии Малайзии Карпал Сингх назвал поведение Китинга на конференции АПЕК в Сिएтле в 1993 г. и его резкое высказывание в сторону отсутствующего премьер-министра Малайзии Махатхира «ребяческим» и посоветовал ему научиться элементарным хорошим манерам, а лидер панмалайской исламской партии Ник Абдул Азиз Ник Мат отметил: «Что можно ожидать от лидера, чьи предки были бывшими осужденными и социальными отбросами?» [Сланевская 2001: 27].

Индексы индивидуализма (ИИ) по странам следующие: США — 91, Великобритания — 89, Австралия — 90, Новая Зеландия — 79, Япония — 46, Филиппины — 32, Малайзия — 26, Гонконг — 25, Сингапур — 20, Таиланд — 20, Южная Корея — 18, Тайвань — 17, Индонезия — 14. Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, США являются индивидуалистическими странами (если считать индекс 50 как нейтральный) с низким индексом дистанции власти. Все остальные вышеперечисленные страны Азиатско-Тихоокеанского региона являются коллективистскими странами с высоким ИДВ.

Третий критерий культуры стран по Хофстеде — женственность или мужественность. Ролевая модель взаимоотношений, демонстрируемая отцом и матерью, служит механизмом программирования ребенка. По *индексу мужественности* (ИМ) страны получаем следующие результаты: Япония — 95, США — 62, Великобритания — 66, Австралия — 61, Филиппины — 64, Новая Зеландия — 58, Гонконг — 57, Малайзия — 50, Сингапур — 48, Индонезия — 46, Тайвань — 45, Южная Корея — 39, Таиланд — 34.

В отличие от ИИ (индекса индивидуализма) индекс мужественности не относится к уровню экономического развития. Такие страны, как Новая Зеландия, Австралия, США, Великобритания, являются странами с примерно одинаковым ИМ и примерно одинаковым ИДВ и относятся к странам с низким ИДВ и высоким ИИ. Остальные страны, упомянутые выше, имеют высокий ИДВ и, за исключением Гонконга и Филиппин, относятся к странам с индексом женственности.

Четвертым критерием культуры страны, согласно Хофстеде, является желание избежать неопределенности, которое измеряется через *индекс избегания неопределенности* (ИИН). Индекс избегания неопределенности (ИИН) по странам следующий: Сингапур — 8, США — 46, Великобритания — 35, Австралия — 51, Япония — 92, Южная Корея — 85, Тайвань — 69, Таиланд — 64, Новая Зеландия — 49, Филиппины — 44, Малайзия — 36, Гонконг — 29. В странах с низким ИИН будут поддерживаться нововведения и наблюдаться терпимость к неортодоксальности. В странах с высоким ИИН то, что отличается от обычного или общепринятого, воспринимается как опасное.

Пятым критерием Хофстеде называет *индекс Конфуция* (ИК). Этот критерий говорит о том, является страна ориентированной на настоящее, прошлое или будущее, и связан с основными принципами учения Конфуция. Странам приписываются следующие индексы: Китай — 118, США — 29, Великобритания — 25, Австралия — 31, Гонконг — 96, Тайвань — 87, Япония — 80, Южная Корея — 75, Таиланд — 56, Сингапур — 48, Новая Зеландия — 30, Филиппины — 19.

Показатели Великобритании и Австралии по всем критериям почти совпадают, дают о себе знать британские корни. А по первым трем критериям Австралия чужда народам Азиатско-Тихоокеанского региона, за исключением Новой Зеландии. У Австралии низкий индекс дистанции власти, высокий индекс мужественности, она принадлежит к индивидуалистическим странам. По индексу избегания неопределенности Австралия занимает нейтральное положение среди этих стран, по индексу Конфуция — низкое, как Сингапур, Новая Зеландия, Филиппины.

Заключение

Австралийская этническая идентичность формировалась искусственным путем согласно политическим решениям. В этом ее уникальность. Австралийская англо-кельтская идентичность, созданная за счет транспортировки британских осужденных в Австралию, подверглась

модификации за счет большого притока новых эмигрантов из Восточной Европы после Второй мировой войны согласно иммиграционной политической программе Австралии. Глобальные процессы и бурный экономический успех азиатских стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне экономического упадка в самой Австралии заставили австралийское правительство принять новую дипломатическую позицию в регионе — позицию активного сотрудничества с азиатскими странами и политику мультикультурализма в самой стране. Попытка премьер-министра П. Китинга в 1990-х гг. изменить сверху австралийскую идентичность, т.е. «азианизировать» австралийцев с помощью специальных государственных программ с целью более плодотворного экономического сотрудничества с азиатскими государствами, принесла противоречивые результаты. С одной стороны, наблюдался некоторый подъем национализма в Австралии, в частности, была организована партия П. Хэнсон, выступающая против возросшего потока азиатских иммигрантов и мигрирующих рабочих, с другой стороны, благодаря политике «азианизации» и мультикультурализма произошло расширение базы австралийской (европейской) идентичности. Глобализация изменила сложившиеся социальные ценности в обществе в ходе истории страны (социальная справедливость при поддержке государственного вмешательства в экономику, эгалитарность, уважение к труду, независимость через труд и т.д.), ослабила или ликвидировала старые социально-государственные институты, что, в свою очередь, также привело к модификации австралийской национальной политической идентичности, но уже под влиянием глобальных политических процессов.

***

Сланевская Н.М. Интеграционная политика Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 90-х годах XX в. СПб. 2001.

Australian Bureau of Statistics, Population clock // Официальный сайт Австралийского бюро статистики. URL: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs%40.nsf/94713ad445ff1425ca25682000192af2/1647509ef7e25faaca2568a900154b63?OpenDocument> (дата обращения: 25.02.2010).

Australian Bureau of Statistics, Australian social trends // Официальный сайт Австралийского бюро статистики. URL: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/7d12b0f6763c78saca257061001cc588/af5129cb50e07099ca2570eb0082e462!OpenDocument> (дата обращения: 18.08.2008).

Australia Colonized Earlier than Previously Thought? // The West Australian, 19 July 2003 // сайт Archaeo News. URL: <http://www.stonepages.com/news/archives/000236.html> (дата обращения: 20.08.2008).

Bennett K.C. Double Vision: How Asia and Australia See Each Other // The Asia–Australia Survey 1997–1998, eds B. Bishop and D. McNamara, Centre for the Study of Australia-Asia Relations, Griffith University, Melbourne, 1997. P. 33–52.

Capling A., Crozier M., Considine M. Australian Politics in the Global Era. South Melbourne, 1998.

Clark M. History of Australia. L., 1995.

Hofstede G. Culture and Organizations. Software of the Mind. L., 1992.

Hughes R. The Fatal Shore. L., 1996.

Jackman S. Pauline Hanson, the Mainstream and Political Elite: the Place of Race in Australian Political Ideology // Australian Journal of Political Science. 1998. Vol. 33. № 2. P. 167–186.

Sheridan G. Keating's Asian Vision // Weekend Australian. October. 1994. P. 29–30.

О ПРИНЦИПАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛИНЕЗИЙСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Исследуя социальную структуру традиционных обществ, важно понимать, на основе каких принципов происходит становление социального статуса индивида. Когда мы говорим о принципах, мы имеем в виду основные исходные положения какого-либо явления, в данном случае — социальной преемственности. Какие признаки имеют значение при определении места индивида в системе взаимоотношений с другими членами социума? Для ранних обществ набор этих признаков примерно таков: принадлежность к определенной кровнородственной группе по рождению или биологическое кровное родство, принадлежность через посредство акта адопции, старшинство, пол и наличие или отсутствие необходимых качеств у индивида.

Старшинство. Старшинство того или иного рода рассматривается в литературе как наиболее важная детерминанта социального статуса в Полинезии, когда затрагивается вопрос о порядке наследования каких-либо ключевых позиций в структуре традиционного общества. Старшинство может быть биологическим (когда речь идет об относительном возрасте) и социальным (когда определяющим является положение индивида в социальной структуре). Понятно, что в социальной жизни, тем более в ранжированных обществах, к каким относятся полинезийские, речь в первую очередь идет о старшинстве в социальном смысле. Здесь оказывается важным старшинство в пределах одного поколения в сочетании со степенью отдаленности от прямой линии, ведущейся от генеалогического предка. Это четко просматривается также и в терминологии родства, где определение родственников по принципу старший/младший наблюдается только в поколении эго, причем внутри группы однополых sibлингов [Buck 1950: 339–340; Daniellson 1953: 157–163]. В других (восходящих и нисходящих) поколениях относительное биологическое старшинство уже не играет большой роли, так как тут важна прямая генеалогическая линия, за исключением первого нисходящего поколения по прямой линии. Таким образом, самые крепкие позиции в вопросе преемственности были у первого сына вождя. Рождение первого ребенка вообще было гораздо более важным событием, чем рождение последующих детей, оно обставлялось большим набором обрядовых действий. Если первым был мальчик — это особенно приветствовалось.

Если первой рождалась дочь, то ее ранг был очень высок, на некоторых островах даже выше, чем у брата, но у нее не было прав потенциального держателя титула вождя. О силе биологического старшинства в формировании социального старшинства говорит такой вариант проявления, как в случае психического или физического несоответствия человека занимаемой позиции: если первый сын вождя был слаб и немощен, что губительно сказывалось на жизни социальной группы, то функции лидера могли перенестись на его младшего брата или сына при сохранении официального статуса верховного вождя у старшего брата (или отца) [Buck 1950: 345]. Социальный характер старшинства хорошо иллюстрирует ситуация, когда на Тонга особые отношения уважения между сестрой отца и детьми брата переносились на следующее поколение: если сестра отца умирала, ее функции брала на себя ее дочь, даже если она была одного возраста со своими новоиспеченными «племянниками». Она становилась старшей по отношению к ним [Beaglehole 1941].

Кровное родство. При выборе кандидата на вакантное место в социальной структуре одним из учитывавшихся параметров была степень близости кандидата к индивиду, занимавшему это место ранее, в системе родственных отношений. Это прослеживается на любом уровне общества. Так, известно, что во всех областях Полинезии при передаче титула преимуществом обладал сын предыдущего держателя титула. Среди жрецов передача титула и знаний тоже нередко происходила от отца к сыну, т.е. от близкого родственника старшего поколения к прямому кровному родственнику младшего поколения. Такая же схема преемственности верна во многих случаях и для искусных ремесленников, которые тоже занимали особое положение в обществе, однако это правило не было абсолютным. Так, на острове Пасхи титул вождя хотя и был наследственным и передавался от отца к сыну, верховный вождь острова мог отстранить или даже убить вождя *мата*, т.е. одного из десяти локальных «кланов» или «племен», и поставить на его место другого.

Кроме того, в определенные периоды истории того или иного общества в силу неких обстоятельств происходило расслоение определенной социальной позиции на формальную и фактическую составляющие. Речь идет о титуле верховного вождя. Есть сведения, что на Таити он передавался от отца к сыну сразу после его рождения, а отец оставался своего рода регентом при сыне, и все основные почести и уважение, положенные персоне вождя, отдавались сыну. На острове Пасхи существовало, видимо, два титула, обладавших высшим статусом. Этот вопрос рассматривался И.К. Федоровой. Во-первых, это *арики хенуа* («вождь земли»). Власть *арики хенуа* была наследственной; все они были из *хонга* (семьи

мата миру — привилегированного *мата*) и могли жениться лишь внутри своей группы. Во-вторых, верховный вождь назывался *арики мау* — «вождь, захвативший [власть силой]». Так рапануйцы называли, видимо, военачальников, пользовавшихся большим авторитетом, которым фактически принадлежала власть над всем островом. Аналогична ситуация была и уровнем ниже — среди вождей мата, соседско-территориальных общин, функции и привилегии которых время от времени присваивали военные вожди *мататоа*. Рапануйцы оказывали им такие же почести, как и наследственным вождям [Федорова 1979: 205].

Возможно, одной из причин подобного дробления социальной позиции на две составляющие: одну функциональную, другую фактическую, — было сохранение кровнородственной генеалогической детерминанты в механизме наследования титула/позиции вождя. Сходная картина прослеживается в 60-х гг. XX в. на Самоа, где все чаще стала возникать в целом не чуждая традиции, но ранее редкая ситуация, когда один и тот же титул *матаи*, главы *аинги* — крупного локального подразделения, состоящего из нескольких домохозяйств, держали совместно два (а иногда и более) человека. Это было связано с тем, что с ростом числа самоанцев, получивших какое-либо образование, увеличилось количество людей, способных поднять престиж *аинга*, а обладание таким качеством очень важно для *матаи*, так как он — представитель *аинга* вовне. Таким людям стали присваивать титул на собраниях *аинги*, хотя они и не выказывали никакого желания возвращаться в деревню и непосредственно выполнять свои обязанности как *матаи* и участвовать в жизни их *аинги* [Lockwood 1971: 31–32]. Поскольку кто-то должен был это делать, то в деревне избирался еще один держатель титула *матаи*, уже не только номинальный, но и фактический.

Известна и обратная ситуация: когда один человек совмещает две социальные позиции (или титула), например верховный вождь и верховный жрец на Мангаиа, Таити. Это не было редкостью и исключением из правил, так как, по представлениям полинезийцев, вождь как потомок богов, и сам почти божество, и жрец как слугитель богов являлись посредниками между людьми и богами.

Адопция. Во всей Полинезии очень широко практиковалась адопция в различных вариантах. На Маркизских островах, когда рождался ребенок, дед или бабка объявляли об этом с платформы своей хижины, а собравшиеся в первую очередь спрашивали, оставят они его у себя или отдадут в другую семью. Ребенка могли взять в другую семью сразу после рождения либо после того как его отнимали от груди [Бутинов 1985: 60–61]. Эрнест и Перл Биглхоул, проводившие в 1938–1939 гг. полевые

исследования в одной из деревень на островах Тонга, зафиксировали 25 случаев адопции среди населения деревни в 268 персон или 44 домохозяйства. Они говорят о бытовании адопции двух типов:

1) *ohia* — полная адопция; сговор семей происходит либо до, либо сразу после рождения ребенка. Принимающие ребенка родители обеспечивают беременную/молодую мать и ребенка едой вплоть до отнятия ребенка от груди, когда и происходит передача его из родной семьи в adoptирующую, сопровождающаяся обменом подарками и праздником. После этого ребенок известен как дитя своих новых родителей, взрослея, он выучит термины родства по отношению к своим новым родственникам, правила уважения к ним, унаследует собственность, статус и ранг принявших его родителей. Обычно этот вариант практикуется, видимо, когда какая-то семейная пара не может иметь детей, и он встречается гораздо реже — из 25 случаев лишь 2 были этого типа.

2) *tauhi* — адопция как отношения кормления. Ребенок передается в семью родственников родителей. Они кормят и растят ребенка, но тот может в любой момент по какой-либо причине вернуться в родную семью. Этот вариант адопции обычно происходит, когда родственники родителей ребенка одиноки или в семье ребенка больше ртов, чем она может в достаточной степени прокормить [Beaglehole 1941: 70–71].

Причины адопции могли быть разные. Это могла быть взаимопомощь в воспитании молодежи. Если семья оказывалась бездетной, через адопцию можно было обрести детей, которые не только наследовали бы благополучие и положение предков, но и обеспечили бы им успешное посмертное путешествие и хорошее положение в мире мертвых через жертвы богам. Причиной адопции также могло быть установление или укрепление каких-либо отношений между двумя семьями, приобретение дополнительных рабочих рук. В последнем случае адопция могла происходить двумя путями. Во-первых, между равными в социальной иерархии семьями, если в качестве работника рассматривался равноправный член домохозяйства, — это справедливо, видимо, только для семьи простого общинника. И во-вторых, между неравными семьями, когда в семью вождя adoptировался ребенок из семьи простого общинника, и тогда он не имел тех же прав, что и родные дети, и жил на положении слуги. Аналогично adoptировались в семью на положении слуги члены племени, побежденного в войне [Бутинов 1985: 61]. Правда, учитывая, что персона вождя была священна и потому табуирована, далеко не каждый мог приблизиться к нему и тем более прислуживать. Это касается прежде всего тех полинезийских обществ, где была высокая степень стратификации и, следовательно, вождь отстоял от простого

общинника гораздо дальше, чем в слабостратифицированном обществе. Так, например, на острове Пасхи работы в хозяйстве и доме верховного арики вели слуги из числа знатных арики, то же можно сказать о верховных вождях на островах Общества, Гавайских островах.

Переход ребенка в семью более низкого социального статуса был исключен. Не существует данных о том, чтобы в социальную группу адоптировался совершенно чужой этой группе человек на тех же правах, что и исходные члены группы.

Можно сделать предположение, что в норме адоптированный ребенок имел в новой семье те же права, что и родные дети, в том случае если обе семьи принадлежали к одному и тому же сословию, а также имели близкие кровнородственные связи. Впрочем, известно, например, что один из таитянских верховных вождей Помаре I и его преемники-потомки не любили, чтобы им напоминали о происхождении, так как оно не было знатным. Прадед Помаре I по имени Ту вообще не был таитянином — он прибыл с архипелага Туамоту и был усыновлен вождем племени, а затем унаследовал его должность. Сын Ту по имени Тангароа, также вождь племени, женился на дочери верховного вождя. Их сын также стал вождем и женился на дочери вождя острова Раиатеа [Williamson 1924, v. 1: 195]. По полинезийским представлениям, происхождение или, иначе, право на власть в качестве верховного вождя Помаре не было чистым, так как его прадед по мужской линии был чужаком, хоть и адоптированным в семью вождя.

Пол. Пол — еще одна переменная, которая определяет возможность или невозможность наследования какого-либо положения в обществе. Преимущество в плане ключевых социальных позиций у полинезийцев отводилось мужскому полу. При счете родства, передаче титула и т.п. в первую очередь учитывалась мужская линия. Как уже отмечалось, женщина, как правило, не могла занимать место вождя как руководителя какой-либо группы, хотя были и исключения. Принадлежность к определенному полу может влиять непосредственно или косвенно. Речь идет о следующем. Держателем титула верховного вождя, как правило, был мужчина. Однако если согласно таким нормам наследования титула, как близкое кровное родство, подходящего мужчины не было, титул могла наследовать незамужняя сестра предыдущего вождя. В случае спорной ситуации с выбором наследника титула вождя из нескольких сыновей решающим мог оказаться более высокий статус матери одного из них (вожди, как правило, имели несколько жен). Право на титул имел сын сестры вождя на Самоа. Поэтому при принятии титула новый вождь одаривал свою сестру в знак того, что она не воспользуется своим пра-

вом на титул для своего сына [Williamson 1924, v. II: 94–96]. Кроме того, часто вождь-узурпатор брал себе жену знатного происхождения. Брак с ней укреплял его позиции в качестве вождя, но не придавал знатности его собственному происхождению. Его дети наследовали титул через мать. У маори известны группы, носившие имя одного из своих предков — женщины, а не мужчины, как обычно, например группа Ngati Ruanui. Изредка случалось и так, что верховным арики становилась собственно женщина, как знаменитая Ninematioio из группы Ngati Porou правила своими людьми [Buck 1950: 334, 344].

Исходя из существующих данных, можно утверждать, что основным принципом, которым руководствовались при выборе преемника той или иной социальной позиции в традиционном полинезийском обществе, являлось социальное старшинство, понимаемое как относительно более высокое положение кандидата на наследуемое место среди всей группы возможных претендентов. Старшинство определялось степенью кровного родства, а в среде простых общинников — с возможным вариантом приобретения степени родства через адопцию по модели кровного родства.

***

Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М., 1985.

Федорова И.К. О власти верховного вождя на острове Пасхи (по фольклорным материалам) // Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979. С. 192–214.

Beaglehole Ernest and Pearl. Pangai. Village in Tonga. Memoirs of the Polynesian Society. Vol. 18. Wellington, 1941.

Buck Peter. The Coming of the Maori. Wellington, 1950.

Daniellson Bengt. Tuamotuan kinship terms // Ethnos. 1953. Vol. 18. Nos. 3–4. P. 155–166.

Lockwood Brian. Samoan Village Economy. Sydney, 1971.

Williamson Robert W. The Social and Political Systems of Central Polynesia. Cambridge, 1924. Vol. I–III.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ МИКРОНЕЗИЙСКОЙ МЕТРОЛОГИИ (На примере строительства каноэ)

При рассмотрении процесса изготовления традиционных каноэ на тех или иных островах Микронезии, исследователи не часто уделяют внимание метрологической системе и особенностям ее применения. В то же время очевидно, что измерения не только являются одним из основных условий строительства вообще, но и необходимы для создания судна с определенными пропорциями. В этой связи значительный интерес представляют материалы Вильяма Элкайра, записанные им в ходе полевой работы на атолле Волеаи (Каролинские острова) в 1970 г. Они содержат подробное описание процесса строительства каноэ с акцентом именно на специфике производимых при этом измерений.

Закладка каноэ делается из ствола хлебного дерева, который первоначально обрабатывается на глаз. Из цельного куска древесины вырезается нижняя часть корпуса каноэ таким образом, что непосредственно килевая балка, нижние части бортов и нижние части штевней (носовой и кормовой частей) являются единым целым (рис. 1, по [Alkire 1970: 28]). Это основание всего судна — его «сердце» — так переводит местный термин Элкайр. После этого дерево переправляется к месту строительства, на берег, где начинается стадия, на которой необходимы точные измерения.

Отправной величиной является длина каноэ по килю (АВ, рис. 1), т.е. длина между точками перехода киля в основание штевней. Длину киля откладывают на бечеве и, поделив последнюю пополам, определяют середину. Она, в свою очередь, нужна для нахождения точек, где килевая балка приобретает скос (С, D, рис. 1). Эти позиции определяются таким же способом — они располагаются посередине между крайними и центральной точками.

Вокруг последних двух точек могли наносить до семи дополнительных (а, b, c, d, f, e. g, рис. 1). Для определения их положения применялась уже другая техника. В качестве мер длины использовались расстояния между определенными точками на человеческом теле, а именно — от основания большого пальца до кончиков среднего, безымянного и мизинца. Любопытной особенностью является то, что это расстояние отмерялось не по прямой линии поперек ладони, а по дуге — вдоль внутреннего ребра и вокруг пальцев. Данные точки служили для того, чтобы строитель по своему усмотрению, в зависимости от опыта, назначения каноэ и т.п., мог изменять соотношение длин горизонтальной и наклонных частей киля.

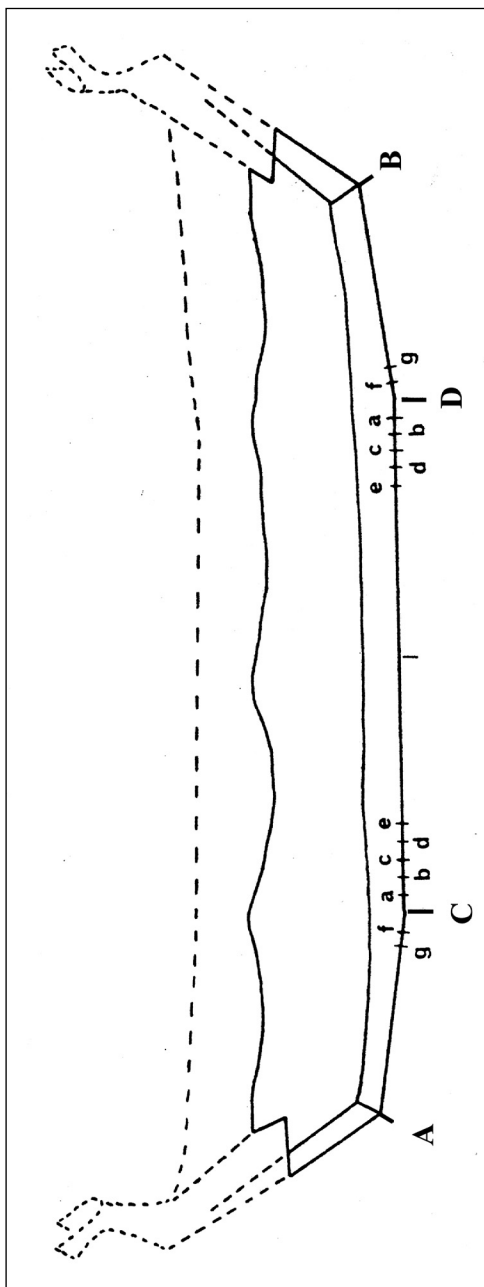

Рис. 1

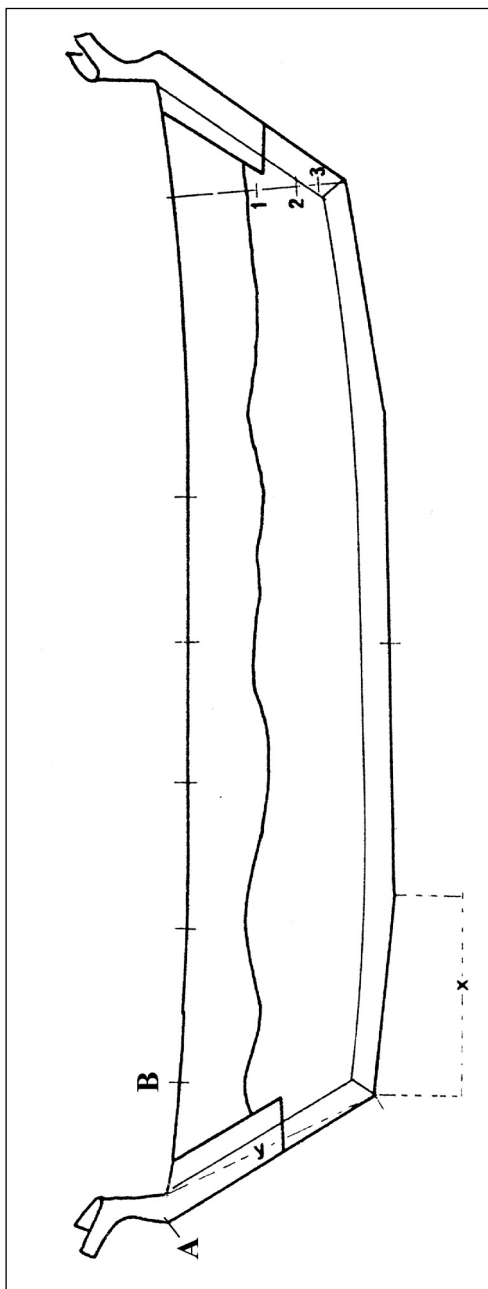

Рис. 2

На следующем этапе происходило формирование штевней и их соединение с килевой частью. Верхние части штевней вырубались также из цельного куска древесины (*Calophyllum inophyllum*) каждый. Далее следовало рассчитать их высоту. Последняя зависела от разметки килевой секции, а именно: расстояние наклонной части киля должно быть равно высоте штевня до верхней кромки борта (т.е. без декоративных деталей) с учетом того, что верхняя точка располагается с внутренней стороны штевня ($x = y$) (рис. 2, по [Alkire 1970: 30]).

Следующим важным шагом было определение угла наклона штевней. Оптимальным считался такой наклон, при котором расстояние по горизонтали между точкой на перпендикуляре, проведенном из оконечности киля, и внешней точкой самого штевня (АВ, рис. 2) составляло $1/8$ длины до другого штевня, расположенного симметрично. Этот прием одновременно задавал и такие величины, как максимальная длина или длина по борту (которой и являлось расстояние между штевнями) и высота корпуса каноэ.

Затем на обозначенный перпендикуляр с помощью того же принципа деления на два наносились три точки — на половине, четверти и восьмой высоты борта (1, 2, 3, рис. 2). Они обозначали основные уровни, на которые строитель ориентируется при создании формы корпуса каноэ в поперечном сечении.

Длины основных частей аутригера — выносных шестов и поплавок — были равны $1/2$ длины корпуса каноэ (по борту). Таким образом, оконечности каноэ и максимально удаленная от них точка по поперечной оси образовывали прямоугольный равнобедренный треугольник.

На этом часть работ, где использовались собственно измерения, заканчивалась. Далее борта каноэ надстраивались в высоту планками, с помощью оригинальной техники с использованием бечевы формировались обводы корпуса, соединялись друг с другом и корпусом части аутригера. Но что касается основных параметров и пропорций каноэ, то они закладывались именно в результате рассмотренных построений. При этом можно выделить три основных приема, используемых в измерительных работах: применение длин частей человеческого тела (фиксированных длин); применение уже отмеренных (заданных) длин; деление длины на два. Очевидно, что все они достаточно часто встречаются в традиционной метрологии. В то же время, рассматривая процесс создания каноэ, можно полагать, что система измерений, используемая при строительстве каноэ, являлась не просто набором эталонов для определения длин или приемов для деления расстояний.

Как мы видели, положение всех конструктивно значимых и вспомогательных, необходимых для дальнейшего строительства точек, а следовательно, и все пропорции, так или иначе зависят от самого первого расстояния — длины киля. Дальнейший процесс характеризуется строгой **последовательностью** — не просто действий, что справедливо для всех видов традиционных работ, но именно измерений, поскольку каждое последующее расстояние отмеривается с опорой на предыдущее.

Благодаря этому возникало определенное **соотношение** между основными конструктивными параметрами каноэ: длиной минимальной, длиной максимальной, высотой корпуса, формой подводной части, формой носа и кормы, длинами выноса и поплавок аутригера. Фактически все каноэ, построенные на атолле, вне зависимости от абсолютного размера оказывались подобными друг другу — с точки зрения геометрического подобия; или, говоря на языке яхтостроения, приближались к тому, что называется правилами класса. Существовал некоторый коридор, в котором были возможны небольшие вариации в соотношении величин. Например, когда на киле обозначали дополнительные точки, изменялось соотношение длин горизонтальной и наклонной частей киля. Но при этом включался замечательный механизм, заложенный в тех же приемах. Например, чем длиннее делались килевые скосы, тем острее киль становился в боковой проекции и, следовательно, глубже погружался в воду. В конечном счете больше становилась осадка судна. Но согласно существующей системе, удлиняя килевые скосы, строитель удлинял и штевни, а значит, увеличивалась высота надводного борта. Следовательно, сохранялось необходимое конструктивное равновесие между подводной и надводной частью судна. Это означает, что сохранялось гидродинамическое равновесие и между основными силами, действующими на каноэ и определяющими такие его качества, как плавучесть, остойчивость, сопротивления дрейфу. В метрологическую систему был заложен своего рода автоматический способ **корректировки соотношения пропорций** основных частей каноэ. Одно изменение влекло за собой другое не произвольно, а так, что оптимальные мореходные особенности и характеристики сохранялись.

Таким образом, наряду с тремя названными измерительными приемами можно говорить о трех методах или даже условиях, на которых в значительной степени основан процесс строительства. Это последовательность измерений, соотношение пропорций и их взаимозависимость. Особенное значение этих условий состоит в том, что они позволяли добиться необходимого результата в отсутствие универсальных единиц измерения. Фактически это означает, что система измерений и процесс

строительства каноэ представляли как бы единое целое. Измерения не существовали сами по себе, как действия с абстрактными эталонами универсальной шкалы; возможность измерений и меры длины «материализовывались» при появлении конкретного объекта. Данная ситуация, представляясь геометрическим аналогом так называемой первобытной арифметики, когда количественная составляющая воспринимается неотделимо от предметной, соответствует тезису о понятийной нерасчлененности архаического сознания.

С практической стороны рассмотренная система отражала определенные, вырабатывавшиеся веками и, вероятно, оптимальные в данных условиях основные параметры каноэ. Измерительные приемы с самых первых этапов строительства не только оказывали влияние на весь его дальнейший ход, но и с их помощью решались важные задачи, связанные с приданием каноэ мореходных характеристик. Немаловажным является и тот факт, что процесс, при котором каждое последующее действие как бы следовало из предыдущего, обеспечивал достаточную эффективность функционирования знаний в условиях традиционной культуры.

Тем не менее подробное знакомство с описанием Элкаяра вызывает некоторые вопросы, касающиеся как самих действий, так и их последовательности. Не упомянуто, например, о том, под каким углом должны располагаться наклонные части киля; величина этого угла влияет в том числе и на длину килевых скосов, а значит, и на другие пропорции каноэ. Ничего также не сказано о такой важной составляющей, как ширина корпуса каноэ. Очевидно, что она напрямую зависела в первую очередь от толщины ствола, но тем не менее должна была находиться в каком-то пропорциональном соотношении с другими основными размерами каноэ.

Но самое большое недоумение вызывает способ определения угла наклона штевней. Элкайр сообщает, что для нахождения расстояния АВ (т.е. $1/8$ от максимальной длины каноэ) половину максимальной длины делили на два и еще раз на два. Очевидно, что это невозможно, поскольку сама максимальная длина будет известна только *после* того, как к ней с каждой стороны добавят некоторое расстояние. Известно только, что это расстояние в конечном счете должно быть равно $1/8$ от этой длины. Из самого построения следует, что длина по борту относится к длине киля как 4 к 3 ($L_{\max} - L_{\min} = 1/8 + 1/8 = 1/4$). Поэтому отрезок, который требуется добавить как $1/4$ половины максимальной длины, — это $1/3$ половины длины киля. Следовательно, если, следуя информации Элкаяра, исходить из условия деления длины на число,

кратное двум, но не трем, узнать длину АВ из длины кия аборигенным способом невозможно.

Возникает впечатление, что при описании процесса нечто оказалось «за кадром», выпал какой-то кирпичик, нюанс, который расставил бы все по местам.

Выше говорилось о том, что особенность системы измерений заключается в том, что она неотделима от процесса и объекта строительства. Но специфика народного знания явно не ограничивается определенными отношениями абстрактного и конкретного. Так, знакомство с основами традиционной микронезийской навигации показывает, что в этой самобытной культуре были выработаны практики и логические приемы, которые уже в основе отличаются от тех, что сформировались в рамках западного мировоззрения и науки. Строительство каноэ, как и система ориентирования, является одним из доминирующих аспектов традиционного знания в Микронезии. При этом также была активно задействована образная, пространственная сфера мышления, которая, несомненно, чрезвычайно развита у микронезийцев. Вполне вероятно, что в процессе строительства могли использоваться оригинальные приемы, которые именно в силу своего несоответствия тому, что для европейского исследователя мыслится как измерительный процесс, остались незафиксированными. Это означает, что вопрос изучения специфических традиционных знаний, построенных на иных стереотипах мышления, остается открытым.

***

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

Свод этнографических понятий и терминов. М., 1991. Вып. 4.

Alkire W. System of measurement in Woleai atoll, Caroline islands // *Anthropos*. 1970. Vol. 65. № 1–2. P. 1–73.

Gladwin T. East is a big bird // *Natural history*. 1970. Vol. 79. № 4. P. 24–35; № 5. P. 58–69.

ПОЕЗДКА В АВСТРАЛИЮ

В марте–апреле 2008 г. по приглашению Квинслендского университета (город Брисбен) состоялась моя научная командировка в Австралию. Ее цель — сбор необходимых материалов по исследованию истории русско-австралийских связей XIX–XX вв. и австралийской внешней политики XX в. В ходе поездки мне удалось поработать в библиотеке и архиве Квинслендского университета, в Австралийской национальной библиотеке в Канберре, в Музее Маклея в Сиднее. Некоторые из впечатлений академического характера, которые, очевидно, представляют определенный интерес для этнографов и историков-австраловедов, описаны в предлагаемых читателю заметках.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на обширную коллекцию документов по истории русско-австралийских связей в рукописном отделе библиотеки Квинслендского университета. В свое время она была собрана преподавателями этого университета, изучавшими историю отношений между Россией и Австралией, — докторами Эриком Фридом и Томасом Пулом. Коллекция, получившая название «Papers of Thomas Poole and Eric Fried», представляет собой громадную подборку — более 30 картонных ящиков — документов из австралийских и российских архивов, которые хронологически охватывают все 200 лет истории контактов России и Австралии. Разумеется, большая часть представленных документов — ксерокопии, но для российских исследователей, у которых, как правило, нет возможности бывать в архивах различных австралийских городов, особую ценность представляет то обстоятельство, что документы собраны в одном месте. В этой коллекции, однако, немало и подлинников: писем русских эмигрантов, оказавшихся в Австралии, воспоминаний этих людей, написанных по просьбе австралийских исследователей, всевозможных архивных справок. Собраны ксерокопии газет на русском и английском языках, издававшихся в начале XX в. русскими эмигрантами. Эти газеты в большинстве своем отсутствуют в библиотеках России. Оба австралийских историка, чьими усилиями собрана эта коллекция, работали также в российских архивах и библиотеках. Поэтому в собрании множество ксерокопий книг и статей на русском языке по истории русско-австралийских связей, а также значительное количество ксерокопий архивных документов из Архива внешней политики Российской империи в Москве и Российского государствен-

ного архива Военно-морского флота в Петербурге. Наибольшее количество материалов относится к первой четверти XX в. (до 1919 г.), что неудивительно, ибо именно в первые два десятилетия XX в. российская эмиграция в Австралии проявляла наибольшую активность. Русские эмигранты-революционеры участвовали в австралийском рабочем движении, содействуя его радикализации, а в 1919 г. русские стали инициаторами выступлений в поддержку Советской России, которые получили название «Бунты Красного флага» и сопровождались кровопролитием и столкновениями с полицией. Подробный обзор коллекции Пула–Фрида заслуживает, как представляется, отдельной публикации, поскольку никто из российских исследователей, которые когда-либо будут заниматься историей русской эмиграции и русскими радикалами в Австралии, не сможет обойтись без изучения документов из этого собрания.

Весьма интересным оказалось знакомство с материалами, собранными Н.Н. Миклухо-Маклаем и хранящимися ныне в Музее Маклея Сиднейского университета. Имя Уильяма Маклея (1820–1891) хорошо известно всем, кто изучал жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая. У. Маклей — австралийский политический деятель и один из первых австралийских ученых-естествоиспытателей. С ним поддерживал дружеские отношения и даже некоторое время жил в его доме после приезда в Австралию в 1878 г. Н.Н. Миклухо-Маклай. Русский ученый работал с материалами частного зоологического музея У. Маклея. В свою очередь, зоологические материалы, собранные в Австралии Н.Н. Миклухо-Маклаем, пополняли коллекции австралийского естествоиспытателя. После смерти У. Маклея его зоологическое собрание было передано в Сиднейский университет. Позднее вдова Н.Н. Миклухо-Маклая Маргарет подарила музею Маклея сохраненные ею инструменты, которыми пользовался русский ученый для проведения зоологических исследований во время своих путешествий по странам Южных морей. Куратор Музея Маклея доктор Дж. Филп хорошо знает о научной деятельности нашего соотечественника, она любезно предоставила мне возможность познакомиться с экспонатами, имеющими отношение к Н.Н. Миклухо-Маклаю. Надо сказать, что австралийское наследие русского ученого представляет большой интерес в плане изучения не только его биографии или истории российской науки, но и русско-австралийских связей. При этом эпистолярное наследие Н.Н. Миклухо-Маклая, которое отражает его общественную и научную деятельность во время пребывания в Австралии и также в значительной своей части хранится в Сиднейском университете, уже в определенной степени изучено. Серьезные разыскания в архиве Сиднейского университета провел Д.Д. Тумаркин.

Обнаруженные им документальные материалы и письма Н.Н. Миклухо-Маклая вошли в шеститомное собрание сочинений ученого. Однако результаты естественно-научных, прежде всего зоологических, исследований Н.Н. Миклухо-Маклая в Австралии, материалы которых представлены в экспозиции Музея Маклая, все еще остаются практически неизученными.

К сожалению, мне не удалось попасть в здание Биологической станции, основанной Н.Н. Миклухо-Маклаем в Сиднее на берегу бухты Уотсонс-бей в 1881 г. Здание станции восстановлено, но оно находится в частной собственности и открыто для посетителей лишь один день в неделю.

Во время пребывания в Австралии нельзя было не заметить озабоченности австралийского общества проблемой сосуществования аборигенов и белых австралийцев. Эта проблема неизменно затрагивалась в беседах с представителями университетских и академических кругов. Разумеется, впечатления, вынесенные из такого рода разговоров, ни в коей мере не могут претендовать на репрезентативность, однако, как представляется, позволяют судить если не о самой проблеме взаимоотношений аборигенов и белых австралийцев, то, по крайней мере, об отношении к этой проблеме части образованного австралийского общества.

Надо сказать, что тема политики по отношению к аборигенам и будущего общины коренных жителей Австралии всегда вызывала смущение и некоторую неловкость моих австралийских собеседников. И дело тут отнюдь не в комплексе вины белых. Этот комплекс, несомненно, присутствует, но не он является главной причиной озабоченности австралийцев. Смущение вызывает то обстоятельство, что практически все испробованные варианты политики австралийского правительства по отношению к аборигенам терпят провал, и никто не знает, что и как следует делать дальше.

Известно, что до середины XX в. Австралия проводила по отношению к аборигенам политику протекционизма, стремясь отделить коренных жителей от белых пришельцев. На практике это означало открытую сегрегацию и лишение коренных жителей многих гражданских прав и свобод. В 1967 г. после общаустралийского референдума ограничения были отменены, и аборигенам были предоставлены те же права, которыми обладали белые австралийцы. При этом правительство перешло к курсу на ассимиляцию. Немалые деньги были выделены на создание системы образования и здравоохранения аборигенов, их приобщение к европейскому образу жизни. В широкую практику вошло усыновление детей аборигенов семьями белых. Поначалу казалось, что политика ас-

симиляции вполне успешна. Европейские блага, стиль жизни, развлечения стали весьма притягательными для значительной части аборигенов. Однако политика создания национальной, в данном случае аборигенской интеллектуальной элиты с неизбежностью привела к тому, что эта элита стала зачинателем национальных движений. В полной мере сказалась сила традиций, понятное стремление сохранить свою культуру, наконец, естественное нежелание подчиняться белым пришельцам. Появились общеавстралийские организации аборигенов, которые вместе с правозащитными организациями белых начали борьбу против «европеизации» коренного населения. Нередко те из аборигенов, кого усыновили, воспитали и дали образование белые семьи, подавали в суд на своих приемных родителей, обвиняя их в умышленном отрыве своих приемных детей от их национальных традиций.

В последней четверти XX в. правительство Австралийского Союза начало проводить по отношению к аборигенам политику мультикультурализма. Эта политика предусматривает предоставление государственной помощи национальным общинам страны, в том числе, разумеется, и общинам аборигенов, для сохранения их национальной культуры и самобытности. Мультикультурная политика нацелена на гармонизацию межнациональных отношений и обеспечение «мягкой», безболезненной интеграции как новых иммигрантов из Европы и Азии, так и коренных жителей пятого континента в англосаксонское, в своей основе австралийское общество. Федеральные власти и власти штатов поддерживают усилия общественных организаций аборигенов по изучению культуры и традиций, выделяют средства на образование на родных языках, здравоохранение, развитие художественных промыслов. Нельзя не признать, что политика мультикультурализма принесла определенные позитивные плоды. Результаты усилий по улучшению условий жизни аборигенов я имел возможность наблюдать в городе Армидейле — небольшом, примерно тридцатитысячном городке австралийской глубинки в штате Новый Южный Уэльс.

В окрестностях Армидейла и в самом городе живет довольно много аборигенов. Как и подавляющее большинство коренных жителей, живущих не на севере Австралии, аборигены Армидейла — полукровки. При этом процесс метизации интенсивно продолжается. Как мне говорили, у большинства девушек-аборигенок белые бойфренды, и это не вызывает никаких возражений со стороны их родителей. Выглядят армидейльские аборигены вполне цивилизованно. Молодые девушки по-европейски модно одеты, благоухают парфюмом и умело используют косметику. Пожилые аборигены одеты несколько менее аккуратно.

На меры по развитию благосостояния и культуры коренных жителей Армидейла и его округа выделяет деньги правительство штата, мэрия Армидейла и общественные организации самих аборигенов. В городе создан региональный культурный центр коренных жителей. Просторное и очень уютное одноэтажное здание с обязательным садиком и газоном. В саду предусмотрены места для игр и занятий с детьми. Центр имеет попечительский совет, который и решает, как тратить полученные деньги. Когда мы посещали этот центр, примерно два десятка детей-аборигенов, чисто одетых и ухоженных, с удовольствием играли под руководством аборигенов-учителей. Детей обучают традициям, верованиям и играм. Занятия проходят также со взрослыми. Центр координирует работу по изготовлению аборигенами художественных поделок; есть выставка работ коренных жителей, выполненных в русле древних традиций. Экспонаты этой выставки можно купить. В специальных помещениях представлены материалы небольшого музея по истории аборигенов и их взаимоотношений с белыми. Особо выделена борьба коренных жителей за свои права и рассказ о тех белых организациях, которые оказывают этой борьбе активное содействие. Обращает на себя внимание, что экспозиция о взаимоотношениях аборигенов и белых составлена таким образом, чтобы не противопоставлять эти две общины друг другу. Здесь, кстати, уместно отметить, что взвешенность и высокая степень правдивости экспозиций является одной из отличительных и, несомненно, привлекательных черт музеев Австралии. Так, в Австралийском национальном музее в Канберре, где представлены обширные материалы по этнографии аборигенов, истории их взаимоотношений с европейскими пришельцами и современному образу жизни, откровенно рассказывается и о том трагическом, что принесли белые коренным жителям Австралийского континента, и о том положительном, что было привнесено в их жизнь в последние десятилетия.

Однако политика мультикультурализма, которая, казалось бы, обеспечила движение общины аборигенов по пути прогресса при сохранении традиций и культуры коренных жителей, оказалась отнюдь не панацеей. Сказывается чрезвычайно глубокий и, как считали мои собеседники в Австралии, непреодолимый конфликт между традиционными ценностями аборигенов и нормами жизни белого общества.

Прежде всего дает о себе знать неустранимая тяга аборигенов к кочевому образу жизни в буше. Любой абориген реально ощущает себя частью природы, без нее он не представляет нормальной жизни. Об этом очень хорошо написала известная австралийская поэтесса-абориген Кэт Уокер:

Никто не смеет говорить, что прошлое мертво.

Оно вокруг нас, оно внутри нас...

Холодный вечер в доме городском,

И в кресле я уселась у камина,

По телу разливается тепло, я засыпаю,

Я далеко...

Горит костер в лесу,

Родное племя отдыхает,

Сидят — и я со всеми — на земле,

Стен — никаких,

Лишь звезды надо мною...

И электрический камин, и кресло.

Вчера явились вы на свет, не раньше,

Но тысячи костров в моей крови.

Никто не смеет говорить, что прошлое мертво!

(Цит. по: *Петриковская А.С.* Культура Австралии XIX–XX вв. М., 2007.

С. 139).

На практике такого рода мироощущение ведет к тому, что австралийские аборигены называют «walk about». Это когда отдельные семьи аборигенов неожиданно бросают жильё в городе и уходят в буш. Уходят не навсегда, рано или поздно возвращаются. Но из-за этого практически никто из детей не может получить полноценного образования. Ребенок исчезает из класса. Учителя идут к родителям — их тоже нет. Вся семья walk about. Когда вернутся, не знают ни соседи, ни они сами.

По словам моих респондентов, до сих пор у значительной части аборигенов не сформировалось четкого представления о собственности. Если у кого-то появились деньги — их раздадут родным и друзьям. Если нет — возьмут у друзей. С таким отношением к богатству очень трудно вести собственный успешный бизнес. В Сиднее одно из аборигенных обществ выкупило для коренных жителей целую улицу домов в центре города. Она состоит из двухэтажных особняков в викторианском колониальном стиле. Сопровождавший меня белый австралиец, припарковав машину на этой улице, тщательно ее закрыл и проверил, чтобы в салоне на сидениях ничего не оставалось. Обычно австралийцы так не поступают. На вопрос, к чему такие предосторожности, последовал ответ: «Аборигены могут взять, выломать стекло». В ответе совершенно не было заметно какого-либо раздражения. «Это что, воровство или что-то вроде протеста против богатства белых?» — последовал новый вопрос с моей стороны. «Ни то, ни другое, — такой же спокойный ответ. — Они просто не очень понимают, что это чужое. Им хочется иметь какую-либо

вещь, и они ее берут. А вообще, если аборигены не пьяные, то они очень дружелюбные люди».

Пьянство коренных жителей, практически повсеместное, — еще один бич, с которым белые австралийцы не знают, что делать. Запретить продажу алкоголя технически невозможно, и, кроме того, для белого австралийского общества немислимо пойти на законодательное нарушение прав человека. Пьянство нередко ведет к сексуальному насилию по отношению к малолетним в семьях аборигенов. Случаи такого рода вызывают эмоциональную реакцию среди других национальных общин страны. Об этом с яростью и чувством беспомощности говорили все, с кем обсуждалось положение коренных жителей Австралии. Пресечь аморальное, по понятиям белых, поведение и заставить аборигенов подчиняться законам государства очень трудно. Попытки такого рода сразу же встречают жесткое противодействие: «Вы, белые, не понимаете нашей культуры, вы навязываете свои порядки, вы не имеете права этого делать, поскольку и без того угнетали и истребляли нас 200 лет». Множество демагогов — и среди аборигенов, и среди белых — делают себе политическую карьеру, «отстаивая» погрязшие права коренных жителей Австралии.

Сложность проведения в жизнь сколько-нибудь последовательной политики в отношении аборигенов состоит еще и в том, что в Австралии нет никакой аборигенной нации, а есть конгломерат племен. И хотя процессы консолидации аборигенного общества в некий единый, пусть не в этническом, но в гражданском плане, народ идут, однако эти процессы находятся в зачаточном состоянии и ощутимы только в среде немногочисленной аборигенной интеллигенции. В реальном общении различных племен все еще заметны проявления трайбализма. В районе Армидейла, как мне рассказывали, живут три племени коренных жителей. Два из них всегда жили в окрестностях города, а третье откочевало сюда, впрочем, уже довольно давно, из района Сиднея. Представители всех трех племен не очень ладят друг с другом. При этом неприязнь проистекает не только и даже не столько из-за раздела денег и благ, которые они получают от правительства, сколько из-за споров о том, «чье племя лучше».

Все еще сохраняющаяся невозможность органично совместить традиции и культуру коренных жителей Австралии с нормами и реалиями белого общества, а также неясность, в каком направлении двигаться дальше, заметно угнетают австралийских интеллектуалов. И это противоречие, которое, возможно, чревато новыми внутривнутриполитическими конфликтами в Австралии, — одно из наиболее запоминающихся впечатлений о посещении этой страны в 2008 г.

ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ МАЛАЙЗИИ

Вводные замечания

В Малайзии в течение последних десятилетий оживленно и даже бурно обсуждается проблема языка обучения, принимающая порой политическую окраску. Речь идет главным образом о роли в образовательной системе двух языков: государственного малайского (малайзийского) и английского. Английский язык в Малайзии является частью наследия колониальной эпохи, но сейчас рассматривается прежде всего как главный международный язык современности и научно-технического прогресса.

Особая сложность малайзийской языковой ситуации состоит в том, что ее население многоязычно (а также многоконфессионально и многокультурно). Государственный язык — родной лишь примерно у половины 27-миллионного населения страны, главным образом у этнических малайцев, которые владеют общеразговорным языком и местными диалектами. Для другой части малайзийцев родными являются южнокитайские диалекты, тамильский, пенджаби и другие языки стран Индостана, родственные языки австронезийской семьи (в Восточной Малайзии, на о-ве Калимантан), австроазиатские языки мелких коренных племен (Orang Asli, в Западной, или Полуостровной Малайзии), тайский и др. Малайцы и местные племена относятся к категории «детей земли» (bumiputera), т.е. коренных жителей. Крупные и даже менее крупные этноязыковые общины еще в колониальные времена, как и британцы, имели собственные школы, издавали периодику и литературу на своих языках. Небольшая часть местных жителей обучалась в английских школах.

В свою очередь эти общины различаются по их положению в экономике. По традиции, сохранившейся с колониальных времен, главенство в малайзийской экономике принадлежит этническим китайцам, тогда как в государственном управлении преобладают малайцы. Целью внутренней политики малайзийского руководства с самого начала периода независимости (1957) было достижение национального согласия. По отношению к этническим общинам она была направлена на выравнивание их имущественного положения путем предоставления «детям земли» различных преференций и льгот в экономике и образовании («но-

вая экономическая политика», 1971–1990 гг.). В этом направлении, как и в общем повышении уровня жизни, были достигнуты значительные успехи, так что «межрасовые» противоречия, вызванные «малайской бедностью» колониальных времен и раннего периода независимости, утратили свою остроту.

Вперед к малайскому — назад к английскому

Языковой аспект этой политики в течение примерно полувека после достижения независимости был направлен на всемерную малайзацию общения в экономике, политике и культуре, включая начальную, среднюю и высшую школу. Было установлено, что малайский / малайзийский (в 2007 г. официально как будто окончательно было принято второе название) является основой для создания общемалайзийского национального единства. Между тем в год провозглашения независимости малайским языком владели только 8 % индийцев и 5 % китайцев, а английским — 20 % китайцев, 27 % индийцев и только 5 % малайцев [Дорофеева 1980: 10].

Одним из аспектов «языкового строительства» было создание научно-технической терминологии. Терминов лингвистами в сотрудничестве со специалистами по разным дисциплинам было создано несколько сотен тысяч. Реальное их использование составляет проблему и для авторов, и для читателей, и для учащихся, даже для тех, у кого малайский язык родной. Эти новые термины не всегда настолько удачны, чтобы удержаться в научно-исследовательской и педагогической практике. Например, неоднократно переименовывались «числитель» и «знаменатель» дроби. Далеко не все лингвисты и специалисты по разным наукам обладают чувством языка, необходимым для успешного терминотворчества и скорее характерным для профессиональных литераторов. Новые термины должны пройти испытание у тех, кому они нужны. Кто из нас сейчас знает труднопроизносимые фонетические заимствования (*брандкugel*) и неуклюжие кальки (*времяточие* < нем. *Zeitpunkt*), наводнившие русский язык в XVIII в.?

Государственный Институт языка и литературы (ДБП — *Dewan Bahasa dan Pustaka*, основан в 1956 г.) выпустил много художественной и другой литературы, нормативный толковый малайский словарь и нормативную грамматику, основал несколько популярных журналов по языку, литературе, культурным и общественным проблемам, журнал для школьников. ДБП удалось обеспечить учебниками на малайском языке начальную и среднюю школу, но для высшей школы оригинальных и переводных пособий было издано очень мало, что объясняется в основном малой рентабельностью издания и дороговизной копирайта.

В течение многих лет проводились месячники по пропаганде малайского языка, учреждались правительственные премии малайским писателям и поэтам.

Элита этнических китайцев тесно связана с мировым бизнесом, тем самым значительная часть ее речевой деятельности связана с английским языком. В меньшей степени это относится к потомкам индийских иммигрантов (также в социально высшем эшелоне). Но для деловых успехов в рамках своей страны этой элите необходимо было овладеть и государственным языком. Приоритет последнего в течение десятилетий поддерживали все страны малайской общины.

В школе малайский язык стал основным, а экзамен по нему — обязательным для получения аттестата о среднем образовании. Поддержку государства получали школы «национальные» (*kebangsaan*) — с государственным языком обучения — и «национального типа» (*jenis kebangsaan*), в которых обучение велось на других языках, но в начале 1980-х гг. английский язык в таких школах был заменен на малайский. Школы с обучением на китайском или тамильском языках уже в 1960-х гг. не получали финансовой поддержки государства, и их количество к 1970 г. сильно сократилось [Гончаренко 2002: 56–57]. Обязательность владения государственным языком труднее давалась школьникам немалайского происхождения, малайским детям стало учиться легче.

Однако в 1980-х гг. в отношении к языку произошли изменения. В результате «новой экономической политики» появилась значительная группа малайской крупной и средней буржуазии («новые малайцы»). Она так же, как и китайская, в основном ориентирована на международную экономику и научно-технические инновации [Дорофеева 1999]. «Новый малайский средний класс, получивший национальное образование в 1970-е годы и огражденный [от неудач] управляемой экономикой в последние двадцать лет, вроде бы уже не удовлетворяется породившей его ограниченной средой, как будто ощущая себя в силах овладеть мировыми просторами», — писал видный малайский филолог и общественный деятель Исмаил Хуссейн [Ismail 1996: 60]¹. Психологический

¹ Ср. в предисловии в этом же издании — сборнике статей оппонентов языковой реформы: «Первоначально пропагандистами английского языка как важнейшего выступили немалайцы и оппозиционные партии [...]. Их пропаганда в пользу английского языка была уловкой, направленной на подрыв главенства национального языка. Сейчас сама малайская руководящая верхушка собирается вернуть главенство английскому как языку преподавания в высших учебных заведениях, — так же, как немалайцы, настроенные против малайского языка как национального и государственного» [Asraf ed. 1996: xi–xii].

аспект языковой проблемы, по его словам, состоит в утрате новой малайской элитой исторической памяти и национальной гордости. Также и госчиновники по мере втягивания в международный государственный и частный бизнес в своей служебной практике охотно прибегают к английскому языку.

Так создается межэтническая англоязычная среда, включающая бизнесменов, чиновников и квалифицированных специалистов, хотя многие из них в частной жизни пользуются родным языком либо родным и английским попеременно. Как правило, малайзийская образованная публика двух- или трехязычна, со вторым (а иногда даже первым) языком английским. Ее англоязычие распространяется на повседневную жизнь, а языковой контакт приводит к постоянному так называемому переключению кодов в повседневной речи. Был создан и местный вариант английского языка — *манглиши*, со специфическим отбором лексики, особой интонацией и артикуляцией звуков [Дорофеева 1999: 27–28]. По личным впечатлениям Т.В. Дорофеевой, английский язык в стране на рубеже XXI в. становился все более заметен.

Вместе с тем малаизация английских школ привела к массовому оттоку учащихся в китайские школы, причем среди них были не только китайцы, но и малайцы. Об этом на Конгрессе малайского образования в 2001 г. заявил премьер-министр Махатир Мохамад [Laporan 2001: 4]. Он указал на одну из причин оттока: введение малайского языка в бывших английских школах сопровождалось их неумеренной исламизацией. Отмечалось также, что преподавание в китайских школах отличается более гибкой методикой и более свободным выбором учебных пособий, меньше сковано министерскими предписаниями, чем в малайских [Ibid: 68]. Так или иначе, в 2003 г. в китайских школах числилось 60 тыс. малайских детей [Abdullah 2007: 14].

В то же время превращение английского в учебный предмет понизило владение им широкой массой учащихся, не подготовленных в семейном кругу к общению по-английски. Это выяснилось к концу 1980-х гг. и впервые было обозначено как проблема работниками образования [Дорофеева 1999: 27]. Но эта проблема не была решена и позже. Выпускники средних школ в современных условиях оказываются в худшем положении при приеме в вузы, выпускники высшей — при приеме на работу, те и другие имеют меньше шансов на карьерный рост. Частные предприятия жалуются на слабую подготовку выпускников местных университетов. Иными словами, происходит фактическое расслоение общества уже не столько по этническому, сколько по языковому признаку, соотносенному с социальным положением.

Откликнувшись на недовольство части общества недостаточным распространением англоязычия, правительство прибегло к радикальным переменам в образовании. В 1995 г. было разрешено преподавать точные науки и технические дисциплины по-английски в государственных вузах, в 1996 г. — учреждать частные вузы и колледжи с преподаванием на английском или китайском, а в 2002 г. Махатир Мохамад провел в правительстве решение об обязательном преподавании математики и естественных наук по-английски в учебных заведениях всех уровней. На электронном сайте Министерства образования по этому поводу говорится: «Основанием для перехода с малайского языка на английский в обучении естественным наукам и математике является озабоченность государства подготовкой кадровых ресурсов для достижения уровня передовых стран с самого начала школьного обучения в целях обеспечения конкурентоспособности в эпоху глобализации. Общеизвестно, что естественные науки и математика — это области, которые являются основными и играют важную роль в любом государстве. Различные инновации и новые открытия в этих областях происходят стремительно, а информация о прогрессе в этих областях во многом представлена на английском языке. Кроме того, английский является языком международного общения, и овладение этим языком облегчает приобретение научного знания в этих областях» [PSSMI, раздел «Цель» (Objektif)].

Языковая реформа в образовании была одним из последних дел Махатира Мохамада перед его уходом в отставку с поста премьер-министра в 2003 г. За 22 года на этом посту он достиг больших успехов в руководстве модернизацией Малайзии и много сделал для приобщения малайцев к современной экономической структуре, но в конце своей политической карьеры он, по собственному признанию, остался недоволен их все еще слишком инертным стилем жизни, недостатком активности и инициативы [Perangai 2003]². Как представляется, идея об англоязычном обучении по примеру Сингапура и Индии отражала именно такое его настроение.

Оценка результатов

Очевидно, решение о языковой реформе в школе было волонтаристским, по крайней мере в отношении начальной школы (такие решения вообще нетипичны для Малайзии, где вошли в привычку согласования

---

² О достижениях Махатира в руководстве Малайзией см.: [Мохамад 1998; Доктор Махатхир 2001; Погадаев 2001]. (Укоренившееся русское написание Махатхир передает непроезжимую букву h оригинального написания.) В Интернете помещен также перевод книги [Mahathir 1998].

и компромиссы). Обучение на неродном языке допустимо лишь при развитых языковых умениях на материале доступных детям реалий окружающей жизни, с достаточным владением пассивной и активной грамматикой, лексическим запасом, навыками произношения и восприятия звучащей речи. Если этого нет, то учение превращается в муку, и, действительно, малайзийские дети порой приходят из школы со слезами.

Как известно, разные аспекты владения языком — чтение, речь и понимание на слух — относительно автономны, так что высокий уровень одного не переносится на другой (исключение — перенос навыков письма на чтение, поскольку написанный текст перечитывается; *qui scribit, bis legit*). Поэтому неудивительны случаи, когда малайзийский школьник, выучив английские математические или физические термины, не может ответить на простой вопрос своему родителю, когда-то обучавшемуся в английской школе. Владению языком преподавание на нем, если оно не является частью повседневного общения на этом языке, служит лишь в очень небольшой степени.

В отношении преподаваемых предметов данное решение противоречит общедидактическому принципу «от простого к сложному», поскольку понимание математики, физики, биологии и т.п. на иностранном языке вообще труднее и происходит в замедленном темпе. Как ни парадоксально, отмечает малайзийский педагог Джулиана Эс, лица с логико-математическим складом ума могут в таких условиях отставать именно в точных науках от лиц с преобладающими способностями к языкам. Общеизвестны выводы о родном языке школьного обучения, в особенности в начальной школе, как наиболее эффективном средстве усвоения базовых знаний. Малайзийская «Википедия» приводит вслед за меморандумом по обсуждаемой проблеме, составленным от имени 11 малайзийских организаций, следующую рекомендацию ЮНЕСКО:

On educational grounds we recommend that the use of the mother tongue be extended to as late a stage in education as possible. In particular, pupils should begin their schooling through the medium of the mother tongue, because they understand it best and because to begin their school life in the mother tongue will make the break between home and school as small as possible [PPSMI, раздел «Реакция учительства» (Reaksi dari bidang pendidikan)].

Во исполнение правительственного постановления были выпущены учебные пособия для школьников и методические пособия для учителей в виде книг и компакт-дисков, учителя прошли краткие методические курсы. По настоянию руководства китайских школ, в них планы уроков по естественным наукам и математике предусматривают и английский, и китайский учебные тексты.

Несмотря на такую, впрочем, довольно поспешную подготовку, с самого начала осуществление намеченной программы столкнулось с возражениями, жалобами и протестами со стороны политиков, научных работников, учительства, родителей и самих школьников. Указывалось на трудности, испытываемые детьми в усвоении учебного материала, неподготовленность учителей-предметников к ведению занятий по-английски и негативное воздействие этих занятий на родной язык учащихся. Новую систему одобряют в основном те, у кого английский язык привычен в домашнем обиходе, включая чтение англоязычных газет.

Оценки результатов языковой реформы в школе появились довольно скоро после ее введения. В 2007 г. экзамен на аттестат зрелости (Sijil Pelajaran Malaysia) сдавала группа школьников, прошедших англоязычную программу. По официальному заявлению, экзамены показали рост числа аттестованных по физике, биологии и математике в размере от 1 % до почти 9 %, что свидетельствовало об отсутствии негативных последствий перехода на англоязычное обучение.

Вопреки этому, в 2004 г. в исследовании проф. Нор Хашимы (Nor Hashimah Jalaludin) было определено, что 79 % учеников сталкиваются с проблемой понимания на англоязычных уроках естествознания и математики и 77 % убеждены в том, что эти предметы могут преподаваться по-малайски. Среди учителей снижение интереса у школьников к этим предметам отметили 96 % и затруднения в понимании объяснений 98 %. Это исследование охватило порядка 1 тыс. учеников городских и сельских школ, национальных и национального типа, и более 40 учителей с разным стажем работы.

В исследовании Педагогического университета им. султана Идриса (Universiti Pendidikan Sultan Idris), охватившем более 2,5 тыс. школьников и опубликованном в апреле 2008 г., выяснилось, что 80 % учеников слушают учительские объяснения по математике и естествознанию на смеси английского и малайского языков, а не понимают или плохо понимают объяснения 70 % учеников на уроках математики и 80 % — на уроках физики. Большинство школьников получают низкие оценки, особенно малайские и дети из малых племен (Orang Asli) по сравнению с детьми из китайских и индийских семей, тогда как их успехи в английском слишком незначительны. Вместе с тем возражения против новой системы последовали и от педагогов китайских и тамильских школ. Отмечалось, что эта система приводит к большому отсеву неуспевающих детей.

В 2008 г. на экзаменах за начальную школу ученикам был предоставлен выбор языка для ответа: малайский, английский, китайский или

тамилский. Примерно из 150 тыс. учеников 31 % выбрали английский по естествознанию, а примерно из 240 тыс. учеников 46 % выбрали английский по математике. Около 50 % отвечали на смеси малайского с английским. Комментируя эти данные, председатель Союза учителей Малайзийского (Малаккского) полуострова отметил разницу условий между городскими и сельскими учащимися и призвал образовательные инстанции выделить больше учебного времени на собственно английский язык.

В марте 2009 г. на II Конгрессе малайской культуры были обнародованы результаты исследования уровня квалификации учителей в преподавании на английском языке и воздействия этого преподавания на подготовку учащихся. В этом исследовании, проведенном под эгидой Национального консультативного комитета по науке (Permuafakatan Badan Ilmiah Nasional, сокращенно Pembina), участвовали сотрудники семи государственных университетов, и оно охватило более 15 тыс. школьников и более 550 педагогов. Был сделан вывод о негативных результатах языковой реформы: 75 % учеников относятся к категориям слабо успевающих и неуспевающих в английском языке, естествознании и математике, а обучение на английском гасит их интерес к изучению двух последних уже в начальной школе.

Картину дополняют данные исследования американской Педагогической школы им. Линча при Бостон-колледже (Массачусетс) по сравнению с успехами в обучении математике и естественным наукам в 59 странах (Trends in International Mathematics and Science Study, сокращенно TIMSS 2007). В этом исследовании было отмечено заметное снижение уровня усвоения математики и естествознания в Малайзии между 2003 и 2007 гг. В категорию продвинутого уровня знаний по математике (Advanced Benchmark Mathematics) за 2007 г. прошли лишь 2 % малайзийских школьников по сравнению с 6 % в 2003 г. (для сравнения: Тайвань, Корея и Сингапур имели в этой категории 40–45 %, Япония — 26 %, Венгрия — 10 %, Англия и Россия — по 8 %, США — 6 %, Сербия — 5 %). Соответствующие данные об отставании Малайзии от других стран и от собственных результатов четырехлетней давности получены и для других категорий учащихся [PPSMI, раздел TIMSS 2007].

Положение в высшей школе несколько иное. До 1995 г. в вузах, где английский прежде был языком обучения, он также постепенно сменялся малайским. В ведущем университете «Малайя» (Universiti Malaya в городе-спутнике столицы страны Куала Лумпура) в конце 1970-х гг. лекции по-малайски читались не только по общественным и гуманитарным, но и по естественным наукам, а в Национальном университете

Малайзии (Universiti Kebangsaan Malaysia, г. Банги, основан в 1970 г.) преподавание с самого начала шло только на малайском. Но учебно-справочной и научной литературы на малайском языке до сих пор совершенно недостаточно, и студентам приходится много читать на английском, который для них, таким образом, незаменим. Тем не менее в 2002 г. у 70 % студентов Университета «Малайя» знание английского языка было неудовлетворительным [The Roundtable 2008]³. Успеваемость студентов-малайцев в среднем существенно ниже, чем у немалайцев. На упомянутом выше Конгрессе по малайскому образованию докладчик по проблемам высшей школы Исмаил М. Саллах предложил продолжать англоязычное преподавание математики и естественных наук [Laporan 2001: 149].

Политические акции и реакции

Обсуждаемая ситуация привлекла внимание политиков. В защиту англоязычной реформы выступил сын ее инициатора, Мухриз Махатир. Он подчеркнул, что ее цель — не в обеспечении преобладания английского языка, а в облегчении малайзийцам доступа к научно-техническому прогрессу. Против реформы выступил Анвар Ибрахим, лидер Партии народной справедливости и известный противник политики бывшего премьер-министра. В январе 2009 г. на съезде партийной коалиции Народное согласие (Pakatan Rakyat) Анвар указал на несоответствие ее положениям Конституции и выразил твердую решимость добиться возврата к обучению на родном языке. Анвара поддержала организация малайской молодежи (Pemuda UMNO).

В конце 2008 г. образовалось Движение за отмену англоязычного обучения математике и естествознанию (Gerakan Mansuhkan PPSMI, сокращенно ГМП) под руководством Хассана Ахмада, бывшего директора Института языка и литературы. Организованная ГМП демонстрация на одной из центральных улиц столицы прошла 31 января 2009 г. В ней участвовали видные деятели малайской культуры: старейший прозаик, носитель почетного звания А. Самад Саид, литераторы Динсман и Пианхабиб, представитель Национального союза писателей (Pena) Ибрахим Гаффар, педагогическая общественность китайцев и тамиллов. В феврале 2009 г. Исмаил Хуссейн, многолетний глава Объединенной национальной ассоциации писателей (Gabungan Persatuan Penulis Nasional, сокращенно — ГАПЕНА), вместе с 20 деятелями малайской словесности подал заявление в местную полицию с обвинением правительства в

---

³ Некоторые данные в нашей статье почерпнуты из этого сборника (по просьбе редакции — без точных ссылок).

нарушении Конституции. Аналогичную жалобу (в другой полицейский участок) подал Национальный союз учащихся мусульман.

7 марта 2009 г. состоялось шествие с петицией Верховному государю Малайзии о его личном вмешательстве в языковую проблему. После присоединения к этой акции представителей оппозиции восьмидесячная толпа была рассеяна слезоточивым газом, более 100 человек задержано. Разными людьми указывалось также, что языковая реформа незаконна, так как не прошла парламентские слушания.

Во второй половине 2008 г. Министерство образования провело пять обсуждений языковой проблемы с участием научных работников, родительских и учительских комитетов, неправительственных организаций. В результате было выработано семь возможных вариантов ее решения: 1) сохранение принятого порядка; 2) родной язык — в начальной (шестилетней) и английский — в средней (шести- или семилетней) школе; 3) английский — начиная с четвертого класса начальной школы; 4) родной язык — и в начальной, и в средней школе; 5) выбор языка обучения — на усмотрение руководства каждой школы; 6) первые три класса начальной школы — на родном языке, вторые три класса — обучение на двух языках, в средней школе — на английском; 7) отмена естественного языка как предмета в первых трех классах с включением естественнонаучных сведений в другие предметы.

Усилия, предпринятые учеными, литераторами, педагогами, политиками в защиту малайзийского языка, возымели действие. В октябре 2009 г. министр образования принял решение о том, что обучение на английском языке в государственных школах (начальных и средних) будет полностью прекращено в 2014 г. Те, кто сейчас обучается по-английски, могут продолжить такую учебу до окончания школы. Министр также указал, что будет проводить курс на «возвышение малайского языка» (*memartabatkan bahasa Melayu*) и улучшение преподавания английского.

Заключение и дополнительные замечания

Общественное мнение малайзийцев по языковой проблеме в образовании разделилось. В июле 2008 г. Махатир Мохамад в ответ на кампанию против англоязычного обучения провел в своем блоге голосование по вопросу его отмены и получил 86 % голосов против такой отмены. Газета «Стар» отмечает, что эта отмена побудит многих родителей отправлять своих детей учиться за рубеж, где им будет обеспечено активное и пассивное владение английским языком, и предлагает сохранить по закону частные английские школы, по примеру китайских и тамильских [Star 12.04.10].

Сторонники англоязычного обучения ставят в пример научно-технические достижения Сингапура. Но ситуация в Сингапуре отличается от малайзийской. Это — город-страна в основном английского языка-макропосредника и англоязычного межэтнического общения. Здесь английский язык — не только в обликии «синглиша», как называют его сильно искаженный местный вариант, но и в более или менее нормативном виде — повседневно окружает каждого горожанина и пополняет с детства его словарный запас, облегчающий дальнейшее англоязычное обучение в школе. Между тем в Малайзии еще много сельских районов, составляющих полный контраст стопроцентному англоязычию в кампусах новообразованных частных вузов и колледжей. Уровень модернизации таких районов не требует интенсивного использования английского языка.

Нельзя сбрасывать со счетов и малайзийскую академическую среду и творческую интеллигенцию, которые дорожат этнокультурными и языковыми традициями и не желают оказаться во втором Сингапуре, где этническая специфика почти стерта. Проблема языка обучения обсуждалась на заседаниях круглого стола [Roundtable 2008], посвященного общественным функциям малайского языка (см. сноску 14). Малайзийские лингвисты и педагоги привели данные о значительном объеме научной продукции на малайском языке, о возрастании читательского спроса на малайские книги и высказались о необходимости развивать переводческую деятельность в области научной и художественной литературы.

Надо принять во внимание и геополитический аспект. Как известно, малайский язык — государственный в пограничных с Малайзией странах — в Индонезии, Брунее и скорее номинально в Сингапуре⁴. Оплотом малайского языка в мире Исмаил Хуссейн назвал Индонезию, где этот язык под названием индонезийского успешно функционирует как макропосредник [Ismail 1996: 65 sqq]. Индонезийский язык отличается от малайзийского главным образом в части лексики, приходящей в возрастающем объеме из яванского, крупнейшего родственного языка с более чем тысячелетней литературной историей, из санскрита, обычно опосредованного яванским, а в прошлом также из голландского — языка бывших колонизаторов.

Частью малайзийской языковой политики была унификация латинской графики и орфографии для Индонезии и Малайзии (1972) и созда-

---

⁴ Индонезийский вариант не является государственным, но широко используется также в Восточном Тиморе (где он распространился во время его аннексии Индонезией в 1976–1999 гг.).

ние Межгосударственного совета по языку, на заседаниях которого разрабатывалась научно-техническая терминология (сейчас в этом совете участвуют представители Малайзии, Индонезии и Брунея, а Сингапур представлен наблюдателем). Не всю терминологию удалось унифицировать, так что некоторые термины, укоренившиеся в Малайзии и Индонезии, остались специфичными для каждой страны.

На уровне литературных жанров и публицистики контакт обоих вариантов малайского языка незначителен, хотя имеется ряд лексических заимствований в обоих направлениях. Контакт другого типа, связанный с массовой миграцией индонезийцев на заработки в Малайзию, практически не исследован. Вероятно, он ограничен в лексико-тематическом отношении и в основном выходит за пределы литературных норм обоих языковых вариантов, то есть общение часто происходит на смеси двух региональных просторечий.

Отношения Индонезии и Малайзии не всегда безоблачны, тем не менее у них есть общие интересы, и языковая близость такой крупной соседней страны, как Индонезия, безусловно, очень важна для Малайзии. Малайский многовариантный языковой комплекс объединяет население порядка 250 млн человек, и это кажется немаловажным обстоятельством в строительстве новой малайзийской культуры. Привлекает внимание в связи с этим идея Исмаила Хуссейна о некоей широкой малайской общности, переступающей государственные границы. Для укрепления этой общности упомянутая выше писательская организация ГАПЕНА постоянно проводит встречи литераторов малайскоязычных стран⁵.

Вероятно, вопрос о роли английского языка в малайзийской системе образования упомянутым решением министра не исчерпан. Будущее покажет, что выберет полиэтнический народ Малайзии — погоню на глобализацией за счет расставания (малайского компонента населения страны) со своими языковыми традициями, сохранение и развитие малайзийского языка как основы общенациональной культуры — или, может быть, найдет некое компромиссное решение. Во всяком случае малайзийский опыт решения языковой проблемы в образовании поучителен и для других стран, а сама эта сложная, многоплановая социолингвистическая проблема нуждается в дальнейших исследованиях.

---

⁵ Название «малайский язык» в применении к индонезийскому в самой Индонезии долгое время было непопулярно, так как связывалось со словоупотреблением голландских колонизаторов. Но сейчас воспоминания об этом несколько поблекли, а многовековая историко-культурная роль малайского языка и литературы вновь занимает подобающее место в научном дискурсе и публицистике.

Гончаренко С.Н. Китайские школы в Малайзии: история появления и особенности существования // Страны и народы Востока. Вып. XXXI. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 6 / ред. вып. Л.В. Зенина, А.К. Оглоблин. СПб., 2002.

Доктор Махатхир Мохамад. Политик и личность / сост. В.С. Сычев. М., 2001.

Дорофеева Т.В. Функционирование и развитие малайзийского языка. автореф. канд. дис. М., 1980.

Дорофеева Т.В. Назад к английскому? // Азия и Африка сегодня. 1999. № 8.

Мохамад М[ахатир]. От имени своего народа / отв. ред. и авт. вступ. ст. С.Н. Гончаренко. М., 1998.

Погадаев В. Феномен личности Махатхира. Политический портрет // Азия и Африка сегодня. 2001. № 5.

Abdullah Hassan. Language planning and implementation in Malaysia: current changes and future challenges [препринт доклада на симпозиуме по малайско-индонезийскому языкознанию, Лейден, апрель 2007 г.]

Asraf (ed.). Manifesto budaya. Pupus bahasa, pupuslah bangsa [= Манифест культуры. Пропадет язык, пропадет и народ]. Kuala Lumpur, 1996.

Ismail Hussein. Bahasa Melayu di dunia Melayu [= Малайский язык в малайском мире] // Asraf (ed.). Op. cit.

Laporan Kongres Pendidikan Melayu 1–2 September 2001. Kuala Lumpur, 2001.

Mahathir bin Mohamad. The way forward. L., 1998.

Perangai Melayu hari ini sama dengan raja-raja Melayu dulu — Hendak hidup cara mudah sampai kehilangan kuasa [= Характер малайцев такой же, как у прежних малайских раджей: хотели легкой жизни и власти лишились. <Интервью у М. Мохамада>] // Utusan Malaysia. 15.06.03.

PPSMI — ms.wikipedia. Pengajaran dan Pembelajaran Sains dan Matematik dalam bahasa Inggeris // [21.04.2010] URL: <http://ms.wikipedia.org/wik> пагинации нет, имеются разделы (даты обращения 30.09.2009 и 05.05.2010)

Star 12.04.2010 — Time to bring back English medium schools // [12.04.2010] URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?sec=focus&file=2010/4/12/focus/6035616> 1 (дата обращения 05.05.2010)

The Roundtable Meeting: Malay / Indonesian as a language of knowledge and practical communication: appraisal, challenges and the future. Convenors: Mashudi Kader, Don van Minde, Willem van der Molen. Leiden, 2008 [препринт].

С.Б. Клименко

**ПЕРВАЯ ФИЛИППИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-СИМПОЗИУМ
ПО МНОГОЯЗЫЧНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ
(18–20 февраля 2010 г., Кагаян де Оро, Филиппины)**

**THE 1ST PHILIPPINE CONFERENCE WORKSHOP ON MOTHER
TONGUE BASED MULTILINGUAL EDUCATION
(18–20 February 2010, Cagayan De Oro city, the Philippines)**

18–20 февраля 2010 г. на Филиппинах прошла Первая конференция-симпозиум по многоязычному образованию на родных языках. Местом проведения конференции стал Capitol University в городе Кагаян де Оро (Cagayan de Oro) на севере острова Минданао.

Вопрос об образовании и, в частности, языке преподавания является весьма непростым в стране с населением около 90 миллионов человек и более чем полторастами языками (название неправительственной организации, являющейся основным организатором конференции, — 170+ Talaytayan MLE Consortium (Консорциум по образованию на родных языках, где 170+ означает существование более 170 филиппинских языков, а Talaytayan — слово, которое во многих филиппинских языках значит «мост»; его присутствие в названии, по словам учредителей, отражает стремление к объединению и соучастию педагогов из всех этнолингвистических групп страны в диалоге о качественном и чувствительном к культуре образовании, служащем интересам ученика). История проблемы, как это водится, уходит корнями в историю. С начала испанского владычества на Филиппинах в XVI столетии до революции 1986 г. государственным языком страны являлся испанский. С захватом страны США в 1898 г. на смену испанскому пришел английский язык, агрессивным внедрением которого без промедления занялись его носители. В 30-х гг. XX в. в языковой жизни Филиппин наметились первые изменения в сторону признания необходимости использования коренных языков: тагалог был выбран в качестве основы для развития в будущем *wikang pambansa* «национального языка», которой в 1959 г. был переименован в пилипино и позже, в 1973 г., в филипино. До настоящего времени английский, наравне с филипино, сохраняет статус официального языка. До недавнего времени в стране действовала политика двуязычного образования с использованием филипино в пре-

подавании гуманитарных дисциплин и английского — естественных и точных наук.

14 июля 2009 г. Министерство образования Филиппин издало указ об «Учреждении многоязычной системы образования на родных языках» (Department of Education Order No.74, s. 2009 «Institutionalizing Mother Tongue-Based Multilingual Education (MLE)»), содержащий несколько пунктов, которые можно объединить в три группы:

Во-первых, признается тот факт, основанный на различных исследованиях в области начального образования, что учащиеся делают большие успехи, когда языком преподавания является их родной язык: ученики быстрее осваивают навыки чтения на родном языке, навыки разговора, чтения и письма на втором и третьем языках и быстрее обучаются другим академическим дисциплинам, в том числе математике. Среди исследований, на которые опирается приказ, эксперимент, начатый в 1996 г. в муниципалитете Лубуаган провинции Калинга в горах Кордильера на севере Лусона, где преподавание в части классов начальной школы стало вестись на местном языке лилубуаган, что привело к заметному повышению успеваемости учеников и их вовлеченности в образовательный процесс.

Во-вторых, многоязычная система образования, при которой в обучении грамоте и преподавании используется более двух языков, объявляется фундаментальной образовательной стратегией Министерства образования.

В-третьих, приказывается постепенная интеграция новой стратегии в систему образования: введение преподавания на родных языках по всем предметам на начальной ступени образования (которая на Филиппинах включает 6 или 7 классов), агитационная работа в поддержку новой стратегии, разработка орфографии местных языков, подготовка учителей, разработка, печать и распространение руководств для учителей, учебных материалов и т.д.

Помимо вышеупомянутого Консорциума, возглавляемого доктором Ricardo Nolasco, который является профессором кафедры лингвистики Университета Филиппин в Дилимане, членом правления Лингвистического общества Филиппин и под чьим руководством во время занятий по фонологии была написана статья, в создании которой я принимал участие и которая была представлена на конференции, в число организаторов конференции вошли также Министерство образования Филиппин, Летний институт лингвистики (Summer Institute of Linguistics) и другие организации при поддержке ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ.

На конференцию собрались около тысячи учителей филиппинских школ и другие люди, чьи профессиональные интересы напрямую или опосредованно связаны с системой образования.

За три дня конференции были проведены три пленарных заседания, на которых выступающие читали лекции, посвященные общей теме многоязычного образования, многочисленные параллельные сессии, где были представлены исследования по более конкретным тематикам, таким как разработка учебных материалов на местных языках, преподавание математики, естественных наук, обучение языку, фонетика и орфография филиппинских языков и многие другие. Затем следовали семинары, также по широкому набору тем. Всего за время конференции было прочитано 57 докладов на 15 параллельных сессиях, прозвучали 13 лекций и дискуссий на трех пленарных заседаниях и было проведено 26 семинаров по различным темам.

Сразу стоит отметить некоторые технические недостатки конференции: во время проведения пленарных заседаний, проходивших во вместительном гимнастическом зале Университета (Gymnasium), звук из динамиков, расположенных рядом со сценой, на которой стояли выступающие, ближе к задней части зала превращался в неразборчивый гул, желание вслушиваться в который порой совсем пропадало от оглушающей жары и сырости воздуха. Та же участь постигла и слайды, транслировавшиеся на большой экран у сцены: с такого расстояния они были совершенно неразборчивы. Причиной всего этого, несомненно, было очень большое число людей, приехавших на конференцию со всей страны. Таким образом, хотя помещение без труда позволило разместить всех гостей и участников конференции — всего около тысячи человек, послушать выступления на пленарных заседаниях посчастливилось тем, кто смог заполучить места в половине зала близкой к сцене.

По причине формата конференции попасть на все семинары и сессии одновременно было невозможно. Учителям, приехавшим на конференцию, как и участникам, желавшим послушать других, приходилось выбирать. Среди сессий и семинаров, которые довелось посетить мне, — сессии «Как устроен филиппинский язык?» (What makes a Philippine language?), «Филиппинская фонетика» (Philippine Phonetics), «Язык и компьютеры» (Language and Computers) и семинар «Анализ фонетических данных» (Phonetic Data Analysis). На первых двух я присутствовал только в качестве слушателя, на двух последних — как участник. На сессии «Язык и компьютеры» мною вместе с двумя моими коллегами — Maria Paz C. San Juan и Jem R. Javier — была представлена работа «Stressed out with stress: Perceptual recognition of acoustic correlates

of stress in Tagalog», а на семинаре вместе с товарищами по кафедре в Университете Филиппин мы обучали желающих основам фонетического анализа с использованием компьютерной программы Praat, разработанной сотрудниками Institute of Phonetic Sciences в Университете Амстердама Paul Boersma и David Weenink.

На основании личных наблюдений могу заметить, что, несмотря на то что большинство работ, представленных на той части конференции, свидетелем и участником которой стал я, прямо или опосредованно имели отношение к преподаванию местных языков или других предметов с их посредством, учителям, в интересах которых в первую очередь и устраивалась конференция, вероятно, больше хотелось узнать и поговорить о таких вещах, которые можно использовать непосредственно на уроках в школе, тогда как многие из представленных работ являются исследованиями, непосредственные результаты которых невозможно использовать в классной комнате. Так, наибольшее оживление среди публики возникало, когда обсуждение затрагивало вопрос правописания (в свою очередь также являющийся болезненным для филиппинских языков, причем не только для языков меньшинств, которые в настоящее время почти не используются в какой-либо иной сфере, кроме повседневного общения, и на которых, соответственно, отсутствует практически любая литература, но и для таких крупных языков, как тагальский, себуано, илокано и др., орфография которых до сих пор остается в значительной степени нестандартизированной). В качестве примера можно привести случай обсуждения, в котором учителей интересовало, как следует говорить и писать глагол с заимствованным из английского корнем со значением «оканчивать учебное заведение» — *gumgraduate* или *grumaduate* и т.д., и стоит ли использовать его вообще, когда есть тагальское *magtapos* с тем же значением. Докладчик, как и другие выступающие, был не готов ответить на этот вопрос, и, вероятно, научный ответ на него не может быть найден вообще: оба варианта используются и для лингвиста являются «равноправными».

С другой стороны, следует отметить, что аудитория особенно благосклонно воспринимала выступления, посвященные региональным языкам филиппин, таким как пангасинан, себуано и т.д. Хотелось бы, чтобы в будущем больше внимания в лингвистических исследованиях и на таких событиях, как обсуждаемая конференция, уделялось именно языкам не столь хорошо изученным, как тагалог и несколько других языков филиппин, поскольку особенные сложности, несомненно, возникнут с созданием учебных материалов на языках меньшинств.

В целом, среди недостатков конференции можно назвать несоответствие помещений и оборудования числу приехавших гостей: организаторам хотя и оказалось под силу принять и разместить тысячу гостей, но иногда это отражалось на комфорте последних в прослушивании выступлений. Организаторов, впрочем, нельзя в чем-либо упрекнуть, так как такой наплыв учителей был трудно предсказуем. Другим недостатком, по моему мнению, стал выбранный формат: у участников и гостей конференции была реальная возможность услышать лишь малую долю из столь большого числа докладов, читаемых по разным тематикам в разных помещениях на параллельных сессиях. Здесь, впрочем, также сложно винить организаторов: если бы сессии шли последовательно одна за другой, то конференция растянулась бы до непозволительно длительных размеров во времени. Кроме того, этот недостаток частично компенсируется тем, что всем зарегистрировавшимся был вручен DVD-диск с программой и частью докладов; кроме того, статьи, прочитанные на конференции, выложены и продолжают выкладываться на веб-сайте консорциума-организатора конференции: <http://mlephilippines.org>.

На конференции также остался без ответа или хотя бы обсуждения вопрос о том, каким образом новую стратегию в принципе возможно претворить в жизнь (или же вопрос обсуждался, и мне просто не повезло присутствовать на нужной сессии?). Вероятно, в «идеальном» варианте, который прописан в новой концепции, осуществить ее невозможно: как, например, следует организовывать образование на языках, число носителей которых незначительно? А ведь носители некоторых филиппинских языков насчитывают всего от нескольких сот до нескольких человек. Или как можно обеспечить право всех филиппинцев на образование на родном языке в классах, где дети принадлежат к разным лингвистическим группам? В особенности это касается самой Манилы, где рядом могут оказаться дети с такими разными родными языками, как тагалог, себуано, илокано, биколано, капампанган, пангасинан, чабакано и даже китайский и т.д.

В целом, новая стратегия, принятая в Министерстве образования Филиппин, еще очень далека от осуществления, и сам благоприятный исход ее все еще под вопросом. Тем не менее надежду на успех данной инициативы внушает воодушевление, которое можно было увидеть как среди учителей, посетивших конференцию, так и среди организаторов, которые полны решимости продолжать работу в выбранном направлении. Стоит также принять во внимание, что к самому факту издания приказа № 74 Министерства образования можно относиться уже как к большой победе в стране, где на протяжении продолжительного времени

считалось, что только изучение английского языка и использование его в качестве языка преподавания позволит гражданам стать конкурентно-способными на рынке труда и поможет справляться с вызовами современной жизни. Хотя и не стоит забывать, что победа эта не окончательная, так как в настоящее время в Конгрессе страны зарегистрированы два соперничающих законопроекта: законопроект 3719, внесенный конгрессменом Magtanggol Gunigundo I, согласно которому ребенок имеет право получать образование на родном языке в течение всей начальной школы и изучать его как отдельный предмет в старших классах, и законопроект 5619, согласно которому английский в обязательном порядке становится языком преподавания начиная с 4-го класса начальной школы, а использование филипино и местных языков необязательно.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОСА НАРОДОВ ТЭЙНГУЕН ВО ВЬЕТНАМЕ

Статья посвящена истории и современному состоянию изучения эпоса народов горного плато Тэйнгуен (Южный Вьетнам) вьетнамской наукой. Наиболее известны эпические сказания эдэ, джарай («горные индонезийцы»); бахнар, мнонг («горные кхмеры»).

Начало исследованиям эпического наследия этих народов положили французы в колониальный период. Одними из первых были Л. Сабатье, Д. Антомарши, которые записали и перевели сказания (*кхан*) эдэ «Дам Шан» и «Дам Зи». Позже эти и другие тексты привлекли внимание ряда северовьетнамских ученых.

Однако по известным причинам это изучение носило поверхностный и несистематический характер вплоть до начала 1980-х гг. За одно десятилетие было собрано и обработано большое количество эпических сказаний бахнар, мнонг, эдэ, хре. Часть записанных тогда бахнарских эпических преданий (в настоящее время их известно 139) не опубликована до сих пор.

Именно в 1980-е гг. сформировалась школа вьетнамской фольклористики. Самыми активными ее представителями являются Данг Нгием Ван, Фан Данг Нят, Нгуен Ван Хоан, Во Куан Нён. Особое внимание вьетнамские специалисты в целом уделяют связям эпоса с ритуалом и сопоставлению эпосов Тэйнгуена и народов Северного Вьетнама (мыонг, тхай, вьеты).

В то же время плохо разработана классификация, недостаточно переводов на вьетнамский язык и квалифицированных специалистов, особенно в сфере литературоведения. Не уделяется должного внимания связям народов Тэйнгуен с чамами и другими малайско-индонезийскими народами. Не способствует целенаправленной работе и сложная этноконфессиональная ситуация в современном Тэйнгуене.

Отдельный интерес представляет использование такого понятия, как «вьетнамский эпос», применительно к эпическому наследию всех народов СРВ.

Во Вьетнаме понятие «эпос Тэйнгуена» было введено в научный оборот после выхода книги «Длинные поэмы Тэйнгуена», коллективного труда ученых, переселившихся из Южного Вьетнама в Северный Вьетнам в 1954 г. Именно ими вьетнамскому читателю впервые были

представлены такие сказания эдэ, как «Дам Зи», «Синь Ня», «Дам До-роан», «Кхинь Дзу», «И Прао», «И Бан»). До этого только «Дам Зи», записанное Д. Антомарши, было опубликовано Ж. Кондоминасом в переводе на французский язык в начале 1950-х гг.

В целом, планомерное изучение эпического наследия народов Тэйнгуена началось с 1981 г., когда ханойский Институт фольклора совместно с местными властями стал проводить регулярные полевые исследования в провинциях Залай-Контум и Даклак. В составе некоторых фольклорных экспедиций принимал участие и советский вьетнамист Н.И. Никулин.

На основе результатов труда группы ученых во главе с Фан Данг Нятом последним была написана диссертация об эпосе эдэ, опубликованная в виде монографии в 1991 г. В ней предпринята попытка дать ответ на ряд вопросов о содержании, происхождении и особенностях 19 сказаний (*кхан*) эдэ. Профессор Фан Данг Нят до сих пор считается главным специалистом по эпосу народов Тэйнгуена. При том что записано 41 *кхан*, наследие эдэ нуждается в дальнейшем глубоком изучении.

Фан Данг Нят разделяет следующее мнение Стефаны Стойковой, болгарского фольклориста: «*Кхан* эдэ — это архаический эпос, типичный в плане сказителя, структуры, художественных особенностей, передачи и синкретического характера» [Phan Dang Nhat 2002 (II): 71].

Эпос эдэ «Дам Шан»

В 1927 г. Л. Сабатье, французский резидент (глава администрации) в Даклаке, выпустил в свет первый перевод «Песни о Дам Шане». По его мнению, этот стихотворный текст имел морально-дидактическое назначение и должен был иллюстрировать обычаи эдэ.

По мнению же соотечественника Сабатье, Ж. Дурна, который также восхищался «Дам Шаном», в центре произведения — чаяния героя (Дам Шана), испытывающего неудовлетворенность своей жизнью и отправляющегося на поиски женщины Солнца. Эту точку зрения Дурна разделяют и современные вьетнамские специалисты.

Первый перевод «Дам Шана» на вьетнамский язык, выполненный Дао Ты Ти, был издан в 1959 г. в Ханое, но имел много неточностей. Лишь в 1989 г. Нгуен Хыу Тхау, Нгуен Хоан и Ха Конг Тай осуществили издание дополненного и исправленного перевода.

Удачей фольклористов следует считать открытие четырех предполагаемых отрывков «Дам Шана» (состоит из 7 глав) в общине Понг-дранг, уезд Кронгбук провинции Даклак. Найденные фрагменты повествуют о сражениях эпического героя с вождями враждебных племен:

Мэтао Куат (племя Стали), Мэтао Тур (племя Улиток), Мэтао Еа (племя Воды) и Мэтао Ак (племя Воронов). Н.И. Никулин указывал, что имя одного из антагонистов Дам Шана, Мэтао Гры («Вождь Орел»), напоминает о былой зооморфности и что в фольклоре народов Восточного Индокитая в роли похитителя женщины часто выступала гигантская птица [Никулин 1996: 193]. Поскольку в традиционном тексте жена Дам Шана была похищена Мэтао Гры, можно предположить, что ранее в эпосе речь шла об огромной птице, которая могла быть не только орлом, но и вороном (Ак). В то же время четыре *кхана* об указанных антропоморфных антагонистах (вождях племен) могут представлять собой лишь различные варианты эпизода, описывающего противоборство Дам Шана и похитителя.

В настоящее время вьетнамские ученые рассматривают следующие вопросы по «Дам Шану»:

— Произведение следует отнести к XV в. или XVI–XVII вв.?

— Является ли главной темой протест героя, отвергающего сватовство сестер Хэни и Хэбхи, против матриархальных обычаев? (У эдэ до недавнего времени существовал обычай «бесконечной цепочки», когда в браке состоят два рода, а не просто пара супругов.)

— Существует ли чамская версия «Дам Шана»? Имеются гипотезы, что когда-то эдэ населяли морское побережье, откуда были оттеснены в горы. Именно этим можно объяснить детальные описания моря в эпосе эдэ. В сказании «Дам Зи» даже подробно повествуется о морском сражении.

Профессор Во Куанг Нён указывает на сценический характер ряда эпизодов эпоса и артистический талант сказителей эдэ, сопровождающих свое повествование жестами, пением, криками.

Эпос других народов Тэйnguена

Бахнар. В 1982 г. в Ханое вышел в свет вьетнамский перевод «Хмон Дам Ной» (версия сказителя Динь Ван Мола). Это первый опубликованный эпос австроазиатского народа Тэйnguена: ранее записывались только произведения австронезийских народов плато. В 1996 г. были изданы два других сказания бахнар (всего известно 7): «Бедный Джонг и его восемь жен» и «Завистливый Че Ваг и Джонг». Поскольку в этих текстах фигурирует один и тот же главный герой, можно предположить, что существовал цикл историй о некоем Джонге, но что это за персонаж, пока не представляется возможным сказать ввиду недоступности этих переводов. Всего имеется 7 текстов бахнар. По мнению Н.И. Никулина, именно бахнарская и мнонгская эпические традиции являются наиболее

архаичными в Тэйнгуене [Никулин 1996: 132], однако вьетнамские коллеги этим вопросом не задаются.

Джарай. Из известных 8 сказаний опубликован перевод трех произведений: «Хдьеу», «Чин Чьенг» и «Джонг». У джараев бытуют также эпические сказания эдэ, живущих южнее.

Мнонги. В ходе фольклорных экспедиций в 1985–1990 гг. в Даклаке было открыто главное эпическое сказание мнонгов «От Нронг». Примечательно, что «от нронг» означает «историческая песня». Всего в настоящее время известно 139 устных произведений мнонгов, в большинстве которых встречаются те же главные персонажи и места действия, что и в «От Нронг». Фанг Данг Нят предполагает, что мы имеем дело с фрагментами одного генеалогического эпоса, и ставит «От Нронг» в один ряд с эпосом «Манас» [Фан Данг Нят 2002(1): 21]. Пока во вьетнамском переводе читателю доступны «Архаический эпос мнонгов» (1993), «Волшебный столб» (1994), «Сезон подсечно-огневых работ в Бонтианге» (1996). Интересно, что три указанных текста записаны от одного сказителя, имя которого — Дьеу Клыт.

Раглай. В 1999 г. Нгуен Тхе Шанг и Чамальех Тиен записали и перевели эпос «Удай Уджа», единственный известный у раглай в настоящее время. На 400 страницах «Удай Уджа» повествуется о подвигах героя по имени Уджа, принесшего мир и процветание своему народу. Следует отметить, что вьетнамские фольклористы, учитывая родство раглай и чамов, предполагают, что дальнейшее изучение устного творчества раглай может привести к открытию сюжетов, общих для обоих народов.

В теоретическом плане Фан Данг Нят [Phan Dang Nhat 2002 (III): 42–43] призывает своих коллег к решению задачи классификации эпоса на основе базовых критериев и к продолжению обсуждения имеющихся классификаций вьетнамского материала, указывая три из них:

1) Во Куанг Нён и некоторые его коллеги выделяют героический и мифологический эпос;

2) Фан Данг Нят и Динь За Кхань отличают архаический эпос от античного или классического, ссылаясь на точку зрения В.М. Жирмунского и Е.М. Мелетинского;

3) Третья классификация в зависимости от действий героя различает эпос о сотворении мира, живых существ («Ам эт Луонг» тхаев, мыонгский цикл сказаний «Рождение Земли и рождение Воды») и эпос об общественных институтах (помощь своему народу, прекращение войн, объединение племен и т.п.).

К первому типу Фан Данг Нят относит только эпос вьет-мыонгский («Рождение Земли и Воды») и тайцев Вьетнама («Ам эт луонг»), а ко

второму — следующие сказания народов Тэйnguена: у эдэ — «Дам Шан», «Дам Зи», «Чилюкок», «Кхинь Дзу», «Дам Дороан», «И Прао», «Мхиенг»; у джарай — «Хдьеу», «Чин Чиенг», «Джонг»; у бахнаров — «Дам Ной», «Синг Чи Он», «Зионг»; у мнонгов — «От Нронг», «Волшебный столб», «Сезон подсечно-огневых работ в Бонтианге». В этот ряд, вероятно, будет помещен и «Удай Уджа» народа раглай.

Что касается первого типа, то, по нашему мнению, сюда следует отнести и ряд чамских космогонических и этногонических мифов, посвященных сотворению земного мира, людей, народов и т.д. (прежде всего мифы о По Куке и По Нагар). Однако вьетнамские специалисты эпическим произведением чамов считают только акаят «Дева Мано», что представляется необоснованным.

В акайте «Дева Мано» (чамской версии малайского хикаята «Дева Манду») ярко выражены мифические мотивы и эпизоды, имеющие вселенский масштаб. По представлениям чамов, «Дева Мано» был ниспослан свыше, а не был создан людьми. Это сближает данное произведение с мифом, который, как считается, в архаическом обществе играл роль священного писания. Несмотря на заимствованный сюжет, «Дева Мано», несомненно, отражал многие представления чамов, во многом сходные с представлениями родственных народов Тэйnguена.

В целом, при обращении к чамским мифам можно выделить следующую отличительную особенность народной традиции чамов: многие ее элементы сосуществуют в соединении с заимствованными религиозными учениями (индуизм, ислам). Как известно, другие народы Чампы, населявшие плато Тэйnguен, остались анимистами. Предварительно можно выдвинуть предположение, что малайско-индонезийские народы Восточного Индокитая имели собственный устный эпос. Для выявления общих черт необходимо детальное изучение наследия чамов, раглай, джарай, эдэ, тьру, а также других соседних народов.

Круг основных проблем, стоящих в настоящее время перед местными властями применительно к эпическому наследию народов Тэйnguена, обозначен на примере провинции Даклак начальником управления культуры и информации этой провинции Нгуен Тхань Тинем [Nguyen Thanh Thinh 2002: 54]:

— Неуклонно сокращается число стариков-сказителей. Если в 1975 г. после освобождения Южного Вьетнама их насчиталось около 300, то в 2002 г. — менее двух десятков.

— Крестьяне даже после сбора урожая все реже собираются в общинных домах (*ронг*) для того, чтобы послушать сказителя, тем более в ряде деревень такие дома сейчас отсутствуют.

— Многие молодые люди не хотят учиться декламации *кхан*, *от хронг*, *хри*, считая их пережитками прошлого, не отвечающими требованиям современной жизни. (В то же время, например, у бахнаров сказителем может быть только мужчина солидного возраста, не моложе 40 лет).

— Недостаточное распространение средств популяризации традиционных сюжетов в виде рисунков, детских книг и т.п.

— Развитие рыночной экономики и быстрое распространение протестантизма негативно влияют на сохранение традиционной материальной и духовной культуры горцев.

В целом соглашаясь с вышеуказанными утверждениями Нгуен Тхань Тиня, мы также не можем отрицать влияния политики центральных властей Вьетнама на традиционный уклад и хрупкую этноэкологическую ситуацию в Тэйnguене.

Активное переселение вьетнамцев в районы традиционного проживания горцев, которые издавна занимаются подсечно-огневым хозяйством, охотой и собирательством, сопровождается захватом общинных земель, пауперизацией коренного населения. Усиление межнациональной и социальной напряженности усугубляется притеснениями со стороны властей приверженцев распространяющегося протестантизма (так называемого «протестантизма Дега»). Естественно, в такой нестабильной ситуации горцы ряда районов не могут спокойно собираться по вечерам и следить за перипетиями сказаний.

В данном контексте обращает на себя внимание тенденция вьетнамских авторов использовать словосочетание «вьетнамский эпос» применительно к эпическому наследию всех народов страны, в том числе Тэйnguена и Чампы, которая существовала вплоть до начала XIX в., безотносительно к историческим особенностям.

Так, Фан Данг Ня в параграфе «Связи между Вьетнамом и Малайзией» пишет исключительно о «длительных культурных связях между Чампой и Малайзией», рассматривая схожесть малайского «Дева Манду» и чамского «Дева Мано» [Phan Dang Nhat 2002 (IV): 58]. Подобная подмена в ряде случаев требует дополнительного разъяснения, идет ли речь об эпическом наследию вьетов (кинй) или о наследию других народов, ныне проживающих на территории СРВ.

К сожалению, проблемы сказительства, импровизации и обучения сказителя практически не рассматриваются вьетнамскими учеными, несмотря на то что Н.И. Никулин в своих статьях поднимал этот вопрос (большинство вьетнамских ученых хорошо знакомы с его работами, в том числе на русском языке). Кроме того, работы М. Пэрри и А. Лорда практически неизвестны во Вьетнаме.

Как правило, вьетнамские специалисты не осознают, что распространение вьетнамской грамоты, проникновение средств массовой информации убивают изустную передачу эпоса от сказителя ученику. В то же время они указывают на негативное влияние рыночных отношений и распространения протестантизма, призывают проводить при финансовой поддержке государства исследования и записи эпического наследия, организовывать различные культурные мероприятия фольклорного характера, предлагают «популяризировать» эпос посредством обучения, книг, фильмов, спектаклей, кукольного театра. Кроме того, сейчас во многих горных деревнях отсутствует общинный дом, где жители могли бы собираться, в том числе для исполнения *кхан*, *от нронг*, *хри* и других произведений.

К сожалению, умирание традиции сказительства у народов Тэйнгуэна происходит быстрее, чем реализация планов по его сохранению. Тем не менее во Вьетнаме можно и необходимо применять положительный опыт, накопленный другими странами в этом направлении. Тщательное изучение имеющегося материала и его анализ в сравнении с эпосом других стран региона, без сомнения, внесет достойный вклад в мировую науку.

***

Никулин Н.И. Архаический эпос народов Вьетнама // Эпос народов зарубежной Азии и Африки. М., 1996.

Nguyen Thanh Chinh (Нгуен Тхань Тинь). La recherche sur les épopées et leur préservation dans la province de Dac Lac // Etudes Vietnamiennes. Hanoi, 2002. № 1.

Phan Dang Nhat (Фан Данг Нят). Bilan des recherches sur les poèmes épiques des peuples du Vietnam // Etudes Vietnamiennes. 2002 (I). № 1.

Phan Dang Nhat (Фан Данг Нят). Épopées vietnamiennes (Edé) et épopées hindoues // Etudes Vietnamiennes. 2002 (II). № 1.

Phan Dang Nhat (Фан Данг Нят). Les épopées du Tay Nguyen dans le cadre des recherches sur les épopées au Vietnam // Etudes Vietnamiennes. 2002 (III). № 1.

Phan Dang Nhat (Фан Данг Нят). Liens entre l'épopée vietnamienne et les épopées d'autres peuples asiatiques // Etudes Vietnamiennes. 2002 (IV). № 1.

КАРТИНА МИРА В МАЛАЙСКОЙ «ПОВЕСТИ О ПОБЕДОНОСНЫХ ПАНДАВАХ»

В ряду источников сюжетов, получивших свое развитие в литературной и театральной традиции народов Юго-Восточной Азии, особенно ее островной части, древнеиндийская «Махабхарата» занимает особое место. В странах региона, принадлежащих к индийскому культурному ареалу, заимствованные из нее мотивы питали собой творчество местных авторов, а в ряде случаев, в частности на Яве, стали органической частью мифологизированной династической истории.

Освоение сюжетов «Махабхараты» в Нусантаре осуществлялось как письменным, так и устным путем. С начала I тыс. — эпохи распространения индийского влияния на архипелаге — на Яве, Бали и в Малайе получают хождение санскритские версии эпоса, а в X–XII вв. бо́льшая часть составляющих ее книг (парв) переводится на древнеяванский. Вторым источником сюжетов «Махабхараты» послужили ее ранние, устные версии, существовавшие в Индии на местных диалектах задолго до ее письменной фиксации и сохранившиеся и донныне [Brandon 1967: 22]. Вполне вероятно к тому же, что на Яве издавна существовала принятая в Индии практика чтения эпоса вслух [Gonda 1976: 211]. Оба эти обстоятельства содействовали формированию значительной части репертуара традиционного индонезийского театра.

Истории противостояния двух ветвей рода Бхаратов были посвящены древнеяванские прозаические сочинения — парвы — и эпические поэмы-какавины XI–XIII вв., возникшие на основе прямых переводов с санскрита книг «Махабхараты». Тот же конфликт лег в основу сюжетов лаконов (пьес) театра плоских кожаных кукол *ваянг пурво*, источниками которых были, скорее всего, ее устные версии, имевшие хождение на местных языках Индии. Общее количество лаконов (пьес *ваянга*) о Пандавах и Кауравах, включая и те, что были созданы в сравнительно недавнюю эпоху, по разным оценкам, может варьироваться от полутора до трех сотен [Brandon 1970: 12; 1967: 90].

На рубеже XIV–XV вв. малайская литература, находившаяся в период своего становления под мощным влиянием индо-яванской традиции, не могла не обратиться к освоению восходящего к «Махабхарате» эпического наследия Явы. И древнеяванские какавины (в значительно меньшей степени парвы), и драматургия *ваянг пурво* стали основными

источниками для последующих переработок и переложений на малайский, положив тем самым начало жанру так называемых «театральных» повестей.

Одним из наиболее известных образцов этого жанра является малайская «Повесть о победоносных Пандавах» (далее — ППП). Ядром ее сюжета послужил древнеяванский какавин «Бхаратаюддха», чья событийная канва в своих основных чертах совпадает с V–X книгами «Махабхараты». Не меньшее место в ППП занимает и театральная составляющая. Текст памятника открывается прямым уведомлением читателя, что в предлагаемом сочинении, помимо самой повести о победе Пандавов, рассказывается также еще несколько «красивых историй», известных в форме лаконов (пьес ваянга).

Яванская традиция издавна связывала места действия сочинений, созданных по мотивам «Махабхараты», с вполне конкретными географическими областями Явы и Мадур. Карту, на которой показано местоположение Амарты (Мертавангсы), Астинапуры, Дарвати и других упоминаемых в ППП мест, можно найти в фундаментальном труде «История Явы» Т.Ст. Рэффлза [Raffles 1965: 411–412]. Разумеется, на ней представлены далеко не все поименованные в ППП топонимы, однако карта дает достаточно полное представление о том, какой виделась яванцам область, где происходили описываемые события.

Главной особенностью эпического ландшафта ППП, как и всех яванских сочинений «бхаратовского» цикла, является его сугубо материковый характер. В отличие от многих малайских хикайатов, в ППП никак не реализуется функция моря как препятствия и одновременно пути в далекие страны. Примечательно, что даже вотчина Сальи — Мандура Гапура, находящаяся, как явствует из карты, на прилегающем к Яве с востока острове Мадур, предстает в тексте не заморским княжеством, но местом, куда можно добраться, не садясь на корабль, — возможно, потому что ее индийский прототип — Мадраदेशа, расположен вдали от океанских побережий, на территории нынешнего Пенджаба. Не встречается в ППП и типичный для эпических сказаний Западной Нусантары мотив путешествия героя от устья реки к ее истокам [Горяева 1979: 106].

Помимо собственно княжеств, где обитают герои, и равнин, на которых разворачиваются сражения (Курукшестра и Тангкил Аруна), на первый план в картине мира здесь выступают горы. Прежде всего это священная гора — связующее звено между горным и дольным мирами, место, где отшельники и герои предаются уединенному созерцанию, дабы подавить в себе низменные страсти и снискать божественную энергию — сакти, равно необходимую и пандиту, и кшатрию, и правителю.

Не менее трех таких мест на Яве традиционно именуются Индракила — так называлась гора, которая, по преданию, считается обителью, где отшельничал Арджуна и где скрылись, словно растворившись в лучах света, Пандавы после своей земной кончины. Впрочем, в ППП горы выступают также простым атрибутом ландшафта, элементом поэтического пейзажа (гора Варакила в истории Абиманью и Сундари). В сюжете они упоминаются почти столь же часто, как княжества, в которых обитают герои (8 и 13 раз соответственно), в отличие от рек и селений (2 и 1 раз).

Указанная особенность ландшафта ППП обнаруживает очевидные параллели в традиции ваянга. Нельзя не вспомнить в этой связи о такой фигуре ваянга, как кайон (тж. гунунган). Это кусок кожи сердцевидной формы на ножке, изображающий поросшую лесом гору и олицетворяющий мировое древо [Rassers 1959: 174–179] и мировую гору одновременно. Будучи главной и едва ли не единственной декорацией в ваянге, эта фигура, в зависимости от обстоятельств, может олицетворять не только лес и гору, но и ветер, и океан, гром, молнию и т.д. Кайон, помещенный кукловодом-далангом в центре сценического пространства перед началом новой сцены, служит «отбивкой» между отдельными эпизодами. В силу понятных причин пространство, в котором разворачивается сюжет пьесы, дискретно. О переносе места действия в другое княжество свидетельствуют комментарии даланга и появление на сцене нового набора персонажей.

Сходным образом происходит перемена места действия и в ППП: в ее сюжете практически отсутствует типичный для малайских хикайатов мотив путешествия. За редкими исключениями, перемещение персонажей из княжества в княжество происходит молниеносно. В отличие от многих хикайатов, где нередки сцены отдыха путешественников в саду, расположенном на пути их следования, купанья в пруду, сбора цветов, плодов, слушания пантунов, которые им распевают птицы и даже рыбы [Брагинский 1975: 301–302, Горяева 2008: 322–323], пространство ППП как бы не предполагает наличия «периферии». Здесь сад тоже привязан к «центру» и является частью дворцового комплекса, обычно его «женской половиной».

В символическом плане события в «Повести» развиваются в постоянном взаимодействии сфер горнего (духовного, вечного) и дольного (материального, преходящего) миров, проявляющемся в устойчивой связи героев с небожителями. Все важнейшие поступки Пандавов иницируются свыше: боги призывают их вернуться из изгнания в Индрапасту, предрешают победу Пандавов над Варгой Девой, предупрежда-

ют Баладеву о готовящейся схватке Бимы с Дурьоданой, приказывают воюющим погасить разгоревшееся на земле пламя, достигшее небес и причиняющее им неудобства, напоминают Биме о необходимости исполнить свой обет, подают Арджуне знак вернуться в Мертавангсу, чтобы получить прощение братьев и т.д. Посмертный уход в горную обитель богов — желанный венец бытия для Пандавов и прочих добродетельных правителей или кшатриев (Сальи, Бисмы, Арджуны Сасрабаху). При этом реальное действие никогда не переносится в небесное царство, подобно тому как не звучат в сюжете и обращенные к героям живые голоса Батары Гуру или Батары Индры: их вестником на земле выступает бегаван Нарада.

Очевидно, что образ горы является в ППП ключевым и предстает в самом широком спектре своих реальных и символических значений. Если фактически сюжетное действие ППП развивается в *горизонтальной* плоскости — в кругу нескольких земных княжеств, то рассматриваемый сквозь призму своего театрального воплощения сюжет ППП ограничен передвижениями по *горизонтальной оси «право–лево»* плоского и лишённого глубины сценического пространства ваянга. Наконец, на символическом уровне события выстроены с преобладанием *вертикального* вектора движения сюжета.

Важным элементом картины мира в ППП выступает уже упомянутый выше сад — место, где обычно разворачиваются любовные сцены. Дворцовый сад в ППП, как и во многих других нарративных произведениях яванской и малайской словесности, как письменных, так и устных, — обычное место пребывания красавицы: здесь находятся ее покои, здесь она привыкла гулять, томясь в предчувствии любви. Именно в саду Катадаастара впервые встречает Деви Арасканди, в женских покоях дворцового сада разворачиваются многочисленные любовные интриги Арджуны, в саду же происходит встреча Абиманью и Сундари и т.д. Сад как бы противопоставлен «столице» и «полю боя», как пространство по преимуществу «женское» пространству «мужскому», и олицетворяет собой сферу изящного, красоты и нежных чувств.

В то же время сад в ППП выступает и некоторой космогонической универсалией, необходимым элементом все той же вертикальной оси мироздания. В мифологии яванцев и малайцев такие атрибуты сада, как смоковница (берингин) и дерево нагасари, служат как бы мостиком между небесами и землей и, так же как и упомянутый кайон (гунунган), олицетворяют собой мировую гору (Меру) или мировое дерево. Дикие звери или великаны-раксасы, изображаемые обычно в нижней части кайона, стерегут вход в верхний мир.

Отголоском этого мотива в ППП может служить эпизод, когда Када-тадастар и его жена встречают живущего в смоковнице злого духа — одного из приближенных Батары Дурги, не позволяющего им проникнуть в ее горную обитель. Другие ракасы — вассалы Варги Девы — в бою пользуются вырванной из земли смоковницей как оружием. Под смоковницей возлежит на своей колеснице и смертельно раненый бегаван Бисма перед своим отбытием на небеса.

Эстетическая функция сада как сферы изящного, «женского» и его космогоническая роль неотделимы друг от друга. В дворцовом саду Варги Девы, где в особых покоях поселяется его юная супруга — Пуспа Индра Деви, фрейлинами государыни становятся обитательницы горного царства — небесные феи Анггара Майанг и Тунджунг Биру (Тунджунг Тутур). Под растущими в саду смоковницей и деревом нагасари обычно располагаются на отдых красавицы — Арасканди и Сундари, предмет любви и соперничества героев. В этих якобы сугубо лирических сценах звучат отголоски мифов о любви земного юноши и небесной феи, встреча которых происходит именно вблизи священного дерева [Gupta 1971: 54; Горяева 1998: 64–76]. Тем самым образы сада и горы в ППП переплетаются, как и в ваянге, где их нерасторжимое единство олицетворяет кайон (гунунган).

Основное место действия большинства эпизодов ППП — земные княжества, где правят ее герои, — можно соотнести с нижним уровнем все той же выстроенной по вертикали символической картины мироздания. Согласно древнейшим представлениям о природе царской власти, господствовавшим в большинстве стран Юго-Восточной Азии, государство рассматривалось как микрокосм, а бог-царь (дева-раджа) — как своего рода демиург, призванный обеспечивать поддержание гармонии его страны с остальной Вселенной. На Яве эти концепции переплелись с древнейшими формами автохтонного культа гор: индуистско-буддийский мотив горы Меру как центра вселенной связывал махараджу с этой осью и представлял его Властелином Горы, а укрепленная столица выступала одним из характерных символов центра, космического единства, корней мирового древа [Supomo 1972: 281–297; Lombard 1990: 56–57; Кузнецова 1989: 80].

Таким образом, основные элементы пространства, в котором развивается сюжетное действие «Повести о победоносных Пандавах»: гора, сад и (равнинное) княжество — на символическом плане изоморфны друг другу. Они вместе и каждая в отдельности находят свои параллели в декоре ваянга (кайон) и тем самым олицетворяют космическое един-

ство Вселенной, обозначая главный вектор судьбы героев — переход от земного бытия к бытию небесному.

***

Горяева Л.В. Соотношение устной и письменной традиции в малайской словесности. М., 1979.

Горяева Л.В. Образ старухи-посредницы в малайской и русской повествовательной традиции // Мифологические системы народов Юго-Восточной Азии. М., 1998. С. 64–76.

Күзнецова С.С. У истоков индонезийской культуры. М., 1989.

Повесть о махарадже Маракарме: факсимиле рукописи / пер. с малайского, исслед., коммент., прилож. Л.В. Горяевой. М., 2008.

Сад золотого павлина. Старинная малайская проза / пер. с малайского, послесл. и коммент. В.И. Брагинского. М., 1975.

Brandon J.R. Theatre in Southeast Asia. Cambridge (Mass.), 1967.

Brandon J.R. (ed.) On Thrones of Gold. Three Javanese Shadow Plays. Cambridge (Mass.), 1970.

Gonda J. Old Javanese literature // Handbuch der Orientalistik. III Abteilung. III Band. Abschnitt I. Leiden, 1976.

Gupta S.M. Plant Myths and Traditions in India. Leiden, 1971.

Lombard Denys. Le Carrefour javanais. Essai d'histoire globale. III. L'héritage des royaumes concentriques. P., 1990.

Rassers W.H. Pañji, the Culture Hero. The Hague, 1959.

Raffles T.S. The History of Java. L., 1965. Vol. 1.

Supomo S. Lord of the Mountains in the fourteenth century kakawin // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Leiden, deel 128 (1972). № 2/3. P. 281–297.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX в.

Индонезия — страна многоконфессиональная. Существующая здесь религиозная картина складывалась под влиянием различных культур, которые в разные эпохи участвовали в формировании местных канонів и обычаев. На сегодняшний день на территории Индонезии сосуществуют ислам, христианство (протестантизм и католицизм), конфуцианство, индуизм и буддизм; повсеместно распространен анимизм, который пронизывает все остальные религии.

Несмотря на то что доминирующую роль в стране играет ислам (его исповедуют около 90 % индонезийцев), в стране по-прежнему отчетливо ощущаются результаты индийского влияния, которого не сумела избежать в том числе и религия мусульман, потеснившая индуизм в XVII в. Большинство жителей Бали и некоторые народы Восточной Явы до сих пор исповедуют подвергшийся влиянию буддизма индуизм, который носит название «яванизированный индо-буддизм».

С начала н.э. индонезийцы заимствовали от индийских священнослужителей и торговцев, появившихся на островах, идеологию, основанную на индуизме и буддизме, которая быстро распространилась на Яве, Бали и Суматре. Однако это заимствование не было бездумным: индийские концепции были во многом истолкованы жителями Малайского архипелага по-своему, а новые религии согласованы с уже имеющимися традиционными верованиями. Как отмечает Л. Мерварт, «индонезийцы либо включили своих богов, как, например, Семара и его сыновей, в свиту новых богов, наделив их, однако, большей силой, либо сделали новых богов родоначальниками своих родов и племен» [Мерварт 1961: 6]. Местные литературы и фольклор обогатились индийскими сюжетами. Темы и образы индийских эпосов «Рамаяна» и «Махабхарата», которые стали пользоваться особой популярностью, были переосмыслены в приложении к индонезийской культуре. Заимствованные мифологические сюжеты и элементы сказаний, слившись с местными культурами и верованиями, образовали новую религию, на которой держались первые архаические государства Малайского архипелага. Эта религия просуществовала в Индонезии вплоть до середины XVII в., когда ислам, проникший в Индонезию еще в XIII в. вместе с купцами-мусульманами из Гуджарата — одного из центров морской

торговли в Западной Индии — и стран арабского Востока, окончательно укрепил свои позиции на островах.

Большую роль в сохранении индийской культуры и религии в Индонезии играет традиционный театр теней *ваянг кулит пурво* (*wayang kulit purwo*), пьесы которого основаны в большинстве своем на сюжетах из «Рамаяны» и «Махабхараты». До сих пор индийские боги и герои воспринимаются индонезийцами прежде всего как тени *ваянга*, а мифологические образы и сюжеты присутствуют в сознании практически каждого индонезийца, поскольку представления *ваянга* и сегодня пользуются достаточно большой популярностью.

Благодаря *ваянгу* индийские «Рамаяна» и «Махабхарата» породили на островах Малайского архипелага множество вариаций. На территориях, населенных малайцами, «Рамаяна» трансформировалась в «Сказание о Сери Раме», а «Махабхарата» — в «Повесть о победоносных Пандавах». Помимо этого, известен древнеяванский вариант «Рамаяны» и разнообразные повествования, восходящие к индийской «Махабхарате». В качестве наиболее ярких примеров подобных повествований можно назвать такие произведения яванской литературы, как «Арджунавиваха» (самая ранняя из восточняванских поэм) или «Бхаратаюддха». При этом важно отметить, что, по мнению большинства исследователей, ни одно из названных произведений не является не только прямым переводом индийских эпосов, но и даже их пересказом или переложением; каждое из них самостоятельно и самобытно, обладает собственным сюжетом и собственными героями, которые зачастую не встречаются в индийских источниках вовсе.

Индонезийская литература как явление общенациональное сравнительно молода. Ее зарождение относится к началу XX в. Можно сказать, что до этого момента в литературе народов Малайского архипелага господствовало затянувшееся Средневековье, характеризовавшееся определенным набором правил, строго ограниченным кругом художественных средств и определенных сюжетов. Если говорить о новой индонезийской литературе в целом, необходимо отметить, что она не является продолжением какой-то одной развитой литературы (например, средневековой малайской или средневековой яванской). Хотя малайская литература является наиболее освоенным элементом из всего культурного наследия, новая индонезийская литература сложилась из региональных литератур ряда народностей Малайского архипелага. Каждая из этих литератур развивалась на протяжении веков по своим законам, но благодаря общности судеб и единству культурных истоков литература большинства этих народностей имеет сходные черты [Парникель

1980: 3–9; Сикорский 1965: 7–25]. Кроме того, благодаря распространению на архипелаге голландского языка европейская литература также оказала значительное влияние на формирование новой индонезийской литературы.

Тем не менее отрицать влияние средневековой литературы на новую индонезийскую нельзя, а следовательно, нельзя отрицать и влияния на нее индийской культуры в целом и индийской мифологии в частности. Некоторые индонезийские авторы начала XX в., например, даже если сами не исповедуют индуизм, в своих произведениях достаточно часто обращаются к сюжетам и образам индуистского мифа.

Будучи хорошо знаком как с индуизмом, так и с индонезийской интерпретацией индийской мифологии, индонезийский поэт Сануси Пана (1905–1968) черпает в ней вдохновение для создания своих произведений. Несмотря на то что поэт родился и вырос в мусульманской семье, индуизм и буддизм ему намного ближе, более того, после поездки в Индию, где С. Пана смог прикоснуться к истокам индуизма, он полностью отошел от ислама, что нашло отражение в его поэзии. В большинстве стихотворений автора мифологические образы тесно переплетаются с его собственными переживаниями, которые связаны с философскими исканиями поэта, а также с идеями национального освободительного движения, актуальными для Индонезии, являвшейся на начало XX в. колонией Нидерландов.

Одним из наиболее ярких образов в поэзии С. Пана можно назвать образ Арджуны, или, как по-другому его называют, Памеди. В стихотворении из сборника «Песни странника» (*Madah kelana*) [Pana 1957], которое так и называется — «Арджуна» (*Arjuna*) — для выражения эмоционального состояния своего лирического «я» поэт отождествляет себя с героем древнеиндийского эпоса «Махабхарата»:

Aku merasa tenaga baru
Memenuhi jiwa dan tubuhku;
Hatiku rindu kepada Kuru
Tempat berjuang perang selalu.
Aku merasa bagai Pamadi,
Setelah mendengar sabda Guru
Narendra Krisyna, di ksetra
Kuru
Bernyala ke dewan dalam hati.

Я ощущаю, как новые силы
Наполняют мою душу и мое тело;
Мое сердце стремится на поле Куру,
Место сражения, вечной войны.
Я ощущаю себя Памеди,
Услышавшего повеление учителя —
Нарендры Кришны — иди на поле
Куру,
Его повеление горит в моем сердце.

В этом стихотворении упоминается еще один персонаж индийской мифологии — Кришна, который, по представлениям индонезийцев, является учителем Арджуны и возницей его колесницы на священном поле битвы. Повеление Кришны лирическому герою сражаться на священном поле Куру в данном случае можно трактовать как веление сердца сражаться за независимость Индонезии, поскольку освободительная борьба понимается индонезийцами как священная. Таким образом, через образы индийской мифологии С. Пане не только выражает свою гражданскую позицию, но и призывает современников к борьбе за независимость своей страны. Обращение к образам индуизма встречается и в других произведениях поэта, которые можно отнести к гражданской лирике. Например, стихотворения «Лотос» (Teratai) и «Поэт» (Pujangga), где в качестве метафорического сравнения встречается имя индийской богини красоты и счастья Лакшми.

Помимо этого, образ Арджуны в сознании индонезийцев отождествляется с неким мужским идеалом, поскольку сам он мыслится одновременно и как мужественный воин, и как благородный герой, помимо внутренней красоты отличающийся и своими внешними данными. Индонезийцы почитают его за образец красоты и поведения, достойный подражания. В стихотворении «Девушка» (Melati) С. Пане вновь сравнивает себя с Арджуной, но уже в контексте философских переживаний. Его лирический герой, как благородный Арджуна, лишь издали созерцает красоту возлюбленной, не в силах прикоснуться из чувства преклонения перед ней. Возлюбленная здесь ассоциируется с некой божественной сущностью, которая питает все чувства и мысли поэта и является спутником на дороге, ведущей к недостижимой мечте. Образы пути и божественной спутницы полнее раскрываются в другом стихотворении, которое называется «В Дваравати» (Ke Dwarawati):

Mari, adinda, bersama daku mengunjungi Ngamarta dan Madukara Baru.
Jalan mendaki dan melalui hutan yang sunyi senyap.
O, kekasih jikalau adinda tidak berjalan di sisiku aku tidak 'kan sampai ke
tempat tujuan.
Dari Ngamarta dan Madukara aku hendak berangkat ke Dwarawati.
Mari, adinda, bersama daku, bikin hatiku senantiasa gembira.
Dalam masa kesunyian jiwa engkau kunanti dengan rindu dendam, dengan
duka nestapa,
O, jangan daku biarkan lagi berjalan sebatang kara.

Пойдем, любимая, вместе со мной достигнем государств Нгамарга и
Мадукара Бару.

Дорога поднимается в гору и лежит через безмолвный лес.
О, любимая, если тебя не будет рядом со мной, я не смогу достичь своей
цели.

Из Нгамарги и Мадукары я хочу отправиться в Дваравати.
Пойдем, любимая, вместе со мной, подари вечную радость моему сердцу.
Когда моя душа пуста, я жду тебя с тоской и болью.
О, я не хочу больше путешествовать в одиночестве.

Согласно индонезийским легендам, Дваравати — это государство Кришны, который хранит у себя секрет победы Пандавов, главных героев древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и его многочисленных индонезийских вариаций, над их антагонистами Кауравами, поэтому герою стихотворения во что бы то ни стало необходимо добраться до этого волшебного царства. Образ возлюбленной в произведениях С. Пане связан с образом мистического посредника между богом и человеком, а единение с богом мыслится как конечная цель пути. Выбирая для своего стихотворения образ мифического государства в качестве символа конечной цели, а также описывая путь к этой конечной цели через ряд других мифических государств, встречающихся в индонезийских сказаниях о братьях Пандавах, С. Пане вновь так или иначе обращается к индийскому мифу. Через мифологические образы он выражает собственные философские взгляды, которые всесторонне раскрываются в еще одном стихотворении, содержащем отсылку к индуизму, которое называется «Танцующий Шива» (Siyiwa-Nataraja).

Это произведение можно назвать центральным стихотворением всего творчества автора, поскольку С. Пане выразил в нем все свои идеи и взгляды на мир. Это своеобразное резюме, исход всех философских поисков поэта, которые привели к формированию его философского мировоззрения. Философия С. Пане сложилась под влиянием индуизма, буддизма, традиционных индонезийских верований и тех знаний, которые он почерпнул из трудов европейских авторов. Сам поэт говорил, что в его понимании новая индонезийская культура «должна синтезировать философский рационализм Фауста — символ Запада — и созерцательность Арджуны — символ Востока» [Ревуненкова 1970: 10].

В самом начале стихотворения С. Пане отразил свои впечатления от реального путешествия по Индии, перемежая перечисление мест, где побывал, с именами индуистских богов. Здесь же нашло свое выражение и трепетно-восторженное отношение поэта как к самой стране, так и к индийской мифологии:

Tetapi, yang kuingat seperti yang utama,	Самое главное, что я помню,
Ialah, ketika aku, setelah aku sejourus lama,	Это как я на мгновение замер,
Memandang naiknya Surya Dewa ke cakrawala,	Глядя, как бог солнца Сурья восходит на небо,
Dengan mulia raya, cerlang-cemerlang, bernyala-nyala	В величии своем ярко пылающий,
Di tepi Gangga yang sakti, melutut dalam Samadi,	На берегу священного Ганга, преклонив колени в молитве,
Dalam candi Kencana, yang berdiri di jantung hati	В храме Кенчана, что стоит в самом сердце
Tanah Hindustan.	Индийской земли.

Далее на первое место выходит образ Шивы Натараджи, или Танцующего Шивы, который является именно индийским, а не индонезийским. Это один из самых ярких образов, связанных с Индией. Шива изображен в танцевальной позе, одна пара его рук сомкнута в особом знаке «абхая мудра» (абхая — бесстрашие, мудра — знак, символ), вторая пара держит всеочищающий космический огонь (символ трансформации) и барабанчик (символ всего творения и олицетворение самой жизни). Поднятая левая нога божества символизирует освобождение от цепи бесчисленных рождений и смертей. Фигуру Натараджи обрамляет огненное кольцо — это исходящая от него мощь и энергия, порождающая и уничтожающая миры. Индийцы почитают жизнь космическим танцем, и пока танцует бог Шива, живут все существа. Прекращение этого танца означает прекращение жизни и начало распада. На данном толковании образа Натараджи строится все стихотворение С. Панае. Отталкиваясь от концепций индуизма и перемежая их с концепциями буддизма, поэт говорит о том, что цель существования всего мира заключена в самом мире. В то же время человек — это одновременно и часть мира, и сам мир, но он не осознает этого из-за того, что бесконечные страдания затуманивают его духовный взор. Как цель существования мира заключена в самом мире, так и цель существования человека заключена в самом человеке. Но человек (и вообще любое существо) должен снова и снова переживать страдания и лишения, причем делать это сознательно и с радостью, чтобы через них достичь очищения и, как следствие, свободы и осознания своей сущности. Лишь после бесконечного ряда самоуничтожений в очистительном огне человеку будет дано постичь истину, которая заключена в том, что счастье и покой можно найти в собственной душе, поскольку сам человек и есть Натараджа — то высшее существо, ко-

чаще всего упоминает именно Арджуну, вне зависимости от того, сюжет какого из двух эпосов он берет для своих стихотворений. Например, в стихотворении «Пруд в саду» (*Kolam di taman*) он использует имена *Арджуна* и *Сумитра*, вновь сводя воедино героев разных произведений, поскольку Сумитра — одна из трех жен правителя, упоминающегося в «Рамаяне», а не Арджуны, который является одним из главных героев «Махабхараты».

Кроме того, в произведениях Р. Эффенди нет строгого разделения на «хороших» и «плохих» персонажей, свойственного индонезийскому теневому театру *ваянг*. Если С. Пане считает возможным сравнивать свое лирическое «я» лишь с благородными героями индийской мифологии, что соответствует традиции, то в приведенном стихотворении «Клич любви» (*Pekik Asmara*) Р. Эффенди проводит параллели как с благородным Гарудой, так и с вероломным Раваной. Используя такие сравнения, поэт делает акцент на могуществе данных героев и на их способности летать, а не на личностных качествах. Мифология выступает в стихотворениях Р. Эффенди в качестве фона, а не части сюжета произведения.

В других стихотворениях упоминание имен индуистских богов еще более неоднозначно, поскольку в индонезийском языке данные слова являются также именами нарицательными, обозначающими те явления природы, которые персонифицируются в образах божеств. Наиболее часто в произведениях Р. Эффенди встречаются слова *rawana* и *surya*. В индийской мифологии Павана (*Pawana*) — это одно из имен бога ветра, а Сурья (*Surya*) — имя бога солнца. Однако в индонезийском языке эти слова, кроме того, имеют нарицательное значение *ветер* и *солнце*, хотя и считаются архаическими. В некоторых произведениях Р. Эффенди, например в стихотворении «Судьба» (*Bernasib*), сложно определить, подразумевал ли автор именно индуистских божеств или использовал данные слова для украшения своего поэтического текста:

Di sawang sengit, Lengkungan biru, yang tiada cemar, Bergubal awan berbual bual. Berombak perak gubahan rawana, Putih pualam berarak-arak.	В жарком небе, На прозрачном голубом своде Пенящиеся глыбы облаков. Волнующееся серебро, творение ветра Из белого мрамора плывут.
Di sana sayap Kenangan lama, yang hendak mengembang Menurut ujud, sinaran Surya,	Там крылья Прежних воспоминаний, которые расцветают, Следуя цели, сияние Солнца

Membubung ujung tepian sujana,
Memeluk Zohrat
berkilau-kilau.

Поднимается к самой вершине неба
Обнимая сверкающую утреннюю
звезду.

Учитывая контекст, можно предположить, что эти слова используются здесь в большей степени в значении *ветер* и *солнце*, чем *бог ветра* и *бог солнца*.

В целом можно сказать, что С. Пана так или иначе обращается к мифу практически во всех областях своего творчества, будь то гражданская, любовная или философская лирика, выражая через образы индийской мифологии свои идеи, а Р. Эффенди обращается к индийской мифологии больше для того, чтобы придать своим произведениям дополнительную образную красоту вне зависимости от тематики произведения.

***

Парникель Б.Б. Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980.

Ревуненкова Е.В. Индонезийская новелла // При лунном свете. Новеллы писателей Индонезии. М., 1970. С. 7–18.

Сикорский В.В. Индонезийская литература. Краткий очерк. М., 1965.

Сказание о Сери Раме / пер. с малайского, предисл. и примеч. Л.А. Мерварт. М., 1961.

Effendi Roestam. Pertjikan Permenungan. Djakarta, 1953.

Pane Sanusi. Madah kelana. Djakarta, 1957.

БЫТОВАНИЕ ВЕЩЕЙ НА ФОТОГРАФИИ
(На примере материалов экспедиции М.В. Станюкович
на Филиппины в 2008 г.)

Цель настоящей статьи — анализ методических приемов цифровой фотосъемки экспонатов. Фотоматериалы дополняют вещевые сборы М.В. Станюкович в экспедиции на Филиппины в 2008 г.¹

Цифровая фотография во многом расширяет возможности полевого фотоисточника, так как здесь нет ограничения кадров, как в фотопленках. Практически речь идет уже не об отдельных фотографиях, а о фото-сюжетах, где в целом ряде фотографий детально отражаются предметы, объекты, процессы, события [Ушаков 2007]. Например, детальная цифровая фотосъемка священного дома хантов по фотографиям позволила четко описать его конструкцию [Ушаков, Федорова 2007]. Лаборатория аудиовизуальной антропологии МАЭ РАН проводит специальные цифровые фотоэкспедиции, где отрабатываются методики сбора этнографических реалий посредством цифровой фотосъемки, точно отражающей объекты и процессы, например детальная фотосъемка современного вепсского дома снаружи и внутри, детальная фотосъемка процесса приготовления вепсских калиток [Ушаков 2008: 166].

Полевая цифровая фотосъемка оперирует большим количеством кадров, которые, разумеется, бессмысленны без текстовых описаний. Применение ноутбука и внешних винчестеров в полевой работе позволяет сразу в поле отбирать, систематизировать и описывать фотографии. Отбор, классификация, укладка цифровых фотографий на цифровые носители и их текстовые описания требуют уже специальных методических разработок, что являлось отдельной задачей Вепсской фотоэкспедиции МАЭ РАН [Ушаков 2008].

Особое значение имеет поиск новых сюжетов в полевой цифровой фотосъемке. Данные сюжеты найдены М.В. Станюкович при сборе вещевой коллекции на Филиппинах 2008 г.

---

¹ Выражаю благодарность М.В. Станюкович за ее полевые цифровые фотоматериалы — дополнение к ее вещевым коллекциям, являющиеся основой настоящей статьи, и профессору Эмеритус Гавайского Университета д-ру Лоренсу Риду (Dr. Lawrence Reed) за его полевые фотографии, переданные им М.В. Станюкович с правом использования в научных публикациях (в настоящей статье рис. 32–33).

М.В. Станюкович серьезно изучила методические разработки лаборатории аудиовизуальной антропологии по классификации и текстовым описаниям полевых цифровых фотографий. Это позволило ей не только собрать и аннотировать цифровую фотоколлекцию, но и сделать значительное число цифровых фотографий, являющихся дополнительными материалами к собранной ею вещевой коллекции.

Необходимо отметить количество и многогранность вещевых коллекций, собранных М.В. Станюкович на Филиппинах. Речь идет о сотнях предметов, которые представляют разные стороны быта народов ифугао и бонтоков (утварь, ткани, одежда, ремесла и т.д.). Более того, данные коллекции тщательно подбираются как дополнение к ранее собранным коллекциям МАЭ РАН по Филиппинам [Станюкович 2007]. Трудности, связанные со сбором и привозом вещевых коллекций из экспедиций в другую страну [Станюкович 2009], сожаление, что нехватка ресурсов не позволяет приобрести для МАЭ РАН многие интересные экспонаты, заставили М.В. Станюкович серьезно заняться цифровой фотосъемкой в поле, чтобы зафиксировать на фотографиях те вещи, которые нельзя приобрести. Именно это и позволило М.В. Станюкович найти новые сюжеты для цифровой полевой фотосъемки, напрямую связанные со сбором вещевых коллекций.

Экспедиция М.В. Станюкович на Филиппины в 2008 г. состояла из ряда поездок с многократным возвращением в столицу Манила, куда из каждой поездки она привозила вещевые сборы.

Во-первых, М.В. Станюкович методично делала фиксационные цифровые фотографии собранных экспонатов. Это позволило ей иметь цифровые фотографии собираемых экспонатов в ноутбуке, четко представлять собранный вещевой материал, что обеспечивало прицельный сбор экспонатов в последующих поездках.

Во-вторых, М.В. Станюкович детально снимала бытование собранных ею экспонатов в современной культуре.

В-третьих, М.В. Станюкович с разрешения других исследователей Филиппин сканировала их аналоговые фотографии по данным или подобным экспонатам, сделанные в более раннее время, что обеспечило рассмотрение бытования собранных экспонатов во времени.

М.В. Станюкович отсняла большое количество цифровых фотографий, связанных с собранной ее вещевой коллекцией по современному быту народа бонтоки. Фотографии, относящиеся к вещевой коллекции, были подобраны по следующим аспектам:

1. Фотографии собранных вещей.

2. Фотографии собранных вещей *in situ*.
3. Фотографии процесса изготовления собранных вещей.
4. Фотографии использования собранных вещей.
5. Фотографии подобных вещей из других районов.
7. Фотографии близких по назначению вещей, которые не удалось приобрести в качестве экспонатов.

8. Сканы аналоговых фотографий подобных вещей, сделанных несколько десятков лет назад другими исследователями Филиппин.

Цифровые фотографии М.В. Станюкович, являющиеся дополнением к ее вещевым коллекциям, исчисляются сотнями. Соответственно в данной статье в качестве примера приводится лишь небольшая часть фотографий, иллюстрирующих восемь изложенных выше аспектов фотоматериалов-дополнений к вещевым коллекциям по культуре народа бонтоки.

Все фотографии, кроме фотографий вещей из других районов и сканированных фотографий других исследователей Филиппин, сделаны М.В. Станюкович в 2008 г. в муниципалитете Бонток, Горная провинция Северного Лусона, Филиппины. Большая часть — в деревне Гинаанг (колл. 7397), меньшая — в районном центре (побласьон) Бонток (колл. 7398).

В статье приводятся подписи к фотографиям, сделанные именно М.В. Станюкович: собиратель не только автор фотографий, но и автор текстовых описаний. Автор настоящей статьи считает это важным с методической точки зрения. На фотографиях фиксируется обычно несколько реалий, например на фотографии обеда информантов в их доме зафиксирована не только сама трапеза, но и информанты в их повседневной одежде, интерьер дома. Соответственно важны текстовые описания автора фотографий как первичная целевая установка фотоснимков.

1. Фотографии собранных вещей

Это цифровые фотографии предметов вещевых коллекций с целью их фиксации, которые наглядно представляют собранные экспонаты. Это следующие экспонаты по традиционной культуре бонтоков в современном варианте.

Корзинка *агуин* (*qagwin* — язык бонток). Как правило, мужчины изготавливают эти корзины, а женщины используют их в качестве тары для сбора съедобных насекомых и улиток (МАЭ РАН, 7397-2).

Инструменты для изготовления таких корзин: стамеска, шило, молоток (МАЭ РАН, 7397-4, 7397-6, 7397-7).

Женское головное украшение (МАЭ РАН, 7398-8).

Деревянные ножны для ножа широкого использования (МАЭ РАН, 7398-1).

Традиционная домотканая юбка (МАЭ РАН, 7397-21).

Традиционный домотканый женский пояс (МАЭ РАН, 7397-13).

Бытование этих предметов в современной культуре бонтоков показано на полевых цифровых фотографиях, собранных М.В. Станюкович в качестве дополнения к вещевой коллекции

Сюжет 1, рис. 1. МАЭ РАН, 7397-2. Корзинка *агуин* — женская корзинка для сбора съедобных насекомых и улиток. Такие корзины изготавливаются мужчинами, а используются женщинами.

Сюжет 2, рис. 2, 3, 4. Инструменты для изготовления корзинки *агуин*: стамеска, шило, молоток.

Рис. 2. МАЭ РАН, 7397-4. Стамеска для уплотнения переплетений корзины.

Рис. 3. МАЭ РАН, 7397-7. Шило для плетения корзины.

Рис. 4. МАЭ РАН, 7397-6. Молоток для использования данной стамески.

Сюжет 3, рис. 5. МАЭ РАН, 7398-8. Женское головное украшение из хребта змеи.

Сюжет 4, рис. 6. (МАЭ РАН, 7398-1). Деревянные ножны для ножа широкого использования.

Сюжет 5, рис. 7. (МАЭ РАН, 7397-21). Традиционная домотканая юбка.

Сюжет 6, рис. 8. МАЭ РАН, 7397-13. Традиционный домотканый женский пояс.

2. Фотографии собранных вещей in situ

Это 1) фотография корзинки *агуин*, хранящейся в доме; 2) фотография шила для изготовления этой корзины, хранящегося в мастерской; 3) фотография, где показано, как женщины пользуются деревянными ножнами для ножей широкого использования; 4) фотография, демонстрирующая, как эти ножи в ножнах носят мужчины.

Сюжет 6, рис. 9. Корзинка *агуин* в доме.

Сюжет 7, рис. 10. Шило для изготовления корзинки *агуин* в мастерской.

Сюжет 8, рис. 11–12. Нож широкого использования в ножнах.

Рис. 11. Нож в ножнах у женщины. Женщина несет срезанный стебель банана для кормления свиней. Нож, которым был срезан стебель, привязан к стеблю.

Рис. 12. Нож в ножнах у мужчины. Нож в ножнах на ремне на мужчине.

3. Фотографии процесса изготовления вещей

Здесь показаны основные стадии изготовления корзины *агуин* с использованием инструментов: молотка, стамески, шила, ножа.

Сюжет 9, рис. 13–25. Процесс изготовления корзины *агуин* с основными стадиями. Здесь используются инструменты: молоток, стамеска, шило, нож.

4. Фотографии использования вещей

Это фотографии, на которых детально показаны способы использования молотка, стамески, шила для изготовления корзин *агуин*.

Сюжет 10, рис. 26–27. Использование молотка, стамески, шила при изготовлении корзинки *агуин*.

Рис. 26. Использование молотка и стамески.

Рис. 27. Использование шила.

5. Фотографии подобных вещей из других районов

На данной фотографии можно видеть другие формы корзинок *агуин*, характерные для разных локальных групп бонтоков.

Сюжет 11. Рис. 28. Корзинки *агуин* из других районов.

Это снимок фотографии с фотовыставки в муниципальном холле побласьон Бонток (районный центр), Горная провинция Северного Лусона, Филиппины, посвященной местной фиесте — современному нетрадиционному празднику.

На фотографии женщины одеты в одинаковые традиционные юбки, на боку у каждой подвешена корзинка *агуин*. Эти корзинки различаются по формам, характерным для разных локальных групп. У второй справа женщины корзинка такой же формы, как в вещевой коллекции, привезенной в МАЭ М.В. Станюкович.

6. Фотографии близких по назначению вещей, которые не удалось приобрести в качестве экспонатов

Это фотографии интересных вариантов корзинки, домотканой юбки и женского головного украшения. Подобные вещи есть в вещевой коллекции М.В. Станюкович, но именно эти варианты не удалось приобрести для МАЭ, поэтому вместо этих предметов представлены их фотографии.

Сюжет 12, рис. 29. Корзинка *агуин*.

В коллекции, собранной М.В. Станюкович, есть корзинки *агуин*, но корзинки такого типа приобрести в качестве экспоната для МАЭ не удалось.

Сюжет, 13, рис. 30. Домотканая юбка и женское головное украшение.

В привезенной коллекции М.В. Станюкович есть экспонаты, аналогичные головным бусам и домотканой юбке этой женщины, однако образца ткани с таким узором приобрести в качестве экспоната для МАЭ не удалось.

7. Фотографии современных заменителей традиционных вещей, бытующих наряду с ними

Здесь на фотографии зафиксировано интересное наблюдение: замена традиционной корзины *агуин* обыкновенной жестяной банкой.

Сюжет 14, рис. 31. Жестяная банка — современный заменитель корзины *агуин*.

Жестяная банка, используемая вместо традиционной корзинки *агуин*, безобразна, но ничего не стоит.

8. Сканы аналоговых фотографий подобных вещей, сделанных несколько десятков лет назад другими исследователями Филиппин

На первой фотографии зафиксированы девушки в традиционных домотканых юбках, на второй фотографии — процесс сбора съедобных насекомых и улиток женщиной с использованием корзинки *агуин*. Шнур, на котором висит корзинка, обвязан вокруг талии поверх домотканого пояса (народ бонток). Данные аналоговые фотографии были сняты в 50-е гг. XX в. исследователем Филиппин Лоренсом Ридом. Эти предметы аналогичны юбкам, корзинкам, поясам в вещевой коллекции (народ бонток) М.В. Станюкович, собранной в начале XXI в. Фотографии демонстрируют сохранение в современной культуре традиционных предметов быта.

Сюжет 15, рис. 32. Девушки в традиционных домотканых юбках. Зафиксирован момент, как девушки, прервав работу, прихорашиваются для фотографирования.

Сюжет 16, рис. 33. Использование корзинки *агуин* для сбора женщинами съедобных насекомых и улиток. На женщине также традиционный домотканый пояс.

Можно видеть, что показанные в данной статье фотографии являются тщательно подобранными дополнениями к собранной М.В. Станюкович вещевой коллекции. Другими словами, на этих фотографиях мы можем видеть, как эти вещи «живут» в культуре. Совершенно ясно, что такая фотосъемка-дополнение должна стать методическим правилом при сборе вещевых коллекций.

Фотографии собранных вещей

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

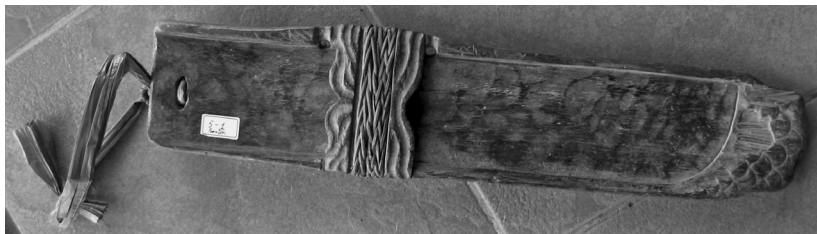

Рис. 6

Рис. 7

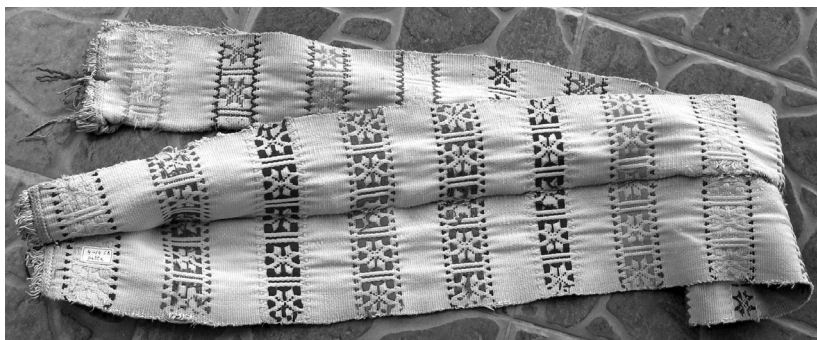

Рис. 8

Фотографии собранных вещей in situ

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Фотографии процесса изготовления этих вещей

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Фотографии использования вещей

Рис. 26

Рис. 27

Фотографии подобных вещей из других районов

Рис. 28

**Фотографии близких по назначению вещей,
которые не удалось приобрести в качестве экспонатов**

Рис. 29

Рис. 30

**Фотографии современных заменителей традиционных вещей,
бытующих наряду с традиционными**

Рис. 31

**Сканы аналоговых фотографий подобных вещей, сделанных
несколько десятков лет назад другими исследователями Филиппин**

Рис. 32

Рис. 33

***

Станюкович М.В. Новые поступления по Филиппинам: критерии сбора и состав коллекций № 7161 и № 7315 // Культура и быт австронезийских народов. Сборник МАЭ. Т. LIII. СПб., 2007. С. 237–298.

Станюкович М.В. Цена музейного предмета. Полевая работа и сбор коллекций на Филиппинах // Радловский сборник. СПб., 2009. С. 187–192.

Ушаков Н.В. Цифровая фотосъемка в полевой работе // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 2007. Вып. 7. С. 116–136.

Ушаков Н.В. Цифровая фотосъемка в этнографической экспедиции (По материалам Вепсской фотоэкспедиции МАЭ РАН 2007 г.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 2008. Вып. 8. С. 160–172.

Ушаков Н.В., Федорова Е.Г. Цифровые фотоматериалы по «священному дому» хантов как этнографический источник // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 2007. Вып. 7. С. 136–149.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И.Н. Соломоник

НЕМНОГО О МАЛАККЕ И НЕМНОГО О КНИГЕ Е.В. РЕВУНЕНКОВОЙ «РОДОСЛОВИЯ СУЛТАНОВ»

В 2004 г. меня пригласили на конференцию в Куала Лумпур. Я выкроила день и поехала в Малакку. Современнейший комфортабельный автобус ехал по великолепной автостраде Бангкок–Сингапур. Путь был недолгий, часа полтора. В автобусе ехали местные жители. Через проход сидела молодая семья, в моем ряду — родители, в креслах перед ними — их дети, девочка лет четырех и мальчик лет двух. Некоторое время спустя мальчик поднялся на ножки, повернулся к родителям и что-то от них потребовал.

Мама взяла его на руки, сняла с него штанишки и, пододвинув стоящую в проходе корзинку для мусора, превратила ее в детский горшок. Малыш пустил струю, мама натянула на него трусики, отправила обратно в кресло и безмятежно отодвинула от себя корзинку.

Подобный контраст между достижениями технического прогресса и почти незатронутых этим прогрессом деревенских простодушных нравов поражал меня в Малакке на каждом шагу. Начиная со сверхсовременного огромного автовокзала, перед которым стояли потрепанные коляски велорикш и дряхлые, допотопные замызганные такси. Вдоль длинных улиц, ведущих к центру, — облупившиеся одно- и двухэтажные фасады. Казалось, что они картонные и вот-вот развалятся. Но вот и центр. Солидные каменные голландские постройки. Чуть дальше на высокой скале — остатки португальской крепости. На спусках современно устроенные дорожки с перилами. У бывших крепостных ворот — ста-

ринные пушки. Недалеко от крепости — два музея. Один из них и был для меня главной «приманкой» в Малакке. Про другой ничего заранее не знала. Оба были созданы недавно разбогатевшими малайзийскими властями.

Оба говорят о былой славе и мощи Малакки. Первый — это султанский дворец. Второй — огромный средневековый парусный корабль. Правда, оба музея лишь реконструкции. Но производят сильное впечатление: прошлое становится наглядным. Я, например, не могла до этого вообразить, что парусный корабль может быть таким большим: внутри несколько этажей, соединенных широченной могучей деревянной лестницей, огромные трюмы для товаров... Султанский дворец сверкает новеньким, покрытым лаком красноватым деревом. Несколько ступенек ведет в обширный зал. Вся его середина огорожена прозрачной стеной. За ней — мизансцена: султан принимает иностранных послов. Множество манекенов в человеческий рост расположено поодиночке и группами. У них разные позы, подлинные (полагаю) костюмы средневековой эпохи. Вдоль наружных стен зала — экспонаты и снова манекены в костюмах, рассказывающие о времени расцвета и могущества Малаккского султаната, о жизни, нравах и обычаях его жителей и правителей... Поездку в Малакку я вспомнила, когда в моих руках оказалась только что вышедшая из печати книга этнографа и филолога-малаиста Е.В. Ревуненковой «Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение» (СПб., 2008). В русском переводе название звучит как «Родословия султанов», в малаистике это произведение обычно называют «Малайские родословия» («Седжарах Мелаю»), но Е.В. Ревуненкова установила, что в оригинале это именно «Родословия султанов» («сулалат-ус-салатин»).

Передо мной увесистый том. Золотыми буквами по темно-вишневому фону написано его название. Внизу оно повторено арабской вязью (в Средние века малайцы писали арабскими буквами), за которой просматриваются контуры реконструированного средневекового султанского дворца.

Красиво! Жаль только, что в выходных данных не значится фамилия художника.

Е.В. Ревуненкова сделала перевод рукописи, состоящей из двух томов (факсимиле приложено в конце книги), прокомментировала подробно текст. В рукописи 34 рассказа, за каждым следуют комментарии переводчика. Она проследила историю создания этого произведения и его списков, в частности списка, попавшего в Петербург благодаря И.Ф. Крузенштерну, определила время появления оригинала и данного

списка, погрузила читателя в исторический, этнографический, мифологический, фольклорный и сказочный контекст рассказов, описала стиль «Родословий султанов».

Я не малаист-филолог, о достоинствах или недостатках перевода судить не могу. Могу лишь сказать, что читать рассказы «Сулалат-ус-салатина» («Родословий султанов») было любопытно, я воспринимала их как фольклорный материал, хотя понимаю, что для историков, этнографов, филологов они несут очень ценную информацию об эпохе. Что же касается исследовательских статей (или глав) вступительной части, комментариев, указателей, библиографии, то все это в своей совокупности вполне может заменить энциклопедию по малайскому средневековью. (Вот бы иметь при себе эту книгу, когда я бродила по султанскому дворцу! Как бы она помогла мне разобраться в персонажах султанского приема!) Думаю, что «Родословия султанов» станут настольной книгой для каждого, приступающего к изучению малайской культуры, во всяком случае — одной из основных.

Единственное, что, на мой взгляд, усложнит ее использование, — это обилие указателей. Их шесть. Вероятно, полезнее был бы чисто формальный подход, который свел бы все понятия, названия, термины в один общий указатель. Это сэкономило бы время читателя при использовании труда Е.В. Ревуненковой в качестве энциклопедического справочника.

Кроме того, огорчение вызвали некоторые стилистические небрежности (но здесь бóльшая вина редактора, так как у автора часто «глаз замылен», ему нужна помощь, свежий взгляд со стороны). Приведу несколько примеров таких досадных стилистических огрехов.

В рассказе 11-м (с. 215) ясно, хорошо описаны титулы и их отличительные признаки в одежде. Автор выделяет курсивом слова «сери», «санг», но почему-то в этот курсивный ряд встраивает русское слово «господин». В рассказе 33-м (с. 384) читаю: «и положил золото под притолоку и порог». Положить «под порог» можно, а вот «под притолоку» — нельзя, так как притолока — это брус над дверным проемом. В русском языке есть выражение «ростом под притолоку», и, видимо, это сбilo автора (а редактор не подставил ему плечо).

На с. 213 меня задела несогласованность видов глаголов во фразе «И все люди Малакки удивлялись, глядя на него, и сказали...» По-моему, или «удивлялись... и говорили», или «удивились... и сказали».

Смешно, чуть нелепо читается к комментариях к 3-му рассказу (с. 165) описание «круглобоких» сосудов. Это, конечно, термин Б.Б. Парникеля, на которого в данном случае ссылается автор, но он не закавычен, а в

современном языке, на котором даются комментарии, говорят все-таки «круглые», а не «круглобокие».

В рассказе 21 (с. 306) не очень точно выбран союз: «Когда сын вырос, то Пау Геланг умер». Разве отец умер от того, что сын вырос? Взросление сына было условием смерти отца? В том же рассказе на с. 307 стилистически выпадает ответ принцессы своему супругу словом «Ладно». Это фамиллярно-грубоватое словечко из нашего быта, а не из лексикона высокопоставленных персонажей «Родословий».

Встречаются и досадные описки, вроде той, что на с. 161: «И заметил государь, что на земля на том берегу покрыта белым песком». Или на с. 47: «Повесть об Амуре Хамхе» вместо «Хамзе», «Притча о попуге» (вместо «попугае») и т.п.

Но все эти мелкие огрехи не могут, конечно, затмить ценности огромного труда Е.В. Ревуненковой, книга которой, без сомнения, будет служить великолепным пособием для всех, кто будет заниматься малайским средневековьем, будет его изучать.

AL-PALIMBANI'S THOUGHT IN HIS SUFISTIC WORK

(Study on Manuscript in Saint Petersburg-Russia titled:
«*Tuhfat al-Raghibin fi bayan haqiqat al-iman*» or «A Gift for those,
who Seeks The Real Faith»)

To discuss the problem of religious networks between the Middle East and Southeast Asia, especially during the 18th century, we should not ignore the important roles of Syeikh 'Abd al-Samad al-Palimbani (1704–1792?)¹. Until now he has been considered as one of the greatest Sufi-writer² belongs to the *silsilah sulub* and *ratib* in the sufism order of Naqsyabandiyah founded by the grandson Guru Haji 'AH Tua or 'Abd al-Shamad Haji 'Ali (1872–1964) in Sumatra. Furthermore, as a pupil of Muhammad 'Abd al-Karim al-Samman al-Madani (d. 1775), 'Abd al-Samad al-Palimbani has been well known as the greatest syeikh of Sammaniyah order in South Sumatra province. The Sammaniyah order has much contributed to the defence of Palembang Sultanate from attacks of Dutch colonialism (1818–1819). Al-Palimbani's work on Jihad (the holy war) written in 1772 in Arabic was considered as the first work in this genre in Malay and has widely inspired the Aceh war in Sumatra against the Dutch in the late 19th — early 20th centuries. At least it was reflected in *Syair Perang Menteng* («*A Poem of War Against Muntinghe*») and remarked in the white «*Baju-Bakan*» (the white clothes for holy war) of Palembang collected in Saint Petersburg³.

---

¹ There are some hypotheses discussed about the death of 'Abd al-Samad al-Palimbani. Al-Baythar stated that al-Palimbani dead in 1785 (1200 H), while in Tarikh Salasilah Negeri Kedah it informed in 1828 (1244 H). M.Ch. Quzwain and Azyumardi Azra rejected it, since it is difficult to accept that in 128 age old al-Palimbani went to the war against Siam in Sultanat Kedah. Both of them concluded that the dead of al-Palimbani was not so long after finishing his last work in 1789. Considering information of al-Ahdal in his Al-Nafs al-yamcmi wa al-ruh al-raihani that in 1792 al-Palimbani visited the Zabid city and taught several local students, including al-Ahdal himself, we prefer to say that al-Palimbani might be dead after 1792.

² See Wan Jamaluddin (in Russian) «Abd as-Samad al-Palimbani — Veliki Sufi Nusantari» // Vostok–Rassiya–Sankt Peterburg. Sbornik Statei. Izdatelstvo SPBGU, 2003. ('Abd al-Samad al-Palimbani — One of the Most Famous Sufi in Nusanlara. The Journal of «The East-Russia-Saint Petersburg». The Saint Petersburg State University-Press, 2003). P. 8–15.

³ It is also interesting knowing that Baju-Bakan collected in Academy of Russian Archives, registered 776.1.151 (1876), by Russian academic Boris Andreivic Dorn, is still unstudied until we visited it and observed in October 18th 2001 with

Syeikh ‘Abd al-Samad al-Palimbani wrote at least seven his own original works in theology, sufism and philosophy. Based on the short description above, we understand well that al-Palimbani played an important role in Islamic development and reformation in Southeast Asia region. Ironically, until now his third work, the manuscript of *Tuhfat al-raghibin* (written in 1774) is unstudied enough. Neither P. Voorhoeve [Voorhoeve 1960: 92], G.W.J. Drewes [Drewes 1976: 274–275], Vladimir I. Braginsky [Braginsky 1983], M. Chatib Quzwain [Quzwain 1985], Azyumardi Azra [Azra 1995] nor Martin van Bruinessen [Bruinessen 1997] concern to the fact that the manuscript is important to research. Most of them focused their study based on the most popular master pieces of al-Palimbani, *Hidayat al-salikin* (finished at Mecca, 5 Muharram 1192) and *Sair al-salikin* (finished at Tha’if in 1203).

According to P. Voorhoeve and Vladimir I. Braginsky the manuscript titled *Tuhfat al-raghibin fi bayan haqiqat al-iman al-mu ‘minin wa ma yufsiduh fi riddat al-murtaddin* is the third main works of Syeikh ‘Abd al-Samad al-Palimbani. Recently there are three manuscripts of *Tuhfat al-raghibin*: one is stored in The National Library in Jakarta [*Katalogus Koleksi Naskah Melayu Museum Pusat Jakarta... 1972*], another is under the collection of The Branch Institute for Oriental Studies in Saint Petersburg, Russian Academy of Sciences (in Soviet era named as Institute of Oriental Studies) [Braginsky, Boldireva 1977: 131–174], and its copy (microfilm) stored in the Library of Leiden University.

This paper aimed to represent the Saint Petersburg verse (registered in the collections of van Doorninck, 1876 No. 4024) due to its quality and accuracy. It does not mean that the Jakarta verse (register in the collection of Von de Wall No. 37) is not significant, but at least it could be considered as a comparasion and an addition verse to the Saint Petersburg version. Unfortunately, the Jakarta’s edition is not in a proper condition. The first pages of this verse are losted and arranged disorderly, while the Saint Petersburg-one is very well stored and written in better script.

Prof. Dr. Aleksander Konstantinovich Ogloblin. See Wan Jamaluddin (in Russian). Baju-Bakan v Sankt-Peterburge i bratsvo sammaniyya v Indonezii. Doklad na Maklayevskih cteniyah Instituta antropologiy i etnografiy imeni Petra Velikogo Rossiiski Akademiy Nauk (RAN), v Noyabre 2002 goda. (Baju-Bakan in Saint Petersburg and Sammaniyyah order in Indonesia. A paper on the Maclay Readings held at the Museum for Anthropology and Ethnography Russian Academy of Science. Saint Petersburg, November 2002). I owe my thanks to the Chief of Australian and Oceanic Department of the Institute, Dr. Yelena Vladimirovna Revunenkovna, who showed me those materials and invited me to the seminar.

Like his first work, *Zuhrat al-muridfi bayan kalimat al-tauhid* (written in 1764 and translated into Malay language), al-Palimbani wrote his third work in Malay language too. This fact shows that the work was intended for Muslims in Indonesia and Malay archipelago as well as al-Palimbani stated that he wrote the manuscript to answer the request from «V/re most honorable man» in Malay archipelago [Al-Palimbani...: 1]. G.W.J. Drewes hypothesized that should be Sultan Najm al-Din (ruled 1758–1776) or his son, Sultan Baha' al-Din (ruled 1776–1803), from Sultanate Palembang «Dar al-Salam» in South of Sumatra [Drewes 1976: 274].

It is quite interesting to study the manuscript of *Tuhfat al-raghibin*, in order to discover that al-Palimbani had an intellectual tendency to compromise and synthesize the various schools or mazhabs in Islam from his earlier ages in Hijaz (Saudi Arabia). During the 16–18th centuries, Islam in South East Asia was characterized by a long period of harmonization between syari'at and sufism, and the works of al-Palimbani are commonly acknowledged by the modern scholars as the culmination of this period.

The manuscript of *Tuhfat al-raghibin* is presented in the following structure: begins with statements in Arabic, then its explanation in Malay (or Jawi script). It discussed some questions of Islam such as theology (*kalam* and *ushul al-din*), sufism (*tasawwuf*), and as far as Islamic law and its traditions (*fiqh*). *Tuhfat al-raghibin* consists of four parts; preface, the first chapter about «The True Faith», the second about «Those which could destroy the Faith», the third talked about «The Principle of apostasy (*riiddat*)», and the fourth was «An Epilog about Repentance (*taubat*)».

The *Tuhfat al-raghibin* manuscript consisted on 102 pages and had never printed yet. In this work al-Palimbani was coloured not only by the Arab-Persian, Central-Asian, but also by African Islamic traditions. If the Arab-Persian traditions of al-Palimbani were represented by some works of both al-Ghazali and Ibn 'Arabi, his Central-Asian traditions were reflected at least by Abu Yusr Muhammad al-Bazdawi's opinions. And Zakaria al-Anshari and 'Abd al-Wahhab al-Sya'rani represented the African (Egyptian) traditions.

For example, in the preface part of the text of *Tuhfat al-raghibin* 'Abd al-Samad al-Palimbani mentioned that he answered several religious problems which were offered to him by using the various points of view of the most authoritative authors in Islamic disciplines. His elaboration of *Iman* is similar to the definition made by Abu Hasan al-Asy'ari in his book: *Kitab al-luma'fi al-radd ahl al-ziyagh wa al-bida* [al-Asy'ari 1955: 123] and of Abu Manshur al-Maturidi in his work *Kitab al-tauhid* [al-Maturidi 1979: 372]. Both al-Asy'ari and al-Maturidi said that faith (*iman*) is a conviction by heart (*tashdiq al-qalib*) and not a verbal expression (*ikrar bi al-lisan*). Even though al-Palimbani

did not mention his references, as far as he described some options that can destroy our faith (*iman*), we surely could say that dominantly al-Palimbani referred to Syekh Abu al-Yusr Muhammad al-Bazdawi's opinions in his own work *Kitab ushul al-din*. Like al-Bazdawi, al-Palimbani wrote 72 sinner sects (*fasiq*) derived from 6 basic schools in Islam: Rafidliyah, Kharijiyah, Jabbariyah, Qadariyah, Jahmiyah and Murji'ah [al-Palimbani: 11–14; al-Bazdawi 1963: 241–254]. We can also find the similar description in other works such as al-Syahrastani's [al-Syahrastani 1984] or Abu Hasan al-Asy'ari's⁴, but the similarities of al-Palimbani's description to the al-Bazdawi's are more believable. Shortly, it could be said that *Tuhfat al-raghibin* contains a short Malay version of al-Bazdawi's descriptions [Wan Jamaluddin (in Russian) 2003: 16–29]. Furthermore, Abu al-Yusr Muhammad al-Bazdawi was well known as an opponent of Hanafism in fiqh tradition and in the same time Maturidism in theology. Abu al-Yusr Al-Bazdawi, apparently, was born around the year 421H and received his earliest education in Maturidism disciplines from his father, Abu al-Hasan Muhammad al-Bazdawi. Al-Bazdawi's *Kitab ushul al-din*, as it was described by Hanz P. Louis, could be classified in: Firstly, a short review of all literatures of the heretics on dogma and theology in Islam. Secondly, Hanafi-Sunni orthodoxy defense against the dissenting opinions and teachings of the heretical sects. Finally, a study on the heterodox factions in Islam, their subdivisions and their most important heads [al-Bazdawi 1963: 5–6].

The same case is also reflected in al-Palimbani's explanation about sufi-atheism categories: Hubbiyyah, Samrakhiyah, Khaliyah, Waqifiyyah, Mutakasiliyyah, Hululiyah, Mujassimah, Awliyayyah, Ibahiyah, Hururiyyah, Mutajahiliyyah, Ilhamiyyah and Wujudiyah⁵. Even though he mentioned several names of famous and credible authors, such as Abu Najib al-Suhrawardi, Najm al-Din 'Umar al-Nafi, Abu Hamid al-Ghazali and Fakhr al-Din al-Razi, once we could see that his description was similar to al-Bazdawi's opinions on the same topic. A little difference is that al-Palimbani named these cat-

---

⁴ We can explore the same information about several sects of Islamic theology and philosophy from others references such as Maqalat al-Islamiyyin of Abu Hasan al-Asy'ari (Vol. I ed. Const. 1929), Al-Farq bain al-firaq of al-Baghdadi (d. 429 H), Bughyat'l Multamis of al-Dabbi (d. 599 H), Wafayat al-a'yan of Ibn Khalikan (d. 681 H), Kasyf al-mahjub of Abu al-Hasan al-Hujwiri (d. 467 H), Tarikh al-Umam of Sa'id ibn Sa'id al-Andalusi (ed. Masyriq, 1911), etc.

⁵ More detail about those sects see Wan Jamaluddin (in Russian) Znaceniye tvorcestva al-Palimbani v razvitiy sufiiskoi traditsiy v indoneziiskom regione Nusantari v 18 veke. (kandidatskaya dissertatsia). SPBGU, 2003. (The significancies of al-Palimbani's works in sufistic traditions in Indonesia and Nusantara in 18th century. Ph.D. Dissertation, Saint Petersburg State University, 2003).

egories by sufi-atheism but al-Bazdawi remarked them by the school of *sufi-murtad* (*mazahib riddiyyah*). Like al-Bazdawi, al-Palimbani wrote: «There are some sects called them self as sufis. But, they were wrong, because they were actually similar to unbelievers (*kuffar*). Some authoritative imams and ‘ulamas had described them...» [al-Palimbani: 13; al-Bazdawi 1963: 253].

About the Hubbiyah sect, al-Palimbani wrote: «They believe that when someone achieved the state of love and deeply falling in love to his God, then he had not love anyone else, because the law of syariat and all of the religious duties was specially changed for him. And all of the banned in syariat became allowed for him. And about the Awliyaiyyah sect, he explained that they believe, if someone achieved the state of closeness to God, he was out of control of religious law. Further, they said that “God’s beloved” was closer to God than the prophet to God. According to the Samrakhiyyah sect, it is believed that performing favorable deeds, someone can adore his God and all of forbidden in syariat became allowed for him. They called themselves samrakhiyyah because they followed and practiced the doctrines of ‘Abdallah Samrakhit. While the Ibahiyyah sect believed and practiced how to prevent the sinful by practicing the well-known regulations and banning, the Haliyyah sect said that they were prescribe to dance and applaud during the singing till they lose their own consciousness».

Furthermore, using the description of Abu al-Najib al-Suhrawardi in ‘*Awarif al-ma’arif* [al-Palimbani: 15], al-Palimbani wrote that almost of the Hululiyyah followers believed that they united to God and God is exists in them selves. So, a part of them said that they have to see to a woman as such as God see to her (or by vision of God). Return to al-Bazdawi’s redaction, al-Palimbani claimed that the Hururiyyah sect is similar to the Hululiyyah sect. Both believed that, when they were in trance a little virgin comes to them, and they clasped her to «wash» their deficiency and their sins [al-Palimbani: 15; al-Bazdawi 1963: 254]. About the Waqi’iyyah sect, al-Palimbani wrote that they rejected ma’rifat Allah because the law of the God is impossible to be understood by human being. According to the Mutajahiliyyah sect, they had to cook different foods, to dress women clothes, and to do another daily women’s jobs. The Mutakasiliyyah sect prefer to go around from a door to door to seek a food or to ask a part of the religious tax (*zakat*) for themselves. They were very lazy and often rejected to do any work. And al-Palimbani added that the Ilhamiyyah sect’s belief is similar to the unbelievers (*kuffar*); they prefer read and study philosophical poetry than al-Qur’an.

Before going to the next sect, al-Palimbani cited al-Ghazali’s opinion, which criticized the teachings and practical traditions of several sects above

and concluded that to kill them is better than making a war against one hundred infidel (*kuffar*)⁶.

Furthermore, about the Wujudiyyah sect, al-Palimbani wrote: «they believe and commit «La wujud ilia Allah? (No existence beside Allah), it means «I united with Allah». They also believe that the law of God is not perceivable, but its inner meanings exists in all of existences, because they are the mirrors of God». Discussing the Mujassimah sect, al-Palimbani cited an opponent of al-Ghazali, the Imam Fakhr al-Din al-Razi's point of view in his own work *Kitab jauharah al-nafs*⁷. Al-Palimbani begun with al-Bazdawi's statement about their belief, in which mentions that Allah is similar to human being, such as He has a blood, face, hand etc. Further al-Palimbani cited Fakhr al-Din al-Razi opinions and concluded that the Mujassimah sect is also called as Musyabbihah. They were exactly wrong, because they believed that Allah is comparable with the human body and they admired their bodies [al-Palimbani: 16].

The actuality of *Tuhfat al-raghibin* clearly reflected in al-Palimbani's description on the local traditions of «*Negeri Bawah Angiri*» (the ancient name of Malay archipelago region), such as an offering of sacrificial rituals (called *menyanggar* and *buang fasilah*) categorized strictly forbidden in Islam. In this case, al-Palimbani did not base his argumentation only on the most popular and authoritative ulama's, such Ibrahim al-Laqqani (in '*Umdat al-murid syarh jauharah al-tauhid*')⁸, al-Qurthubi (in *Kitab Tadzkirah*)⁹, and al-Ghazali (in *Kitab minhaj al-'abidin*)¹⁰ but also on the most debatable and

---

⁶ Unfortunately in this case al-Palimbani did not mention his reference to al-Ghazali's works.

⁷ Al-Palimbani wrote that he cited it from *Kitab jauharah al-nafs* of al-Razi. Since we could not find this title in several works of al-Razi, it does probably mean *Risalah jauharah al-fard*. See Wan Jamaluddin. (in Indonesian) *Konsepsi Sifat-sifat Allah menurut Imam Fakh al-Din al-Razi* (The Divine Names of Allah in Imam Fakhr al-Din al-Razi's thought; a theological studies on Mafatih al-Ghaib of al-Razi). Thesis of Magister program. IAIN Syarif Hidayatullah, Jakarta, 1999.

⁸ His fullname is Nashir al-Din 'Abd al-Salam ibn Ibrahim al-Laqqani al-Maliki (d. 1078/1668). Al-Palimbani cited his opinion from al-Laqqani's work titled '*Umdat al-murid syarh jauharah al-tauhid*'. See C. Brockelmann. *Geschichte der Arabischen Literatur & Supplemensbande* (GDAL-S). II. P. 419, 436. In the National Library of Jakarta we also found a same manuscript titled *Majmu' kitab 'umdat al-murid li jauharah al-tauhid*, that belongs to Sultan Mahmud Badr al-Din ibn Muhammad Baha' al-Din ibn Ahmad Najm al-Din from Sultanate Palembang «Dar al-Salam».

⁹ Unfortunately we could not find this work yet.

¹⁰ *Kitab minhaj al-'abidin* is one of most popular work of al-Ghazali that widely studied in Indonesian sphere.

controversial author, such as Ibn ‘Arabi (in *Al-Futuhat al-makkiyyah*)¹¹ and his opponent ‘Abd al-Wahhab asy-Sya’rani (in *Kasyf al-hijab wa al-rann ‘an wajh as ‘ilah al-jann*)¹².

Al-Palimbani strongly asked the ruler of sultanate Palembang «Dar al-Salam» to leave the old traditions contradicting syariat and to change or to fulfill it with the Islamic one. He also gave wide explanations about the sorts of sins and how to get rid of them. To achieve these aims, al-Palimbani referred to the opinions of Syeikh Zakaria al-Anshari written in the work entitled *Raudlat al-thalib*, Ibn al-Muqri’s book *Asna al-mathalib*, and *Kitab zawajir ‘an iktiraf al-kaba’ir* of Ibn Hajar al-Haytami¹³.

Beside al-Bazdawi, it’s interesting to analyze the intellectual character of Ibn Hajar al-Haytami and of al-Ramli. In Islamic law traditions both of them are known as famous scholars and prolific writers of the Shafi’i school. In *Tuhfat al-raghibin* al-Palimbani at times cited the main work of Ibn Hajar titled *Tuhfat al-muhtaj li syarh al-minhaj* («*The Commentary on Minhaj al-thalibin of Imam al-Nawawi*»), while at the same moment al-Palimbani referred his explanations to the main work of al-Ramli, *Kitab al-nihaya*. These works became the two authoritative textbooks of Syafi’i school, and had been printed often. Among Indonesian moslems these books are popular and until now are widely studied in several local Islamic schools (called *pesantren* or *madrrasah*). And *Kitab zawajir* of Ibn Hajar mentioned above is recognized as one of the most important works of the practical morality of Islam. Al-Palimbani at least twice cited the opinion of Ibn Hajar and once of al-Ramli in his *Tuhfat al-raghibin*, when he discussed the problem of apostasy (*riddat*) in Sultanate Palembang «Dar al-Salam» [Al-Palimbani: 22–23].

Conclusion

Whole text of *Tuhfat al-raghibin* showed us how al-Palimbani had started to reform the Islamic teachings and its traditions practiced in Malay archipelago (especially in the Sultanate Palembang’s territory) by using some

---

¹¹ In his *Tuhfat al-raghibin* al-Palimbani just mention *Al-Futuhat* (without *al-makkiyyah*). It most probably means *Al-Futuhat al-makkiyyah* that up to now it is considered as one of the greatest work of Ibn ‘Arabi. The translation and commentary of this book published in Russian language by Prof. Aleksander D. Knysh, in 1995 and titled «*Mekkanskie otkroveniya*».

¹² C. Brockelmann informed that the work titled *Kasyf al-hijab wa al-asrar ‘an wajh mas ‘alah al-jann*. See GAL II. P. 335–338; Supplemensbande II. P. 464–467.

¹³ Abu al-Abbas Ahmad ibn Muhammad ibn Ahmad ibn ‘AH Ibn Hajar al-Makki al-Haitami was a pupil of Zakaria al-Anshari. He is one of the most famous thinkers and writers in Syafi’ism school. His work *Kitab zawajir ‘an iktiraf al-kaba’ir* can be found in The Library of Institut for Qur’anic Sciences in Jakarta as well.

different theological schools of kalam, fiqh and sufism in Islam. Finally, we can take a short conclusion that al-Palimbani was really an encyclopedic sufi of Nusantara, who more successfully harmonized several religious teachings and traditions in Islam and as far as possible transformed it to Southeast Asia.

The most famous names Zakaria al-Anshari and his decessor, Ibn Hajar al-Haytami, gave us an accurate information to conclude that in *fiqh* al-Palimbani is syafi'ism, and some times it combined the opinions of malikism of Ibrahim al-Laqqani and of hanafism of al-Bazdawi. Though in theology he was strongly dominated by asy'arism and maturidism schools, but in sufism he had a tendency to combine the Persian-Arabic traditions, represented by al-Ghazali and Ibn 'Arabi, and Egyptian traditions, represented by both of 'Abd al-Wahhab al-Sya'rani and Zakaria al-Anshari.

***

Manuscripts:

[al]-Palimbani. 'Abd al-Samad Tuhfat al-raghibin. MS Saint Petersburg: van Doorninck, 1876. No. 4024.

Wall van de. Jakarta. No. 37.

[al] Asyari Abu Hasan ibn Isma'il. Kitab al-Luma' fi al-Radd Ahl al-Ziyagh wa al-Bida'. Al-Kahira, 1955. P. 123.

Azra Azymardi. Jaringan Ulama Timur Tengah dan Kepulauan Nusantara abad XVII dan XVIII. Melacak akar-akar Pembaruan Pemikiran Islam di Indonesia. Bandung, 1955.

[al] Bazdawi Abu al-Yusr Muhammad ibn Muhammad ibn 'Abd al-Karim. Kitab ushul al-din. Darlhya' al-Kutub al-'Arabiyya. Al-Kahira, 1963. P. 241–254.

Braginsky V.I. Istoriya malaiskoi iteraturi VII-XIX vv. Moskva, 1983.

Braginsky V.I., Boldireva M.A. «Opisaniye malaiskih rukopisei v sobranii Leningradskogo otdeleniya Instituta vostokovedeniya Akademiy Nauk SSSR». Malaisko-indoneziiskiye issledovaniya (sbornik statei). Moskva, 1977. P. 131–174.

Bruinessen Martin van. Kitab Kuning Pesantren dan Tarikat. Tradisi-tradisi Islam di Indonesia. Bandung, 1997.

Drewes G.W.J. Further Data concerning 'Abdus-Samad Al-Palimbani // Bijdragen tot Koloniaal Instituut 1976. 132. P. 274–275.

Katalogus Koleksi Naskah Melayu Museum Pusat Jakarta. Departemen Pendidikan dan Kebudayaan. Jakarta, 1972.

[al] Maturidi Abu Manshur Muhammad ibn Muhammad ibn Mahmud. Kitab al-tauhid. Istanbul, 1979. P. 372.

Quzwain M.Ch. Mengenal Allah: Suatu studi mengenai ajaran tasawuf syaikh 'Abdus-Samad al-Palimbani ulama Palembang abad ke-18 Masehi. Jakarta, 1985.

[al] Syahrastani Muhammad ibn 'Abd al-Karim. Kitab al-Milal wa al-Nihal. Prof. S.M. Prozorov translated this book into Russian titled «Kniga o religiyah I sektah». Moskva, 1984.

Voorhoeve P. Tuhfat al-raghibin // Encyclopaedia of Islam. I. Leiden: Brill, 1960. P. 92.

Wan Jamaluddin. (in Russian) *Osnavniy certi religioznogo mirovazzreniya Syeikha al-Palimbani v ego trud «Tuhfat al-raghibin» II Mezhdunarodnaya nauchnaya sessiya «Filologiya stran Nusantara»*. (*The main problem of religious thought of Syeikh al-Palimbani in his work «Tuhfat al-raghibin»*). The Journal of International Session of Philology of Southeast Countries of Nusantara). Saint Petersburg, 2003. P. 16–29.

**КОЛЛЕКЦИИ К. МАШМЕЙЕРА
В КИТАЙСКОМ ФОНДЕ МАЭ РАН**

В ноябре 1900 г. в Петербургской Академии наук было получено письмо на имя президента Академии, Великого князя Константина Константиновича от жителя Мюнхена Евгения Хартманна (Eugen Hartmann).

В письме сообщалось, что его зять, Карл Машмейер, администратор табачной плантации Bindjei в Дели на Суматре собрал обширную коллекцию оружия и различных предметов на Новой Гвинее, островах Адмиралтейства и в других местах. К. Машмейер желал бы подарить эту коллекцию Российскому государству. К письму прилагался рукописный список коллекции.

Непременный секретарь Академии Н.Ф. Дубровин переадресовал письмо Е. Хартманна директору Музея антропологии и этнографии академику В.В. Радлову с просьбой дать свое заключение¹.

В.В. Радлов дал согласие, и вскоре коллекция К. Машмейера поступила в МАЭ.

В 1902 г. эта коллекция была зарегистрирована сотрудницей Музея Евгенией Львовной Петри под № 597. Она включала в свой состав 117 номеров (333 предмета).

В 1957 г. коллекция была перерегистрирована Любовью Григорьевной Розиной.

В состав коллекции входили танцевальные жезлы и маски, деревянные фигурки, головные скамейки, чаши деревянные и сосуды из скорлупы кокосовых орехов, травяные передники, браслеты раковинные и плетеные из тесьмы, шейные, головные и налобные украшения из раковины и перламутра, пояса, плетеные сумки, рыболовные крючки, образцы оружия (щиты, луки, стрелы, дротики, копья, остроги, палицы и пр.), топоры, весла, ножи.

Помимо предметов, собранных на Новой Гвинее и прилегающих островах, в коллекции К. Машмейера имелись также и вещи, собранные им у китайцев о. Суматра. В упомянутом выше рукописном списке они выделены особо.

---

¹ Письма Е. Хартманна и Н.Ф. Дубровина, а также рукописный список коллекции на немецком языке (с пометками красными чернилами Е.Л. Петри) находятся в описи коллекции № 597.

В апреле 1902 г. эти предметы (номеров — 24, предметов — 28) были зарегистрированы Е.Л. Петри под № 672.

В 1979 г. коллекция была перерегистрирована Аркадием Алексеевичем Свиридовым.

Несколько слов скажем о китайцах в Индонезии². Китайцы Индонезии являются самой крупной общиной некоренного населения страны. Их численность превышает 7 млн чел. (более 3 % от общего числа жителей Индонезии). Однако в их руках сосредоточено до 75 % национального достояния Индонезии. Дело в том, что в настоящее время большинство китайцев занято в сфере бизнеса, банковского дела, торговле.

В современной Индонезии китайцы проживают преимущественно в городах Явы и Суматры (главным образом в районе г. Медан). На Западном Калимантане существует довольно большая китайская община, населяющая сельские районы. Эти китайцы заняты в сельском хозяйстве. Они выращивают рис, занимаются огородничеством, занимаются свиноводством, разводят крупный рогатый скот.

Первые китайские поселенцы появились на севере Явы еще в раннем Средневековье. Это были преимущественно торговцы. Позже, в XVII–XVIII вв., приток иммигрантов из Китая возрастает. Наконец, во второй половине XIX в. голландские колониальные власти начинают заключать контракты с китайцами (преимущественно из юго-восточных районов страны) для работы на оловянных разработках и на каучуковых плантациях на островах Банка и Белитунг и Суматры

В связи с тем, что иммигрантами являлись в подавляющем большинстве мужчины, они чаще всего женились на местных жительницах. Потомки от этих смешанных браков сформировали группу местного смешанного китайского населения, которую называют «перанакан». Это китайцы в четвертом поколении, которые уже не пользуются китайским языком.

Те же китайцы, которые родились в Китае, в Индонезии получили наименование «тоток», или «синькэ» (букв. «новые гости»).

Китайцы, живущие в Индонезии, сохраняют многие черты своей традиционной культуры. Это касается одежды, пищи, семейных обрядов и обычаев и пр.

Теперь перейдем непосредственно к описанию коллекции № 672.

Вначале приведем описание предметов, сделанное Е.Л. Петри. Вторые номера, помещенные в скобках, соответствуют номерам упомянутого выше рукописного списка.

---

² Эти сведения взяты из следующих публикаций [Народы Юго-Восточной Азии 1966: 612–614; Индонезия 1983: 29–31; Народы мира 1988: 553].

Коллекция № 672

От Карла Машмейера, администратора табачных плантаций в Дели на Суматре.

Коллекция предметов быта из Китая. Получена в 1901 г. как часть коллекции № 597 при оригинальном списке (см. документы коллекции № 597).

Всего № 24, вещей 28

1 (110) Балалайка трехструнная. Донце обтянуто змеиной кожей

2аb (107) Скрипка двухструнная со смычком

3аb (108) Скрипка двухструнная. Небольшая. Донце обтянуто змеиной кожей, к ней смычок

4 (109) Гитара четырехструнная

5 (112) Тамбурин. Раскрашен грубой живописью

6 (111) Труба музыкальная

7 (106) Флейта

8 (90) Небольшая головная подушка из красной и коричневой кожи

9 (101) Гребень простой из некрашеного дерева

10 (100) Частая двухсторонняя гребенка

11 (102) Щетка для чистки гребней

12 (103) Щетка из кокосовых волокон

13 (91) Трубка для опиума

14/3 (94) Три трубки для опиума без чубуков

15 (95) Лампа для опиума

16 (96) Роговая коробка для опиума

17 (97) Железная лопаточка с деревянной рукоятью для вычищения трубок

18 (98) Деревянная подставка для горшочков с опиумом, красная с живописью

19 (93) Деревянный поднос для принадлежностей курения опиума

20 (99) Кальян из металла (смесь серебра и меди)³ с выгравированным рисунком

21 (91) Трубка для табаку

22 (104) То же

23 (105) Кисет для табаку

---

³ В описи имеется Выписка из Акта представителя Ленинградской государственной инспекции пробирного надзора от 2 октября 1954 г.: «672–20. Числились серебряными. В действительности из простого металла».

24 (113) Чайник из белой глины, изображает слона. На крышке фигурка китаянки с веером. Чепрак из розы на черном фоне с красной бахромой. Ручка медная филиграновая

Приведем список предметов перерегистрированной коллекции № 672, сгруппированных по тематическому признаку

Коллекция № 672. 1901 г. Номеров — 24

Музыкальные инструменты

672-6⁴ Духовой музыкальный инструмент труба

672-7 Духовой музыкальный инструмент флейта «ди» с 12 отверстиями. Бамбук, кость, нить, лак

672-1 Трехструнный щипковый музыкальный инструмент саньсянь («малый саньсянь» — «цюйсянь»). Красное дерево, змеиная кожа. Струны шелковые

672-4 Четырехструнный щипковый музыкальный инструмент юэцинь («лунообразная лютя»). Дерево. Струны шелковые.

672-2ab⁵ Струнный смычковый музыкальный инструмент.

672-3ab Двухструнный смычковый музыкальный инструмент «эрху». Бамбук, змеиная кожа. Струны шелковые. Смычок бамбуковый. Конский волос.

672-5 Мембранный ударный музыкальный инструмент «дабу». Дерево, кожа, латунь. Подобные инструменты распространены у уйгуров и узбеков

Туалетные принадлежности

672-9 Гребень односторонний. Бамбук

672-10 Гребенка двусторонняя. Бамбук, костяные пластинки

672-11 Щетка для чистки гребней. Рог, щетина

672-12 Щетка. Кокосовые волокна

Курение

672-20abcde Кальян для курения табака, состоящий из нескольких частей (чашечка для табака, прямоугольный сосуд, футляр для хранения кальяна, ящичек для табака, иголка для чистки чашечки от остатков табака). Белый металл

672-23 Кисет для табака в форме тыквы-горлянки. Шелк

672-16ab Коробочка цилиндрическая для хранения опиума с крышкой. Рог

672-15ab Лампа для разогревания опиума. Сосуд в виде колокола на подставке. Металл

---

⁴ Труба была списана по Акту № 56 от 18 июля 1978 г.

⁵ Скрипка при перерегистрации не обнаружена.

- 672-17/2 Лопаточка для чистки трубки для опиума. Железо, дерево
- 672-19⁶ Поднос для принадлежностей для опиума. Отсутствует
- 672-18 Подставка трехъярусная для горшочков с опиумом. Украшена шестью картинками масляными красками на стеклянных пластинках. Дерево, стекло
- 672-13ab Трубка для курения опиума. Бамбук, камень, железо
- 672-14/3⁷ Трубки для курения опиума без чубука. Камень, металл.
- 672-21⁸ Трубка для курения табака.
- 672-22 Трубка для курения табака. Бамбук, корень, железо

Разные предметы

- 672-8 Подголовник. По форме напоминает железнодорожный рельс. Кожа лакированная, дерево крашеное
- 672-24ab Чайник в виде слона с поднятым хоботом, с крышкой. Крышка в виде чепрака, на котором сидит женщина с веером. Белая глина, дерево

Коллекция, поступившая от К. Машмейера, несмотря на ее небольшой объем, интересна прежде всего тем, что это практически единственное в нашем Музее собрание по традиционной культуре китайцев Малайского архипелага второй половины XIX в.

Надо сказать, что К. Машмейер, помимо коллекций № 597 и 672, передал в МАЭ еще несколько собраний (коллекции № 665, 854, 855), отражающих традиционную культуру других народов Индонезии (тогдашней Нидерландской Индии), в частности гайо, алас, батаков (о Сулатра) народов Борнео (Калимантана), Целебеса (Сулавеси)⁹.

***

Индонезия: справочник. М., 1983

Кисляков В.Н. Материалы к истории формирования индонезийского фонда (коллекции К. Машмейера, Г. Мейсснера и А. Грубауэра) // Культура и быт австронезийских народов (история коллекций и их собиратели). Сборник МАЭ. Т. LIII. СПб., 2007.

Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988

Народы Юго-Восточной Азии / Народы мира. М., 1966

⁶ Поднос при перерегистрации не обнаружен.

⁷ Одна из трех трубок при перерегистрации не обнаружена.

⁸ Трубка при перерегистрации не обнаружена.

⁹ Подробнее об этих коллекциях К. Машмейера см.: [Кисляков 2007: 185–236].

Н.И. Парфентьева

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК.
О И.Н. ХИТРОВЕ — СКУЛЬПТОРЕ И ХУДОЖНИКЕ,
АВТОРЕ СКУЛЬПТУР В ЭКСПОЗИЦИЯХ МАЭ РАН
(1918–1998)**

Скульптор Иван Николаевич Хитров почти всю свою долгую творческую жизнь посвятил работе в редкой области изобразительного искусства. Он — автор этнографических фигур и тематических многофигурных композиций, отображающих жизнь и быт многих народов мира. Фигуры выполнены в натуральную величину в объемно-пластической форме по уникальной авторской технологии.

Работа в этом жанра сочетает знания и приемы мастерства в области скульптуры, живописи, рисунка, сценографии. Всем этим И.Н. Хитров владел в полной мере. Трехмерность изображения, психологическая наполненность персонажей, сюжетность, композиционные и световые акценты — все это и сейчас, в век сверхскоростного мелькающего изображения, не дающего ни секунды на размышление, и, конечно, высочайшее профессиональное мастерство художника оказывают на современного зрителя такое же сильное эмоциональное воздействие, как и 50 лет назад.

Яркая образность работ И.Н. Хитрова создает особое поле, позволяющее предметам этнографической композиции: одежде, утвари, орудиям труда, аксессуарам и пр. — зажить новой жизнью. (А не есть ли это конечная цель историко-этнографического музея?)

Можно подолгу стоять в залах музея, не замечая ничего вокруг, и смотреть на эти «живые» лица, динамику или покой фигур, погружаться в мир размышлений, ассоциаций, воспоминаний — всего того, что всегда возникает, когда встречаешься с подлинным искусством.

Наследие скульптора И.Н. Хитрова всегда узнаваемо, оно знакомо сотням тысячам петербуржцев, россиян и зарубежных гостей, посещающих Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Музей этнографии народов СССР (ныне — Российский этнографический музей) и другие музеи Петербурга и иных городов России. Его творчество всегда высоко оценивалось не только зрителями, но и крупными авторитетами в областях науки и искусства. В 1995 г. И.Н. Хитров получил звание «Заслуженный художник России». В свое время в прессе появлялись короткие заметки с фотографиями о художнике. Были также радио- и телепередачи о нем.

Рис. 1. И.Н. Хитров. 1955 г.

Рис. 2. Индонезийская танцовщица

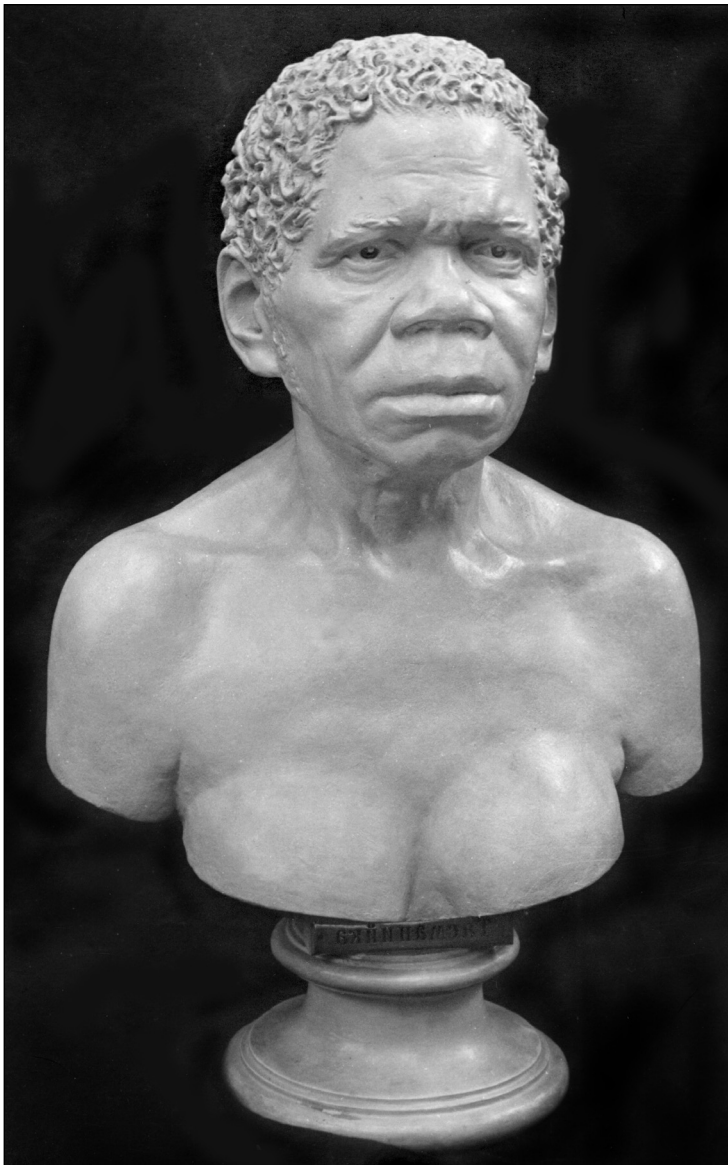

Рис. 3. Тасманийка Лилла Рук

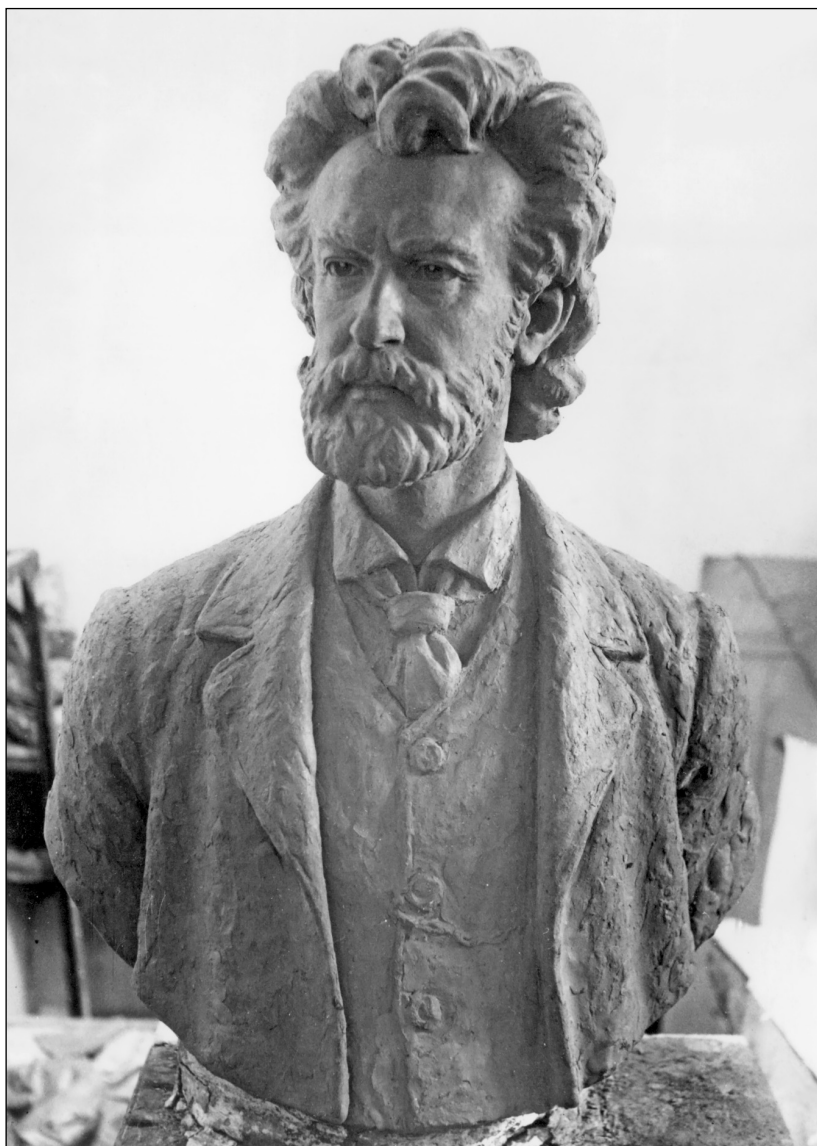

Рис. 4. Бюст Н.Н. Миклухо-Маклая

В рамках предложенной статьи хотелось бы более подробно остановиться на биографии и творчестве художника. Жизненный путь его характерен для советской эпохи.

И.Н. Хитров родился в 1918 г. в деревне Мужилово Костромской области в семье крестьянина-середняка, мастера на все руки. В 1930 г., узнав о предстоящем раскулачивании, бросив все, с женой и тремя детьми Хитров-старший бежал в Ленинград. На новом месте Николаю Хитрову пришлось сменить плуг и борону на инструменты столяра, сапожника и часовщика. Он прекрасно играл на гармонии и многих народных инструментах. Его сын унаследовал все таланты и умения отца, но хотел стать художником.

На третьем курсе Серовского училища, в 1939 г., И.Н. Хитрова призвали в армию. Он мерз в окопах во время Финской войны. Приближалась демобилизация. Стрелковые части, куда И.Н. Хитров был переведен после окончания войны с северным соседом, в июне 1941 г. находились на о. Сааремаа Моондзундского архипелага. На вооружении у солдат были лишь винтовки царского образца (одна на троих), да и те без патронов. Батальоны бездействовали, приказов от командования не поступало. Однажды рядового И. Хитрова назначили переправить на материк весь (!) комсостав части, а самому вернуться в часть. По возвращении выяснилось, что пришла в негодность радиостанция. Томительно и жутко тянулись дни без связи, боеприпасов и продовольствия. Вскоре на остров высадились вооруженные немцы. Военнопленных красноармейцев отправили в концлагерь г. Валга (Эстония)

Рядовой Хитров и в плену не расставался с карандашом и блокнотом. Почти все рисунки немцы отбирали — ведь художник рисовал портреты пленных, умирающих от голода и болезней. Несколько рисунков чудом сохранилось, и впоследствии они стали иллюстрациями к книге о защитниках Моондзунда (Чернов Ю. Они защищали Моондзунд. М., 1959).

После освобождения, пройдя многочисленные проверки, бывшие заключенные были отправлены на Дальний Восток. В эшелоне они узнали об окончании войны.

И.Н. Хитров вернулся в Ленинград. Началась новая жизнь. Надо было учиться и работать, кормить семью. Сохранилась фотография: художник рисует многометровый портрет Ворошилова. Такими портретами членов правительства и вождей КПСС в праздники украшалась арка Главного штаба и Дворцовая площадь. Пейзажи и натюрморты приходилось складывать «для себя» — в те послевоенные годы время на современную живопись не было покупателей.

А по ночам приезжал черный «воронок», и утро художнику приходилось встречать на Литейном, 4. В атмосфере клеветы и угроз его пытались заставить подписывать ложные доносы на пленных, обвиняемых в предательстве, и на самого себя. И.Н. Хитров не подписал ни одного такого документа. Позже ему объяснили, что это была «проверка» и предложили сотрудничать с органами. От этой «чести» Иван Николаевич отказался, хотя понимал, что это может грозить ему ссылкой в лагерь. Наступил март 1953 г., и вскоре его оставили в покое... Нетрудно догадаться, почему он никогда не стремился стать членом КПСС.

В начале 1950-х гг. И.Н. Хитрову предложили интересную работу в Зоологическом музее. Им выполнены огромные карты-барельефы континентов, которые установлены в вестибюле, с изображениями огромных доисторических ящеров и мамонтов. Все недостающие фрагменты скелетов были сделаны Хитровым в тесном сотрудничестве с учеными-палеонтологами.

Вся дальнейшая творческая биография художника неразрывно связана с соседним зданием на Университетской набережной, знаменитой Кунсткамерой: именно здесь, в жарко натопленном подвале музея, многие годы проработал И.Н. Хитров. Здесь появились его первые этнографические фигуры. Выполнению заказов предшествовала тщательная кропотливая подготовительная работа вместе с антропологами, этнографами, с использованием старинных монографий, рисунков, фотографий, с учетом всех антропометрических параметров представителей того или иного народа. В каждом отделе музея есть фигуры, выполненные Хитровым. Некоторые из них были вылеплены с натуры и имеют поразительное сходство.

Фигуры Хитрова сразу обращают на себя внимание, притягивают. Рассмотрим некоторые из них. Вот изящная, аристократичная «Знатная китаянка». Сколько оттенков чувств, мыслей, настроения в ее тонкой благородной улыбке! Рядом лукавая и нежная «Тибетка». Просто цепенеешь возле «Самурая», готовящегося к бою! Его ослепленное ненавистью лицо поражает жесткой магической волей, это великий воин. Под стать ему «Эскимос, стреляющий из лука», натянутый как тетива, весь сконцентрированный в одной точке. По-королевски величествен благородный «Индийский вождь».

А вот отдел Африки. Динамичные «Танцоры», сосредоточенные в работе «Ткач» и «Кузнец» (1962 г., позировали студенты университета из Нигерии и Ганы). Одна из лучших работ Хитрова — «Африканская девушка» (раньше эта фигура была «экипирована» совершенно иначе). Как заметно угадывается национальная природа в ее танцующей, ис-

полненной кошачьей грации походке, в пластике тела, в чувственной чарующей улыбке. К сожалению, эти работы много теряют от тесноты и плохого освещения. Прекрасная, с распахнутым в мир взглядом «Гамилка» в желтом сари, внимательно смотрящий на собеседника «Индонезиец» в черной шапочке. В этом же зале есть великолепная композиция «Индонезийская семья» (1963) — позировала семья профессора Усмана Эффенди, преподававшего в то время на Восточном факультете в ЛГУ. Хитров в процессе работы подружился с этими прекрасными людьми. Огромная симпатия автора к ученому и его жене передана в их лицах. (Фигура младшей дочери, Масниати, выполнена скульптором Н.Н. Колокольчиковым.) Вот фигура «Индонезийской танцовщицы», старшей дочери Эффенди, Нурайни, учившейся тогда в Ленинградском хореографическом училище. Эта работа была визитной карточкой музея — однажды в Лондоне, покупая путеводитель по городу, я любовалась красочно оформленными обложками: Рим, Париж, Мадрид, Санкт-Петербург — разведенные мосты, Летний сад, Эрмитаж, а в центре помещена фотография «Индонезийской танцовщицы», эта же фотография часто размещается на обложках наших путеводителей и академических изданий по этнографии. Сейчас этой фигуры в зале Индонезии нет, так же как и фигур «Австралийцев» из отдела «Австралия и Океания». В 1989 г. художнику предложили отреставрировать 20 и выполнить 6 новых фигур в отделе Передней Азии. Сейчас и в этом отделе нет ни одной фигуры... Остается надеяться, что, возможно, настанут времена, когда судьбу произведений искусства будут решать не только дизайнеры, но и искусствоведы. В фондах Кунсткамеры хранятся ранние работы скульптора — бюсты типичных представителей рас: европеоидной, негроидной, монголоидной. Символический бюст Лаллы Рук, последней представительницы народа о. Тасмания, уничтоженного европейскими колонизаторами.

(Хочется добавить, что заблуждаются те, кто называет все эти работы манекенами. Манекены — это отштампованные на фабрике куклы для демонстрации одежды. А в переносном смысле — синоним бездушности, безликости, автоматизма. Мы же говорим об искусстве. Сейчас популярны выставки восковых фигур, никто же не говорит — восковые «манекены». Кстати, по мнению многих, восковые фигуры, возможно, из-за чрезмерной проработки деталей, самой структуры воска, к сожалению, излишне, а подчас отталкивающе натуралистичны. Такое же впечатление производят восковые фигуры в музеях мадам Тюссо.)

Шли годы. А война продолжала напоминать о себе.

60-е годы. Однажды в коммуналку, где жил с семьей И.Н. Хитров, пришел незнакомый человек, долго ждал прихода художника. Мужчины взволнованно обнялись, и приезжий из Сыктывкара (тоже художник, Н.А. Лемзаков) сказал: «Иван, я искал тебя много лет и, наконец, нашел. Ты всегда был для меня примером человека. Я приехал, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь».

Дело было так. В концлагере у военнопленного Хитрова немцы не только отбирали рисунки. Его под конвоем водили за пределы лагеря рисовать портреты офицеров, знати. Желавших было предостаточно, у пленного же не было выбора. Случалось, что молодому художнику, еле стоящему на ногах, истощенному до предела, за работу давали кусок хлеба. И он нес этот драгоценный хлеб нетронутым прямо в лагерную больницу, где умирали от голода и болезней пленные. Там этот кусок делили на всех. Среди тех больных был и Лемзаков. Присутствовавшие при этой встрече дочери художника услышали все это впервые — отец никогда не говорил о войне и плене.

Вот еще одна история. Однажды в лагерь пригнали новую колонну пленных и стали отбирать евреев для расстрела. Военнопленный И.Н. Хитров видит своего друга Эдика Цаля — его бьют прикладами и волокут к толпе обреченных. Не задумываясь, Хитров закричал: «Оставьте его, я его знаю! Он кавказец, менгрел!» И произошло чудо — немцы поверили, и Э. Цаль остался жив. Спустя годы, друзья, бывшие военнопленные, нередко собирались дома у художника и мирно музицировали, вспоминая былое.

В 60–80-е гг. И.Н. Хитров выполняет множество фигур и композиций для музеев Ленинграда и других городов страны. Эти работы, выполненные скульптором для нашего города, приобрели тогда широкую известность. Большими творческими удачами можно назвать композиции «Тюремные надзиратели» (1966) в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и «Суд инквизиции» (1972) в Музее истории религии и атеизма. Эти блестящие по замыслу и исполнению работы всегда эмоционально воспринимались зрителями, а потому и запоминались. Не будет преувеличением сказать, что практически все экспозиции Музея этнографии народов СССР (ныне — РЭМ) были выполнены И.Н. Хитровым. Это был огромный, многолетний труд. Росло мастерство, росло количество похвальных отзывов.

Однажды скульптора, работавшего тогда в музее (РЭМ), пригласили пройти в один из залов, где с ним хотели побеседовать иностранцы. Когда он вошел, к нему обратился один из них: «Скажите, неужели все эти работы сделаны Вами? Потрясающе! Ничего подобного по уровню

нет ни в одном музее мира!» — и с этими словами заключил художника в объятия. Этим человеком был Тур Хейердал.

Знал творчество Хитрова и знаменитый антрополог, скульптор, автор метода восстановления внешности по черепу М.М. Герасимов. Недаром он приглашал Хитрова переехать в Москву продолжить его дело. Однако переезд тогда был весьма проблематичен. Да и не хотелось художнику расставаться с любимой работой и городом.

В 60–80-е гг. помимо работы в Музее этнографии народов СССР Хитров выполнил десятки заказов для многих музеев страны. Почти всегда это были сюжетные многофигурные композиции. Музеи Украины, Мордовии, Средней Азии, Перми, Кишинева, Переяславля-Хмельницкого, Острога, Ялты, Ашхабада, Бухары, Самарканда, Ставрополя, Гурзуфа, Омска, Днепропетровска, Воркуты, Луганска, Улан-Удэ и др. Хочется отметить композицию в Старой Ладоге «Неолитическая стоянка», работа проводилась на базе археологических раскопок. Замечательны, полны драматизма композиции «Ханский стрелок» в Бахчисарае (1979), «Сжигание паранджи» в Самарканде. Все 17 фигур самаркандской композиции выполнялись с натуры. Творческое наследие Хитрова стало широко известно и любимо. Хотя не было ни одной персональной выставки — из-за невозможности собрать все экспонаты в одном месте. А что касается официального признания, то здесь все было не просто.

В Ленинградскую организацию Союза художников (ЛОСХ) Хитрова приняли только спустя 30 лет (!) после подачи заявления. Чиновники от искусства никак «не могли решить», к какой секции отнести его работы — к скульптурной или прикладной. Хитров был бесхитростный человек, ранимый и гордый, не умел изгибаться и вести закулисные интриги. Только когда ситуацию взяли под контроль такие виднейшие художественные авторитеты, как М.А. Аникушин, Б.С. Угаров, М.П. Литовченко, дело пошло.

В конце 1980-х гг. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) выдвинул кандидатуру Хитрова на звание заслуженного художника России, ходатайство на несколько лет «застряло» в недрах ЛОСХа. Когда же документы наконец попали в Москву, решение Госкомиссии не заставило себя ждать — ведь там не было завистников.

А как же картины? Увы, на них не оставалось ни времени, ни сил. Только во время отпуска художник писал этюды. В 1993 г. И.Н. Хитров представил на выставку ветеранов в ЛОСХе две свои работы 50-х гг.: пейзаж «Март» и портрет дочери-школьницы. Через пару дней эти работы захотели купить американцы, но художник отказался. Не согласился

и тогда, когда покупатели удвоили цену. Хитров вообще никогда не продавал свои картины, он их дарил.

Через некоторое время из Америки пришло официальное предложение постоянно работать в Калифорнийском музее. Те покупатели на выставке были музейными экспертами. Но состояние здоровья и возраст уже не позволяли не считаться с собой. В любом случае скульптор никогда бы не уехал из России.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов, наверное, о лучшей работе скульптора. Это бюст выдающегося русского ученого и путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая. Скульптор много лет работал над портретом, делал различные варианты памятника. Тщательно изучал научное наследие, биографию ученого. Восхищался личностью. Это был его герой. Когда смотришь на эту работу И.Н. Хитрова, не перестаешь удивляться многообразию черт, полутонов характера, переданных мастером. И сходству. Портрет привлекает удивительной гармоничностью и романтической красотой облика. Лицо завораживает, дышит, заставляет остановиться. Причем каждый раз видишь новые нюансы строения, не только при перемене ракурса или освещения. Мужество, благородство, интеллигентность и простота, спокойная уверенность и истинный аристократизм. А в другой момент угадывается скрытая боль души, утрат, горький опыт жизни. И всегда — динамика мысли, взгляд, устремленный в новые миры, в будущее.

Говорят, что художника нужно судить по законам, которые он для себя создает, и по степени решения задач, поставленных перед собой. Если это так, то скульптурный портрет Н.Н. Миклухо-Маклая — пример высокого мастерства и воплощения замыслов. А это по силам только истинному таланту.

В настоящее время проект создания памятника Н.Н. Миклухо-Маклаю на Васильевском острове одобрен КГИОП. Хочется надеяться, что этот памятник займет достойное место на берегах Невы.

А.А. Першин

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИНЕЗИИ

Долгие годы занимаясь вопросами российского присутствия в Океании и изучения мореплавания, я пересмотрел сотни материалов и документов: книг, архивных дел, дневников, журнальных и газетных статей. В основном эти документы и материалы составили три категории. Первые охватывали период кругосветных и полукругосветных плаваний Российского Императорского флота и судов Российско-Американской компании в первой половине XIX в. Вторые описывали плавания русских военных кораблей на Дальний Восток и Камчатку через воды Океании во второй половине XIX в. и начале XX в. Третьи были связаны с жизнью и деятельностью в Океании видного русского путешественника и ученого-гуманиста Н.Н. Миклухо-Маклая.

Но несколько лет тому назад ко мне попали интересные материалы (газетные статьи) о плавании в Океании русского путешественника-эмигранта Михаила Ефремовича Гурьева, которое он совершил в 1937–1938 гг. Данные газетные материалы М.Е. Гурьева попали ко мне при следующих обстоятельствах.

В 1999 г. в Россию из США был передан морской архив и музейные коллекции из музея «Общества Родина» в Лейквуде. По прибытию в Россию архивные фонды и коллекции русской морской эмиграции были разделены на три части между Российским фондом культуры, Центральным военно-морским музеем и Центральным военным музеем Российской армии.

В Российский фонд культуры в основном были переданы книги и журналы, изданные различными морскими эмигрантскими организациями в США, Франции, Китае, Чехословакии и др. В 2002 г. сотрудник фонда, эксперт по русской морской эмиграции В.В. Лобыцын (1939–2005) передал мне небольшую папку с газетными вырезками по морской тематике. Папка содержала пару десятков статей на различные морские темы. Но самое интересное было то, что в ней имелись несколько очерков о плавании М.Е. Гурьева на острова Фиджи, Общества, Туамоту и Маркизские острова, где он встретил несколько российских эмигрантов с острове Таити.

Как оказалось, Михаил Ефремович Гурьев был еще и корреспондентом нью-йоркской газеты «Новое русское слово», в которой печатались

его заметки: «Пешком по Америке», «Впечатление русского американца в Европе» [Гурьев 1937].

Путешествие М.Е. Гурьева по Океании заняло более одного года, причем десять месяцев он прожил на острове Таити, откуда совершил четыре небольших плавания на шхунах и яхте к островам Фиджи, Туамоту, Маркизским и острову Пасхи. Свою жизнь на Таити и плавания по островам Океании Михаил Ефремович описал в статьях под общим названием «Очерки русского путешественника М. Гурьева». В них он затрагивал самые различные темы — от природы до жизни народов Французской Полинезии. Красочные и подробные очерки посещенных М.Е. Гурьевым островов Океании заслуживают в дальнейшем их полной публикации в доступных российскому исследователю и читателю изданиях.

Все статьи М.Е. Гурьева о путешествии по Французской Полинезии можно разделить на четыре части.

1) Жизнь автора на острове Таити [Гурьев. Ч. 1–4: Ч. 1 — б/д.; Ч. 2 — 16.01.1938; Ч. 3 — 10.04.1938; Ч. 4 — б/д.; 24.02.1938].

2) Ответы автора читателям «Нового русского слова» о жизни на Таити. [Гурьев 1938: 28.05; 1938: 5.06].

3) Путешествия автора по другим островам Французской Полинезии [Гурьев 1938: 30.10; 1938: 6.11, 13.11, 20.11, 24.11, 4.12].

4) Плавания автора с Таити во Францию [Гурьев 1938: 18.12].

Теперь вернемся к основной теме данной статьи — теме российской эмиграции во Французской Полинезии.

До Таити М. Гурьев добрался на двух пароходах. На одном он дошел из Нью-Йорка до Колона (Панама), а на другом — из Колона до Папее. Как только М. Гурьев прибыл на остров Таити и нашел себе пристанище, он первым делом отправился на почту, где предполагал найти несколько писем. Писем не было, но ему вручили один номер газеты «Нового русского слова», которому он обрадовался, как родному. Затем М. Гурьев отправился в адресный стол, чтобы навести справки, есть ли на острове русские? Как оказалось, на Таити и соседнем с ним острове Муреа проживали пять человек. В Папее — столице острова — проживало трое русских: Вороник, Леонтьев и Тарасенко. Их адреса он сразу же здесь и получил. Еще в адресном бюро ему сказали, что еще двое русских живут на своих плантациях: Архангельский — в отдаленнейшем конце острова, в самой глухой его части, и Ярославцев — на соседнем острове Муреа.

Вороника Гурьев нашел в парфюмерном магазине одного американца, совладельцем которого был и он. Еврей, сын московского куп-

ца первой гильдии, несмотря на свое полувековое отсутствие в России, прекрасно говорил по-русски. В баре за бутылкой вина он рассказал Гурьеву много интересного об острове.

На Таити он жил уже более 35 лет. Был одним из первых купцов по скупке жемчуга и считался виднейшим экспертом по этой части в Океании. Вороник ходил на шхунах по бесчисленным атоллам и островам Опасного¹ архипелага, где туземные водолазы ныряли и доставляли ему жемчуг и жемчужные раковины, шедшие на перламутровые изделия.

Однажды он получил такую огромную, редкую, дивного золотисто-голубого цвета жемчужину, что когда продал ее в Лондоне, то целый год роскошно жил в Европе на вырученные деньги и, кроме того, купил еще шхуну, заплатив капитану и экипажу жалованье за год вперед. Деньги у Вороника не держались... Легко они к нему приходили и также легко уходили. Он проживал все, что зарабатывал. Щедрой рукой тратил их на женщин, вино и карты.

Как писал М. Гурьев, во многих известных книгах о Таити, выпущенных за последние 30 лет, фигурировало имя Вороника. Да и он сам встречал это имя в книгах, прочитанных им на пароходе. М. Гурьеву очень понравился этот Вороник — колоритная личность с авантюрной душой, старый прожигатель жизни. Он уже давно бросил свою «жемчужную» профессию и теперь у «разбитого корыта» торговал пузырьчиками с цветочными эссенциями.

Когда М. Гурьев спросил его, знал ли он Масаинова², тот ответил, что прекрасно его знал и что последний уже несколько лет назад уехал на Апатики³ — далекий остров Опасного архипелага. Таити показался ему слишком цивилизованным местом. Он оставил о себе хорошую память. Вороник особенно хорошо отзывался о жене Масаинова — типичной, доброй русской женщине-художнице.

В конце беседы Вороник упомянул еще три русских имени, связанных с Таити. По его словам жил здесь некто Чернявский⁴, застрелившийся несколько месяцев назад. Этот человек промотал состояние одной американки — своей сожительницы. В одном дистрикте (районе)

---

¹ Старое название архипелага Туамоту.

² О писателе и поэте А.А. Масаинове М. Гурьев знал еще перед поездкой на Таити. О пребывании А. Масаинова во Французской Полинезии и его биографии будет сказано ниже.

³ Атолл Апатики находится в архипелаге Туамоту, открыт в 1830 г. российским кругосветным мореплавателем Л.А. Гагемейстером на шлюпе «Кроткий» и назван в честь Л. Гагемейстера, название не сохранилось.

⁴ Биографических данных о Чернявском автору статьи не удалось найти.

острова проживал художник Мордвинов из Парижа и доктор Рабинович, также из Парижа. Этот доктор, по словам Вороника, был очень богатый человек: его дом — дворец — считался лучшим на всем острове. Но он очень не любил посетителей и в особенности избегал русских.

Следующим русским, которого нашел М. Гурьев на Таити, был Леонтьев. Он работал в конторе по продаже и найму домов и плантаций, говорил на трех языках, был очень молод и приехал на остров два года назад (1935). Прожив год на Таити, он выписал из Праги своих родителей, брата и сестру. Все они дружной семьей поселились в Папезте, занимая весь верх одного из лучших домов на набережной. По словам М. Гурьева, отец Леонтьева, старый генерал, служил где-то на Балканах не то посланником, не то военным атташе, и поэтому им не довелось испытать прелестей райского житья у большевиков⁵.

М. Гурьев нашел Тарасенко в отеле «Диадема», где он жил уже около года. Он был поражен, когда Гурьев вошел в его комнату и заговорил по-русски. Беженец, бывший Марковец⁶, он жил в Лионе и, работая непрерывно 12 лет механиком на заводе, скопил, как он сказал, «хорошую сумму» в 20 тыс. франков, т.е. 800 долл. Ему надоело работать на других. Это заставило его покинуть Францию и переселиться на Таити. Здесь он собирался купить небольшую кокосовую плантацию и зажить независимым человеком. Но на его несчастье губернатор Таити издал указ, что землю на Таити могут покупать только французские граждане. Французского гражданства у Тарасенко не было. На вопрос М. Гурьева, почему он до сих пор не принял французского подданства, Тарасенко объяснил, что дело это стоило 2 тыс. франков, и ему было жаль их по-

---

⁵ Леонтьев Максим Николаевич (1871–1948), генерал-майор Генштаба, эмигрант. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба (1896). Служил в Кавказском и Сибирском военных округах. В 1901 г. служил помощником военного атташе в Константинополе, затем — военным атташе сначала в Румынии, а в 1905–1911 гг. — в Болгарии. В 1911 г. назначен командиром 85-го пехотного Выборгского полка. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. — военный атташе в Греции. В начале 1918 г. выехал во Францию как представитель Временного правительства. В 1918 г. опубликовал «Открытое письмо императору Вильгельму». В 1920 г. назначен военным атташе и представителем Русской армии генерала Врангеля в Праге. В середине 20-х гг. переехал во Францию. В 1936 г. уехал на остров Таити, где и умер [Попов / russia. abroad. rorov].

⁶ В Гражданскую войну служил в дивизии генерала Маркова. Сергей Леонидович Марков (7 июля 1878 – 25 июня 1918) — один из видных деятелей Белого движения. После гибели генерала офицерский полк его дивизии был назван Марковским.

тратить. Но все же он стал хлопотать о получении гражданских бумаг, но у него этого не получилось, и он вынужден был покинуть Таити и вернуться во Францию.

Автору статьи удалось найти некоторые сведения из биографии Тарасенко. В электронной базе данных офицеров Первой мировой и Гражданской войн доктора исторической наук С.В. Волкова значилось, что Александр Илларионович Тарасенко окончил 4-ю школу прапорщиков в Киеве 20 января 1916 г. Был участником Великой войны⁷. Летом 1918 г. как офицер был арестован органами ВЧК в Москве и находился в заключении в манеже Александровского военного училища. Был отпущен, работал на Курской железной дороге. Ушел на юг в Добровольческую Армию. В сентябре 1918 г. — штаб-капитан 3-й роты Первого офицерского полка (Марковский полк). 2 октября ранен под Армавиром, а в декабре 1918 г. — под Коновкой. Перешел во флот. Служил машинистом на линейном корабле «Георгий Победоносец», на котором в 1920 г. ушел из Севастополя в Бизерту (Тунис). В 1922 г. переехал во Францию. Автор воспоминаний «Письма ушельца».

О последнем русском, живущем на Таити, Архангельском, М. Гурьев получил от Вороника и Леонтьева много сведений. По их словам, Архангельский жил на острове около 30 лет. О его интересной жизни М. Гурьев также читал в книге американского писателя Нордова⁸, поселившегося на Таити сразу же после Великой войны (1914–1918).

На острове Архангельский был известен как завязтый большевик. Гурьевы предупредили, что как только он видит нового человека, тотчас же начинает пропагандировать и навязывать ему свои идеи. В 1936 г. он решил поехать в Советскую Россию и предложить там свою судьбу, чтобы рабочие могли приезжать на Таити для лечения, как на курорт. Добравшись до Франции, он прожил в Марселе несколько месяцев в ожидании визы и в конце концов вынужден был вернуться обратно. Визы ему не дали, несмотря на его посул. Его жена-американка сбежала от него, не выдержав его диктаторско-поучительных речей, и уехала обратно в Америку. Леонтьев (младший) сказал Гурьеву, что, несмотря на его «коммунизм», Архангельский весьма гостеприимен и всегда рад встретить у себя нового человека, особенно русского. М. Гурьев решил посетить последнего, хорошо, он жил всего в 15 км от него.

---

⁷ В статье в ряде случаев сохранено дореволюционное название первой мировой войны, как ‘Великая война’.

⁸ Нордов — американский писатель. На Таити проживал с 1919 г. Совместно с писателем Холлом написал нашумевшую трилогию «Бунт на судне “Баунти”». Автор романа из жизни на Таити «The Dark River». М. Гурьев встречался с ним в его великолепном доме, расположенном в живописном месте острова.

Вскоре М. Гурьев посетил Архангельского в отдаленной части острова. Архангельский жил на Таити уже 28 лет, т.е. с 1909 г. На его большой кокосовой плантации бесплатно проживали еще две белые семьи. Одна — американская, вначале занималась свиноводством, так как глава семьи в США был специалистом по этой части. Но это дело здесь не пошло, и он перешел на заготовку копры. Другая семья занялась куроводством, и в первый же год их 150 кур дали 700 франков дохода. По словам Архангельского, семья, имеющая небольшое хозяйство и огород, и 200 долл. годового дохода, могла безбедно жить на Таити, и чувствовать себя вполне независимой и свободной. Архангельский называл Гурьева буржуем, бросающим деньги на ветер, ибо тот платил 600 франков за свой пансион. Эти деньги составляли здесь большую сумму, и, по словам Архангельского, Гурьев мог бы прожить в этой части острова сытно и безбедно всего лишь за 200 франков.

На следующий год в июле М. Гурьев посетил последнего русского, встреченного им во Французской Полинезии. Им оказался Ярославцев⁹, проживавший на острове Муреа, в трех часах плавания от Таити на моторном катере. Ярославцев проживал на Муреа уже 15 лет, где купил за 400 долл. большую кокосовую плантацию в 20 акров. Его деревянный дом, который он сам сколотил, стоял на самом берегу голубого залива. Маленькая веранда, где стояли стол и пара табуреток, свисала над самым морем. Хозяйство его было небольшое: лошадь, тележка и 50 голов рогатого скота. Выращенный скот он отправлял на убой в Папеете. Жил он совершенно один, сам готовил незатейливую пищу в обычных жестянках. По словам М. Гурьева, как и большинство русских, покинувших родину еще до войны, он был сторонником советской власти, хотя и был антисемитом. Слоновая болезнь¹⁰ наложила на него тяжелый отпечаток, поэтому он был очень угрюм и нелюдим [Гурьев 1938: 30.10, 6.11, 13.11, 20.11, 24.11, 4.12].

В феврале 1938 г., когда М. Гурьев жил в пансионе на Таити, он встретил еще одного славянина-чеха. Владелец пансиона Ривнак много лет жил в России, хорошо говорил по-русски и к русским питал особую симпатию. С каждого проживающего в пансионе он брал разные цены. С богача-американца — одна цена, с человека свободной профессии — другая, а с русского — третья. М. Гурьев, как говорилось выше, платил

---

⁹ Биографических данных Ярославцева автору не удалось найти.

¹⁰ Слоновая болезнь (filariasis) поражает одинаково как европейцев, так и местных жителей. Разносится особым комаром. *Filaria* — микроскопический белый червь, будучи посажен комаром на кожу, пробивает путь в лимфы и закупоривает их, что ведет к увеличению тканей, и нога, например, доходит до величины ноги слона. Отсюда и название болезни.

всего 600 франков (20 долл.) в месяц! То есть за 5 долл. в неделю он имел отдельный дом на берегу моря и превосходный стол [Гурьев. Ч. 1: б/д.; Ч. 2 1938: 16.01; Ч. 3 1938: 10.04.; Ч. 4 : б/д.].

В июле 1938 г. М. Гурьев на небольшой шхуне отправился с Таити в путешествие на Подветренные острова¹¹, архипелаг Туамоту и на Маркизские острова. Свои красочные впечатления о посещении этих островов он изложил в пяти статьях «Нового Русского Слова» [Гурьев 1938: 30.10, 6.11, 13.11, 20.11, 24.11, 4.12].

На острове Бора-Бора (Подветренные острова) он встретился с Аланом Жербо — бывшим чемпионом Франции по теннису — и побывал в гостях на его яхте¹². Алан Жербо — идол французской молодежи тех лет, вот уже 20 лет жил отшельником на своей яхте, плавая от острова к острову. Только два раза за это время он побывал на родине и совершил два кругосветных путешествия. Особенно полубился ему Бора-Бора, и он сказал М. Гурьеву: «Здесь жизнь простая и нет телеграфа...» [Гурьев 1938: 6.11].

На острове Апатаки в архипелаге Туамоту один французский плантатор сказал М. Гурьеву, что здесь семь лет назад жил один русский писатель с женой, художницей по фамилии Масино... Этим писателем Масино оказался писатель Алексей Масаинов, интересные книги которого об Океании Гурьев читал еще в Нью-Йорке. На Таити М. Гурьеву говорили о нем и люди, знавшие его здесь. Итак, след русского писателя А. Масаинова потерялся на атолле Апатаки.

«Где он теперь скитается со своей верной подругой? Неужели и этот далекий атолл оказался ему слишком цивилизованным местом, и он удалился на еще более пустынный и затерянный в безграничных пространствах океана остров, где совсем уже никто не живет и куда ни одна шхуна никогда не заходит?» — вопрошал М. Гурьев.

Перед тем как рассказать о последних российских эмигрантах, живших и бывавших во Французской Полинезии, необходимо сказать, что Михаил Гурьев еще посетил Маркизские острова, а также Питкэрн и Пасхи. Причем надо отметить, что он был первым русским человеком,

¹¹ Подветренные острова (Leeward Group) находятся всего в 200 милях к СЗ от Таити. Группа состоит из шести островов. Открыта капитаном Дж. Куком, но аннексирована Францией в 1888 г. Острова вулканического происхождения, окружены рифом, имеют лагуну. Самый удивительный из них — Бора-Бора. Он очень мал и имеет в окружности всего 20 км. Жители его были настолько воинственны, что подчинили себе все соседние острова и угрожали даже Таити. Бора-Бора славится своей дикой красотой.

¹² Алан Жербо написал три книги о своих приключениях в Океании и кругосветных плаваниях. Окончательно поселился на Маркизских островах.

ступившим на эти острова в XX в., после посещения российских военных кораблей в XIX в.¹³

Итак, на острове Таити в 1937–1938 гг. М. Гурьев встретил следующих российских эмигрантов: Вороника, Тарасенко, Архангельского, Ярославцева, семью генерала М. Леонтьева и слышал о писателе А. Масаинове, его жене, художнике Мордвинове и враче Рабиновиче.

Как удалось выяснить, художник и график Николай Мордвинов (27 сентября 1911, СПб. — 1973, Хэмптон, штат Нью-Джерси, США) после революции с семьей поселился в Париже. Окончил университет и учился в Академии современного искусства у Ф. Леже и А. Озонфана. В середине 30-х гг. отправился в Полинезию, где провел более 10 лет. Устроил на Таити несколько персональных выставок (1936, 1940 и 1950). После Второй мировой войны переехал в США. Выставлял живопись в галерее Luuber (1949) и в Публичной библиотеке в Нью-Йорке (1951), в Филадельфийском художественном альянсе (1952). В 1950–1960-е гг. приобрел известность как иллюстратор и оформитель детских книг, ряд которых написал сам. В 1952 г. получил медаль Кейдлкотта (Cadlecott) за иллюстрацию книги: W. Lipkind «Finders Keepers». В 1957 г. по заказу издательства «Doubleday» исполнил иллюстрации к рассказам Р. Киплинга и М. Фрере для 42-томного собрания «Лучшие детские книги». Рисовал для журналов «Harpers Magazine» и «Atlantic Monthly». Представлен в Музее современного искусства и в коллекции Публичной библиотеки в Нью-Йорке [Лейкинд, Махров, Северюхин 1999: 434].

О враче Рабиновиче данные нашлись в статье парижского корреспондента «Нового русского слова», который в Париже встретил его молодую жену. Она с мужем жила на Таити с 1928 г. Рабинович был известным парижским врачом, имел собственную клинику, зарабатывал большие деньги. Но в один прекрасный день он почему-то решил, что жить больше так нельзя, что ему нужно солнце, океан и пальмы. И он продал клинику, ликвидировал все свои дела и уехал навсегда на Таити, где купил громадное имение, за пределы которого никогда не выходил. По словам его жены, Рабинович был счастлив. Целыми днями он лежал в гамаке в своем саду и ничего не делал. Ему нравилась эта райская жизнь [Гурьев 1938: 8.10].

О писателе и поэте Алексее Масаинове рассказать надо отдельно. Во-первых, он был другом большого поэта серебряного века Игоря Се-

---

¹³ В 1888 г. на Маркизские острова заходил клипер «Разбойник». Острова Пасхи и Питкэрн в 1871 г. посетил корвет «Витязь» с Н.Н. Миклухо-Маклаем на борту. Подробнее см. в книге: [Першин 2002]. В советское время в 1966 г. на Маркизских островах побывал другой «Витязь» — научно-исследовательское судно Института океанологии им. П.П. Ширшова, вступившее в строй в 1949 г.

верянина (1887–1941). Во-вторых, он был потомком правителя Русской Америки Александра Андреевича Баранова — его праправнуком.

Алексей Алексеевич Масаинов родился в Вологде в семье Веры Александровны Барановой и ее мужа Алексея Никифоровича Масаинова. Получил домашнее образование, которое продолжил в Царском Селе, где жил в доме, построенном Антипатром Барановым. Окончил Санкт-Петербургский политехнический институт (1914) с дипломом инженера-экономиста и химика. Прошел курс истории и юридических наук. Будучи студентом, 22 сентября 1910 г. участвовал с морским летчиком, лейтенантом Г.В. Пиотровским в полете над Финским заливом в Кронштадт. Это был первый в России воздушный полет над морем.

В 1914–1915 гг. совершил путешествие в Японию, Китай и на остров Цейлон. Сочинял стихи. Вместе с И.В. Северяниным печатался в изданиях футуристов, альманахах «Очарованный Странник» (1915) и «Винтик». В каждый из последующих альманахов («Мимозы льна» и «Острова очарований» 1917) вошло около 30 его стихотворений. Во время Первой мировой войны был военным корреспондентом «Биржевых ведомостей» и «Русского слова».

К захвату власти большевиками отнесся отрицательно, тяжело переживал потерю фамильного имущества. Во время Гражданской войны на Юге России, куда выехал с женой Еленой Николаевной Череповой, жил в Сочи, Красной Поляне, Евпатории. В 1919 г. покинул Россию, в начальный период эмиграции жил в Турции и Греции. Затем А. Масаинов с женой отправился на Гавайские острова, где, как потомок А. Баранова, рассчитывал получить земли, которые король Камеамеа I подарил А. Баранову¹⁴. Земли получить не удалось, и чета Масаиновых, вернувшись в Европу, поселилась в Ницце. Здесь они познакомились с американкой Кларой Дюран, трагически потерявшей семью. Дюран проявила заботу о Масаиновых, оставшихся без средств, и стала их опекать. Вместе они переехали в Америку, в Калифорнию, где построили большой дом и прожили вместе до своей кончины в 1971 г.

В эмиграции продолжал заниматься поэтическим творчеством. Опубликовал в Голливуде цикл стихов в альманахе «Дымный след» (Сан-Франциско, 1926). Выпустил книгу «Лик Зверя. Поэма» (Париж, 1924), сборник стихов «Отходящие корабли» (Париж, 1925). Изучал историю и географию Тихого океана, для чего в 1924–1925 гг. посетил с женой Французскую Полинезию.

---

¹⁴ Подробнее об этом см.: [Першин 2002].

В 1926 г. он издал в Париже книгу «Легенды Океании», а в 1927 г. там же — книгу «Легенды острова Мангарева»¹⁵. Вернувшись в США, работал экономистом, химиком, снял фильм «Остров желаний». Опубликовал в газете «Новое русское слово» в 1929 г. большую статью «О русских островах в Тихом океане». Изучал свою родословную и историю России. Занимаясь родословной, пришел к выводу, что Масаиновы происходили от Рубец-Массальских — князей Рюриковичей. В своих исследованиях по генеалогии царствовавшего дома в России Масаинов полагал, что род Романовых прервался на Павле I. Критически рассматривая засилье немцев среди придворной знати и офицерства в Российской империи, тем не менее подчеркивал, что многие немцы, состоявшие на службе в России, были более русскими, чем сами русские. Критически относился к характеристике России как империи, аргументируя свою точку зрения тем, что в империях западного типа, метрополии процветали за счет колоний, а Россия содержала окраины, ошибочно именуемые западными историками колониями.

Клара Дюран пережила Масаинова всего на несколько месяцев, но успела перевести через Инюрколлегию его ближайшим родственникам наследство, оставленное им по завещанию. В СССР были обнаружены шесть родственников, из них четыре жили в Москве [Александров 2005].

В заключение надо отметить, что Игорь Северянин написал об Алексее Масаинове очерк «Осиянный» [Северянин 1924].

Через два года после путешествия М. Гурьева по Французской Полинезии газета «Новое русское слово» поместила статью без указания имени автора, вероятно, по письму Смолина «Русский генерал И.С. Смолин на Таити» [Смолин 1940]. В этой статье, основу которой составляло письмо Смолина в газету, рассказывалось о жизни новых русских эмигрантов на Таити.

И.С. Смолин и его жена прибыли на остров из Шанхая в 1939 г. Здесь они арендовали на окраине Папеете большой деревянный в пять комнат дом за 700 франков в месяц. (Видимо, деньги у генерала были.) При доме был большой сад, полный всяких плодовых деревьев, около 15 видов (от кофейного дерева до ананаса), птичий двор, гараж, конюшня, мастерская, сараи. В конце сада протекала река. Как рассказывал в сво-

---

¹⁵ А. Масаинов и Е. Масаинова первые из русских в XX в. посетили острова Мангарева, расположенные в юго-восточной части архипелага Туамоту. Первым и последним русским кораблем, бывшим на этих островах в 1871 г., был корвет «Витязь» (командир капитан II ранга П.Н. Назимов) с Н.Н. Миклухо-Маклаем на борту. В 2004 г. на острова зашла российская яхта «Святой Апостол» (капитан Николай Литая).

ем письме Смолин, здесь, на Таити, он с женой занимался разведением кур, кроликов, коз и коров.

Смолин Иннокентий Семенович (1 января 1881/1884, Якутск — 23 февраля 1973, Папеете, о. Таити). Генерал-майор. Командир 1-го Сибирского стрелкового корпуса. Окончил Иркутское военное училище (1905). Участвовал в Русско-японской войне. Служил в 44-м Сибирском стрелковом полку, квартировавшем в Омске. В июле 1914 г. выступил на фронт в составе 4-го Финляндского стрелкового полка. Переведен в 3-й Финляндский стрелковый полк. Ранен и контужен. Награжден Георгиевским оружием и многими орденами. В Гражданскую войну в районе г. Туринска возглавлял антибольшевистскую организацию. Получил должность командира 2-го Сибирского корпуса. Награжден орденом Св. Георгия Победоносца IV степени. Атаманом Семеновым был произведен в чин генерал-лейтенанта [Незабытые могилы 2006: 54].

На другой день, 15 сентября 1940 г., «Новое русское слово» вновь поместило статью М. Гурьева «Что нового на Таити?». Дело в том, что Гурьев лето 1940 г. прожил на ферме в Новой Англии, близ Бостона. Там он случайно встретил человека, которого хорошо знал на Таити. Тот приехал с острова на случайном пароходе всего три месяца назад и рассказал Гурьеву последние новости.

Война сильно отразилась на Таити. Много молодых местных жителей забрали в войска. Уехали также во Францию и двое русских юношей — сыновья генерала Леонтьева. Закрылись многие коммерческие предприятия, магазины и отели. Было прекращено всякое пароходное сообщение с Францией, и только раз в три или четыре месяца заходил на Таити случайный пароход из Новой Зеландии и Сан-Франциско. Все склады в порту и у туземцев были забиты копррой — единственным предметом вывоза и единственным источником существования островитян. Правда, в конце статьи М. Гурьев опять вспомнил красоты Таити и воркующий смех туземок... [Гурьев 1940].

В феврале 2004 г. российскому путешественнику Николаю Баландинскому удалось побывать на Таити, где он неожиданно встретил дочь и двух внуков генерала Максима Леонтьева. Вера Максимовна (1910 г.р.) еще хорошо говорила по-русски. Два ее племянника Александр и Пьер (Петр), разговаривали на языке деда с большим трудом.

Александр Леонтьев на протяжении трех лет управлял Французской Полинезией, но в 2004 г. сидел под домашним арестом в связи с заведенным на него уголовным делом. Он обвинялся в коррупции и растрате государственных денег. По словам Н. Баландинского, сейчас на

папеевском кладбище три русские могилы и два православных креста [Баландинский. URL: /www.etur.ru/ articles/taiti/tahiti_04/].

Разыскивая данные о жене А. Масаинова, художнице Елене Николаевне Череповой¹⁶, автор статьи наткнулся еще на одного русского художника жившего на Таити. Им оказался живописец и график Сергей Анатольевич Черевков (27 апреля 1899, Киев — не позже 1965).

В 1917 г. он нелегально перешел советско-польскую границу. Три года слушал лекции в Варшавском университете. В 1920-е гг. перебрался в Париж, где начал работать, как художник. Два с половиной года прожил на Таити. С 1934 г. проводил персональные выставки в Париже и Лондоне. В 1947–1948 гг. вновь посетил Таити. Подписывал работы: «Гре» / «Грес». Был членом масонской ложи «Астрея» (1947–1949 и 1965 гг.) [Лейкинд, Махров, Северюхин 1999: 603].

В заключение надо рассказать и об авторе замечательных заметок о Французской Полинезии Михаиле Ефремовиче Гурьеве. К сожалению, биографических данных о нем нашлось совсем немного. Упомянуто он лишь в изданном Российской государственной библиотекой справочнике «Незабытые могилы», как сотрудник «Нового русского слова», умерший в Мехико-Сити (Мексика) 1 октября 1946 г. [Незабытые могилы 1999].

Нью-Йоркская газета «Новое русское слово» от 4 октября 1946 г. поместила объявление Морриса де Сеула, который с глубоким прискорбием сообщил о безвременной кончине своего многолетнего друга Михаила Гурьева, последовавшей в Мехико-Сити.

В той же газете 15 октября 1946 г. вышла небольшая заметка Григория Арансона «Памяти М.Е. Гурьева» [Арансон 1946]. В частности, Г. Арансон писал, что в лице М. Гурьева русская эмиграция потеряла путешественника и увлекательного рассказчика о красотах природы. Как писал Г. Арансон, еще 10 сентября Гурьев сообщал ему в письме: «Приветствую Вас и всех единомышленников из дебрей Гватемалы» [Арансон 1946].

***

Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб, 2005.

Арансон Г. Памяти М.Е. Гурьева // Новое русское слово (НРС). 15.10.1946.

Баландинский Н. Таити. Возвращение блудного попугая // ЕТУР.RU: эксперты по странам [2000]. URL: http://www.etur.ru/ articles/taiti/tahiti_04/ (дата обращения 12.02.2008).

¹⁶ В русском зарубежье был известен художник театра Георгий Филиппович Черепов (1909–?) [Лейкинд, Махров, Северюхин 1999: 603].

- [Гурьев М.Е.]. М.Е. Гурьев уезжает на Таити // НРС. 11.06.1937.
- Гурьев М.Е. В раю Тихого океана Письма русского путешественника // НРС. Часть 1–4. Ч. 1 — б/даты; Ч. 2 — 16.01.1938; Ч. 3 — 10.04.1938; Ч. 4 — б/даты.
- Гурьев М.Е. Я и моя божественная таитянка. Письма русского путешественника // НРС. 24.02.1938.
- [Гурьев М.Е.]. Пленники земного рая. Русская дама на Таити. (От парижского корреспондента «Нового русского слова») // НРС. 28.10.1938 (одно).
- Гурьев М.Е. Что такое Таити... Русский путешественник отвечает на письма читателей «Нового русского слова» // НРС. 28.05.1938 и 5.06.1938.
- Гурьев М.Е. Остров Мурее — чудо Тихого океана. Впечатление русского путешественника // НРС. 30.10.1938.
- Гурьев М.Е. Подветренные острова. На шхуне по островам Полинезии // НРС. 6.11.1938.
- Гурьев М.Е. Архипелаг Туамоту. На шхуне по островам Южных морей // НРС. 13.11.1938.
- Гурьев М.Е. Жизнь на островах Туамоту. На шхуне по островам Южных морей // НРС. 20.11.1938.
- Гурьев М.Е. Маркизский архипелаг. На шхуне по островам Тихого океана // НРС. 24.11.1938, 4.12.1938.
- Гурьев М.Е. По пути во Францию с Таити. От Таити до Барбадоса // НРС. 18.12.1938.
- Гурьев М.Е. Что нового на Таити // НРС. 15.09.1940.
- Лейкинд О.Д., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. (Биографический словарь). СПб., 1999.
- Незабытые могилы. Русское зарубежье: Некрологи 1917–2001. Т. 2 (Г–З). М., 1999.
- Незабытые могилы. Русское зарубежье: Некрологи 1917–2001. Т. 6. Кн. вторая (Скрытник — Ф). М., 2006.
- Першин А.А. Под Андреевским флагом в Южных морях (Из истории плавания русских военных кораблей в Океании и морях Зондского архипелага). М., 2002.
- Попов А. Рабочий словарь русской эмиграции. Леонтьев Максим Леонидович // russia. abroad.popov [2000]. URL: <http://www.mochola.org/russiaabroad/porov/1.htm> (дата обращения 12.02.2008).
- Северянин И. Осиянный (О творчестве Алексея Масаинова) // Уснувшие весны. Критика. Мемуары. Скитания. Б/м., 1924.
- [Сеул Моррис де]. Сообщение о смерти М.Е. Гурьева // НРС. 4.10. 1946.
- [Смолин И.С.]. Русский генерал И.С. Смолин на Таити // НРС. 14.09. 1940.

И.К. Федорова

**КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ МАОРИ:
ЗАМЕТКИ О НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ
(Из забытых материалов)**

В последние годы растет число исследований, посвященных деятельности католических миссионеров на островах Океании. Французские миссионеры оставили большое наследие, публикация которого дает ценный этнографический материал по океанийским народам. Мое сообщение посвящено священнику и миссионеру Луи-Катэрину Сервану (1808–1860), французу из семьи мелких арендаторов, живших близ Лиона.

Под влиянием возрождения религиозного рвения, охватившего Францию после революции, Серван в 1829 г. поступил в семинарию св. Иринеуса в Лионе и вошел в круг молодых священников и братьев, основавших в 1836 г. Общество Марии (маристов).

Он решил отправиться миссионером в Южные моря и отплыл на корабле «Дельфин» 24 декабря 1836 г. с епископом Дж.Б.Ф. Помпальером и братом Мишелем Коломбоном. 10 января 1838 г. Серван высадился в гавани Хокианга (Оклендский полуостров) Северного острова Новой Зеландии, чтобы основать там католическую миссию. Хокианга — это легендарное место, откуда первооткрыватель Купе отправился назад в Гавайку.

Серван был скромным, трудолюбивым и целеустремленным миссионером. Он обосновался сначала в Папакаувау на южной стороне Хокианга, затем напротив, в Пуракау, быстро овладел языком маори и с отцами Максимом Петитом и Клодом-Андре Бати создал ядро существующей и ныне католической общины Хокианга. Католических миссионеров с готовностью приняли племена, удаленные от протестантских миссий, которые уже ранее утвердились в области. Вождь-пророк Папахурихия и его последователи видели во французских католиках естественных союзников против протестантской общины в Хокианга. Несмотря на неприятие грубых суеверий учения пророка, Серван был вынужден принять предложение союза с Папахурихией. Немногим *пакеха* («европейцам») маори давали такую привилегию. Бедность Сервана сделала его более чем остальных европейцев зависимым от местных маори. Записи Сервана, таким образом, являются одним из немногих источников информации об этом вожде-пророке.

Этнографические заметки Сервана отмечены постоянным стремлением понять жизнь сообщества, в котором он оказался. Его сообщения, написанные для Верховного Мариста в Лионе между 1839 и 1842 гг., были изданы на английском языке под названием «Нравы и привычки новозеландцев» (Веллингтон, 1973). Они дают самый полный и живой отчет о жизни маори в одной области, Хокианга, которая почти не претерпела изменений. Серван прилагал все усилия, чтобы отмежевать то, что он видел сам, от слухов и домыслов, и отмечал различия между Хокианга и другими местностями. Его острый наблюдательный взгляд замечателен своей честностью и сравнительно малым использованием европоцентристских суждений. Серван, книжник по природе, живя в условиях изоляции и бедности, не был ни лидером, ни рьяным евангелистом, однако участвовал в 1841 г. в религиозных дебатах с англиканским миссионером Генри Уилльямсом. Отец Серван казался изнуренным и бледным рядом с сытым, преуспевающим отцом 10 детей Уилльямсом. Однако сила религиозной убежденности и беглость речи Сервана произвели на его маорийскую паству впечатление. В 1840 г. в письме к своему начальству Серван резко критиковал руководителя миссии Помпольера, обвиняя епископа в дурном обращении со священниками и братьями. В 1842 г., после четырех лет служения в Хокианга, Сервана отправили на остров Футуна, чтобы заменить преданного мученической смерти отца Пьера Шанэля. За 13 лет службы Серван укрепил католическую общину острова. Сам Серван переболел элфантиазисом и, видимо, холерой, потерял слух и возвратился в Сидней в середине 1855 г., чтобы поправить здоровье. К октябрю 1855 г. он отбыл на Уполу (Самоа), но возобновившаяся болезнь послужила причиной его отозвания в Сидней в 1859 г. По пути он остановился на о. Футуна, чтобы собрать информацию для беатификации Шанэля, но умер там внезапно после служения обедни утром 8 января 1860 г. Его могила находится в церкви Богоматери Мучеников на о. Футуна.

«Заметка» о Новой Зеландии миссионера отца Сервана [Servant, 1843], адресованная главному наставнику общества Св. Марии преподающему отцу Колену, была написана в Хокианга 7 сентября 1841 г., а опубликована в 1843 г. в «Анналах пропаганды веры», издававшихся в Лионе (на французском языке).

Отец Серван не только по-дружески относился к маори, с которыми его свели судьба и интерес к дальним странам, он хорошо изучил их язык, что позволило ему вжиться в культуру аборигенов и написать о них подробный отчет.

В своей «Заметке» Серван выступает как настоящий исследователь, этнограф-полевик. «Заметка» отца Сервана включает большое количество сведений не столько о материальной культуре маори, сколько об их духовной жизни начала XIX в. Оставляя в стороне материальную культуру и ее артефакты, описанные во множестве научных работ, стоит остановиться на замечаниях о характере, нравах маори, зафиксированных миссионером, пока аборигенное общество еще не подверглось влиянию европейской цивилизации.

Итак, слово отцу Сервану спустя 160 лет.

«Думаю, что я доставлю вам удовольствие, посылая заметки, которые я сделал во время моих апостольских скитаний с целью изучения нравов, обычаев и религии новозеландцев-маори», — писал он своему начальнику.

«Я попытался внести немного порядка в свое письмо, чтобы не подвергать себя нареканиям, но, прошу вас, не корите за стиль миссионера, который в течение 5 лет только и делал, что изучал язык дикарей», — и их жизнь, следует добавить от себя.

Он питался вместе с аборигенами, немного и нечасто, только два раза в день, утром и вечером, причем все ели руками — никакой посуды не было, и они в ней не нуждались. «Только у вождей было две плетеные тарелки — одна плоская, другая в форме корзинки (из листьев новозеландского льна формиума). Ночь уступает лучам восходящего солнца, и еда уже готова. По первому же сигналу сотрапезники со всех ног бегут к земляной печи и уминают все подряд. Ведь впереди целый день. У простых островитян всегда зверский аппетит — едят они два раза в сутки, а в ожидании нового урожая и вовсе один. Куски поджаренного мяса или печеный картофель маори раскладывали на циновке, или просто брали в руки, торопясь съесть один кусок и схватить что-нибудь дополнительное».

Простых людей вожди не приглашали к трапезе, но и иностранные гости ели с рабами.

«Жилище маори всегда располагались в местах, прикрытых от холодных ветров, на покрытие крыши шли большие листья пальмы никао (*Arecas sapida*), имевшие форму зонтика. Крыша хижины из двух наклонных плоскостей заканчивалась козырьком на английский манер. Спереди фасад был отделан широкой планкой — 15 см. Хижину окрашивали красной краской и украшали гротескными фигурами в память о предках. Хотя маори плохо разбирались в живописи, тем не менее они замазывали фронтон своим любимым красным цветом. Поселения были удалены один от другого, да и хижины стояли на большом расстоянии

друг от друга, поэтому островитяне встречались обычно на нейтральной территории. И вообще жизнь маори первой половины XIX в. была отчасти кочевой. Время от времени они должны были возвращаться к себе, чтобы проверить, не обосновались ли на их земле дикие свиньи или другие животные».

«Характер маори своеобразный. Они добрые, но вспыльчивые и даже мстительные. За ваше благодеяние они отдадут вам свое сердце — безоговорочно! И в то же время, если вы обидели, да еще и оскорбили кого-нибудь — он тут же забудет, скольким он обязан вам. Ярость обиды будет клокотать в его душе, как раскаты грома. Прислушаться к голосу разума он не сможет! Но насколько он неистов в гневе, настолько он нежен в своей любви! Судить об этом можно по визитам их друг к другу».

При всех трудностях своей суровой жизни маори отличались большим гостеприимством. Они очень любили принимать гостей, которые задерживались надолго — на недели и даже месяцы.

«Когда в гости приходит родственник или друг, все проявляют по отношению к нему знаки внимания и с безудержной радостью. Повсюду слышно: “Входите! Входите! Входите!” И приветливые взгляды — по случаю неожиданных гостей! Восторженные выкрики, радость сопровождается потоками слез, нежным пением и царапанием лица», потому что выступающая из царапин кровь (парциальная душа) свидетельствует об искренности и добрых намерениях.

«Вместо поцелуев маори так сильно прижимаются друг к другу носами, что их лица буквально сводит гримаса.

Если кто-нибудь из гостей спешит уйти, то хозяева будут причитать долго, но нежно и поэтично: ты вот уходишь, а мы еще не нагляделись на тебя, так мало смотрели в твои глаза. Когда гость (друг или родственник) все же собирался в путь, хозяева провожали его, время от времени присаживаясь где-нибудь и снова упрашивая гостя вернуться.

Визит вождя — торжественная встреча и большое событие в жизни маори. Место, где будут встречать вождя, тщательно чистят, покрывают ветками и листьями, а поверх раскладывают ковер из красивых циновок. Все это служит своеобразным треном. Вождя встречают, а потом и провожают проливным потоком слез — того требует ритуал».

Маори были не только очень чувствительны к песням и музыке. Когда-то у них было много разных музыкальных инструментов, но Серван застал уже одну только флейту с 4 отверстиями, которая не столько услаждала слух, а скорее утомляла своей монотонностью, так как нот у нее было мало — всего 4. Но их музыканты и поэты импровизировали с удивительной легкостью.

Отцу Сервану удалось услышать, да и не раз, как два аборигена исполняли музыкальную пьесу, сочиненную одним из них. Сервана особенно брали за душу песни, сочиненные на смерть отца (или друга) одного из музыкантов. Но большинство мелодий уже во времена отца Сервана не имели авторства, так как они считались фривольными и избитыми, исполняемыми постоянно.

«Маори не лишены доброты души и помнили тех, кто ушел в иной мир, куда не заглядывает Солнце. Они всегда носили на себе украшения и другие предметы, которые принадлежали дорогим им людям и с которыми их разлучила смерть или долгое отсутствие. Они так горевали без близких, что, не выдержав страданий, заказывали мастеру или вырезали сами деревянные фигурки с глазами из блестящей раковины *пауа*. Когда кто-нибудь приходил с визитом после долгого отсутствия, хозяева вынимали фигурки и вспоминали друзей и близких, которых унесла смерть. На украшения фигурок шли зубы акул, китовый ус, яркие перья птиц.

Маори твердо верили в привидения и вещие сны и ужасно их боялись. Часто среди ночи, когда все охвачено сном, вдруг гулко раздается крик ужаса. Женщины начинают причитать, дети плачут, вся деревня в смятении — кому-то во сне явилась тень родственника или, еще хуже, вождя, погибшего на поле брани. Островитяне поэтому очень боятся темноты, провести одному ночь вне дома, да еще без света, для маори просто мучение, настоящая пытка. Ведь кругом полно злых духов, и в тысячах мест прячется злой Танива, дух, который может сожрать человека.

Островитяне очень любили общаться друг с другом, и их разговоры бывали бесконечными. Одаренные наблюдательным умом, они повествуют обо всем очень подробно: о людях, местах, происшествиях и т.п. Нужно только иметь большое терпение, чтобы дослушать рассказ знакомого до конца и добраться до сути».

«У аборигенов сватовство включало три этапа. Сначала нужно было получить согласие девушки. После этого юноша шел к дому ее родителей, встретившись там с невестой, прижимался с ней нос к носу. Поплакав стоя около нее — вдруг ему откажут — он поет задушевную любовную песню, потом говорит, что хочет прожить с ней всю жизнь и просит ее руки. Если родители и семья девушки против брака, вожди племени пытаются выяснить, было ли согласие девушки добровольным или вызвано угрозами и давлением.

Когда юноше отказывали по каким-то причинам, возмущенный жених мог прибегнуть к силе — сама свадьба становится похожей на умыкание невесты, что приводит к кровавой борьбе между сторонниками

той или другой семьи. Но если похититель сумеет хорошо спрятать девушку от родителей, то умыкание превращается в сватовство. Если за 3–4 дня родители ее не найдут, она становится законной женой. Обе семьи складывают оружие и вражде конец.

Девушка может долго, месяцы, встречаться с молодым человеком, которого считает женихом, но если он не нравится семье и ее главе, то молодому человеку могут отказывать даже после нескольких месяцев свиданий. Ему просто говорят: “Уходи, мы еще не разглядели тебя! Мы лишь видели твои глаза”.

Тогда отец или друг незадачливого жениха начинает петь нежные, но полные печали древние песнопения маори — они вместе идут куда-нибудь подальше от людей, время от времени присаживаясь и уговаривая обиженного жениха вернуться и еще раз попросить руки любимой девушки».

«Для простых общинников полигамия была запрещена, но у вождей было множество любимых женщин. Но только некоторые из них считались его женами, что приводило к ревности и дракам.

Как только рождается ребенок, мать сама завертывает его в листья и нежно целует, т.е. прижимается носом. Затем мать надрезает малышу мочки ушей и вставляет маленькие украшения. Потом она будет вдвигать ребенку в уши серьги побольше, чтобы отверстие не зарастало. И вскоре после родов мать берется за хозяйство.

Для обряда наречения имени мать приносила ребенка на берег ручья к старшему жрецу *таура*. Жрец заостренной палочкой надрезал кожу новорожденного в пяти местах. Затем он брал младенца на руки и держал его перед своей магической палочкой, стараясь угадать его будущее.

Если этого не сделать, то считается, что ребенок не выживет или будет несчастным и ленивым. Но они были добрыми предсказателями. Если в тот момент жрец услышит воркование голубя — это знак, что в жизни ребенка ждет много важных событий. Это станет еще одним поводом для радостных надежд семьи. Заканчивая церемонию, жрец опускает малыша в воду, дает ему имя и бормочет какие-то понятные лишь ему слова, которые должны были оградить его от болезней.

За детьми маори ухаживали плохо — часто из-за какого-то суеверного страха. Мать не всегда кормила новорожденного сама, а отдавала какой-нибудь родственнице-кормилице. Когда ребенку будет 5–8 дней, мать подвешивает сверток с младенцем к ветке дерева и качает, что-то напевая. Вместо пеленок маорийки использовали листья кустарника *караму* (*Coprosma robusta*)».

«В течение долгого времени Новая Зеландия была ареной постоянных и кровавых войн, что приводило к разорению деревень. Сколько гор и долин, сколько равнин оказались опустошенными, а еще недавно они были населены племенами, с которыми знакомы были старики и которых они называли своими внуками, — война и голод их уничтожили. Причины этой враждебности — в плохом воспитании. Впитав с молоком матери воинственный нрав, островитяне с детства слышали, как их отцы, деды и соседи похвалялись славой своих отрядов, силой оружия, воспевали подвиги воинов и приветствовали резню и расправу с врагами. Легко понять, что люди, воспитанные таким образом, могут дышать только воздухом битвы. Причиной войны становилось самое незначительное оскорбление, нанесенное члену племени, смерть вождя, приписанная магии жреца враждебного племени, опустошение поля, воровство, просто удовольствие сварить голову побежденного, наконец, амбиции вождя, желавшего завоевать репутацию храбреца, — этого достаточно.

Маори часто воевали и с соседями, и с родственниками. Во время войны был важен не только перевес сил и число смелых опытных воинов. Для победы нужна была открытая борьба лицом к лицу, а зачастую и хитрость. Большая роль отводилась не только военному совету, но и одобрению ораторов и сказителей. Во время стычек между жителями разных бухт в них принимали участие и военные каноэ, вмещавшие до ста человек».

Ценность «Заметок» Сервана — в том, что он зафиксировал нравы маори первой трети XIX в., сумел адекватно передать черты их природного характера, еще не затронутого влиянием европейской цивилизации.

***

Servant L. Notice sur la Nouvelle Zeeland: Adresse au R.P. Colin, Superior-general de la Societe de S.Marie par le P.Servant, pretre de la meme Societe // Annales de la Propagation de la Fois. Lion, 1843. T. 15. № 86–90. P. 5–28.

**ДНЕВНИК М.И. РАТМАНОВА —
НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ
О ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Среди участников первой российской кругосветной экспедиции до сих пор остается в тени первый лейтенант корабля «Надежда» и фактически помощник капитана Крузенштерна Макар Иванович Ратманов. Как и другие участники плавания, он вел интересный дневник, доньше не получивший должного научного освещения и не опубликованный.

Род Ратмановых известен с XVII в. Макар Иванович родился в Псковской губернии, где располагалось поместье его отца. Обычно датой рождения Ратманова считается 7 июля 1772 г., но, судя по сведениям из его дневника, он родился 25 июля 1770 г. Макар Ратманов участвовал в Русско-шведской войне и Средиземноморском походе адмирала Ф.Ф. Ушакова. Ратманов осаждал Корфу и Анкону, командовал бригаantinoй в морских боях, брал с бою города и деревни и вел дипломатические переговоры.

В 1801 г. Ратманов возвратился в Россию; с Черного моря его перевели на Балтику. В 1802 г. во время подготовки первого российского кругосветного плавания капитан-лейтенант И.Ф. Крузенштерн, которому предоставили право самому выбирать офицеров, пригласил его на свой шлюп «Надежда» лейтенантом. В ходе плавания в 1804 г. М.И. Ратманов был произведен в капитан-лейтенанты и награжден в 1806 г. орденом Св. Георгия 4-й ст. за выслугу 18 морских кампаний.

В Центральном военно-морском музее сохранился литографический портрет Ратманова в последние годы жизни, в эполетах и орденах. Оригинал портрета кисти Ф.А. фон Моллера находится в Русском музее. В дополнение к портрету скажу, что Ратманов был рыжим (участники плавания его так и называли — «Рыжий», как Ю.Ф. Лисянского — «Каурым»). Он громогласно командовал на шканцах, был прямодушен до грубости, критиковал всех и вся, в том числе и капитана Крузенштерна.

Это становится понятно, если принять во внимание, что Ратманов был ровесником Крузенштерна и, соответственно, старше Лисянского и остальных офицеров. Морской корпус он окончил одновременно с Крузенштерном и Лисянским, но помимо Русско-шведской войны, в которой участвовали все трое, Ратманов побывал во многих сражениях эскадры Ушакова как на море, так и на суше. У него не было опыта дальних пла-

ваний в английском флоте, чем гордились Крузенштерн и Лисянский, но ему как боевому офицеру, видимо, было обидно постоянно пребывать на вторых ролях. Ратманов закончил службу вице-адмиралом в 1830 г. Через три года он умер, за 43 года службы не оставив потомству ничего, «кроме доброго имени» [Вице-адмирал М.И. Ратманов 1855: 71–85].

В кругосветном плавании Ратманов вел любопытный и крайне колоритный по стилю дневник. В нем наивные замечания об увиденном перемежаются с философствованиями и обращениями к «владычице его души» — оставшейся в России.

Этнографическая составляющая представлена в дневниках Ратманова не менее подробно, чем у Е.Е. Левенштерна. Например, описывая маркизскую татуировку, Ратманов упоминает зеленый краситель: «Живописец, обмакивая инструмент в черную или зеленую краску, которою оне делают из некоторого произрастения наподобие орехов, и на означенную фигуру на теле, приставя свой инструмент, и другою палочкою колотит». Или это ошибка: Ратманов перепутал синий цвет с зеленым, или на Маркизских островах действительно существовала еще и зеленая татуировка, о которой больше никто не писал.

От живущих почти первобытным обществом аборигенов Маркизских островов до утонченных японцев дистанция огромная, однако Ратманов ко всем относился без предубеждения. Для них «хорошими» или «плохими» были не нации, а конкретные люди, поэтому добродушный «дикарь», которого «просвещенные нравы еще не коснулись», куда благороднее образованного тирана-рабовладельца. На страницах дневника М.И. Ратманов предстает как бравый морской офицер, отважный мореплаватель, человек непосредственный, со своеобразным чувством юмора и большой патриот России.

Тем более досадно было прочесть статью доктора технических наук, директора Института истории естествознания и техники А.В. Постникова в географической серии «Известий РАН» за 2004 г., где русский мореплаватель Макар Иванович Ратманов впервые в жизни был объявлен англичанином. А.В. Постников утверждает, что Макар Ратманов (кстати, потомок дьяка Адриана Григорьевича Ратманова петровских времен), «очевидно... был англичанином по происхождению», так как «в большинстве своих писем он подписывался, используя английскую форму своей фамилии — Ратмонд» [Постников 2004: 109–117].

Увы, уважаемый автор выдает желаемое за действительное. Во-первых, сама фамилия Ратманов имеет скорее немецкие корни (*нем.* Ratmann — «член совета»). В России в XVIII–XIX вв. *ратманами* называли выборных членов городских магистратов, ратуш. Во-вторых, Ма-

кар Иванович Ратманов подписывался не английской формой фамилии, а ставил титло в словах, оканчивающихся на «-ов» — там, где было мало места на странице. Поэтому столь же «очевидными англичанами» выглядят у него и фамилия «Резанов», и слова «докторов», «часов», «баранов», «предшественников» и т.д.

Можно было бы посчитать неправильно вычитанное окончание незначительной ошибкой, если бы для самого Макара Ивановича вопрос его национальности не был бы столь значимым. Он писал: «Пусть невежды сожалеют, что оне Россияне. Я ж себе счастливейшем почитаю, что магу называтца оным, ибо родшие меня были верноподъданныя отечеству». Надо полагать, Макар Иванович не потерпел бы подобного оскорбления. Но он уже сам ответил своему обидчику: «Цените любезнейшее отечество всему на свете, и, когда можна, зажмите пасти тем мерским, котория сожалеют, что оне рождены Россиянами».

Кстати, как свидетельствует дневник, М.И. Ратманов не знал английского языка. Во время стоянки в Фалмуте он вместе с лейтенантом Федором Ромбергом развлекался в леске с женами городских купцов, «мужья которых по своим комерциям отлучены». Объясняться с дамами пришлось Ромбергу, потому что ему «здешней язык доволно знаком».

Рукописное наследие Ратманова достаточно обширно и может сравниться с дневником Левенштерна. Дневник Ратманова, видимо, впервые был упомянут (но даже не процитирован) Б.Н. Комиссаровым в Вестнике ЛГУ [Комиссаров 1961]. В 1967 г. небольшой отрывок из дневника (посвященный Бразилии) был опубликован в журнале «Латинская Америка» с маленькой вводной статьей и комментариями. Дневнику не уделяли большого внимания как из-за неразборчивого почерка Ратманова, так и из-за его незавершенности.

Собственно, сохранилось три разных авторских варианта дневника, хранящихся в России и во Франции.

Возникает вопрос, писал ли М.И. Ратманов на борту «Надежды» все три дневника сразу: один — как более-менее официальный документ, а другой (или другие) — как частные заметки?

Первой, хотя вряд ли официальной версией следует считать дневник в форме морского путевого журнала, хранящийся в РГА ВМФ «М.И. Ратманов. В путешествии Крузенштерна». Этот дневник краткий — в нем 56 листов, где изложены события плавания от выхода из Кронштадта до описи Сахалина. Формат дневника — размером с ученическую тетрадь [Ратманов, РГА ВМФ. Ф. 14. Д. 149. Л. 1–56]. Он, как вахтенный журнал, разделен на графы: «Числа», «Барометр», «Суточной румб», «Плавания миль италиянских», «Широты и долготы», «Склонение ком-

паса», «Течения моря», «Ветры», «Погоды» и последняя графа журнала «Мои замечания» — в течение дней плавания она краткая, состоит из 2–3 строчек. Во время стоянок корабля Ратманов писал сплошной текст поперек разграфленных страниц.

Второй дневник, тетрадь в бумажном переплете с кожаным корешком, состоящий из 66 л., хранится в ОР РНБ [Ратманов, ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1146]. Он подробен и гораздо менее официален, но доведен только до конца пребывания экспедиции в Японии (26 марта 1805 г.). В нем отсутствуют графы, посвященные определениям широт и долгот, румбов, показаниям барометра и т.д. Этот дневник поступил в РНБ в 1939 г.

На корабле Ратманов, видимо, писал одновременно два дневника. За чем он это делал, объясняет фраза Е.Е. Левенштерна: «По приказанию Чичагова каждый офицер после окончания кампании должен представить свой журнал. Это полезное постановление; но большей частью будут представлены только копии одного и того же судового журнала. В Адмиралтействе не будет недостатка в макулатуре» [Левенштерн 2003: 394]. Участники плавания знали также, что личные журналы офицеров экспедиции Дж. Кука Английское адмиралтейство просто отобрало — их обнаружили в архивах много лет спустя. Не желая рисковать, М.И. Ратманов вел два дневника, а также делал в особой тетради копии всех писем, отсылаемых в Россию, — они также являются интересным историческим источником.

Возможно, что Ратманов начинал морской дневник в качестве официального, для сдачи в Адмиралтейств-коллегию, поэтому он переписывал в него навигационные данные из вахтенного журнала, хотя и пропустил некоторые координаты и названия островов. По 41-й лист включительно дневник выдержан в спокойно-повествовательном тоне, в нем нет ни одного упрека в адрес посла Н.П. Резанова, совершенно не упоминается о противостоянии капитана и посла на Маркизских островах и на Камчатке. Но далее, когда речь идет о пребывании в Японии, Ратманов неожиданно перешел к оскорбительным характеристикам Резанова почти на каждой странице.

После этого М.И. Ратманов, уже не относясь к своему морскому дневнику как к документу, предназначенному для отчета, продолжал его в менее официальном тоне: «Теперь наша плавание такое что уже всякому известно, кто знает читать морской вояжи и кто их разумеет — а по сему течение моря каждой день — а также и обсервованных долгот показывать не стану. — А так как будет случай и время».

Неоконченный вариант дневника из РНБ, как мне представляется, также был написан на корабле, для себя лично, и предназначался не для предъявления начальству, а для друзей. В этом варианте Н.П. Резанов уже с первой страницы объявлен «нископоклонистом».

В нем больше всего упоминаний о «дражайших» и «любезнейших сердцу» и разъяснения некоторых морских терминов, в которых (разъяснениях) сам Ратманов не нуждался: «По выходе в море на другой день получили ветер от Норд-Оста, или *северо-востока*».

Третий дневник, хранящийся ныне в Париже, в Национальной библиотеке Франции, уже попал в поле зрения публикаторов. В 1876 г. в ежемесячном прибавлении морской газеты «Яхта» начали печатать дневник, предоставленный редакции сыном Макара Ратманова, камергером Императорского двора Петром Макаровичем. Публикацию довели только до прибытия экспедиции на Камчатку [Ратманов 1876]. К сожалению, редакторская правка текста настолько исказила стиль М.И. Ратманова, что назвать эту публикацию аутентичной не представляется возможным. Редактор устранил все неправильности орфографии Ратманова, выправил его синтаксис и совершенно лишил текст оригинального колорита. Подобной же редакции подверглась и первая публикация письма Ратманова у Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» в 1804 г.

Например, М.И. Ратманов писал: «Как вдруг увидел перед собою *коралловую змию*, от меня пресмыкающуюся, тихо по желтому песку. <...> редкой колёр и едовитость ея понудели меня придавить ее *прикладом* к песку; и любоватся как ея загибами так и прекрасностию цвета...»

Под пером автора «Бедной Лизы» конкретная змея — коралловый аспид (*Micrurus corallinus*, красного цвета с черными и желтыми кольцами) превратилась в жемчужную: «Нынешний день я гулял с ружьем по берегу, задумался и вдруг увидел ползущую змею *жемчужного* цвета, прижал ее *дулом* к песку и любовался ея блестящею кожею...» [Письма русских... 1804]. Дулом ружья, кстати, вряд ли можно прижать к песку змею.

В Национальной библиотеке Франции сохранились две тетради:

1. Чистовой вариант дневника, переписанный после плавания красивым четким почерком на 52 листах. Он называется «Вояж кругом света» [Ратманов, Slave, 104]. На то, что дневник написан после плавания, указывают описки Ратманова, например: «Прибыв к острову Тенерифу что в Бразилии [*нужно: Св. Екатерине*]». Если человек пишет дневник, как и положено, день за днем, он не перепутает названия места, которое он посетил. Такая ошибка возникает лишь при механическом переписывании дневника. К тому же в этом варианте М.И. Ратманов в нескольких местах оставил пропуски для географических названий, которые в морском дневнике даны и даже вполне правильно. Видимо, автор собирался уточнить эти названия и вписать их потом или не разобрал при переписывании собственный почерк, что тоже возможно (у него были проблемы со зрением).

На датировку парижского дневника косвенно указывают его следующие отрывки:

«Голландская республика угнетена и угнетается». В 1806 г. Голландскую (Батавская) республику преобразовали в Голландское королевство во главе с Луи Бонапартом.

«Гишпания! Но она исчезла как роза от зимней стужи, и сия бывшая сильная и гордая нация, почти в подданстве щастливаго Корсиканца». Намек на события 1808 г., когда испанский король Карл IV отрекся от престола и передал свои права Наполеону. Испанским королем стал брат Наполеона Жозеф. Таким образом, можно предположить, что парижский дневник написан после 1808 г., но не позже 1812 г., когда Наполеона уже не могли назвать счастливым корсиканцем.

Может быть, М.И. Ратманов собирался публиковать чистовой (парижский) вариант дневника или показывать его друзьям. В нем больше философских и политических отступлений, но меньше «лирических», а также смягчены многие грубые выражения, которыми был охарактеризован Н.П. Резанов в вариантах из РГА ВМФ и ОР РНБ.

В морском дневнике: «и посол наотрез сказал, что он представляет лицо перваго в свете Императора, и меня как морозом по коже подрало, что такая *скверная харя и мерская душа* может представлять лицо Александра». В парижском варианте «*скверная харя*» заменена словом «*негодница*».

2. Вторая хранящаяся в Парижской национальной библиотеке тетрадь на 40 листов под названием «Кругосветное плавание Крузен[штерна]» [Ратманов, Slave 103(2)], представляет собой окончание морского журнала, т.е. рукописи из РГА ВМФ. Таким образом, через двести лет две разрозненные тетради, хранящиеся в Санкт-Петербурге и Париже, соединяются, и получается полный текст первоначального журнала, который Ратманов вел на корабле.

В своих дневниках М.И. Ратманов почти не повторялся, повествуя в трех версиях об одних и тех же событиях по-разному. Его стиль настолько необычен, а построение фраз столь оригинально, что они заслуживают отдельного филологического исследования.

Орфография Ратманова отражает многие характерные особенности грамотности XVIII в., хотя их не всегда можно разграничить с его личными ошибками. Ратманов не ставил мягкий знак в корнях слов, писал частицу «не» слитно со всеми формами глагола, допускал слияние предлогов, союзов со словами: *попереговоре, изавсе* [и за все]. У Ратманова часто встречаются ошибки в безударных гласных в корне (*гасударь, кассагор, сабаки*), замена «о» на «а» в начале слов (*адин, афицер*). Он путал парные звонкие и глухие согласные, шипящие звуки.

В дневниках наличествует целый пласт искаженных заимствованных слов: *албодрос* [альбатрос], *антипудов* [антиподов], *инкоглотом*, *инкоглутом* [инкогнито], *малонколия* [меланхолия], *удиенция*, *удиенция* [аудиенция]. Хорошо зная французский язык, Ратманов часто вставлял в текст почти не искаженные галлицизмы — *ретраншамент* [фр. retranchement — «окоп»], *пропозировал* [иск. фр. il a proposé — «предложил»], *репремант* [фр. repimande — «выговор»], иногда англицизмы: *шлюповар* [англ. sloop-of-war — «военный шлюп»].

Дневники М.И. Ратманова с только ему присущей авторской орфографией и синтаксисом выражают его индивидуальный и легко узнаваемый стиль. Не являясь литературным текстом, эти дневники выявляют лексическую и синтаксическую основу, на которой строился русский литературный язык XIX в., и могут служить материалом для изучения языковых процессов конца XVIII — начала XIX в. Для истории русского языка подобные полулитературные памятники не менее важны, чем сочинения признанных писателей и поэтов.

В целом, нужно подчеркнуть, что все версии дневника Ратманова ценны для науки и крайне интересны как живой голос русского человека XVIII в., повествующий о перипетиях первого российского плавания вокруг света.

***

Вице-адмирал М.И. Ратманов / [А.В. Висковатый] // Морской сборник. 1855. № 3. Отд. 4. С. 71–85

Комиссаров Б.Н. Бразилия первой четверти XIX в. в описаниях русских мореплавателей // Вестник ЛГУ. 1961. № 14.

Левенитерн Е.Е. Вокруг света с Крузенштерном. СПб., 2003.

Письма русских путешественников из Бразилии к господину NN (Н.М. Карамзину) // Вестник Европы. 1804. Ч. XXX.

Постников А.В. Новый источник по истории первого кругосветного плавания россиян (1803–1806 гг.) // Известия РАН. Сер. географическая. 2004. № 3. С. 109–117.

Ратманов М.И. Записки // Ежемесячное прибавление морской газеты «Яхта». 1876. № 8, 16, 18, 24.

Ратманов М.И. Вояж кругом света // Bibliotheque Nationale de la France (Paris). Departement des manuscrits. Slave, 104. Fol. 1–52.

Ратманов М.И. Журнал Макара Ивановича Ратманова. В путешествие Крузенштерна // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1146. Л. 1–66.

Ратманов М.И. Кругосветное плавание Крузенштерна // Bibliotheque Nationale de la France (Paris). Departement des manuscrits. Slave 103 (1). Fol. 1–40.

Ратманов М.И. М.И. Ратманов. В путешествии Крузенштерна // РГА ВМФ. Ф. 14. Д. 149. Л. 1–56.

200 ЛЕТ ОТНОШЕНИЙ АВСТРАЛИИ И РОССИИ

В 2007 г. научная общественность России и Австралии отметила 200 лет со времени начала контактов между двумя странами. Начало отношениям России и Австралии было положено в 1807 г., когда в Сидней — центр Нового Южного Уэльса, первой английской колонии на австралийском материке, — зашло судно Российско-американской компании «Нева». Под командованием известного русского мореплавателя Л.А. Гagemейстера «Нева» совершала переход из Кронштадта на Аляску для снабжения необходимыми припасами расположенных там русских поселений. Визит «Невы» фактически открыл первый т. н. «военно-морской» период в истории русско-австралийских связей, когда главным и, по сути дела, единственным каналом общения русских и белых австралийцев стали визиты русских моряков в Сидней и Хобарт (Тасмания). В первой трети XIX в. (до 1835 г.) еще 14 кораблей — участников русских кругосветных и полукругосветных плаваний посетили порты Австралии. В ходе этих плаваний в Австралии побывали выдающиеся русские мореплаватели М.П. Лазарев, Ф.Ф. Беллинсгаузен, М.Н. Васильев, Г.С. Шишмарев, В.С. Хромченко, А.П. Авинов, П.С. Нахимов, Е.Ф. Путятин, В.С. Завойко и многие другие. В числе участников экспедиций находились будущие декабристы, офицеры военно-морского флота К.П. Торсон, Д.И. Завалишин, М.К. Кюхельбекер, Ф.Г. Вишнеvский, ученые И.М. Симонов, П.В. Тарханов, художники П.Н. Михайлов и Е.М. Корнеев. Отношения между Россией и Англией в первой трети XIX в. оставались, в целом, дружественными, поэтому русских моряков в Сиднее и Хобарте ожидал теплый прием. Этому способствовало и то обстоятельство, что губернатор Нового Южного Уэльса Л. Макуори, который занимал свой пост с 1810 по 1821 гг., еще в 1807 г. совершил путешествие по России и навсегда сохранил симпатии к нашей стране и русским. Участники кругосветных плаваний использовали свое пребывание в Австралии для того, чтобы изучить природно-климатические особенности австралийского материка, провести естественно-научные и этнографические исследования. Астроном, математик и естествоиспытатель И.М. Симонов определил высоту Голубых гор в Новом Южном Уэльсе и уточнил координаты Сиднея. Е.М. Корнеев и П.Н. Михайлов сделали зарисовки Сиднея и его окрестностей. Русские мореплаватели оставили также описания образа жизни австралийских аборигенов, со-

брали этнографические, ботанические, геологические и зоологические коллекции, которые хранятся сегодня в музеях нашей страны. Записки, дневники и воспоминания участников русских кругосветных экспедиций, опубликованные в России, стали одним из основных источников знакомства русского общества с таинственным и экзотическим Австралийским континентом.

Ситуация несколько изменилась во второй половине XIX в., когда отношения между Лондоном и Петербургом приобрели напряженный характер, а Россия и Англия стали главными антагонистами на международной арене. На протяжении всей второй половины XIX в. визиты в австралийские порты кораблей русской эскадры Тихого океана по-прежнему оставались основным фактором, составлявшим «ткань» отношений между Россией и Австралией. С 1852 по 1903 гг. в австралийские порты было осуществлено 42 захода 16 русских кораблей. Однако теперь русские встречали настороженный прием. В Австралии существовал страх перед мифической «русской угрозой». На пятом континенте всерьез опасались, что в случае англо-русской войны возможны бомбардировки силами русского флота портовых городов Австралии и даже высадка русского десанта на австралийское побережье. В 1854–1855, 1878 и 1885 гг., в периоды особого обострения русско-английских отношений, в австралийских переселенческих колониях поднимались волны военных тревог. В ожидании нападения русского флота на службу призывались резервисты, в ускоренном темпе строились военные укрепления в портовых городах, наиболее пугливые жители Сиднея и Мельбурна отправляли своих домочадцев вглубь страны, чтобы переждать «русское вторжение». В 1882 г., когда Сидней, Хобарт, Мельбурн и Аделаиду посетили крейсер «Африка» и клиперы «Пластун» и «Вестник», входившие в состав эскадры контр-адмирала А.Б. Асланбегова, в австралийской прессе развернулась клеветническая кампания по обвинению русских моряков в шпионаже. Поводом для этой кампании стали «откровения» раскаявшегося «русского шпиона» Г. Брайанта. Однако, как чуть позднее выяснили сами австралийские журналисты, обвинения Г. Брайантом русских не имели под собой никаких оснований и были чистой воды клеветой.

Изучение материалов Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) показывает, что опасения австралийцев относительно русского вторжения на пятый континент были безосновательными — таких планов у царской империи не существовало. Однако страх перед Россией послужил одним из стимулов формирования австралийских национальных вооруженных сил и развития федералистского

движения в австралийских переселенческих колониях, которое привело в конечном счете к их объединению и образованию в 1901 г. Австралийского Союза. Только после поражения России в Русско-японской войне страх австралийцев перед Россией на время отступил, а в годы Первой мировой войны Россия и Австралийский Союз оказались по одну сторону баррикад, воюя с германским блоком в составе Антанты.

Русский флот положил начало и первым политическим контактам между Австралией и Россией. В 1888 г. русский корвет «Рында» принял участие в праздновании в Сиднее столетия со дня основания английских колоний на австралийском материке. В 1901 г. русский крейсер «Громобой» принимал участие в празднованиях по случаю открытия федерального парламента Австралийского Союза.

Заметную роль в налаживании и развитии прежде всего научных связей между Австралией и Россией сыграл Н.Н. Миклухо-Маклай. Его вклад в развитие отношений двух стран уже нашел свое отражение в ряде докладов на Маклаевских чтениях предыдущих лет.

В конце XIX — начале XX в. начинают развиваться торгово-экономические и культурные связи между Австралией и Россией, с 1857 г. устанавливаются консульские отношения. Вначале интересы России в Австралии представляли нештатные консулы в Мельбурне и Сиднее, с 1894 г. появляется российское штатное консульство в Мельбурне, которое вскоре после образования Австралийского Союза, в 1902 г., преобразуется в Российское генеральное консульство в Австралийской Федерации и Новой Зеландии. Довольно заметную роль в общественно-политической жизни Австралии в первом десятилетии XX в. начинает играть русская революционная эмиграция, ставшая составной частью радикального крыла австралийского рабочего движения. В Австралии вели революционную работу члены большевистской партии А.М. Зузенко, П.Ф. Симонов, а также видный русский большевик Артем (Ф.А. Сергеев), ставший одним из организаторов радикального, по сути, пробольшевистского Союза русских рабочих. В 1919 г. выступления русских революционеров в поддержку Октябрьской революции и их призывы к социалистической революции в Австралии привели к кровавым столкновениям с австралийскими ветеранами Первой мировой войны в Брисбене. Эти события вошли в австралийскую историю под именем «Бунты Красного флага». В 1920 г. П.Ф. Симонов принял активное участие в создании Коммунистической партии Австралии. Такого рода деятельность вызывала лишь раздражение у патриотически настроенных австралийцев и усиливала их предубеждение против России и русских.

После Октябрьской революции 1917 г. в России отношения между нашей страной и Австралийским Союзом оказались практически прерванными. Не поддерживались консульские отношения, еле теплились торгово-экономические связи. В СССР появлялась информация лишь о коммунистическом и рабочем движении Австралии. Австралийцы могли почерпнуть некоторые сведения о развитии СССР и советской культуры из выступлений в печати просоветски настроенной и посещавшей СССР левой австралийской интеллигенции. Среди ее представительниц следует назвать прежде всего классика австралийской литературы К.С. Причард, а также известного драматурга и сценариста Б. Роланд. Еще одним источником, из которого австралийцы могли что-то узнать о России и познакомиться с лучшими достижениями русской культуры, стала деятельность русской эмиграции. В межвоенные десятилетия в Австралии гастролировали многие представители культуры русского зарубежья, в том числе великие Ф.И. Шаляпин и А.П. Павлова. Впечатление от гастролей русской балерины было столь велико, что послужило своего рода импульсом к появлению школ классического танца в Австралии и рождению австралийского национального балета. С системой Станиславского австралийский театральный мир познакомился благодаря жившему в Австралии эмигранту из России А. Рибушу. Большой вклад в развитие австралийского изобразительного искусства внес оказавшийся в Австралии после Гражданской войны казачий офицер художник Д. Васильев. Основателем австралийской русистики, создателем отделения русского языка и литературы в Мельбурнском университете стала Н.М. Кристесен (Максимова).

В политическом плане в межвоенные десятилетия Австралия занимала в целом враждебную позицию по отношению к СССР. Эта враждебность еще более усилилась после заключения пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г. Ситуация, однако, резко изменилась после нападения Германии на СССР, когда Австралия и Советский Союз становятся союзниками по антигитлеровской коалиции. В Австралии развернулось мощное движение помощи СССР, проходил сбор средств на покупку овчин и пошив полушубков, предназначенных для бойцов Красной армии. Всего в Советский Союз было отправлено около полумиллиона полушубков и 40 контейнеров медикаментов и медицинского оборудования. Рост симпатии австралийцев к нашей стране привел к установлению официальных дипломатических отношений между Австралией и СССР в конце 1942 г.

В послевоенный период и вплоть до начала 1990-х гг. отношения между Австралией и СССР хотя формально и сохранялись на протя-

жении всего этого периода, были, однако, заметно осложнены бушевавшей в мире холодной войной. Сильные антисоветские настроения в Австралии вызвало «Дело Петрова» 1954 г., когда агент КГБ В. Петров, работавший «под крышей» третьего секретаря советского посольства в Канберре остался в Австралии и выдал австралийцам советскую агентурную сеть. Последствием этого инцидента стал демонстративный отъезд сотрудников советского посольства из Канберры в Москву, что означало если не формальный, то фактический разрыв отношений. В полном объеме дипломатические отношения двух стран будут возобновлены только в 1959 г. Австралийцы осуждали власти СССР за политику интервенций в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г., в Афганистан в 1979 г. В СССР, в свою очередь, выражали острое недовольство членством Австралии в военно-политическом блоке АНЗЮС, ее следованием в фарватере внешней политики США, и, в частности, участием Австралии на стороне американцев в войнах в Корее и Вьетнаме. Лишь в периоды потепления отношений между Западом и Востоком в 70-х гг. и перестройки 1985–1991 гг. отношения двух стран несколько улучшались, развитие получали торговля, культурные и научные связи. В 1975 г., в период такого кратковременного улучшения, СССР посетил премьер-министр Австралии лейборист Г. Уитлем. В ходе его визита были подписаны соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве между СССР и Австралией. В период перестройки СССР и Австралия договорились и заключили соответствующие соглашения о сотрудничестве в области сельского хозяйства и рыболовства, в области медицинской техники и здравоохранения, о совместной работе по мирному использованию ядерной энергии и в деле освоения космического пространства. Важным шагом на пути развития отношений между двумя странами стали соглашения о контактах между людьми и сотрудничестве в гуманитарной сфере. Эти соглашения поддерживали культурный диалог народов. В Австралии неоднократно и с большим успехом проходили гастроли балетных трупп Большого и Кировского (ныне — Мариинский) театров, выступления советских музыкантов и спортсменов.

После окончания Второй мировой войны в Австралию приехало несколько тысяч русских перемещенных лиц из числа живших в Европе белых эмигрантов и советских граждан, оказавшихся в Европе в годы войны. После оккупации Советской армией Северо-Восточного Китая в 1945 г. и особенно после победы коммунистической революции в Китае 1949 г. в Австралию перебрались т.н. «харбинцы» — представители белой русской эмиграции, проживавшие в период 1921–1945 гг.

в Маньчжурии. Перемещенные лица и харбинцы (а также их потомки) составляют костяк русской общины в современной Австралии. В 70-е и последующие годы русскую диаспору в Австралии пополнила волна т. н. экономической эмиграции из СССР. Сегодня русских выходцев из бывшего СССР в Австралии насчитывается более 60 тыс. Многие из них стараются сохранить русский язык и культуру, имеют свои клубы, воскресные школы, православные церкви. Издаются на русском языке журналы «Австралиада» и «Австралийская мозаика», газета «Единение». В Австралийском национальном университете в Канберре и Университете Квинсленда в Брисбене изучается русский язык и история России. Усилиями уже упоминавшейся Н.М. Кристесен был создан и до сих пор издается журнал австралийских славистов «Острелиен славоник энд Ист Юропеан стадиэ» («Australian Slavonic and East European Studies»), а также серия публикаций «Русские в Австралии».

После распада в 1991 г. СССР и рождения новой России обе страны неоднократно демонстрировали стремление к развитию двусторонних отношений. Австралия поддержала внешнеполитический курс России, нацеленный на более активное участие в процессах интеграции в Азиатско-тихоокеанском регионе, ее намерение вступить в региональные организации стран тихоокеанского бассейна. В 1998 г. Россия стала членом Азиатско-тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС). Неоднократно проходили встречи министров иностранных дел Австралии с министрами иностранных дел России. В 2005 г. генерал-губернатор Австралийского Союза М. Джеффри представлял Австралию в мероприятиях в Москве по случаю 60-летия победы в Великой Отечественной войне. Новым шагом в развитии двусторонних отношений стал первый в истории визит главы Российского государства президента РФ В.В. Путина в Австралию в сентябре 2007 г. В ходе прошедших переговоров была подчеркнута важность развития российско-австралийского сотрудничества в деле обеспечения стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе и совместной борьбы с международным терроризмом. В.В. Путин и премьер-министр Австралии Дж. Говард отметили поступательное развитие российско-австралийских торгово-экономических связей; в рамках визита президента России в Австралию было подписано т. н. «урановое соглашение» о поставках австралийского урана в Россию для его переработки и последующего использования в мирных целях.

Поступательно развиваются отношения между Россией и Австралией в торгово-экономической сфере. В 2005 г. австралийские горнодобывающие компании вложили более 150 млн долл. в нефтегазовые проекты на острове Сахалин. В 2006 г. корпорации «Би Эйч Пи Бил-

литон» и «Рио Тинто» договорились с российским «Норильским никелем» о совместных разработках полезных ископаемых. Удачным капиталовложением австралийских компаний стало создание дочернего предприятия концерна AMCOR по производству картонных упаковок в Великом Новгороде. В 2006 г. российский холдинг «Металлоинвест» купил 20 % акций австралийского производителя железной руды «Маунт Гибсон Айрон». В том же году была завершена сделка компании «Русский алюминий» (РУСАЛ), которая купила за 600 млн долл. 20 % акций концерна «Квинсленд Аллюминиум». Вместе с тем уровень экономического и научно-технического сотрудничества двух стран все еще не очень высок. Несовместимость экономик Австралии и России, слабая конкурентоспособность российских товаров, отсутствие благоприятных условий и гарантий неприкосновенности частной собственности для иностранного бизнеса на территории нашей страны тормозят развитие взаимовыгодных торгово-экономических связей. Все еще требуются значительные усилия для их интенсификации и диверсификации. То же можно сказать и об уровне политических отношений. Взаимная подозрительность как естественное наследие периода холодной войны, а в последнее время и обеспокоенность австралийцев тем, что в Австралии считают отходом от демократических принципов и проявлением авторитаризма во внутренней политике России, не позволяют реализовать в полном масштабе потенциал возможного сотрудничества двух стран в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Празднование 200-летия отношений Австралии и России проходило не только на официальном межправительственном уровне, но и в рамках мероприятий, которые были проведены общественными и научными организациями двух стран. В России научные конференции, посвященные этой дате, были организованы отделом южнотихоокеанских исследований Института востоковедения РАН в Москве и Институтом внешнеэкономических связей, экономики и права в Санкт-Петербурге. Специальная сессия, посвященная русско-австралийским отношениям, состоялась в рамках Маклаевских чтений в МАЭ РАН. В Русском географическом обществе была организована книжная выставка и прошло заседание отделения истории географических знаний, посвященное пребыванию русских мореплавателей в Австралии. К юбилейной дате появились новые исследования российских и австралийских ученых. В 2007 г. в Москве в издательстве «Рудомино» вышла в свет антология «Австралия в русском восприятии 1807–2007. Впечатления, образы, идеи». В этом издании опубликованы отрывки из текстов почти семидесяти российских путешественников, публицистов, писателей и ученых,

в которых отражена эволюция русских представлений об Австралии, ее народе и культуре. Издательство «Восточная литература» опубликовало вторым дополненным и исправленным изданием книгу «Российские моряки и путешественники в Австралии» (первое издание появилось в 1993 г.). Она представляет собой сборник документальных материалов — официальных отчетов, путевых дневников, писем и воспоминаний о пребывании в Австралии в XIX — начале XX в. русских мореплавателей, ученых и путешественников. Почти одновременно в Австралии на русском языке вышел практически идентичный русскому австралийский вариант этого сборника под названием «Когда мир был широк» (Канберра, издательство «Алчеринга»). Наконец, в сентябре 2007 г. в Аделаиде вышла на английском языке коллективная монография российских и австралийских авторов «Встречи под южным крестом», в которой впервые был проведен научный анализ всего двухсотлетнего периода истории отношений между Россией и Австралией («Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian relations 1807–2007». Adelaide, Crawford House Publishing).

Таким образом, можно констатировать, что празднование 200-летия российско-австралийских отношений послужило стимулом для изучения истории связей двух стран, содействовало углублению знаний друг о друге и в известной мере способствовало дальнейшему расширению контактов между народами России и Австралии.

АВСТРАЛИЯ И РОССИЯ: ОБЩНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Более полувека, со времени установления дипломатических отношений между Австралией и Россией, развиваются отношения двух стран. Приоритет отдается прежде всего торгово-экономическому, научно-техническому и в меньшей степени военно-политическому направлениям. Рассмотрим кратко развитие взаимодействия двух стран в этих сферах.

Несмотря на то что Россия и Австралия не являются друг для друга основными торговыми партнерами (по данным Департамента иностранных дел и торговли Австралии среди экспортных рынков России Австралия занимает 93 место, а среди российских импортеров — 45 место), торговый оборот между странами постепенно растет. На 2004 г. он составлял около 380 млн австралийских долларов в год [Россия–Австралия...], а на 2006 г. составил уже около 583 млн долларов [Russian Federation. Country/Economy Fact Sheets...]. Торгово-экономические отношения расширяются и за счет увеличения инвестиционных потоков в обоих направлениях. Существенных успехов на австралийском рынке добилась российская компания «РУСАЛ», победившая в аукционе по продаже акций крупнейшего глиноземного завода в Австралии. Существует Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству (МПК) и Деловой совет «Россия–Австралия».

Развитие отношений в научно-технической сфере связано преимущественно с попытками совместного освоения космического пространства. Так, на протяжении нескольких лет готовилось последнее Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Австралии о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, которое было ратифицировано в 2004 г.

Основные направления сотрудничества Австралии и России в военно-политической области — нераспространение ядерного оружия, борьба с терроризмом, борьба с транснациональной преступностью, предупреждение и ликвидация стихийных бедствий и др.

Несомненно, территориальная удаленность Австралии и Российской Федерации оказывает отнюдь не стимулирующее воздействие на темпы развития отношений и степень взаимодействия стран. Тем не менее в

условиях региональной интеграции и под воздействием процессов глобализации степень взаимной заинтересованности Австралийского Союза и России растет. При этом огромное значение как со стороны России, так и со стороны Австралии придается взаимодействию в рамках региональных организаций и форумов Азиатско-Тихоокеанского региона.

На сегодняшний день Россия полномасштабно подключается к экономическому сотрудничеству и к сотрудничеству по обеспечению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), в первую очередь через более активное участие в соответствующих мероприятиях в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Регионального форума АСЕАН (АРФ), организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Австралия выступила инициатором создания АТЭС в 1989 г., и участие в АТЭС является для Австралии одним из ключевых компонентов в экономических отношениях с азиатскими странами. Россия же присоединилась к АТЭС в 1998 г. Поскольку АТЭС является центральным звеном интеграционных процессов в АТР, то перед Россией стоит задача активизации своей деятельности в рамках этой организации. Вполне естественно, что подобные цели являются приоритетными и для Австралии. Именно активная деятельность в рамках АТЭС не только уменьшает опасность выпадения нашей страны из тихоокеанского экономического пространства, но и позволяет ей принимать деятельное участие в дальнейшей разработке основных принципов торгово-экономического и политического сотрудничества в АТР с учетом российских интересов. Такое сотрудничество практически закладывают материально-экономические основы нового политического порядка в АТР. В данных условиях со стороны России было бы неосмотрительным игнорировать опыт и вклад Австралии в развитие АТЭС и то влияние, которое Австралийский Союз имеет в этой организации.

Целенаправленные усилия Австралийского Союза по укреплению сотрудничества в АТР поддерживаются регулярным участием Австралии в региональном форуме АСЕАН (АРФ). На сегодняшний день эта организация формирует, по сути, многосторонний диалог по вопросам безопасности в АТР [Australia's Defence White Paper... 2000: 33–45]. Россия также является постоянной участницей форума. По словам заместителя министра иностранных дел РФ А.В. Яковенко, «сотрудничество с АСЕАН, которая является “ядром” региональных интеграционных процессов, относится к числу приоритетных направлений российской политики в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Россия видит в этом сотрудничестве значительный потенциал с точки зрения формирования в регионе системы обеспечения стабильности и безопасности. Особое

внимание уделяем развитию связей с АСЕАНовской “десяткой” в таких ключевых сферах, как противодействие международному терроризму и транснациональной преступности, наука и технологии, предупреждение и ликвидация последствий стихийных бедствий» [Интервью А. Яковенко...]. Таким образом, общность интересов, лежащих в сфере обеспечения экономического процветания и безопасности АТР между Россией и Австралией, очевидна, что неоднократно подчеркивалось представителями обеих сторон в ходе двусторонних встреч на разных уровнях [О российско-австралийских консультациях...].

Остановимся несколько подробнее на одном из аспектов, который представляется наиболее значимым, когда речь заходит о возможных совместных интересах Австралии и России. В современных условиях в системе АТР даже не очень крупный очаг нестабильности способен нанести странам региона громадный ущерб, поскольку все они связаны единой региональной экономической цепью. В качестве одного из потенциальных очагов нестабильности региона рассматриваются развивающиеся страны Океании: Папуа — Новая Гвинея, Фиджи, Соломоновы острова, Микронезия, Вануату и др. В интересах как Австралии, так и России обеспечивать стабильность в этом субрегионе. Однако Россия имеет слабые связи со странами Океании в силу их удаленности и узости рынка, поэтому наша страна должна, по крайней мере, с пониманием относиться к усилиям Австралии по поддержанию стабильности и спокойствия в южной части Тихого океана. Понятно, что для Австралийского Союза государства этой части тихоокеанского бассейна выступают в качестве ближайших соседей и, соответственно, являются сферой его постоянного интереса.

Австралийский Союз пытается снизить уровень нестабильности посредством оказания экономической помощи. Ключевые секторы программы помощи охватывают широкий спектр вопросов: административное управление, сельское хозяйство и развитие сельских районов, здравоохранение, образование, инфраструктура (производственная, экономическая, социальная), окружающая среда, гендерные вопросы. Партнерами Австралии в рамках программы помощи являются не только страны тихоокеанского региона (Папуа — Новая Гвинея, Фиджи, Соломоновы острова, Вануату, Самоа, Тонга и др.), но также Восточной Азии (Индонезия, Восточный Тимор, Вьетнам, Филиппины, Китай, Монголия, Камбоджа и др.) и Южной Азии (Бангладеш, Индия, Шри-Ланка, Непал, Пакистан и др.). В рамках австралийской программы помощи в течение каждого финансового года расходуются примерно одинаковые суммы, и поскольку они близки к данным 1998–1999 гг., для примера

возьмем именно их. Так, в 1998–1999 гг. Австралией было затрачено по программе помощи 321,7 млн австралийских долларов на Папуа — Новую Гвинею; 127,6 млн — на другие страны тихоокеанского региона; 437,4 млн — на страны Восточной Азии; 74,5 млн — на страны Южной Азии (данные приведены в австралийских долларах). В целом Австралией был затрачен 1 млрд 528,6 млн австралийских долларов. Эта сумма в 1998–1999 гг. составляла чуть больше четверти процента (0,26–0,27 %) ВВП Австралии [Australia's Overseas Aid Program 2000–2001 2000: XVII–XVIII, 75]. Как видно из приведенных данных, ближайшие к Австралии страны тихоокеанского региона получают помощь, по объемам равнозначную помощи, оказываемой странам Восточной Азии. Это обстоятельство подчеркивает значимость данного направления для австралийской внешнеполитической стратегии. Экономический рост в Фиджи, успешная реализация программы реформ в Вануату, стабилизация ситуации на Соломоновых островах [Ibid: 30] свидетельствуют о позитивном влиянии инициатив, осуществляемых в рамках программы помощи. Надо отметить, что во всех странах Океании с 2001 по 2006 гг. отмечается стабильный рост ВВП, что свидетельствует об относительно стабильной экономической и внутривнутриполитической ситуации в этих странах.

Австралийское правительство уделяет пристальное внимание развитию антитеррористических возможностей своих ближайших соседей в областях пограничного контроля, правоприменения, безопасности на транспорте, разведывательных связей, финансового регулирования и управления в чрезвычайных ситуациях. Австралия помогает странам Тихоокеанских островов увеличить их противостояние терроризму через Форум тихоокеанских островов (ФТО), что включает помощь по внедрению Декларации 2002 г., принятой лидерами ФТО в августе, проведение и участие в региональных и международных семинарах и круглых столах по проблеме борьбы с международным терроризмом. Австралийская сторона финансирует Группу поддержки финансовой разведки (Financial Intelligence Support Team), работа которой сконцентрирована на нуждах стран Тихоокеанских островов. Эта региональная группа дает политические советы по стратегии и законодательству, занимается обучением и следит за противостоянием островных государств терроризму. Австралийский Союз поддерживает работу ряда региональных и международных центров: Региональный центр Юго-Восточной Азии по борьбе с терроризмом (Куала-Лумпур), Международная академия по правоприменению (Бангкок), Филиппинский центр по транснациональным преступлениям (Манила). Сотрудничество Ав-

стралии со странами южной части Тихого океана, Юго-Восточной и Южной Азии, несомненно, имеет большое значение для всего Азиатско-тихоокеанского региона.

Активная политика Австралийского Союза по укреплению системы безопасности в южной части Тихого океана требует интенсификации связей и сотрудничества между Австралией и Россией в политической и, возможно, военных областях. Пока же их двустороннее взаимодействие явно недостаточно. Слабой также остается заинтересованность Австралии и России друг в друге при двустороннем взаимодействии в гуманитарной сфере (культура, образование, экология и т.д.). У обоих государств в целом общие региональные интересы и общие стратегические приоритеты в развитии отношений со странами южной части Азиатско-тихоокеанского региона. В условиях растущих интеграционных процессов в АТР именно цели обеспечения стабильности темпов экономического развития региона и его безопасности стимулируют Россию и Австралию к более активному и тесному взаимодействию, выработке общих подходов к решению региональных проблем, которые в одинаковой мере затрагивают их национальные интересы.

***

Интервью А. Яковенко по предстоящим мероприятиям по линии АСЕАН // РИА Новости 2005. 26 июля. URL: <http://www.rian.ru/ayakovenko/20050726/40975091.html> (дата обращения: 4.03.2010).

О российско-австралийских консультациях по военно-политической проблематике Азиатско-тихоокеанского региона и вопросам разоружения // Сообщения МИД РФ. Информационный бюллетень 2000. 14 декабря. Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.mid.ru/ns-raustr.nsf/1b17d98c582f50ce432569e700419420/432569d80021df56432569b5004ca085?OpenDocument> (дата обращения: 4.03.2010).

Россия–Австралия // Россия в системе международных отношений. Россия — страны мира. Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.mid.ru/ns-raustr.nsf/strana?OpenView&Start=1&Count=30&Expand=1#1> (дата обращения: 4.03.2010)

Australia's Defence White Paper «Defence 2000 — Our Future Defence», Commonwealth of Australia 2000: 122 p.

Australia's Overseas Aid Program 2000–2001, Commonwealth of Australia, 2000. 116 p.

Russian Federation. Country/Economy Fact Sheets // Countries and Regions. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade: сайт. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.dfat.gov.au/geo/russia/index.html> (дата обращения: 4.03.2010).

ПРОТИВОСТОЯНИЕ С СССР В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННО-МОРСКАЯ ПОЛИТИКА АВСТРАЛИИ

Россия и Австралия — соседи по Тихоокеанскому региону. Но удаленность этих стран друг от друга, а также культурные различия часто затрудняли установление более тесных отношений. Кроме того, оба государства временами оказывались в состоянии военно-политического противостояния, хотя реальной угрозы ни одной из сторон никогда, в сущности, не существовало. Тем не менее обе стороны зачастую рассматривали друг друга как потенциального противника (пусть и «второй линии»). Существование определенного напряжения в отношениях между двумя странами находило свое отражение и в военно-морской политике Австралии.

Флот занимал особое место в системе вооруженных сил Австралии, которая, будучи государством-континентом, сильно зависела от морских коммуникаций. В то же время Австралия, связанная в разные периоды истории узами дружбы и союза с Великобританией и США, могла в известной степени опираться на поддержку военно-морских сил этих государств в вопросах обороны своей территории. Однако на практике подобное военно-политическое партнерство означало в большей степени участие австралийского флота в военных операциях союзников.

Что касается России, то, начиная с активизации ее дальневосточной политики в начале XIX в., военные корабли российского флота неоднократно посещали Австралию. В основном это делалось во время кругосветных плаваний или по пути из России на Дальний Восток. Планов по включению Австралии в сферу своего влияния у российского правительства не было. Тем не менее в Австралии во второй половине XIX в. было распространено мнение о том, что русский флот может предпринять вторжение или набеговую операцию на побережье колонии. Поскольку Россия в тот период находилась в сложных отношениях с Великобританией, то считалось, что российский флот в случае конфликта может выбрать в качестве объекта нападения Австралию как английскую колонию. По мнению петербургского историка А.Я. Массова, эти предположения не имеют под собой реальных оснований [Массов 1999: 134]. Но, тем не менее, «русская угроза» стала одним из поводов, по которым австралийские колонии обратились к созданию собственных вооруженных сил, в том числе и военно-морского флота [Массов 1999: 126]. Официально австралийский королевский военно-морской флот был образован в 1911 г.

В период Первой мировой войны Россия и Австралия (как британский доминион) были союзниками, но после Октябрьской революции 1917 г. отношения между двумя странами оказались прерванными. В межвоенный период военно-морское присутствие СССР на Тихом океане было слишком незначительным, чтобы оказать влияние на развитие австралийской военно-морской политики. Австралийский флот в то время продолжал развиваться как органичная часть британского флота.

В ходе войны на Тихом океане военно-морские силы Австралии действовали в тесном взаимодействии с американским флотом. После Второй мировой войны ввиду роста влияния США и объективно-го ослабления Британской империи Австралия все в большей степени старалась ориентироваться на Соединенные Штаты, в том числе и в вопросах обороны. В 1951 г. между США, Австралией и Новой Зеландией был заключен договор АНЗЮС. Это соглашение по безопасности формально носило консультативный характер и было направлено против возрождения агрессивной Японии. Впрочем, реальной целью США была консолидация и укрепление позиций антикоммунистического блока на юге Тихого океана. Во второй половине 40-х — начале 50-х гг. Тихоокеанский регион стал ареной ряда конфликтов, многие из которых были следствием развернувшейся холодной войны. Хотя Австралия географически и находилась в удалении от «горячих точек», она все равно оказалась вовлеченной в ряд конфликтов. С 1950 г. вооруженные силы Австралии (в том числе и корабли ее флота) принимали участие в Корейской войне, действуя в составе «войск ООН». Австралийские войска принимали участие и в борьбе с партизанами в Малайе. Рост мощи коммунистического блока внушал определенные опасения Австралии, поскольку угрожал сложившемуся положению в Тихоокеанском регионе. Тем не менее с началом холодной войны не приходилось говорить о сколько-нибудь значительном росте австралийских ВМС. Опираясь на сотрудничество с США и Великобританией, Австралия могла избежать дополнительных военных расходов. Флот Австралии непрерывно отрабатывал взаимодействие с ВМС США и других своих союзников. Если в 1940–1950-е гг. основу австралийского флота составляли корабли, построенные в Англии или по британским проектам, то с начала 1960-х гг. в ВМС Австралии стали появляться корабли американской постройки (эсминцы типа «Чарльз Адамс», фрегаты типа «Оливер Перри»). Часть этих кораблей была построена на австралийских верфях по американским чертежам.

Хотя советский флот на Тихом океане до начала 1960-х гг. оставался флотом прибрежного действия, но поддержка Советским Союзом сво-

их союзников (реальных и потенциальных) в Тихоокеанском регионе внушала Австралии определенное беспокойство. Существовала вероятность угрозы со стороны Индонезии, где с начала 60-х гг. при содействии СССР происходил рост флота, шла эскалация конфликта в Индокитае. Корабли австралийского королевского флота приняли участие в войне во Вьетнаме, действуя в составе американских ВМС. Перемены произошли с начала 70-х гг., когда поражение США в Индокитае, провозглашение Р. Никсоном Гуамской доктрины в 1969 г. и вывод большинства английских вооруженных сил с Дальнего Востока оказали серьезный эффект на оборонную политику Австралии, ее стратегическую мысль, а также организацию и подготовку ее вооруженных сил.

До этого времени австралийцы полагали, что они защищены «надежной стеной английского и американского флотов, которой в случае необходимости мог оказать содействие небольшой, но эффективный австралийский флот, поддержанный авиацией». Хотя считалось, что в ближайшей перспективе ни одна страна (включая СССР) не имела возможности или намерения предпринять вторжение в Австралию, но в отдаленном будущем ситуация виделась более туманной [Dodd 1975: 5].

В качестве потенциальной угрозы рассматривался и советский флот. В аналитической статье, опубликованной в 1975 г., отмечалось, что советские рыболовные суда стали появляться у северного побережья Австралии, росло число советских военных кораблей в Индийском океане, а в Тихом океане находилось более 70 советских кораблей, 40 из которых — атомные подводные лодки [Dodd 1975: 6]. Еще ранее указывалось на рост нарушений австралийских морских границ со стороны рыболовных кораблей как Индонезии, Тайваня и Японии, так и Советского Союза [Millar 1972: 215].

По мнению американских экспертов, СССР с его растущими политическими, экономическими и военными интересами к востоку от Суэца изменил в тот период стратегическую ситуацию в Австралии пока еще только в небольшом масштабе. Было отмечено, что в случае напряженности Советский Союз вряд ли предпримет прямые действия против австралийских ВМС или торговых судов, но задействует надводные и подводные силы в этом регионе для оказания политического давления. При этом говорилось, что китайский флот откровенно слаб, а индонезийский флот после отзыва советских специалистов практически утратил боеспособность [Millar 1972: 221].

По мнению австралийских экспертов по обороне, в этих обстоятельствах для Австралии необходимо развивать региональное партнерство

с другими государствами Юго-Восточной Азии. Жизненно важными для Австралии как сегодня, так и в будущем назывались дружба и сотрудничество с Индонезией, которое подразумевало как экономическую помощь, так и поставки военного оборудования, обмен информацией и совместные учения.

В своей оборонной политике Австралия продолжала также ориентироваться на поддержку США, опираясь на соглашение АНЗЮС. Хотя это был консультативный пакт, но он обеспечивал информационную и техническую поддержку со стороны США [Dodd 1975: 5–6]. Советские военные круги, в свою очередь, рассматривали Австралию как безоговорочного союзника и партнера США в Тихом океане [см., например: Дмитриев 1976: 75].

Но в то же время австралийским руководством признавалось, что оборона Австралии не является жизненно важной для Британии и США, и поэтому была необходима определенная самостоятельность в оборонной политике. Австралийские стратеги пришли к выводу, что страна должна иметь небольшие, сбалансированные и интегрированные вооруженные силы, способные обеспечить ее самостоятельную оборону и защиту от атаки или вторжения любого вероятного противника. Эти силы должны быть способными к быстрому развертыванию, автономными и поддержанными твердой военно-промышленной базой [Dodd 1975: 6].

В дальнейшем, в 1980-е гг., прямая угроза со стороны СССР также не рассматривалась, хотя усиливавшееся советское влияние в АТР беспокоило австралийских лидеров. Австралийская «Белая книга» 1987 г., посвященная оборонным вопросам, говорит о том, что на данный момент нет угрозы континентальной Австралии со стороны супердержавы (подразумевалось: СССР) или соседей по региону, и, исходя из этих соображений, должна строиться структура вооруженных сил [«An Importance of Alliances...» 1988: 7].

Но вице-адмирал Майк Хадсон, начальник штаба австралийского флота в то время, указывал на рост советского флота в Тихом океане. Он полагал, что СССР имеет право защищать свои интересы в Тихом океане, но советское военное присутствие может быть использовано для нанесения ущерба стратегическим интересам Австралии. При этом, однако, он считал, что усиление советского флота на данном этапе не требует серьезных оборонительных мероприятий, поскольку рост советского Тихоокеанского флота происходит в основном за счет замены устаревших кораблей новыми [An Importance of Alliances 1988: 18].

Подводя итоги 80-х гг., эксперты писали, что австралийский флот продвинулся достаточно далеко по пути самостоятельности и региона-

лизма. Отмечалось, что в новое десятилетие флот войдет современным и соответствующим новым условиям «многополярного мира» [Pugh 1990: 103].

Австралийский королевский флот и сейчас остается одним из инструментов внешней политики Австралии, принимая в период 1990-х — начала 2000-х гг. активное участие в ряде антитеррористических и миротворческих операций.

В период холодной войны СССР и Австралия находились в противоборствующих лагерях. Хотя Австралия была удалена от очагов конфликтов эпохи холодной войны, рост советского военного присутствия в Тихоокеанском регионе внушал определенные беспокойства австралийскому руководству. Советский военно-морской флот воспринимался в Австралии как наиболее вероятный противник. В свою очередь советские военные круги рассматривали Австралию как союзника США в регионе. Противостояние с СССР и растущее присутствие советского флота в Тихом океане наложило определенный отпечаток на формирование австралийской военно-морской политики: наряду с ориентацией на совместные действия австралийского флота с ВМС США и других союзников, предусматривалось также достижение определенной автономии австралийских ВМС по обеспечению обороны страны (в том числе и развития собственного военно-морского кораблестроения). Последняя тенденция особенно стала проявляться начиная с 1970-х гг. (после провозглашения Гуамской доктрины и свертывания Британией своего военного присутствия в АТР). Это стало одной из причин того, что Австралия стала рассматривать себя не только как младшего партнера великой державы, но и как регионального лидера в Южнотихоокеанском регионе, в том числе и в вопросах обороны.

***

Дмитриев Р. Военно-морские силы Австралии // Зарубежное военное обозрение. 1976. № 3. С. 72–75.

Массов А.Я. О реальности «русской угрозы» пятому континенту во второй половине XIX — начале XX в. // Новый часовой. 1999. Вып. 8–9. С. 126–136.

Dodd N.L. Australia's Defence Policy // Navy International. 1975. Vol. 81. № 8. P. 5–7.

«An Importance of Alliances...» An Interview with Vice-Admiral Mike Hudson, Chief of the Australian Naval Staff // Naval Forces. 1988. Vol. 9. № 1. P. 6–26.

Millar T.B. The Australian Naval Situation // Unites States Naval Institute Proceedings. 1972. Vol. 98. № 5. P. 208–221.

Pugh M.C. Developments in the Australian and New Zealand Navies // Naval Forces. 1990. Vol. 11. № 11. P. 97–103.

**ТРУДЫ АКАДЕМИКА Н.А. СИМОНИИ:
ОТ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ В ИНДОНЕЗИИ —
К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

Нодари Александрович Симония — выдающийся российский ученый, вклад которого в историческую науку, политологию и философию истории трудно переоценить. Теоретиков и философов общественного развития всегда немного, среди востоковедов их по понятным причинам — разобшенности, многообразия и специфичности исследуемых обществ — еще меньше. Востоковедение же наилучшим образом приспособлено к теоретическому осмыслению и объяснению многих современных процессов, не уместающихся в аналитические образцы привычных и нередко упрощенных европоцентричных политических схем и учений. Именно с этим связан возврат интереса к теоретическим трудам Н.А. Симонии.

Краткая биографическая справка

Н.А. Симония родился в 30 января 1932 г. в Тифлисе, в 1950-м поступил в Московский институт востоковедения, который в 1954 г. был присоединен к Московскому государственному институту международных отношений (МГИМО) МИД СССР. Таким образом, Н.А. Симония получил диплом МГИМО, аспирантуру которого он закончил в 1958 г. Далее, в течение 30 лет своей карьеры, от младшего научного сотрудника до заведующего отделом, он работал в Институте востоковедения АН СССР. Кандидатскую диссертацию по проблемам формирования и становления нации в Индонезии Н.А. Симония защитил в 1958 г., а в 1974-м представил к защите докторскую диссертацию по теоретическим проблемам революционного процесса в странах Востока.

В 1988 г. по приглашению академика Е.М. Примакова, являвшегося в то время директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Н.А. Симония перешел на должность заместителя директора ИМЭМО и через два года (в 1990 г.) был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1997 г. он стал академиком, а в 1998 г. — академиком-секретарем Отделения проблем мировой экономики и международных отношений РАН, оставаясь заместителем директора ИМЭМО. С 2000 г. Н.А. Симония — директор ИМЭМО РАН, головного научно-исследовательского учреждения по современным проблемам мировой экономики и международно-политическим вопросам.

Он написал 17 книг, сотни статей и разделов в коллективных трудах. Большая часть этих работ переведена на европейские и восточные языки.

Еще в 1970–1980-е гг. Нодари Александрович посредством творческого переосмысления марксизма создал «работающую» модель анализа взаимодействия «изменчивости» и «устойчивости» в процессах политических трансформаций. Адаптация этой модели к условиям и материалу современности является на сегодня предметом размышлений и дискуссий в среде самых серьезных аналитиков.

Помимо этого, в многообразном наследии ученого хотелось бы выделить сюжеты ранних его работ по новой истории Индонезии и проанализировать их значимость для сегодняшней исторической науки.

Работа Н.А. Симонии «Буржуазия и формирование нации в Индонезии» для историков-индонезистов представляла большой интерес [Симония 1964]. В 1964 г., когда появилась эта монография, теоретические проблемы еще не были разработаны в отечественной науке, достижения же науки буржуазной подвергались жесткой критике и по партийно-идеологическим установкам не использовались советскими историками. Вместе с тем для квалифицированной оценки исторических процессов в Индонезии нового и новейшего периодов требовалась рефлексия на уровне более высоком, нежели описание конкретных событий. Именно такие размышления и представил Н.А. Симония, такого рода работой и стала его книга, предлагающая через анализ конкретных событий и процессов к теоретическим обобщениям.

Вплоть до начала XX в. и окончательного превращения Нидерландской Ост-Индии, как именовалась огромная голландская колония, в государство Индонезия на ее территории не существовало единой государственной структуры. Н.А. Симония посвящает этому периоду первые две главы своей работы «Индонезия до появления голландских колонизаторов» и «Социально-экономическое развитие народностей Индонезии в период голландского господства». На протяжении всей истории до голландцев и под их властью на этих многочисленных островах располагалось множество всевозможных султанатов и княжеств. Не существовало в то время людей, которых можно было бы с полным основанием назвать индонезийцами. На островах проживали малайцы, яванцы, балийцы, даяки, буги, макасары и сотни других этносов, но ни Индонезии как страны или государства, ни индонезийцев как ее населения среди них не было.

При этом зарождавшееся освободительное движение было разобщено самой островной природой архипелага и многочисленностью проживавших на нем этносов. Важным этапом общественного развития страны стало название Индонезия, которое появилось лишь в 1908 г. на съезде партии Буди Утомо [Симония 1964: 64–65]. Борьба против колониальных властей была связана с формированием первых политических организаций: их этнический (национальный) и социальный состав, главные этапы деятельности, участие в развитии и распространении индонезийского языка, литературы и культуры. Именно эти исторические сюжеты легли в третью главу исследования Н.А. Симонии «Пробуждение и развитие национального самосознания народностей Индонезии в период до Второй мировой войны» [Симония 1964: 80–92].

Представляется весьма интересным для времени издания монографии, что в выводах по третьей главе указано на складывание в среде монолитных и крупных наций Индонезии (яванцы и минангкабау) межэтнических партий и организаций, готовых отстаивать интересы всех народов Индонезии, как важнейший фактор формирования общеиндонезийского самосознания [Симония 1964: 76–77]. Здесь же говорится о том, насколько классовая дифференциация, нередко в конкретных индонезийских условиях переплетавшаяся и совпадавшая с этническим делением, отражалась на борьбе политических течений, а при формировании новых партий соответствовала общеиндонезийским задачам освободительной борьбы.

Четвертая глава «Социально-экономическое развитие Индонезии после Второй мировой войны» посвящена анализу различных социальных групп и их экономическому положению и тенденциям его изменений в условиях республиканской власти. Здесь рассматриваются также предпосылки формирования и основные черты новой национальной общности.

В пятой главе «Экономические центростремительные и центробежные факторы» проводится краткий анализ развития экономических взаимосвязей между отдельными районами страны и дается характеристика позитивных и негативных тенденций в процессе формирования экономической основы единой индонезийской нации [Симония 1964: 93–111].

Шестая глава «Национальное самосознание и политические факторы в период республики» может без преувеличения считаться целиком новаторской на момент издания монографии, поскольку увязывала воедино столь непривычные для марксистской науки явления. При этом весь рассматриваемый материал весьма убедителен, поскольку опирается на конкретные события индонезийских провинций и прокатившуюся по ним в 1950-е гг. серию протестов и мятежей, спровоцированных либо

организованных локальными этническими политическими организациями. И хотя национальный вопрос не был первопричиной мятежей, а играл подчиненную роль в сепаратистском движении, сами мятежи, безусловно, оказали громадное отрицательное воздействие на ход и без того трудного и сложного процесса консолидации различных народностей и племен в единую индонезийскую нацию [Симония 1964: 128].

Последняя, седьмая, глава монографии «Языковая общность и религия» представляется исключительно интересным завершением работы, поскольку рассматривает вопросы чрезвычайной важности для любой культуры, но для полиэтничной и многоконфессиональной Индонезии являющиеся ключевыми при решении любых проблем внутреннего развития [Симония 1964: 136–145]. В главе рассматриваются примеры некоторых переплетений этнической и религиозной дифференциации, однако при этом сделаны важные выводы о том, что как культурные, так и религиозные различия в своем преобладающем большинстве не носят в Индонезии характера противоречий и не могут стать препятствием объединению людей в единую нацию индонезийцев [Симония 1964: 140].

В заключительных выводах по этой работе Н.А. Симония дает краткую оценку «направляемой демократии» президента Сукарно, по сути, предвосхищая последующие события 30 сентября 1965 г. в Индонезии [Симония 1964: 145–146].

Многое из написанного об Индонезии в 1960-е гг. нашло в дальнейшем свое развитие в других исследованиях ученого. 17 февраля 2005 г. Н.А. Симония принял главного редактора журнала «Международные процессы» А.Д. Богатурова и дал интервью, в котором ученый рассказал: «В 1991 г. я сдал в печать книгу “Что мы построили?”¹ [Симония 1991]. В той книжке, думаю, мне удалось показать, как сильно в СССР был искажен марксизм. К тому времени я прочитал все 55 томов сочинений В. Ленина, 46 томов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также все труды И. Сталина. Сравнив их между собой, я показал, что у Сталина нет ничего от марксизма, кроме марксоподобной словесной шелухи. Но именно “по Сталину”, а не по кому-то другому были написаны все советские учебники! В том числе и учебники, по которым училось и Ваше поколение!

---

¹ Книга была уже набрана, когда 19 августа 1991 г. я узнал из теленовостей о попытке государственного переворота в Москве. Я подумал, что М. Горбачева могли арестовать в Форосе или даже он мог погибнуть, и тогда я решил добавить на ее титульный лист посвящение М. Горбачеву [Симония Н.А. Распад Советского Союза: причины и следствия // Конференции: Круглый стол проекта «Горбачевские чтения». 07.12.2006. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=650&art_id=25871 (дата обращения 27.03.2009)].

Про себя я мог уже с уверенностью сказать: мой марксизм — это не марксизм советских учебников. В 1975 г. мне удалось опубликовать книгу “Страны Востока: пути развития”, за которую меня потом пять лет не выпускали за границу и ругали “антимарксистом”, “троцкистом” и “меньшевиком”. В той работе я показал, что социализма в СССР фактически не построили, а то, что существовало в реальности, не соответствовало марксовым представлениям о социализме.

Я ценю Маркса, но не переоцениваю его. Он сам себя не переоценивал. Он не говорил, что изобрел всеобщую теорию развития. Он изучил только Европу и сделал очень много для понимания европейского опыта. Главное, он показал, что капитализм самопроизвольно развивается в направлении социализма. Другое дело, что не ясно, когда он разовьется и можно ли строить социализм в одной стране. Он ошибался, переоценивая уровень развития капитализма. Но уже выводы позднего Энгельса звучат гораздо точнее. Он дожил до монополий и показал, что частнокапиталистическая модель капитализма не универсальна. Происходит гигантское расширение сферы непосредственно общественного труда. В советских учебниках это трактовали как простую национализацию, чтобы “обосновать” построение “социализма” в России.

При этом революции — не главное. Они только подталкивают объективные процессы, когда старая надстройка начинает сопротивляться. Сначала верхушка проводит сама новации, а потом пугается их последствий и начинает сама против своего же детища выступать. Революция не инструмент преобразований. Это Сталин придумал, будто бы надо захватить власть, чтобы с ее помощью проводить социалистические преобразования.

Мне нравится формационная теория, но не в примитивной трактовке. То есть я не имею в виду последовательную смену формаций в каждой отдельной стране.

Вторая важная вещь у Маркса — азиатский способ производства. Он показал, в чем отличие Китая, Индии, Индонезии от европейских стран. Дело в ином типе восточной общины. Община на Западе дала возможность развиваться противоречиям внутри общества, возникнуть партикулярной семье. Община на Востоке была коллективисткой. Крестьянские хозяйства находились под непосредственным руководством императора. Между императором и общиной — государственная бюрократия. Западная община была гораздо динамичней. Поэтому на Востоке не было феодализма европейского типа» [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия...].

По сути дела, многие из этих идей доказывались уже в ранних работах Н.А. Симонии. Подлинным взрывом интереса и одобрением серьезных специалистов сопровождался выход в 1976 г. его небольшой книги «Торгово-ростовщический капитал в странах Азии» [Симония 1968]. Ю.В. Маретин, в то время преподававший нам историю Индонезии на Восточном факультете Ленинградского университета, посвятил в своем курсе целую лекцию этой работе.

Важным выводом этой книги была новая оценка роли торговцев и ростовщиков в общественном развитии стран Азии. Значение этих представителей «мелкого» капитала в развитии общества традиционно для советской историографии принижалось как несопоставимое с капиталом крупным — промышленным либо государственным. Н.А. Симония первым показал, что в Азии ни крупного промышленного, ни сколько-нибудь свободного от коррупции государственного капитала не существовало, поэтому недооценка торгово-ростовщического капитала приводила к деформации в анализе общественных процессов стран Востока [Симония 1968: 37–50].

Некоторые свои идеи Н.А. Симония рассматривает сегодня на многочисленных примерах развития истории нашей страны. «И вот это обстоятельство, а именно то, что мы начали якобы строить то, что на самом деле невозможно было построить, предопределило тупиковость нашего развития. Ленин осознал это и попытался избежать этой тупиковости. Он опасался утверждения в России “царства крестьянской ограниченности”, как он выразился в беседе с иностранным корреспондентом. И Ленин предложил весьма конкретный проект выхода из отсталого состояния России через нэп, т.е. через “особый госкапитализм”. К сожалению, Ленин умер, не успев довести дело до “точки необратимости”, а Сталин вскоре же после его смерти приступил к демонтажу успешно развивавшегося госкапитализма. Характерно, что Сталин при жизни Ленина вообще ни разу не произносил это слово “нэп”» [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия].

Вы можете просмотреть все тома собрания сочинений Сталина до смерти Ленина и убедиться в том, что он умудрился нигде ни разу не упомянуть слово «нэп». Только после смерти Ленина он высказался в том духе, что Ленин сказал, что нэп — это всерьез и надолго, но он же никогда не говорил, что это навсегда. С помощью подобной демагогии он загубил нэп и заставил страну развиваться в течение 70 лет по тупиковому варианту.

И даже после смерти Сталина у нас никогда не было возможности подискутировать по поводу вариантов нашего общественного развития,

поставить под вопрос социалистичность нашего строя. В Китае была такая возможность. Даже при Мао Цзэдуна была возможность, хотя она была очень коварная: пусть расцветают сто цветов, потом эти цветы выросли, а Мао взял косу и все эти «цветы» скошил. Но тем не менее была дискуссия, и она оставила след. А после смерти Мао Цзэдуна дискуссии развернулись с новой силой и с огромным практическим результатом — Китай вернулся к своему варианту нэпа и достиг стремительного экономического роста.

У нас таких дискуссий не было. Наши дискуссии сводились к тому, что товарищ Сулов выступал и разъяснял нам, какой у нас социализм — «реальный», или «развитой», или еще какой-то. То есть была пустопорожняя игра в слова, но никакой серьезной научной дискуссии о том, что же мы все-таки построили и будем дальше строить, никогда у нас ведь не было [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия].

Поэтому эта псевдосоциалистическая модель настолько укоренилась, что не позволила выйти за ее рамки даже тогда, когда у узкого круга лиц, особенно у премьера Косыгина, созрело понимание того, что наша старая система промышленности уже не работает, отраслевая система во главе с министерствами пробуксовывает и появилась идея формирования вертикально-интегрированных объединений, на языке политэкономии это означало бы создание своеобразных социалистических монополий. Но даже и это провалилось, и косыгинская реформа вообще вылилась в пародию, потому что все, что было сказано хорошего и полезного о реформе (в газете «Правда» это заняло целую полосу), было перечеркнуто в конце документа, где говорилось, что проведение этих реформ поручается тем же министерствам. Министерства, естественно, не пошли на самоубийство, и в итоге все сохранилось, как было до того. То есть мы даже внутри своей квазисоциалистической, т.н. «социалистической системы» не смогли технически (я уже не говорю: социально-экономически, формационно) перейти на более высокую ступень развития существовавших производительных сил Советского Союза [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия...].

Второе, что заложил Сталин в смысле неизбежности развала Советского Союза, — это многонациональная империя. Наша империя принципиально отличалась от классических европейских, строившихся по принципу метрополия-колония, как, например, в случае с Великобританией. Там в самой Англии формировалась национальная государственность, а ее «имперскость» проявлялась в том, что у нее были заморские владения: полмиром владела и т.д. Но колониальные структуры были во

вне метрополии, где развивался чистый капитализм и т.д. А у нас все это было в рамках единого государства — самые разные структуры. И поэтому надо было проделать гигантскую работу, чтобы это многообразие превратить в гражданское общество, чтобы была национальная российская государственность — не имперская, а национальная, где единицей общественной ячейки будет гражданин, а не «этнический человек». Но об этом нельзя было даже заикнуться, потому что Сталин сказал о республиках, что они национальные по форме, но социалистические по содержанию. А так как этого содержания, в общем-то, не было, потому что никакого социализма не было, то, значит, оставалась только национальная форма. Постепенно эта форма проникала внутрь сознания, особенно руководства республик, и в итоге постепенно зрела та бомба, которая и взорвалась во время перестройки.

Как только во время перестройки наступило послабление, когда не только тоталитаризм, который начал постепенно разрушаться сразу после смерти Сталина, но даже пришедшая на смену авторитарная система начала давать слабину, особенно в период горбачевского правления, все взорвалось, потому что в республиках возобладало этническое самосознание. Элементы советской гражданственности оказались слабее этнического самосознания, к которому усиленно стали апеллировать локальные элиты. «И поэтому для усиления сепаратизма достаточно было прийти, скажем, в Грузии Гамсархурдии и провозгласить главенство этнического принципа: в Грузии живут только грузины. Естественно, что до сих пор мы расхлебываем (и прежде всего они сами расхлебывают) проблему Абхазии, Осетии и т.д. А ведь там еще есть достаточно компактные армянская и азербайджанская этнические группы» [Симония. Распад Советского Союза: причины и следствия...].

Еще одна монография Н.А. Симонии «Страны Востока: пути развития», вышедшая в 1975 г. [Симония 1975], стала предметом острых дискуссий, едва не стоила автору места работы и вызвала широкий интерес всех специалистов не только по истории и политическим процессам в странах Востока, но и обществоведов вообще. Работа посвящена развитию революционного процесса в странах Востока.

Вот что рассказывает об этом сам Н.А. Симония: «Главному редактору главной редакции восточной литературы издательства “Наука”, где книга была издана, О.К. Дрейеру, к которому попала рукопись, некоторые его доверенные лица настоятельно советовали книгу мою не публиковать, предвещая неприятности. Но Дрейер мне очень доверял. Он честно мне обо всем рассказал и посоветовал: “Вот ведь как народ тебе завидует...” Потом он поручил на всякий случай прочитать текст

издательскому редактору Б.Е. Косолапову — тот был человеком независимых взглядов. Он текст прочитал и сказал, что крамолы не находит. Так вот книга и была издана, тем более что название у нее было самое академичное и непритязательное.

Но шум все-таки поднялся. Наряду с К.Н. Брутенцом, заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС, был и Р.А. Ульяновский. Прежде он работал заместителем директора нашего института, но был “вытеснен” оттуда директором ИВАНА Б.Г. Гафуровым, который видел в Ульяновском соперника. До своего ареста в сталинские времена Ульяновский работал в Коминтерне, где по совместной работе был знаком с Б.Н. Пономаревым, который со временем стал возглавлять Международный отдел ЦК КПСС. Он и пригласил Ульяновского на работу в ЦК.

Ульяновский был возмущен книгой. Он как раз и назвал ее антимарксистской и меньшевистской. В этом ключе он сам написал две отрицательные рецензии на нее, которые были опубликованы в печати. Авторитет ЦК был в СССР невероятно высок, и отрицательный отзыв ответственного сотрудника аппарата ЦК мог быть прологом к очень серьезным неприятностям, из которых потеря работы была не самым страшным. Обстановка была тревожной.

Ульяновский преследовал меня по двум причинам. Во-первых, его очень раздражало то, что я занимаюсь теорией. Во-вторых, он хотел отомстить Гафурову, “свалив” его, и поэтому он предлагал мне вместе с ним выступить против Гафурова.

К счастью для меня, Ульяновский не смог добиться поддержки в борьбе против моей книги от других руководящих сотрудников ЦК. К.Н. Брутенц, к которому он обращался, отказался. Не стали “влезать” в это “дело” и другие руководители отделов.

“Разгромная” рецензия Ульяновского на 80 страницах попала в редакцию журнала “Новая и новейшая история”, главным редактором которого был академик С.Л. Тихвинский. Тот ознакомился с ней, прочитал саму книгу и... крамолы не нашел. Однако не публиковать рецензию сотрудника ЦК было невозможно. Тихвинский только попросил сократить ее до 40 страниц.

История кончилась весьма странным образом. Однажды к директору ИВАНА академику Гафурову пришел заведующий отделом науки ЦК КПСС Сергей Павлович Трапезников и спросил, нельзя ли каким-то образом положить конец “истории вокруг Симонии”. “Зачем Вы делаете из Симонии героя?” — спросил Гафуров. Трапезников предложил “напоследок” провести обсуждение книги в Институте востоковедения,

на что согласился Гафуров. Обсуждение состоялось. Двое выступили с критикой, третий не явился, но прислал письменный разгромный отзыв, а восемь поддержали мою книгу. Закрывая заседание, Гафуров сказал: “Мы все-таки накажем товарища Симонию, поручим ему переиздать его книгу”. Зал встретил реплику директора дружным смехом» [Симония. Мой марксизм...].

Весьма интересны для востоковедов и взгляды ученого на современное развитие стран Востока. Вестернизация как теория и политика, на взгляд Н.А. Симонии, потерпела полное поражение. Не она определила характер тех преобразований, которые реально происходили и происходят в странах за пределами географической зоны традиционной западной культуры.

В 1984 г. Н.А. Симония с группой коллег опубликовал (переведенную впоследствии на английский язык и выпущенную в США) книгу «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» [Эволюция 1984]. В этой работе на огромном фактическом материале было показано, что под внешним, иностранным влиянием происходит в лучшем случае «синтез», то есть соединение «местного» и «пришло-го». Причем сначала это протекает в форме объединения западных и незападных социальных явлений и институтов, а только потом — их внутреннего содержания.

Характер подобных процессов и их результативность зависят от того, в какой пропорции сочетаются местные и привнесенные явления, насколько талантливы лидеры, осуществляющие реформы, в какой степени сами преобразования подготовлены предшествующим этапом развития соответствующей страны, например, если этот этап был колониальным. Не всем государствам «повезло» быть британскими колониями. На путь демократизации (как одной из форм политической модернизации) встали в первую очередь бывшие части Британской империи. Это не значит, что все британские колонии начали строить демократию, но все молодые государства, которые стали ее строить, оказались бывшими владениями британской короны. Исключение составляют только Филиппины, воспринявшие демократические традиции от Соединенных Штатов Америки, колонией которых они были. Все остальные колониальные державы — Франция, Голландия, Португалия — оставили после себя в бывших колониях военные или гражданские авторитарные режимы. А вот те, кому повезло больше, смогли быстро переодеться в «западный костюм», но сумели прошить его нитками традиционного, поэтому он на них и не распозлся. И только потом началась медленная и постепенная содержательная трансформация.

Это модернизация, но не вестернизация, так как изменения в рассматриваемых обществах не сопровождаются их уподоблением Западу. Восточные общества изменяются — Китай, Япония, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, даже Таиланд. Но их модернизация не идет в форме вестернизации — и это важно. При этом далеко не везде модернизация сопровождается демократизацией. Получается, демократизация — важнейшая составляющая вестернизации, но не обязательный элемент модернизации. На деле «модернизационные» реформы во всех перечисленных странах проводились без демократизации.

На Западе демократия была органичным продуктом экономического развития, а не его инструментом. Причем само формирование демократии было длительным. Британии понадобилось около 280 лет с момента Великой английской революции (1640–1689), чтобы лишь в начале XX в. приобрести черты подлинной демократии, да и то за вычетом «женского вопроса», т.е. официального предоставления равных прав женщинам [Симония. Мой марксизм...].

В заключение хочется привести еще одно мнение Н.А. Симонии, относящееся к событиям последних десятилетий в России, но при этом отсылающее нас к индонезийской истории. Оно было высказано 6 декабря 2006 г. на заседании круглого стола «Распад Советского Союза: причины и следствия» (Международная конференция «Горбачевские чтения»): «Бюрократический капитализм (я предпочитаю этот термин) существовал во многих странах, но где-то он был с исторической и экономической точки зрения позитивный, как, например, в Южной Корее, Японии, Сингапуре, а в каких-то странах он носил абсолютно разрушительный и паразитический характер, как, например, при президенте Сукарно в Индонезии и некоторых других странах Азии и Африки.

Мы повторили абсолютно индонезийскую модель при Сукарно, когда все, весь государственный сектор был разворован, обогатились олигархи, денежные средства концентрировались на их личных зарубежных счетах, обнищало все население, вымыло вообще средний класс, его зачатки и т.д., и в итоге мы имеем то, что мы имеем. Нас теперь по этим децильным показателям сравнивают с Латинской Америкой, да и то многие латиноамериканские страны уже все-таки вперед ушли от того, что у нас происходит. То есть абсолютное расслоение.

Суммируя даже то небольшое, что было сказано выше, можно сделать вывод, что развал Советского Союза был неизбежным, но он вполне мог принять не разрушительные формы, а характер медленной, постепенной трансформации того, что было наработано до этого» [Симония. Распад Советского Союза...].

Таким образом, проследив исследования Н.А. Симонии на его творческом пути, очевидно, что размышления об исторических судьбах разных народов и их сопоставление привели выдающегося историка к наиболее острым теоретическим проблемам сегодняшней всеобщей истории.

***

Город в формационном развитии стран Востока / отв. ред. Н.А. Симония. М., 1990.

Н.А. Симония: Биография // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 20.01.2009).

Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.

Симония Н.А. Мой марксизм — это не марксизм советских учебников... // «Международные процессы». Т. 3. № 1 (7). Январь–апрель 2005 г. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/009.htm> (дата обращения 23.03.2009).

Симония Н.А. Распад Советского Союза: причины и следствия // Конференции / Круглый стол проекта «Горбачевские чтения». 7.12.2006. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=650&art_id=25871 (дата обращения 27.03.2009).

Симония Н.А. Страны Востока: пути развития М., 1975.

Симония Н.А. Торгово-ростовщический капитал в странах Азии. М., 1968.

Симония Н.А. Что мы построили? М., 1991.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М., 1984.

ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н.Н. Дьяков

МОРО МЕЖДУ АЛЬ-АНДАЛУСОМ И ИСПАНИЕЙ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

*Молю тебя, Любовь, живи, меня храня,
пока любимый мой далёко от меня,
в Гранаде.*

*Не оставляй меня, пока любимый мой
в Гранаде с маврами ведет жестокий бой,
в Гранаде.*

*Не оставляй меня, пока в той битве он
всех мавров не сразит иль не возьмет в полон,
в Гранаде...*

[Рой Мартинс до Казал1995: 189]

«Диалог цивилизаций», «межкультурные коммуникации» стали в последнее время расхожими категориями, причем не только в политических или академических кругах. Поиск путей взаимопонимания, взаимотерпимости, толерантности — одно из ведущих направлений современных исследований, в том числе в антропологии, этнологии и «примкнувшем к ним» востоковедении.

Христианско-исламский диалог сегодня — один из важных аспектов подобных исследований, роль ислама в истории Европы и России вряд ли кто будет всерьез отрицать. Показательно, что значительное число работ в этой области, выходящих прежде всего в Европе, имеют характерный подзаголовок: «история непонимания», «черты противостояния», «формирование образа врага» и т.п.

Ислам у границ Европы, в том числе у восточных и юго-западных ее рубежей, всегда вызывал интерес литераторов и ученых. Особое место здесь занимает опыт взаимодействия православной России с тюрко-мусульманским миром, а католической Испании — с арабомавританской культурой.

В опыте этом немало общего. Между тем А.С. Пушкин еще в 1834 г. писал: «Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Этот, по выражению Р.Г. Ланды, «косвенный комплимент» маврам Аль-Андалуса, как и многие другие следы мавританского или, чаще, «псевдомавританского стиля» в культуре России и Запада, заставляет вновь обратиться к теме мавров, т.е. испанских *мор* [Ланда 1993: 9].

Моро — рожденный эпохой Реконкисты образ чужака-захватчика, иноверца-мусульманина, веками мифологизированный, подчас романтизированный, — стал частицей духовного наследия Испании, Португалии, а благодаря им — и всего иберо-латинского мира.

Пришедший из латинского *taurus* и из более древнего — греческого *маурос* или даже *амаурос*, этот термин восходит к финикийско-пуническому *махур*. Так выходцы из Ханаана, а затем и Карфагена именовали коренное *темнокожее, смуглое* население западных областей Берберии — жителей нынешнего Алжира и Марокко. (В некоторых городах Магриба слово «махур» и сегодня звучит в названиях кварталов и предместий. — Н.Д.)

Задолго до ислама и начала арабского завоевания Испании римляне и вестготы называли *маврами* (*маурос*) всех обитателей Северной Африки: *берберов, пунов* (*пунийцев*), местных потомков от чернокожих и мулатов (от араб. *муваллад* — «урожденный», «рожденный» (от чужака, иноверца).

Позже, в ходе Реконкисты, маврами — *моро* — христиане Иберийского полуострова и их европейские соседи-единоверцы стали также называть арабов, а в конце концов и всех мусульман.

Термин *моро*, пишет один из испанских исследователей проблемы Мигель Анхель де Бунес Ибарра, в первую очередь применяли к оседлому населению — горожанам и селянам — Берберии. Правда, давно существуют разногласия в этом вопросе. Одни считают, что *моро* — это мусульмане, другие — что африканцы, уроженцы Берберии. Со временем так стали называть арабов-мусульман, придавая этому термину исключительно религиозный смысл.

В широком смысле *моро* — это средний класс, основная масса мусульманского населения Аль-Андалуса. Они, полагают испанцы, более

покладисты и менее жестоки, чем турки, более образованны и культурны, чем арабы или берберы. Это объясняется связью *моры* с городской культурой древней Берберии. Когда они захватили Иберийский полуостров, то смогли вернуться к традиционному образу жизни. В общем, они — полная противоположность испанцам, и этот антагонизм нашел отражение в хрониках, письменной и устной традиции местного населения, отмечает Де Бунес Ибарра [De Bunes Ibarra 1989: 119].

В эпоху Крестовых походов и Реконкисты на западе Средиземноморья термин *моры* обрел тот же смысл, что и более близкие европейцам, знакомым с «магометанским Востоком», слова *сарацин*, *агарянин* и т.п. В то же время собственно *моры* всегда сохраняли африканский, а точнее «варварийский» — сколь экзотический и «взрывоопасный» — дух...

В недавно вышедшей в русском переводе книге «Европа и ислам. История непонимания» итальянский историк-медиевист из Флоренции Франко Кардини приводит анализ «познания друг друга» миром христианства и исламом, причем отмечается, что обе стороны шли на этом пути «далеко не вровень...»

Постепенное открытие европейскими христианами «другой реальности» Ф. Кардини относит к «положительным результатам, достигнутым благодаря ряду событий, в которых Крестовые походы (как и Реконкиста. — *Н.Д.*) являлись военным аспектом, тесно связанным... с аспектами социальными и религиозными» [Кардини 2007: 108].

В древнем европейском эпосе, пишет Ф. Кардини, религия тех, кто — в зависимости от случая — назывался *сарацинами*, *агарянами*, *исмаилитами*, *арабами*, *маврами*, *берберами*, *турками*, *персами*, «азонардами» (*эфиопами*) или еще более причудливыми именами, обозначалась одним словом — «язычники».

Имена «языческих героев» обычно говорят об их связи с областью магического и демонического: Агратарт, Локиферт, Нойрон и т.п. Их внешний облик содержит не только человеческие черты, пусть даже искаженные и зловещие, в нем преобладают черты *сверхчеловеческие*, *нечеловеческие* и *античеловеческие*. Часто язычник — это великан (что отсылает к античной традиции, а также к Св. Писанию — к истории о Голиафе: гигантский рост, как правило, — демоническая черта).

Даже если сарацины, мавры не великаны, они все равно выделяются чудовищным, демоническим обликом: они черные, рогатые, с оскаленными зубами... Важен черный, темный цвет кожи «язычников» — исп. *моры-морено*. (Даже черная шелковица в Испании — *morena*. — *Н.Д.*)

Возможно, это было результатом наблюдения за африканцами, которых было немало среди рабов или солдат, особенно в Египте и Испании.

Лишь гораздо позднее с черным цветом кожи будут ассоциироваться типично африканские черты: курчавые волосы, пухлые губы, приплюснутый нос. Черный цвет кожи *агарян* — поначалу это цвет кожи жителей Йемена, Нубии, Сахары. Однако он в первую очередь имеет дьявольскую коннотацию, которая происходит от традиции апологетов христианства и святых отцов изображать демонов как египтян или эфиопов.

«Этот образ утвердился очень быстро, и слово *maurus*, обозначающее жителей Мавритании, стало говорить не только об этнической принадлежности (*мавры, los moros*), но также — с небольшими вариациями в немецком и в некоторых романских языках — вообще о темном цвете кожи и волос. Даже знамена, которые христианская фантазия приписывает мусульманам, имеют жуткий, магически-дьявольский вид: на них изображены головы мавров, змеи, драконы, скорпионы...» [Кардини 2007: 111].

Мавры, сарацины — все они слуги дьявола, утверждают западноевропейские эпосы эпохи Реконкисты и первых Крестовых походов («Песнь о Роланде», «Коронавание Людовика» — «*Coronemenz Loois*» и др.). Это подтверждают сверхъестественные явления, которыми сопровождается их смерть, например: «если сарацин погибает в сражении, за его душой приходят демоны. Если оружие христиан защищено реликвиями и благословением, то сила оружия сарацин зависит от использования магических обрядов, драгоценных камней и волшебных трав...» [Кардини 2007: 111].

Этика «язычников», справедливо пишет Ф. Кардини, представлялась как христианская этика, вывернутая наизнанку... Достаточно вспомнить, что, по представлениям мусульман-«мавров», именно благодать Божия — *барака* — дарует удачу праведному, его оружию, коню, дому и т.п. (Обладатель бараки в свою очередь получает прозвище «мабрук» — благословенный (араб.)).

Реконкиста в Испании рождалась на севере — в Астурии и других небольших королевствах. Только с XI в. наступление с севера стало «сознательно идентифицироваться» с утверждением христианства. Тогда же и мусульмане стали осознавать себя защитниками земель ислама.

Все более обращаясь к вере, христиане севера обрели в культе Сант-Яго (Св. Иакова Компостельского) источник божественной силы и победы. Одновременно они не пренебрегали материальной основой военных успехов и по возможности перенимали у мусульман оружие, военную технику, а также другие стороны более высокой цивилизации, с которой они враждовали. Реконкиста, движение за отвоевание своих земель, стремление быть христианской Испанией нашли в культуре аль-Андалуса элементы, которые, соединившись, дали их внешний облик.

Сами эти элементы также не были чуждыми, поскольку были почерпнуты из симбиоза арабо-мусульманского и иберийского обществ. Сложный комплекс культурных отношений лежит также в основе таких явлений, как трубадуры и некоторые концепции рыцарства. «Нельзя сказать, какая именно черта здесь принадлежит Востоку, а какая — Европе, поскольку взаимопроникновение этих двух направлений было так велико, что выявить теперь абсолютные различия между ними просто невозможно. Так или иначе, этот союз породил творческое горение, которое выросло в невиданное пламя...» [Уотт, Какиа 1976: 179].

Примечательно, что на севере полуострова, там, где рождалась Реконкиста и куда практически не ступала нога сарацина, образ *моры* получил свое развитие. «*Os Mouros*», как именуют *моры* португальцы и галисийцы (*gallego*), занял в культуре и фольклоре этих народов, пожалуй, не меньшее место, чем у жителей южной Андалусии.

Как и в других областях полуострова, *моуро* означает в Галиции, особенно в сельской глубинке, не просто «темный», «черный», но имеет к тому же явно негативный оттенок.

Моро на севере и северо-западе полуострова стали персонажами народной культуры, истории. Им приписывают сооружение многих старинных построек, ныне лежащих в руинах, древних святилищ, как правило относящихся к доисламской древности, памятникам иберокельтского, пунического, римского, висяготского и т.п. происхождения.

Здесь, на севере, *моры* широко представлены также в местной мифологии. Они, по убеждению местных жителей, обитают в подземелье, правда, иногда выходят наверх, и можно даже увидеть, как они сушат одежду. *Моро*, или *моуро* на севере, конечно, не христиане, но их далеко не всегда считают и мусульманами. Чаще всего им приписывают всевозможные сверхъестественные, демонические черты, а также обладание сказочными сокровищами (*tesoro moro*).

Моро вступают во всевозможные контакты с людьми, помогают пасти скот (например, свиней), иногда крадут его, являются на ярмарки, где покупают вино, пристают к женщинам и т.п. *Моро*, считают в этих местах, очень опасны и готовы убить любого, кто не принадлежит к их роду [Fanjul 2002: 208–212].

Здесь, безусловно, напрашивается параллель образа *моры*, сформировавшегося на Иберийском полуострове, и, видимо, его древнего прототипа — *джинна* Магриба — исторической родины *моры* как таковых.

Превратности судеб в условиях взаимодействия и противостояния культур нашли отражение практически во всех жанрах литера-

туры жителей Иберийского полуострова в разгар боев Реконксты и джихада.

Сложившиеся под влиянием поэтической традиции Востока, *испанские романсеро* принимают вид *пограничных романсов*, в которых образ вполне осязаемых, коварных и доблестных мавров-*моро* встречается буквально в каждой строке.

Так, в средневековой кастильской «Песне короля мавров» звучит:

*Валенсия, ах, Валенсия!
Валенсия, валенсианка!
Вчера была мавританкой,
сегодня ты христианка.
Но скоро вернуться мавры,
я это тебе предрекаю,
королю христиан я саблей
бороду обкорнаю.
Супруга его, королева,
в служанках моих завянет,
а дочь его, недотрога,
наложницей моей станет...* [Клятва 1991: 65].

Как известно, Валенсия окончательно перешла к христианам в 1238 г., между тем местные мусульмане, *моро*, поддерживая новых правителей, еще долго имели в ней свой обширный квартал (*морерия*), где занимались ремеслами и торговлей, сохраняя язык и обычаи предков. (Это название — *moreria* — и сегодня сохраняют бывшие «мавританские» кварталы испанских городов.) Более высокое качество их продукции в условиях конкуренции вызывало даже бунты ремесленников-христиан, в том числе знаменитую *валенсианскую эрмандаду* 1519–1522 гг. В 1609 г. епископ Валенсии Хуан де Рибера писал Филиппу II: «Выгоды духовные и светские необходимо требуют изгнания мавров; иначе мавры в непродолжительном времени завладеют всеми богатствами королевства; ибо не только в их руках находится промышленность, но они бережливы и воздержанны, работают за небольшую плату и довольствуются барышом весьма умеренным, чего невозможно испанцам...» [Ланда 1993: 67].

Лирические «*Мавританские романсы*» (например, «О Мусе», «О Саиде», «О Фатьме и Редуане»), романсы о мавританской принцессе Мориане рисуют в свою очередь горести безнадежной любви, разбивающей сердца юных, разделенных верой:

*От Кармоны на Севилью
вдоль реки поспешно шел
Вальдовинос, франк отважный,
с мавританкой молодой.
Он оглядывался часто,
нет ли мавров за спиной,
против недругов он шагу
обнажил бы в миг любой...*

На этом фоне не вызывают удивления обращенные друг к другу слова возлюбленных:

— *Для тебя я христианкой
стать готова, милый мой!*

— *Я же для тебя, сеньора,
тотчас мавром стать готов!..* [Клятва 1991: 80 и др.].

Окончание Реконкисты, падение Насридской Гранады (1492) открыли «золотой век» испанской истории, который был отмечен великими морскими экспедициями и открытиями XVI–XVII вв. и, конечно, наполнением испанской казны золотом с Востока и Запада. Одной из главных целей, которую преследователи католические монархи «золотого века», прежде всего король и император Карл I/V (1516–1556) и его наследник Филипп II (1556–1598), было покончить с присутствием мусульман-*морос* и, кстати, их сторонников из числа других «иноверцев», например иудеев. На это были направлены силы священной инквизиции, а также монаршие указы.

В XVI–XVII вв. *морос* выступают в испанской историографии и литературе как пестрая, разнородная масса, существенно различавшаяся в зависимости от района обитания [De Bunes Ibarra 1989: 111]. Как и в прошлом, этот термин в первую очередь применялся к жителям Берберии, особенно к обитателям ее городов, ставших основным пристанищем бежавших с полуострова под угрозой инквизиции *морисков*.

И сегодня на полуострове можно встретить *морос*, мнимых или реальных, вполне серьезно, без ажиотажа, воспринимаемых местными жителями. В портовых городах, особенно на юго-востоке Испании, на побережье бывшего Аль-Андалуса, маврами-*морос* нередко называют не только обосновавшихся здесь сегодня во множестве арабов или берберов из Магриба, но и выходцев из Черной Африки. Ведь африканцы, как известно, пришли на Полуостров гораздо раньше арабов, вероятно, еще с финикийцами (т.е. около трех тысяч лет назад). Правда, особенно много африканцев «всех мастей» пришли на полуостров с исламом. Из-

давна, еще с римской эпохи, всех африканцев в Испании также звали маврами, т.е. *морю*. Большинство темнокожих в Испании и в прошлом, и сегодня — это мусульмане из стран Северо-Западной Африки [Ланда 1993: 39].

Любопытно, что сегодня к *морю* могут относить себя и цыгане, особенно из южных районов, из когда-то арабских селений Андалусии. Местные цыгане здесь считаются, правда, не бесспорно, прямыми наследниками мавров, их песен, фольклора, в том числе знаменитого *фламенко*.

***

Ланда Р.Г. В стране аль-Андалус через тысячу лет. М., 1993.

Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания: пер.с итал. СПб., 2007.

Клятва на мече. Испанский романсеро: пер. с исп. Л., 1991.

Рой Мартинс до Казал (XIII — нач. XIV в.) / пер. с порт.-галис. И. Чежеговой // Поэзия трубадуров. Антология галисийской литературы. СПб., 1995.

Yomt V.M., Какуа П. Мусульманская Испания. М., 1976.

De Bunes Ibarra Miguel Angel. La Imagen de los musulmanes y del Norte de Africa en la Espagna de los siglos XVI y XVII. Los caracteres de una hostilidad. Madrid, 1989.

Fanjul Serafin. Al-Andalus contra Espagna. La Forja del mito. Madrid, 2002.

**ВКЛАД Г.Ф. МИЛЛЕРА И И. ИЕРИГА
В ФОРМИРОВАНИЕ БУДДИЙСКОГО СОБРАНИЯ
КУНСТКАМЕРЫ**

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных формированию буддийских фондов Кунсткамеры в XVIII в. Эта работа посвящена предметам, собранным Герардом Фридрихом Миллером и Иоганном Иеригом.

Огромный вклад в становление отечественной науки был сделан учеными-энциклопедистами, путешественниками XVIII в. Одним из первых ученых, собравших коллекцию буддийских культовых предметов, был Герард Фридрих Миллер (1705–1783) — выдающийся историк, археограф. В 1733–1743 гг. Миллер участвовал в экспедиции по изучению Сибири. В ходе экспедиции он описал архивы многих сибирских городов [Ученые-исследователи 2006: 150]. Г.Ф. Миллер большое внимание уделял истории калмыков [Миллер 1787, 2000]. Безусловно, Миллер является одним из основоположников исторической науки в России. В ходе путешествия он уделял большое внимание географии, этнографии, лингвистике, археологии, истории [Элерт 1990: 15]. Ценность коллекции Г.Ф. Миллера увеличивает то, что это одна из первых специально собранных научных коллекций предметов буддийского культа не только в России, но и в мире.

Колоссальное значение для исследования культуры калмыков и бурят XVIII в. имеют также наблюдения П.С. Палласа и И. Иерига. Если вклад Палласа в российскую науку довольно хорошо известен [Кеппен 1895, Муравьев 1977, Ученые-исследователи 2006], то деятельности Иоганна Иерига посвящена только одна работа [Шафрановская 1965: 155–163], в то время как Иериг на протяжении 15 лет снабжал Императорскую Академию наук ценнейшими материалами по культуре, языку калмыков, а позднее бурят и монголов. С 1780 г. Иериг находился в Забайкалье. Основным местом его пребывания стало Гусиное Озеро, где он изучал монгольский и тибетский языки под руководством ламы. Иериг занимался составлением монгольского словаря, который он высылал в Петербург по частям [Шафрановская 1965: 161].

Материалы, собранные Г.Ф. Миллером, П.С. Палласом, И. Иеригом, и в наши дни имеют неоценимое значение для изучения этнографии калмыков, монголов и бурят. Собранные ими коллекции передавались в

Кунсткамеру, однако в результате преобразований музея в начале XIX в. информация о собирателях была утрачена, и только в настоящее время мы можем восстановить предметы из собраний путешественников XVIII в. в коллекциях МАЭ.

В ходе работы над коллекцией, экспонаты которой поступали в Этнографический музей в XIX в. из Азиатского музея, наше внимание привлекли бирки с надписью «Миллер» на обороте экспоната № 719-86, а также на предмете № 719-85 (рис. 1). Прежде никаких иных указаний на то, что вещи Г.Ф. Миллера могут находиться в фондах зарубежной Азии МАЭ РАН, не было. Считалось, что коллекций Г.Ф. Миллера в МАЭ не числится. Нахождение бирок с фамилией Миллера послужило отправной точкой для более пристального исследования этих экспонатов.

Нам необходимо рассмотреть историю формирования фондов Музея антропологии и этнографии РАН для понимания тех проблем, которые возникают при атрибуции экспонатов МАЭ XVIII в. В 1818 г. президент Императорской Академии наук С.С. Уваров просил министра духовных дел и народного просвещения устроить при Кунсткамере особое отделение для восточных рукописей и предметов под названием «Восточный кабинет» и назначить хранителем этого «кабинета» известного востоковеда академика Х.Д. Френа. Френ предложил другое название — «Азиатский музей» [Базиянц 1969: 16–17]. Под Азиатский музей было выделено помещение на первом этаже здания Кунсткамеры. И в него были переданы восточные рукописи, монеты, археологические предметы, а также *коллекция калмыцких предметов культа* [Базиянц 1969: 18], но в списках Азиатского музея информация о собирателях, кроме Г. Эриха, приславшего 6 экспонатов, была опущена. С этого момента имена собирателей, точное место приобретения экспонатов и даты изначального поступления в Кунсткамеру были фактически утрачены. В 1837 г. в связи с формированием на основе Кунсткамеры Этнографического музея из Азиатского музея в Этнографический начали передаваться экспонаты. «По выписке из протокола Конференции от 23 июля 1837 г. (год указан мной) за № 1006 хранители Постельс и Шрадер донесли Конференции, что они получили от акад. Френа все предметы прежнего Азиатского музея...» [Журнал поступлений 1837–1877: 1]. 10 ноября 1879 г. было принято решение о создании Музея антропологии и этнографии на базе Этнографического и Анатомического музеев Императорской Академии наук [Решетов 1980: 6]. В начале XX в. в Музее антропологии и этнографии Б. Адлером была зарегистрирована коллекция № 719, про которую в описи было сказано, что коллекция состоит из монгольских

предметов культа, поступивших в 1837 г. из Азиатского музея. В опись были вложены списки Азиатского музея. В 1979 г. Л.Л. Викторова перерегистрировала коллекцию № 719 и внесла уточнения, касающиеся атрибуции некоторых экспонатов. Л.Л. Викторова указала, что на некоторых предметах имеются этикетки Кунсткамеры, однако информация о собирателях, времени поступления предметов в Кунсткамеру и месте сбора экспонатов установлена не была [Викторова 1987: 104]. Для того чтобы восстановить эту информацию необходимо проследить историю формирования коллекции № 719 с момента поступления предметов в Кунсткамеру.

При внимательном прочтении работы Ф.К. Руссова узнаем, что в 1748 г. от Г.Ф. Миллера поступили предметы тангутского (тибетского), монгольского и калмыцкого культов [Russow 1900: 16].

В Материалах для истории Императорской Академии наук в разделе «1748 год» приводится следующая информация:

«Реестр древностям и другим куриозным вещам, которые я в Сибири за собственные деньги купил. Однакож, ежели соблаговолено будет взять в императорскую кунст-камеру по нижеследующей цене, то охотно уступаю...

Собрание вещей, надлежащих к мунгальскому и калмыцкому идолослужению, а именно:

- [1] барабан, которым собирают народ к идолослужению
- [2] пара медных чашек звонительных
- [3] медная труба в деревянном футляре
- [4] медная сиповка
- [5] небольшой медный колокольчик с тангутской надписью
- [6] медный инструмент, очир называемый, который суеверию служит к прогнанию злых духов
- [7] небольшой ручной барабан с шелковым привесом
- [8] медное молитвенное колесо с брахманской надписью, внутри письменными молитвами наполнено
- [9] мунгальские четки
- [10] мунгальский идол на полотне напечатанный
- [11] малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены
- [12] четыре глиняные мунгальские идола, а именно: чигин муне, цаган даринке, нагон даринке, неман дабага, в двух медных футлярах, какие на шее носят
- [13] пять отчасти печатных, а отчасти письменных амулетов в двух медных и в двух суконных футлярах, которые также на шее носят

[14] белая шелковая пелена, хадин называемая, которую идольские образа покрывают

[15] шелковая поцепка к идольским образам.

Сие собрание весьма редких вещей, каких в Европе еще не видано, на которые я чрезвычайный труд и многие подарки употребил, не дорого будет, ежели за все те вещи оптом тридцать рублей поставлю... Ger. Fridrich Muller» [Материалы для истории 1897: 11–13]¹.

На экспонате № 719-86 кроме этикетки «Миллер» есть еще и бирка с напечатанным номером 9, над которым карандашом надписан номер VII. В настоящее время мы можем утверждать, что это на самом деле означает номер 9 в VII статье старых списков Азиатского музея. Под этим номером в списке числится «малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур» [Опись Азиатского: 14]. Поразительное совпадение с вышеприведенным описанием Миллера: «малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены».

Обращаясь к статье VII списков Азиатского музея, которая озаглавлена «вещи к мунгальскому и калмыцкому идолослужению принадлежащие», мы узнаем, что в этой статье числится 20 предметов:

[1] «Двойной бубен, *которым народ созывают к идолослужению.*

[2] *Пара медных звонительных тарелок.*

[3] *Медная долгая труба из нескольких колен состоящая.*

[4] *Медная ситовка.*

[5] *Небольшой ручной бубен с шелковым привесом, очир называемый, которым мунгальцы по суеверию своему употребляют к прогнанию злых духов.*

[6] *Круглое медное колесо с брахманскую подписью, внутри письменными молитвами наполнено.*

[7] *Мунгальские чотки с двумя белыми и двумя голубыми пронизками.*

[8] *Мунгальский женский идол на полотне выпечатанный, с многими лицами, называемый Аюша.*

[9] *Малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур.*

[10–13] *Четыре небольших мунгальских идола, а именно: Чигин Муни, Цаган и Кеногон Тари, Кепеман дабага, в одной круглой, а другой четвероугольной медной коробочке, какие на шее носят.*

[14] *Такойже глиняный женский идол на подобие четвероугольной плитке.*

---

¹ В реестре Миллера предметы перечислены без разбивки по номерам. Разбивка сделана мной для ясности.

[15] Такойже маленький идол.

[16–19] Четыре отчасти печатных, а отчасти письменных амулетов или ладонок, какие мунгалцы на шею носят, в том числе две в четвероугольных медных коробочках, а один в красном суконном мешочке, а один небольшой свертком в медной коробочке.

[20] Белая шелкова пелена ходак называемая, которую мунгалцы покрывают идольские образа» [Опись Азиатского: 13].

Сходство реестра Миллера и описи Азиатского музея очевидно. В некоторых отмеченных курсивом местах опись дословно повторяет реестр. В реестре Миллера не упоминаются только предметы № 14, 15 из списков Азиатского музея. Таким образом, в статье VII описи Азиатского музея фактически перечислены экспонаты, поступившие в музей от Г.Ф. Миллера.

На полях описи Азиатского музея имеются пометки, сделанные синим карандашом предположительно в начале XX в. Эти пометки позволяют точно соотнести старые номера с современными номерами МАЭ.

В настоящее время Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН обладает следующими экспонатами, поступившими в 1748 г. от Г.Ф. Миллера²:

1. Музыкальная тарелка — литавра. Звук извлекался ударом двух тарелок друг о друга. Бронза. XVIII век. Диаметр — 31 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-83/2-1.

Номер [2] в реестре Миллера.

Номер [2] в списках Азиатского музея.

На сегодняшний день есть только одна из пары. Вторая тарелка не была обнаружена еще в 1979 г. при перерегистрации коллекции [Опись коллекции: 15].

2. Труба — духовой музыкальный инструмент цилиндрической формы, состоит из двух частей и складывается подобно подзорной трубе. XVIII век. Бронза. Длина — 163 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-86

Номер [3] в реестре Миллера.

Номер [3] в списке Азиатского музея.

Деревянного футляра нет, но он не упоминается и в списках Азиатского музея.

3. Барабанчик-дамару. Культовый двойной — в виде песочных часов — барабанчик с шелковым шнуром. Барабанчик вращают в руке, держа за шелковый шнур, и звук извлекается ударами небольших гриз-

---

² Атрибуция и датировка приведенных ниже экспонатов сделаны мною.

ков, закрепленных на кожаных ремнях по бокам барабана. Дерево, кожа, шелк. XVIII век. Высота — 11,5 см, диаметр — 10 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-81

Номер [7] в реестре Миллера.

Номер [5] в списке Азиатского музея.

4. Молитвенный барабан в виде металлического цилиндра, наполненный священными текстами. Молитвенные барабаны являются культовыми предметами, а не музыкальными инструментами. Вращение барабана приравнивается к прочтению молитв. Для облегчения вращения использовался специальный грузик, закрепленный на нити. На тулове барабанчика имеется надпись «ом мани падме хум», выполненная монгольским квадратным письмом. Эту надпись Миллер назвал «брахманской надписью». Бронза, нить. XVIII в. Высота — 4 см, диаметр — 6,5 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-105

Номер [8] в реестре Миллера.

Номер [6] в списке Азиатского музея.

5. Заготовка для буддийской «иконки». 719-85. Изображение Бодхисаттвы Авалокитешвары, отпечатанное способом ксилографии на холсте. Холст, дерево, шелк; ксилография. XVIII век. Длина — 61 см, ширина — 43 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-85

Номер [10] в реестре Миллера.

Номер [8] в списке Азиатского музея.

В описи Азиатского музея назван Аюша. Это ошибка вызвана, видимо, тем, что так подписана на обороте танка № 719-86. На предмете есть этикетки «13 Миллер» и этикетка Кунсткамеры с напечатанным номером 97, который зачеркнут карандашом и карандашом дописаны № 8 и цифра VII. Эта танка названа у Миллера «мунгальский идол на полотне напечатанный».

6. Буддийская икона (танка), изображающая бодхисаттву Амитаюса (монг. Аюша) в окружении трех фигур Будды, Белой Тары, Зеленой Тары и Джамбхалы. На обороте есть номер 9 и этикетка «14. Миллер». Над напечатанным на этикетке № 9 карандашом надписана цифра VII. Также на обороте в верхнем правом углу надпись «Хонш Бодисатва». Эта танка названа у Миллера «малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены». Холст; живопись. XVIII век. Длина — 44 см, ширина — 33,5 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-86

Номер [9] в реестре Миллера.

Номер [9] в списке Азиатского музея.

В настоящее время мы можем утверждать, что этикетки Кунсткамеры использовались и в Азиатском музее. На карандашные пометки, уточняющие место изготовления предметов, обратили внимание Р.А. Ксенофонтова и А.М. Решетов [Ксенофонтова, Решетов 1980: 133]. Мы можем дополнить, что карандашные пометки делались в Азиатском музее, когда необходимо было внести корректуру или дополнение в старый Кунсткамерский номер. Так, лагинской цифрой VII поместили статью в описи, к которой относились эти предметы, а когда порядковый номер не совпадал, то его зачеркивали и рядом приписывали новый.

7. Ладанка (гау). Небольшая металлическая коробочка, в которой хранился образ божества или священные тексты. 719-88. Бронза. XVIII век. Длина — 7 см, ширина — 3 см. Образ божества отсутствует.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-88

Номер [12–13] в реестре Миллера.

Номер [10–13] в списке Азиатского музея.

8. Ладанка (гау). Бронза. XVIII век. Длина — 5 см, ширина — 3 см. Образ божества отсутствует.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-89

Номер [12–13] в реестре Миллера.

Номер [10–13] в списке Азиатского музея.

9. Ладанка (гау). Бронза. XVIII век. Длина — 9 см, ширина — 4 см. Текст или образ отсутствуют.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-96

Номер [12–13] в реестре Миллера.

Номер [16–19] в списке Азиатского музея. Внутри на донце есть старый номер 3 (?).

10. Ладанка (гау). Бронза, бумага. XVIII век. Длина — 6 см, ширина — 1 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-97

Номер [12–13] в реестре Миллера.

Номер [16–19] в списке Азиатского музея.

11. Амулет — молитвенные тексты в красном шелковом суконном мешочке. Бумага, сукно. XVIII век. Длина — 10 см, ширина — 2 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-98

Номер [13] в реестре Миллера.

Номер [16–19] в списке Азиатского музея.

12. Амулет — молитвенные тексты в красном шелковом чехле. На чехол наклеена бумажка с надписью на тибетском языке: bkra shis, что

переводится как счастье. Бумага, шелк. XVIII век. Длина — 6,5 см, ширина — 2 см.

Колл. № МАЭ начала XX в.: 719-99

Номер [13] в реестре Миллера.

Номер [16–19] в списке Азиатского музея.

В фондах Зарубежной Азии МАЭ РАН хранится также предмет, упоминаемый в статье VII списков Азиатского музея, но отсутствующий в реестре Миллера. 719-91 Изображение Белой Тары. Номер [14] в списке Азиатского музея. Керамика. XVIII век. На экспонате есть печатная этикетка Кунсткамеры с № 14 и карандашной пометкой VII, а также печатная бирка с №91. В правом нижнем углу есть надпись тушью Dara-еке (Тара).

Особо необходимо отметить двойной барабан под номером 742-1. Коллекция 742 была зарегистрирована в 1903 г. Б.Ф. Адлером. В графе «собираатель» отмечено, что он неизвестен. В графе «народ» — калмыки. Наше внимание привлекла запись в архивном «Списке всех коллекций...», где указано, что барабан имеет этикетку Аз. VII, 2 [Список всех коллекций...: 39]. Эта запись означает — опись Азиатского музея, статья VII, № 2. К сожалению, в настоящее время этикетка на предмете не сохранилась. Под этим номером в описи Азиатского музея числятся медные тарелки, одна из которых имеется в наличии. На тарелке старая этикетка также не сохранилась.

Мы можем предположить, что барабан под номером 742-1 — это «барабан, которым собирают народ к идолослужению», или по описи Азиатского музея — «двойной бубен, которым народ созывают к идолослужению». Правда, в описи Азиатского музея этот предмет идет под номером [1]. Возможно, что была допущена ошибка в «Списке всех коллекций...».

В составе коллекции № 719 МАЭ, поступившей из Азиатского музея в 1837 г. сначала в Этнографический музей ИАН, а затем в МАЭ, хранится также шесть буддийских икон одного размера, нарисованных на картоне и обрамленных в деревянные позолоченные рамы европейского образца. В описи Азиатского музея эти экспонаты отмечены как «шесть монгольских идолов, из коих четыре называются Махаранзами, один без имени, и один Бадмасанбова, первые пять раскрашены, а последний простой, в позолоченных рамах, три за стеклом / от Г. Эриха присланы/» [Опись Азиатского: 12]. Это единственные предметы, у которых в описи Азиатского музея указан собираатель. Нам не известен ни один Г. Эрих, который мог бы прислать в Петербург подобные изображения. Мы осмелились предположить, что заглавная буква «Г»

обозначает не инициалы, а слово «господин». Получается, что предметы поступили от господина Эриха. Единственный исследователь XVIII в., чья фамилия созвучна с Эрихом, — это Иоган Иериг. Автор обратился за консультацией о записи немецких имен на русский язык в XVIII — начале XIX в. на кафедру общего языкознания филологического факультета СПбГУ. От преподавателя этой кафедры Татьяны Владимировны Клубковой был получен ответ, что в интересующий период фамилия Иерига могла быть записана по-русски как Эрих. (Мы хотели бы выразить глубокую благодарность Татьяне Владимировне за столь ценную консультацию.)

Опираясь на полученную информацию, автор просмотрел архивные книги поступлений, хранящиеся в отделе Учета МАЭ. В одной из книг есть запись о том, что 27 мая 1782 г. Иериг отправил из Гусиного Озера копию изображения *Бурхана Badmagh Sambawa* [Журнал поступлений 1719–1836: 64]. При перерегистрации коллекции в 1979 г. предмет 719-80/6(6) был описан как заготовка для буддийской иконы, изображающая Падмасамбхаву в деревянной позолоченной рамке [Опись коллекции: 14–15]. В настоящее время эта «заготовка для иконы» выставлена на экспозиции «Монголия» в шкафу № 19. Мы вынули «заготовку» из рамки, которая скрывала края и обратную сторону изображения, и нами были обнаружены любопытнейшие факты. Во-первых, это не заготовка для иконы, а рисунок, выполненный на европейской бумаге. На просвет можно различить филигрань изготовителя бумаги. Правда, разобрать рисунок филиграни нам не позволили технические возможности. Во-вторых, изображение подписано Joh. Jaehrig (Иериг!). В правом верхнем углу указана дата — 1782 г. В нижней части и на обороте рисунка имеются сопроводительные надписи на немецком языке (рис. 2).

Таким образом, перед нами и есть та самая копия изображения Падмасамбхавы, выполненная Иеригом, о которой говорится в книге поступлений. Это позволяет нам утверждать абсолютно точно, что все шесть рисунков под номером 719-80/6 поступили от И. Иерига. Четыре рисунка — это изображения Локапал (стражей сторон света), в описи Азиатского музея они описаны как Махаранзи. В Монголии Локапалы известны как Махараджи.

719-80/6(1) Вирудхака — страж Юга и летнего времени года. Картон; живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: hrhags skyes po (Вирудхака). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка Кунсткамеры с номером 89. Длина — 14 см, ширина — 8 см.

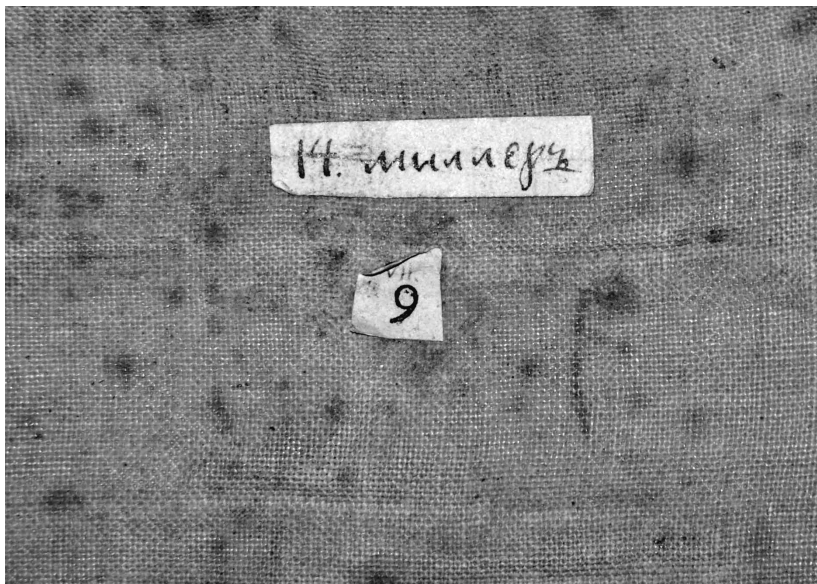

Рис. 1. Этикетка Кунсткамеры с цифрой 9
и карандашной пометкой Этнографического музея «VII».
Этикетка с надписью «Миллер». Собрание МАЭ РАН, колл. № 719-86.
Фото автора, 2008

Рис. 2. Изображение Падмасамбхавы, выполненное И. Иеригом. XVIII в.
Собрание МАЭ РАН, колл. № 719-80/6(6). Фото автора, 2008

Рис. 3. Изображение Будды Прошлого,
предположительно выполнено бурятским ламой.
Картон; живопись. XVIII в. Собрание МАЭ РАН, колл. № 719-80/6(5).
Фото автора, 2008

Рис. 4. Амитаюс. Танка. Забайкалье (?), XVIII в.

719-80/6(2) Вайшравана — бог богатства, страж Севера и зимнего времени года, главный среди четырех стражей. Он возглавляет армию Якшей — защитников буддизма [Frederic 1995: 14–15]. Картон; живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: *gam thos sras* (Вайшравана). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером Кунсткамеры 90. Длина — 14 см, ширина — 8 см.

719-80/6(3) Вирупакша — страж Запада и осеннего времени года. Картон; живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: *miḡ mi bzang* (Вирупакша). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером 91. Длина — 14 см, ширина — 8 см.

719-80/6 (4) Дхритараштра — страж Востока и весеннего времени. Он возглавляет армию Гандхарвов — небесных музыкантов. Картон, живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: *yuḷ 'khor bsrungs* (Дхритараштра). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером Кунсткамеры 92. Длина — 14 см, ширина — 8 см.

719-80/6(5) Дипанкара — Будда прошлого (Рис.3). Картон, живопись. Подписи на тибетском языке под изображением нет. Про этот рисунок в описи Азиатского музея сказано, что он «без имени», однако на обороте имеется плохо читаемая надпись: *Dinangogar*. Автор специального исследования о Иериге Т.К. Шафрановская указывает, что в 1783 г. Иериг прислал Е.Р. Дашковой изображение *Bourgan Gognar*, переданное бурятским ламой Бандидой в знак уважения [Шафрановская 1965: 157]. Мы можем предположить, что под Бурханом *Gognar* подразумевался Дипанкара, записанный в XVIII в. как *Dinangogar*. Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером Кунсткамеры 93. Длина — 14 см, ширина — 8 см.

719-80/6(6) Падмасамбхава — легендарный основатель тибетского буддизма и школы ньингма. Бумага, тушь. Длина — 14 см, ширина — 8 см.

Нам кажется возможным ответить и на вопрос, почему эти вещи — единственные, про которые в описи Азиатского музея указан собиратель. Описание Азиатского музея делится на две части — статью VI и статью VII. Как нам удалось показать, все предметы, относящиеся к

статье VII описи Азиатского музея, были привезены Г.Ф. Миллером в 1748 г. Предметы, перечисленные в статье VI, — это приобретения П.С. Палласа [Иванов 2007: 186–195], за исключением 6 рисунков Иерига. Поскольку Иериг постоянно сотрудничал с Палласом и все посылаемые Иеригом материалы передавались Палласу [Шафрановская 1965: 161], то при составлении описи эти рисунки были объединены с вещами Палласа. Однако чтобы отделить их от предметов, собранных самим Палласом, составитель описи сделал пометку от «Г. Эриха присланы».

В ходе работы нам удалось выявить экспонаты, которые относятся к наиболее ранним специально собранным музейным коллекциям не только в России, но и в мире. Уместно вспомнить слова Миллера, что «сие собрание весьма редких вещей, каких в Европе еще не видано, на которые я чрезвычайный труд и многие подарки употребил...». Эти предметы и в наши дни имеют огромное научное значение, являясь тем немногим, что позволяет нам восстановить историю буддизма у калмыков и бурят в XVIII в., а также позволяют по-новому посмотреть на проблему атрибуции и датировки произведений буддийского искусства.

***

Базиянц А. Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР 1818–1968. М., 1969.

Викторова Л.Л. Монгольские фонды МАЭ // Сб. МАЭ. Т. XLI. Л., 1987.

Журнал поступлений 1837–1877 // Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. Папка 1.

Журнал поступлений 1719–1836 // Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. Папка 2.

Иванов Д.В. Петр Симон Паллас и формирование первых буддийских коллекций в России // Из века Екатерины Великой. Путешествия и путешественники. СПб., 2007.

Кетпен Ф.П. Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895.

Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М. Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Сб. МАЭ. Вып. XXXV. Л., 1980.

Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. IX.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сие время. СПб., 1787.

Муравьев Вл. Дорогами Российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977.

Опись Азиатского музея. Статьи VI, VII. (Хранится в отделе учета и хранения МАЭ РАН.)

Опись коллекции № 719, 1979. (Перерегистрировала Л.Л. Викторова.)

Список всех коллекций с обозначением народностей, мест, откуда получены и лиц и учреждений доставивших коллекции // Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 7.

Решетов А.М., Станюкович Т.В. К 100-летию создания этнографического и антропологического центра Академии наук // Сб. МАЭ. Т. XXXV. Л., 1980.

Ученые-исследователи Калмыкии. Элиста, 2006.

Шафрановская Т.К. Монголист XVIII века Иоганн Иериг // Страны и народы Востока. М., 1965. Вып. IV.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1990.

Russow Fr. Beitrage zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Вып. I.

Frederic L. Buddhism. P., N. Y., 1995.

**НЕКОТОРЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ
ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О КОИТАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ЖИВОТНЫХ-ОБОРОТНЕЙ
(По материалам японского собрания МАЭ РАН)**

В японском собрании МАЭ РАН есть довольно много произведений традиционного японского искусства (живопись, гравюра, керамика, художественные металлы, театральные аксессуары и т.д.), иллюстрирующих фольклорно-мифологические сюжеты с участием разнообразных животных-оборотней, а также мифических и демонических существ (в том числе зооморфных). Многим из этих персонажей традиция приписывает коитальные функции; нередко непосредственно изображаются и сами сцены коитуса с участием указанных выше персонажей, вокруг которых выстраивается целое парадигматическое поле, заслуживающее рассмотрения с точки зрения этнографической науки.

Надо сказать, что на неподготовленного зрителя такие экспонаты часто производят шокирующее впечатление; кроме того, некоторые изображения расценивались сотрудниками МАЭ — нашими предшественниками — как «японская порнография», что и обусловило статус этих предметов и соответствующее к ним отношение. Точка зрения автора состоит в том, что предметы из японского собрания МАЭ, изображающие «интимные сцены» с разной степенью откровенности, нельзя квалифицировать как «порнографию», ибо они отражают целый пласт традиционной японской культуры и традиционного японского мировоззрения с его специфическим отношением к коитусу: 1) как к основе миропорядка; 2) как к явлению повседневному и банальному; 3) как к объекту юмористического изображения. На японском материале прослеживается тенденция к объединению всех этих подходов в рамках одного и того же «изображения».

Примечательно, что если иллюстрировать конкретными экспонатами семантический ряд, выстраивающийся вокруг «неприличных» персонажей, то рядом с ними окажутся предметы или изображения вполне «невинные» (для человека непосвященного). Большое разнообразие коитальных мотивов и персонажей характерно для всего спектра традиционного японского искусства: культовых памятников, архитектуры, скульптуры, пластики, керамических, фарфоровых и лаковых изделий, живописи, гравюры, одежды, оружия, музыкальных инструментов и театральных аксессуаров.

В целом, в японской традиции можно выделить следующие основные группы персонажей — носителей коитальных функций:

Синтоистские божества, особенно те, что связаны с культурами плодородия, в том числе с фаллическими культурами.

Черты (*они*) и демоны (*мамоно*).

Драконы.

Различные животные-оборотни (*ё:кай*).

Ниже пойдет речь об интерпретации некоторых изображений (графюры, живопись, статуэтки, маски) из японского собрания МАЭ РАН, посвященных трем важнейшим оборотням *ё:кай*, а именно барсукам *тануки*¹, лисицам *кицунэ* и змеям.

Барсук *тануки* — самый популярный в Японии оборотень-трикстер. Этот персонаж прямо связан с архаичными фаллическими культурами и культом плодородия. Фольклорная традиция приписывает его детородным органам особую магическую силу, благодаря которой он может превращаться в людей, различные предметы, постройки и даже принимать образ синтоистских или буддийских божеств. Эти способности позволяют *тануки* успешно дурачить людей — как для собственной корысти, так и просто ради забавы. Известно много фольклорных мотивов, посвященных оборотничеству *тануки*: «Утес фонарей-бомбори», «Гора Кати-кати», «Чайник, приносящий счастье», «Рисовые колобки и белые камни» и др. Изображения *тануки* не только иллюстрируют эти сюжеты, но и пародируют многие другие сюжеты из японского фольклора и средневековой литературы.

Тануки очень часто изображается в довольно скабрёжном виде: с огромным раздувшимся животом (символизирующим такие милые пороки, как чревоугодие, склонность к злоупотреблению сакэ и сладостлюбие) и огромными, свисающими до земли, гениталиями. Иногда *тануки* изображается в одежде (например, в одеянии буддийского монаха²), и тогда в руках он держит внушительный пест откровенно фаллоидной формы, что намекает на параллели с фаллическим божеством Сарудабико и его подручными демонами *тэнгу*. В Японии статуэтки *тануки* встречаются очень часто: и на улицах городов (указывают на питейные заведения в японском стиле), в садах и парках (служат своеобразным духом-хранителем природного ландшафта).

¹ В отечественной фольклористической традиции принято называть *тануки* барсуками, хотя это енотовидная собака.

² Своим «упитанным» обликом и повадками (владением магическими силами, умением манипулировать сознанием профанов и склонностью к указанным выше порокам) *тануки* весьма напоминает японцам плутоватого буддийского монаха.

Изображения *тануки* довольно широко представлено и в собрании МАЭ. Например, есть несколько керамических фигурок тануки, подробно описанных Р.А. Ксенофонтовой в статье «Фольклорно-культурные образцы японской гончарной продукции начала XX в.» [Ксенофонтова 1981: 67–80].

Кроме керамических фигурок, изображения *тануки* встречаются и на гравюрах *укиё-э*. Так, в собрании МАЭ есть лист (инв. номер 1215-1с), посвященный проделкам *тануки*. На этом листе (школа Утагава Куниёси) помещены 18 картинок, на каждой из которых обыгран тот или иной сюжет, отражающий барсучьи забавы (рис. 1):

1. *Тануки-хозяин* разложил свои гениталии на манер *ко:тацу* (стол, накрытый покрывалом, под который ставится жаровня для обогрева в зимнее время) и приглашает *тануки-гостя* выпить сакэ.

2. Четыре барсука в красных *фундоси* (набедренных повязках) ловят рыбу, используя гениталии в качестве сетей.

3. *Тануки* демонстрирует свою физическую мощь: лежит на татами и ногами поднимает свои гигантские гениталии, чем приводит в восхищение двух тануки-зрителей.

4. Трое *тануки* изображены в виде усталых путников, прикрывающихся гениталиями от непогоды как плащами.

5. *Тануки* изображен бродячим торговцем, перетаскивающим свой товар в волокуше (соответствующий орган). Он освещает себе путь фонарем, на плече держит метлу.

6. Четыре *тануки* изображают новогодний танец: трое играют на музыкальных инструментах, четвертый танцует со своим фаллосом.

7. *Тануки* сшибает диких гусей.

8. *Тануки* изображает Дарума, обернувшись гениталиями и выпучив глаза. Три других тануки окрашивают его красной краской.

9. *Тануки* изображает торговца: расстелив гениталии как ковер, выложил на него товар.

10. *Тануки* изображает монаха-воина Бэнкэя, утащившего из храма Миидэра гигантский священный колокол (вместо колокола — гениталии), подаренный некогда богом-драконом, обитавшем якобы в озере Бива.

11. Три барсука фехтуют своими фаллосами.

12. Три барсука растирают рис. Один из них раскатывает свои гениталии, как тесто.

13. *Тануки* изображает Фукурокудзю (одного из семи богов счастья, «украшенного» фаллоидной шишкой на голове); вместо головы — фаллос, имитирующий «шишку мудрости».

14. *Тануки*, обернувшись монахом, идет за подаянием и бьет палочкой в свои огромные тестикулы как в барабанчик.

15. *Тануки* из своих гениталий соорудил лодку и, как бурлак, перевозит двух курящих трубочки пассажиров.

16. Весенняя чистка: один барсук развесил гениталии на стойке для просушки кимоно, другой протирает это «кимоно» тряпкой.

17. Посещение бани: два *тануки* стоят у входа, третий сидит на ящике. В бане моются два барсука. Возможно, баня — это созданное сидящим барсуком наваждение.

18. «Чайная церемония»: *тануки* расстелил гениталии как стол и готовит на нем чай, потчует двух гостей.

Тануки в японской изобразительной традиции иногда мало отличаются от лисов, и порою различить их довольно сложно. Иногда они изображаются вместе с лисами как существа «одной природы». Так, на одном из японских анонимных «порнографических»³ рисунков (датируется примерно серединой — второй половиной XIX в.) из коллекции Вацлава Серошевского (инв. № 831–3/6–4) изображена сцена коитуса с тремя действующими лицами: *тануки* и белый лис совокупаются с женщиной (рис. 2). Представляется, что здесь несколько в гротескной форме проиллюстрирован один из фольклорных мотивов, связанных с праздниками плодородия. Примечательно, что в традиционных японских представлениях о функциях божеств, связанных с культурами плодородия, есть определенные пласты, которые никак не отражены ни в текстах, ни в сохранившихся ритуалах, но зато весьма ярко иллюстрируются соответствующими изображениями.

На коитальные функции *тануки* и его связь с женщинами и в качестве инкуба, и в роли фаллического божества довольно прозрачно намекают некоторые фольклорные сюжеты. Так, в сказке «Гора Кати-кати» есть сюжет об убийстве женщины барсуком при помощи песта, что имеет очевидные параллели с ритуалом — символическим *ёмэдзёиваи* — «избиванием» женщин и / или «охлопыванием» молодых женщин фаллоидным пестом, называемым *харамэмбо*: [Сакаи Усаку 1958: 45–47] (*хараму* — «становиться беременной, бо: — пест) актерами в костюме фаллического божества Саруда-бико (Дайтэнгу) во время празднеств, известных как *Хо:нэн-мацури*. Известны также фигурки нэцкэ, изображающие *тануки* в облике монаха, соблазняющего женщину.

³ Эти «акварельные рисунки», иллюстрирующие некоторые аспекты фаллических культов, в музейных документах обозначены как «японская порнография». Действительно, на некоторых из этих рисунков показаны откровенные порнографические сцены, но на других изображены весьма странные и неоднозначные сюжеты, требующие особого комментария.

Что касается белого лиса, то это представитель целого класса лис-оборотней, известных как *кицунэ*. Как и в китайской традиции, им приписываются различные магические свойства (например, умение мгновенно передавать информацию от одного человека другому), равно как и функции инкубов и суккуб. Впрочем, в японской традиции приписываемая лисицам функция оборотней-суккуб не так акцентирована, как в китайском фольклоре, и эту роль взяли на себя другие персонажи, в первую очередь *тануки* и змеи, а также кошки.

Тем не менее и в японском фольклоре, искусстве и литературе представлено немало сюжетов, посвященных лисам. Японские представления о «деятельности» *кицунэ* сложились в результате смешения синтоистской и буддийской традиций, а также под прямым влиянием заимствований из традиции китайской.

Кицунэ могут быть как благими божествами-покровителями, так и вредоносными демонами (*ё:кай*), иногда оба эти качества сочетаются в одном персонаже. Считается, что все оборотни *кицунэ* обладают разными магическими силами — они отличаются от обыкновенных лис тем, что над головами у них светит колдовской огонь (*кицунэ-хи*), а на хвостах у них может сиять волшебная бусина *хоси-дама*, где и находится сверхъестественная сила оборотня. Они также умеют влиять на погоду: например, совокупление лис-оборотней способно вызвать дождь, и поэтому неожиданный ливень называют *кицунэ ёмэри* — «лисья свадьба». Оборотни, прожившие свыше ста лет, становятся белыми; если живут дольше, то у них отрастает сначала три хвоста, потом — пять, потом — семь. У тысячелетней лисицы шерсть золотистого цвета, а хвостов — девять. Лисы все слышат, все видят, все знают, чем и пользуются как в собственных целях, так и по приказу поймавшего их человека, а иногда — и в интересах своего возлюбленного. Так, существует сюжет об оружейнике Сандзё: Кокадзи Мунэтика, жившем в X в., которому его возлюбленная *кицунэ* помогала ковать волшебный меч *Когичунэ-мару* — «Маленькая лиса». Этому сюжету посвящена пьеса театра Но и гравюры многих ведущих художников жанра *укиё-э* (таких, как Куниёси, Кунисада, Ёситоси и др.).

Одно из наиболее популярных и благодетельных персонификаций *кицунэ* — белый лис Инари, стоящий в центре целого кластера архаичных синтоистских культов. Культ Инари-сама — весьма древний и имеет множество локальных вариантов. В целом же Инари поклоняются как божеству риса и рисовых полей, божеству плодородия (со всеми вытекающими «по должности» коитальными функциями), божеству-заступнику, к которому обращаются с разными просьбами, в том числе с

мольбой о рождении детей. По всей Японии есть множество святилищ, посвященных Инари; крупнейшее из них — *Фусими Инари тайся* — находится в Киото, в районе Фусими. Хотя известно, что Инари довольно капризен и тоже (как и его собрат-*тануки*) склонен к разнообразным хитростям и даже прямому обману. Маски бога Инари в виде головы белого лиса широко используются в синтоистских ритуалах, в том числе на праздниках плодородия и особенно на представлениях театра Кагура. На экспозиции японской МАЭ РАН представлена маска Инари (инв. № 2072-312, из коллекции А.И. Иванова).

В Японии существуют довольно устойчивые представления о лисах-инкубах, которые входят в женщину (в том числе через ее сновидения) и поселяются в ее теле. Женщина от этого чахнет и быстро умирает. «Лисья болезнь» — *кицунэ-цуки* — одно из реально существовавших в Японии психических расстройств, которому были подвержены молодые девушки из простонародья. В психотическом состоянии они лаяли и двигались, как лисы; говорили на иностранных языках, которых не знали и даже, будучи неграмотными, могли читать и писать иероглифы. А также в больших количествах поглощали жареный *тофу* (соевый творог), который, как считается, очень любят *кицунэ*. Одержимых демоном-лисой лечат экзорциасты *ямабуси*, а также для выздоровления больной ее родственники делают подношения священным Инари: *кицунэ* очень боятся своего «патрона». Описание японской «лисей болезни» дается в книге Лафкадио Хёрна «Блики незнакомой Японии» [Hearn 1894: 324–325].

Коитальная функция при этом остается важнейшей, и *кицунэ* не могут существовать без сексуальной связи с людьми. Народная этимология даже объясняет само слово *кицунэ* как «приходящая спать [с женщиной]». В Японии бытует немало сюжетов о сожительстве *кицунэ* с мужчинами, есть даже такое понятие — *кицунэ-нёбо*: — «лисица-жена». Это существа вполне «симбиотические» с мужчинами: принимают вид очень привлекательных молодых женщин, искусных и в любовной игре, и в хозяйстве. Они приносят в дом достаток и рожают детей, но так или иначе их лисья природа оказывается к общему несчастью раскрытой, и *кицунэ* вынуждена оставить дом мужа. Хотя и после она так или иначе незримо помогает мужу и детям или защищает их от несчастий. Подобная тема обыгрывается в таких сказках, как *Синодадзума* — «Жена из Синода», *Кадзу-но ха* — «Листок плюща», *Ковата-но кичунэ* — «Лиса из Ковата» и др.

Но жена-лиса может принести и горе. Так, в коллекции МАЭ есть небольшая картина на фарфоровой пластине (инв. № 2932-40), на ко-

торой изображена сцена разоблачения злокозненной лисы-оборотня Тамамо-но Маэ (рис. 3). Этот сюжет, восходящий к одной из старинных японских легенд, вошедших в *Кондзяку-моногатари* (сборник коротких новелл, анекдотов и преданий второй половины периода Хэйан (794–1185), стал основой для многих пьес театров Но, Кабуки и Дзё:рури. Существует несколько версий этой легенды. В целом, сюжет сводится к следующему: жившая в Индии девятихвостая бело-золотая лиса-оборотень практиковала эротическую магию и достигла на этом пути необычайного успеха. Она стала фактически бессмертной, обрела возможность летать по воздуху и превращаться по собственному желанию в любое живое существо. Будучи по натуре существом демоническим (*дакини-тэн*), она соблазняла правителей многих стран и обрекала их на смерть от истощения.

Наконец, она достигла Японии, где проникла в императорский дворец, убила придворную даму Хацухана, служившую императору Тоба (1103–1156), и приняла ее облик. Император оценил ее красоту, ум и любовное искусство и сделал ее своей любимой наложницей. Однако от ее губительных чар император тяжело занедужил и едва не отправился в мир иной. Придворный астролог-*оммё:дзи* (знарок *Оммё:до*: — «Пути темного и светлого начал», т.е. японского даосизма), знаменитый Абэ-но Сэймэй Ясунари, сумел разоблачить оборотня, ибо сам был сыном лисицы, только благонравной. Во время магической церемонии *Тайсан фукун-но сай* (буквально: «церемония императора Тайшаня», одного из важнейших китайских даосских божеств) он прилюдно показал ее истинный облик в отражении бронзового зеркала.

Увидев свое истинное отражение в зеркале, разоблаченная лиса взмыла в воздух и улетела прочь. Еще некоторое время ей удавалось дурочить людей, изображая то куртизанку, то знатную даму, то явление божества грома (*Райдзин*). Но лису настигли посланные на ее поимку самураи. В их стрелы бог грома (оскорбленный лисой) вложил силу молнии, и они поразили оборотня. Лиса упала наземь; Абэ Ясунари переместил ее дух в скалу, ставшую для оборотня вечной тюрьмой. Однако дух лисы продолжал злодействовать даже будучи плененным, превратив скалу, в «Камень смерти», убивавший всех живых существ, к нему приближавшихся.

Через триста лет около страшного камня оказался дзэнский монах Гэнно: и сразу понял, что в камне заключен дух древней лисы. Гэнно: вступил с ним в контакт, и дух пообещал навеки успокоиться, если монах освободит его из камня. Гэнно: совершил экзорцистский ритуал и вызволил из камня дух лисы. Преклонившись перед монахом, дух обрел покой и исчез навсегда.

Лису-оборотня Тамамо-но Маэ японская традиция относит к разряду т.н. *дакини-тэн* — «ояпонившихся» сверхъестественных существ индийского происхождения, обычно (но не обязательно) злокозненных, имеющих зооморфные (как правило, лисьи) черты и относящихся к периферии синкретического синто-буддийского пантеона. Культ *дакини-тэн* получил довольно широкое распространение в Японии. В г. Тиба имеется даже синтоистское святилище, посвященное этому культу.

Имя Тамамо-но Маэ (или просто *кицунэ*) в период Эдо было ругательным эпитетом в отношении распутных красавиц, склонных к изменам и козням и процветающих за счет обманутых ими мужчин.

Другим символом похоти в Японии, потеснившим образ лисицы, выступает змея-оборотень. В этом амплуа змея (змеи) выступает в двух ипостасях: 1) могущественного синтоистского божества, в змеином облике вступающего в брак с женщиной; 2) похотливой и/или ревнивой женщины (реже — мужчины), помогающей любым способом связи с объектом своего вождления, что нередко заканчивается смертью обоих.

Этой теме посвящено несколько сюжетов из мифологических сводов *Кодзики* и *Нихон сёки* эпохи Нара (710–794), литературных сборников эпохи Хэйан (710–794) — *Нихон рё:ики*, *Кондзяку моногатари*, *Фудоки* и др., средневековой новеллы жанра *эцува*, анонимных рассказов *отоги-дзо:си*, а также в авторских литературных произведениях⁴.

Сюжеты о явлении божества в облике змея сводятся к следующему: некой деве из благородной фамилии по ночам является прекрасный юноша, и она вступает с ним в связь, не зная его имени, но предполагая, что он — божество. Попытка «несанкционированного» выявления его подлинной сущности может закончиться как благополучно (выясняется, что красавец змей — божество из некоего святилища, семья девушки получает от него богатые подарки и/или покровительство, наделенное особым даром), так и несколькими вариантами смерти девушки (змеи ее пожирает; девушка чахнет и умирает; девушка сама себя убивает жестоким способом, например, пронзив себе лono палочками *хаси*, когда «разоблаченный» супруг-змеи вынужден ее покинуть навсегда).

---

⁴ «О распутнице из округа Муруно земли Кию» (сборник *Нихон рё:ики*); «Повесть о том, как монах из храма Додзёдзи, что в провинции Кию, сделал список “Сутры о Цветке Закона”, чем спас двух змей от мучений» (сборник *Кондзяку моногатари*); Сузуки Сёсан. «О том, как... некая женщина после смерти превращается в змею и обвивает мужчину»; Сузуки Сёсан. «О том, как похотливый монах обратился в змея»; Уэда Акинари. «Распутство змеи».

Сюжеты о превращении одержимых похотью женщин, как правило, имеют одну основу: некая красивая и материально обеспеченная вдова соблазняет юношу-монаха, а потом начинает его повсюду преследовать и бесстыдно требовать продолжения связи наперекор всем обстоятельствам. Старые опытные монахи пытаются оградить юношу от домогательств, но женщина превращается в гигантскую змею, убивает юношу и погибает сама. Во многих вариантах этого сюжета юношу прячут под монастырским колоколом, но змея его обвивает, и источаемый ею жар сжигает и прячущегося под колоколом юношу, и саму змею-распутницу. В некоторых вариантах сюжета змея является в компании со своей служанкой, тоже змеей.

Отдельно стоит сюжет о гомосексуальной страсти монаха к юному послушнику: когда монах уснул, его похоть принимает вид змеи и вползает в келью юноши. Тот бьет ее палкой по голове и выбивает глаз. В тот же момент монах просыпается — и один его глаз оказывается выбитым! [Сузуки Сёсан 2004: 859–860].

В коллекции МАЭ есть два изображения эротического характера, иллюстрирующих связь змеи и человека (рис. 4).

На акварельном рисунке из упоминавшейся уже коллекции В. Серошевского (инв. № 831-3/6-5) изображена следующая сцена: на помосте сидит обнаженная женщина и держит в руках толстого змея, обвивающего ее шею. Раздвоенным языком змей касается «сокровенного места» женщины. Перед помостом на первом плане изображен мужчина в традиционном японском костюме. Он сидит «по-японски», на пятках, склонившись в поклоне и повернувшись спиной к женщине, при этом через правое плечо указывает на нее сложенным веером. Рисунок датируется примерно серединой — второй половиной XIX в.

Интерпретировать это изображение следует как специфический японский юмор эротического характера: здесь пародируется сюжет о связи богини Бэнтэн-сама с морским змеем. Бэнтэн, одна из семи богов счастья, почитается как морская богиня, покровительница вод, госпожа змей и божество всевозможных удовольствий, как интеллектуальных, так и плотских. Образ Бэнтэн — синкретический, объединивший синтоистскую богиню Амэ-но Удзумэ (и «производные» от нее Окамэ-сан / Отафуку), связанную с фаллическими культами и театром Кагура, и индуистскую богиню Сарасвати, «появившуюся» в Японии вместе с буддийскими культами. Бэнтэн-сама, как и Амэ-но Удзумэ, часто изображается полуобнаженной или даже полностью обнаженной, иногда — с сопутствующей ей белой змейкой (иногда богиня является в виде змеи) [Hearn 1894: 92],

иногда — восседающей на гигантском морском змее, которого она укротила своей красотой (подобно тому как Амэ-но Удзумэ покорила сердце фаллического бога Саруда-бико) и сделала его своим мужем-служгой. На листе № 831-3/6-5 изображена, скорее всего, не сама Бэнтэн-сама, а «актриса», изображающая «перевоплощение» в богиню. Действительно, архаичный институт *мико* — женщин-медиумов, в трансовом состоянии представлявших синтоистских божеств (прежде всего Амэ-но Удзумэ, считавшуюся покровительницей женщин-медиумов, а также связанную с ней Бэнтэн-сама), был весьма распространен в Японии с древнейших времен и кое-где сохранился вплоть до настоящего времени [Japan: An Illustrated Encyclopedia 1993: 1355–1356]. Но в данном случае представлен не собственно медиумический процесс, а саркастическая пародия на него.

Другое изображение, о котором пойдет речь, представляет собой гравюру укиё-э работы Итиюся Куниёси (подпись: *Итию:сай Куниёси-га*, с печатью *ёсикири-мон*; 湊小版湊小版 печати цензоров: 1) *Магоми* и 2) *Хама*; печать издателя: *Минато сёхан*, 40-е гг. XIX в. Инв. № 7095-1 (рис. 5).

На листе изображена весьма саркастическая пародия на сцену из постановки театра Кабуки по мотивам пьесы Тикамацу Мондзаэмона «*Синтю: ёгосин*» — «Двойное самоубийство [влюбленных] накануне праздника *Ко:син* [57-й день 57-го года по 60-летнему календарному циклу]». Герой этой пьесы — молодой торговец овощами (*яоя*) по имени Хамбэй — большой любитель веселых кварталов; он все время проводит с куртизанками и забывает о своей молодой беременной жене, которая терпит всяческие притеснения от семьи Хамбэя. Свекровь выгоняет ее из дому, и та случайно встречается со своим мужем-гулякой. Тот раскаивается, и вместе они совершают двойное самоубийство в наиболее благоприятный для этого день.

Похождения Хамбэя по веселым домам стали довольно популярной темой в творчестве художников укиё-э, в том числе Утагава Куниёси. Но такая интерпретация темы, какая дана на рассматриваемом листе, весьма редкая: здесь изображена сцена, не отраженная в тексте самой пьесы: Хамбэй наказан жизнью за распутство тем, что его «грешный уд» превратился в гадюку (*мамуси*), и, как можно понять, его отец призвал змеелова (*мамуси-ури*, буквально — «торговец гадюками»), чтобы тот избавил Хамбэя от гадюки. Хамбэй со страдальческим выражением лица изображен в центре листа: его держит слуга, обхватив за пояс, а торговец-змеелов тянет гадюку на себя, вознамерившись оторвать ее от тела Хамбэя.

Рис. 1. Забавы тануки. Гравюра укиё-э школы Утагава Кунисёи.
Япония, середина XIX в. Инв. № 1215-1с

Рис. 2. Сцена совокупления женщины с оборотнями — белым лисом и «барсуком» тануки. Анонимный акварельный рисунок. Япония, конец XIX в. Собиратель — В.Л. Серошевский. Инв. номер № 831-3/6-4

Рис. 3. Сцена разоблачения лисы-оборотня Тамамо-но Маэ
магом оммё:дзи Абэ-но Сэймэй Ясунари. Анонимная картина на фарфоре.
Конец XIX — начало XX в. Инв. № 2932-40

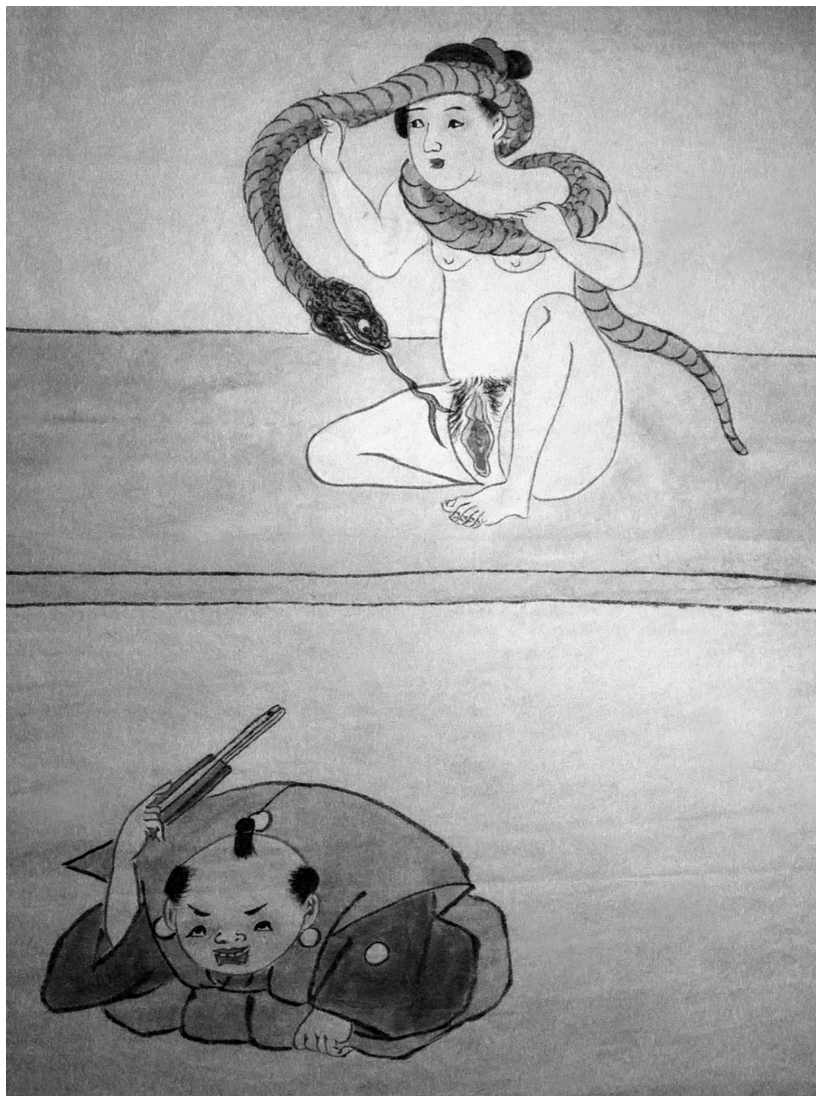

Рис. 4. Сцена ритуального (?) «совокупления» женщины со змеем.
Анонимный акварельный рисунок. Япония, конец XIX в. Собиратель —
В.Л. Серошевский. Инв. номер № 831-3/6-5

Рис. 5. Сцена, изображающая повесть Хамбэя, чей penis превратился в гадюку, которую пытается оторвать от его тела змеелов — продавец гадюк. Иллюстрация к пьесе театра Кабуки «Синтю: ёигосин». Гравюра укиё-э Утагава Кунисёи. Инв. № 7095-1

***

Ксенофонтова Р.А. Фольклорно-культурные образцы японской гончарной продукции начала XX в. // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Т. XXXVII. Л., 1981. С. 67–80.

Сакаи Усаку. Инэ-но мацури. Токио, 1958. С.45–47.

Сузуки Сёсан. «О том, как похотливый монах обратился в змея» / пер. В.П. Мазурика // Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. СПб., 2004. С. 859–860.

Hearn Patrick Lafcadio. Glimpses of Unfamiliar Japan. L., 1894.

Japan: An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, 1993. P. 1355–1356.

АВСТРАЛИЯ И РОССИЯ

S. Fitzlyon

INTRODUCTORY WORDS TO CONFERENCE HELD IN THE KUNSTKAMERA ON AUSTRALIA

ПРИВЕТСТВИЕ

Почетного консула Австралии в Санкт-Петербурге Себастьяна Фиц-
лайона

Conference held in the Kunstkamera on Australia, 13th April 2009
Introductory words by S.K.Z. FitzLyon, Honorary Consul of Australia in
St. Petersburg

Dear Friends,

It is fitting that a conference on Australia should be held this year, being the 20th Anniversary year since the establishment of the Sister City relationship between Melbourne and St.Petersburg. Various events took place in St.Petersburg in February commemorating this anniversary, and likewise a programme of events is being arranged in Melbourne for October.

Also it is pleasing to see that students are taking an active interest in my country, as the level of knowledge about Australia could be higher. We are, after all, far away. Those few specialists who do specialise in Australia, here in St.Petersburg, are true experts in their relative fields.

I am looking-forward to listening to the papers to be presented today, as I myself always find new things to learn when in the presence of university staff, experts and students.

Australia and Russia enjoy excellent relations in this difficult world, becoming more difficult by the day, and we are both, after all, maritime powers in the Pacific Region, with many common interests, and I feel that we have strategic reasons to become closer, and we shall become closer still.

It is a privilege to be invited here. I congratulate Prof. Alexander Massov and Dr. Pavel Belkov at the Kunstkamera for organising this conference. Thank you!

Sebastian Fitzlyon,
Honorary Consul of Australia in St. Petersburg

РУССКИЕ МОРЯКИ О МЕЛЬБУРНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Первыми русскими, которые увидели Мельбурн вскоре после его основания и поделились впечатлениями об этом городе со своими соотечественниками, стали моряки российского военного флота. Во второй половине XIX в. в Мельбурне — столице английской переселенческой колонии Виктория — побывало 10 русских военных кораблей. Это были суда русской Тихоокеанской эскадры, которые посещали Мельбурн как транзитный порт либо во время учебно-тренировочных плаваний, либо на своем пути из Балтики на русский Дальний Восток или в обратном направлении. Русские морские офицеры были людьми образованными и наблюдательными, с пристальным интересом всматривались они в жизнь Мельбурна — молодого, быстрорастущего и удивительно красивого города Австралии. Нельзя не отметить, что в особенностях восприятия российскими моряками Мельбурна, как в капле воды, отражались особенности восприятия русскими Австралии как страны в целом. Причем их впечатления всегда преломлялись сквозь призму проблем, волновавших русское общество в первые пореформенные десятилетия.

Первым из русских кораблей в 1862 г. зашел в Мельбурн корвет «Светлана». Город сразу же покорила русских моряков. «Юная столица колонии Виктория поражает уже своим наружным видом.., — писал судовой врач “Светланы” Д.В. Мерцалов. — Все обещает, что через несколько десятков лет здесь будет второй Лондон». В Мельбурне, отмечает он, «чувствуешь себя... как бы в совершенно новом мире» [Мерцалов 1865: 181–182]. Примерно такие же впечатления оставил Мельбурн у начальника эскадры Тихого океана контр-адмирала А.А. Попова, посетившего этот город с корветом «Богатырь» в следующем 1863 г. «Мельбурн, — читаем в его рапорте, — уже теперь во всех без исключения отношениях принадлежит к числу весьма замечательных городов в целом свете». Он уже полон «полезных учреждений» и «всех удобств для здоровой, деятельной, полезной и приятной жизни» [РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2603. Л. 311 об.]. Эта восторженность не оставляла русских на протяжении всей второй половины XIX в. В 1894 г., например, командир крейсера «Крейсер» капитан 2 ранга Н.И. Небогатов пишет, что «Мельбурн — вполне европейский город с великолепными многоэтажными домами, с превосходно устроенными паровыми и конно-железными до-

рогами, освещенный электричеством и газом, одним словом, это город, лучший даже столиц второстепенных европейских государств» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1110. Л. 95 об.]. На русских производили большое впечатление шумное кипение жизни на его длинных широких улицах, роскошные магазины, театры, ботанический и зоологический сады. В Мельбурне, вспоминает мичман «Африки» В.Ф. Руднев о пребывании в этом городе в 1882 г., «оживление на улицах необычайное — масса экипажей, омнибусов, публики снуют по улицам и мосту через [реку] Ярру» [Руднев 1909: 103]. Кстати, это суетное впечатление от Мельбурна в известной степени ощущается при взгляде на фотографии улиц столицы Виктории, сделанные моряками корвета «Рында» в 1888 г. Судя по всему, эти фотографии сделал мичман «Рынды» двоюродный брат императора Александра III великий князь Александр Михайлович [Альбом кругосветного плавания...]. Русские моряки не преминули отметить, что (как пишет капитан-лейтенант «Богатыря» А.М. Линден) «одна из самых замечательных особенностей Мельбурна, бросающаяся в глаза всем приезжающим, — это красота его женщин и роскошь, с которой они одеваются» [Линден А.М. 1864: 188].

Пребывание русских моряков в Мельбурне отнюдь не сводилось только лишь к участию в официальных мероприятиях городских властей, организованных в честь гостей из России. У русских была возможность и неформального общения с горожанами. Мичман «Богатыря» П.С. Муханов вспоминает, например, вечеринку в одном из танцевальных залов в предместье Мельбурна, Уильямстауне. Там «все танцевали с непритворным весельем... В этом празднике не было ни... притворных улыбок..., ни натянутых... разговоров. Хозяева, т.е. все англичане угощали радушно, гости, т.е. мы, чувствовали себя совершенно как дома» [Муханов П.С. Австралия...: л. 73]. Младший штурман крейсера «Африка» Ф.А. Тимофеевский, в свою очередь, рассказывает, как в Мельбурне некоторые из офицеров «Африки» бывали в доме «симпатичного и милейшего старичка» мистера Мэрфи. Он и его семья — две дочери, сын и три внуки — устраивали для моряков теплые домашние вечера — прогулки в парке, музицирование с танцами, легкий ужин и чай [Тимофеевский 1901]. Таких примеров много. Конечно, случались и романы, иногда даже получавшие общественный резонанс. Например, мичман «Рынды» великий князь Александр Михайлович писал в 1888 г. своей матери в Россию: «Посылаю вырезку из мельбурнской газеты про меня, что будто бы я влюбился по уши в актрису Nelly Stuart. Очень ошиблись, это не я, а Путьтин» [ГАРФ. Ф. 645 (Романов Александр Михайлович). Оп. 1. Д. 70. Л. 4 об.]. Действительно, лейтенант «Рынды» князь Михаил Сергеевич

Путятин увлекся звездой мельбурнской музыкальной сцены певицей Нелли Стюарт (Nellie Stewart). Это обстоятельство, конечно, сразу же было раздуто мельбурнской прессой. Чувство князя было столь сильным, что молодой лейтенант даже предложил актрисе руку и сердце. Сама Нелли вспоминала в своих мемуарах: «Русский принц — да, *настоящий* русский принц — как он добивался моей руки у моей матери! Но я не могла. Дик был жив, и развода не было. Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я вышла замуж за принца и уехала в Россию» [Stewart 1923: 64].

Русских очень удивляла обустроенная, комфортная жизнь австралийцев, в том числе жизненный уровень т.н. низших классов. Все это было так не похоже на Россию! «Нельзя пройти молчалием, — пишет в своих воспоминаниях Ф.А. Тимофеевский, — и того квартала (Сент Килда в Мельбурне. — *А.М.*), в котором живет небогатый класс ремесленников, земледельцев и рабочих. При въезде в этот квартал вас поражает образцовый вид маленьких красивых домиков... Каждый домик, состоящий... из 3-х или 4-х комнат, окружен небольшим, но опрятно содержимым садом. ...Спокойные и веселые лица обитателей свидетельствуют об их материальном обеспечении. Хорошая плата на фабриках... делает то, что рабочий люд чужд каких бы то ни было стачек и неудовольствий по отношению к своим хозяевам... Какой порядок, какая чистота царит в этих маленьких уютных коттеджах, и с каким вкусом уставлена незатейливая гостиная, обязательную принадлежность которой составляет этажерка с книгами» [Тимофеевский 1901]. На обеспеченность жизни «низших» классов Австралии обращали внимание все русские, не только моряки. Такое внимание понятно — нищета основной массы населения России не могла не тревожить сколько-нибудь вдумчивых наблюдателей. Вот что, например, пишет не моряк, а русский горный инженер В.С. Реутовский, побывавший в Австралии в 1897 г.: «Рабочие в Австралии — это не особый мир человеческой породы, средний между настоящим человеком и животным, а гражданин, как и все живущие в этой прекрасной стране» [Реутовский 1899: 189]. Даже к заключенным там относятся по-человечески и содержат в комфортных по российским понятиям условиях. Капитан-лейтенант корвета «Богатырь» А.М. Линден подробнейшим образом описывает условия содержания заключенных в Пентриджской тюрьме в Мельбурне и особо подчеркивает, что «кельи [для них] содержатся очень чисто и заключают в себе все необходимое для жизни». «Все так опрятно и уютно, — восклицает офицер, — что, кажется, при других условиях не прочь бы и поселиться а этой келье». И тут же проводит сравнение с Россией: «Осматривая Пентриджскую тюрьму, я вспомнил при этом г. Достоевского, который в своих “Запи-

сках из мертвого дома” так живо нарисовал картину острожной жизни наших арестантов... Кто из нас не знает, что большая часть [из них] именно в острогах — этих клубах взаимного развращения — оканчивала свое нравственное падение» [Линден А.М. 1864: 182, 184].

Еще одно, что разительно отличало австралийцев от русских и тоже всегда отмечалось российскими моряками, — это отсутствие социальных различий во внешнем виде людей разных классов и сословий. Кузнец, который изготовил для ремонта «Богатыря» болты и гаки, явился в выходной день на экскурсию на корабль в «сюртуке и чистой рубашке» и — с неподдельным изумлением пишет П.С. Муханов — «даже без следов копоти на лице» [Муханов П.С. Австралия...: л. 73]. «Хорошо одетая дама с двумя миленькими дочками», явившаяся с экскурсией на «Африку», к беспредельному удивлению Ф.В. Руднева, оказалась прачкой [Руднев 1909: 94]. Причем, что выглядело не менее странным, все эти люди были вполне благовоспитанными. В воскресенье, пишет П.С. Муханов, на «Богатыре» в качестве экскурсантов перебивало около четырех тысяч человек. «Тут были лица всяких сословий, возрастов и наций... Но к чести мельбурнских жителей надо сказать, что, несмотря на многочисленность толпы, делавшей надзор невозможным, и на то, что все части корвета, не исключая и адмиральской каюты, были для нее открыты, мы не могли пожаловаться ни на малейшее злоупотребление этим доверием». А когда вечером моряки спускали флаг на корме, никому из мельбурнцев «не пришлось напоминать о том, чтобы снять шляпу» [Муханов П.С. Австралия...: л. 71 об., 72, 72 об.].

Впрочем, верные своим сословным традициям и предрассудкам, русские моряки далеко не всегда одобряли такое удивительное, с их точки зрения, социальное равенство. Когда, например, один из мичманов «Африки» увлекся дочками хорошо одетой дамы и даже сводил их в театр, а потом к ужасу этого мичмана выяснилось, что дама всего-навсего прачка, это стало поводом для бесконечных издевательств над мичманом его товарищей-офицеров. «Все ужасно смеялись и при каждом случае травили [его] чуть ли не до конца плавания», — весело пишет об этом случае Ф.В. Руднев [Руднев 1909: 94]. Лейтенант корвета «Боярин» В.М. Линден (младший брат А.М. Линдена) выражает недовольство первыми признаками женской эмансипации. В барах всех австралийских городов для привлечения посетителей за барную стойку в качестве барменш ставят хорошеньких девушек. Это, конечно, увеличивает доходы, но, как назидательно замечает В.М. Линден, «такое применение женской красоты к практическим целям жизни едва ли может назваться строго нравственным» [Линден В.М. 1871: 124].

Мало и с откровенной иронией писали русские моряки о политической жизни Виктории, хотя в Мельбурне для них, как правило, устраивали экскурсии в парламент этой австралийской колонии. Столь малое внимание к этой стороне жизни Австралии неудивительно: политические проблемы в силу самого характера пребывания русских моряков на пятом континенте оставались практически вне их поля зрения. Ирония же проистекала из консервативных, монархических взглядов большинства офицеров русского флота. Рассказ о посещении парламента Виктории и о работе этого учреждения приведен лишь в очерке капитан-лейтенанта А.М. Линдена [Линден А.М. 1864: 175–178]. Впрочем, отзываясь об австралийской демократии этот русский офицер с тонко замаскированной насмешкой. В таком же ключе пишет об австралийских политических нравах, непонятных русскому человеку XIX в., Ф.В. Руднев. Он с явным сарказмом сообщает о неслыханном явлении: владелец мясной лавки, правда, не в Мельбурне, а в Аделаиде, которого русские моряки встретили за прилавком, оказывается, принимал их накануне в министерстве. «По совместительству» он является министром правительства Южной Австралии! [Руднев 1909: 115].

Следует отметить, что при всем восхищении Мельбурном русские видели и теневые стороны жизни этого города. Так, они откровенно писали, что не прекращавшаяся почти всю вторую половину XIX в. «золотая лихорадка» подчас мешала развитию этого австралийского мегаполиса. Мельбурн, пишет командир крейсера «Крейсер» капитан 2 ранга Н.И. Небогатов, построен, по крайней мере, на полтора миллиона жителей, а живет в нем в 1894 г. только 500 тыс. человек. Часть домов стоит незаселенными, рынки и магазины тоже не заняты, конно-железные дороги ходят пустыми и не окупают даже свое содержание. Конечно, главная причина — экономический кризис, который охватил Австралию в начале 90-х гг. XIX в. Однако, как пишет Н.И. Небогатов, «такое положение дел еще ухудшилось тем, что на западном берегу Австралии открыли новые золотые прииски, по слухам более богатые, чем в провинции Виктория, вследствие чего множество людей уезжает отсюда с каждым пароходом на новые прииски... Таким образом... население Мельбурна еще убывает... Случаются банкротства лучших... здешних предприятий за недостатком рабочих и капиталов, хлынувших отсюда на западный берег» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1110. Л. 96а]. «Золотая лихорадка» — и это особо отмечают русские моряки — составляет основную часть контингента австралийских психиатрических больниц. Впервые из русских упоминает об этом судовой врач корвета «Богатырь» К.Г. Тимрот [Тимрот 1869: 173]. Этот же

сюжет, но более подробно затронут в сообщении судебного врача клипера «Пластун» М.В. Смирнова. «Большой контингент душевнобольных, — пишет он о жертвах “золотой лихорадки”, — обуславливается разочарованием экзальтированных переселенцев в быстром обогащении» [Смирнов 1884: 28].

Неоднозначно оценивали русские культурную жизнь Мельбурна. Все они, причем с нескрываемым уважением, писали о музеях, учебных и научных учреждениях Мельбурна, отмечали, что в городе находится множество «общественных развлечений, которые сделались необходимою потребностью для общества». Это и «весьма порядочные театры», а по временам бывает и итальянская опера [Линден А.М. 1864: 189]. В то же время, как пишет А.М. Линден, «большинство публики не отличается изяществом вкуса и предпочитает легкие пьесы и фарсы серьезным драматическим произведениям. Трагедии Шекспира... не привлекают многих посетителей. Зато какие-нибудь ланкаширские звонильщики на колоколах... в Геймаркитском театре и певцы Кристи... в театре Royal возбуждают обыкновенно взрывы восторга. Певцы эти, состоящие из семи англичан с вычерненными лицами, исполняют репертуар негритянских песен действительно весьма недурно, но для увеселения публики слишком много уже примешивают паясничества» [Линден А.М. 1864: 189]. Видимо, тут сказывалась взysкательность русских офицеров, воспитанных на спектаклях петербургских императорских театров. «Примадонна Баррати и тенор Нори не годились бы даже для вторых амплуа в Петербурге», — пренебрежительно отзывался, например, о постановке оперы В. Беллини «Норма» лейтенант «Боярина» В.М. Линден (правда, речь идет о постановке в Сиднейском театре в 1869 г.) [Линден В.М. 1870: 12].

Однако критическая струя в русских описаниях Мельбурна невелика. В целом город, как и вся Австралия, производили на русских ошелмляющее впечатление. Стремительный рывок этой страны к прогрессу и процветанию отмечали все моряки без исключения, в каких бы городах Австралии они ни побывали. Русские морские офицеры пытались увидеть и видели то, что было бы совсем неплохо перенять в России. Об этом хорошо написал в своем дневнике в 1882 г. командир крейсера «Африка» Е.И. Алексеев. Мы увидели, — пишет он, — «все современное состояние Австралийских колоний — их колоссальные успехи на поприще развития торговли и промышленности и своей гражданской жизни. ... Достигнутые успехи поразительны и возбуждают справедливое чувство удивления и глубокого уважения... Все виденное преисполнено интереса и поучительности... для человека. И теперь на каждом

из нас... лежит долг по мере своих сил принести посильную пользу как своей прямой профессии, так и вообще России» [РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 512. Л. 154 об., 155].

***

Альбом кругосветного плавания на корвете «Рында» Е. И. В. В. К. Александра Михайловича в 1886–89 гг. Ч. I // ЦВММ (Центральный военно-морской музей). Сектор хранения фотографий и фотонегативов. Инв. № 032978.

ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 645 (Романов Александр Михайлович). Оп. 1. Д. 70.

Линден А.М. Заметки об Австралии (из записок о плавании в 1863 г.) // Морской сборник. 1864. № 4.

Линден В.М. Из письма лейтенанта Линдена с корвета «Боярин» // Морской сборник. 1870. № 12.

Линден В.М. В Тихом океане (Из кругосветного плавания «Боярина») // Вестник Европы. 1871. № 7.

Мерцалов Д.В. Корабельный медицинский журнал, веденный на 60-ти пушечном винтовом фрегате «Светлана» старшим врачом г. Мерцаловым с 13-го мая 1859 года по 10-е июля 1862 года // Медицинские прибавления к «Морскому сборнику». 1865. Вып. 5.

Муханов П.С. Австралия. Описание плавания в Австралию с историческим очерком ее // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 698 (Помяловский И.В.). Оп. 1. Д. 3031.

РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота). Ф. 32. Оп. 1. Д. 512.

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2603.

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1110.

Реутовский В.С. Письма из-за границы // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1899. № 7.

Руднев В.Ф. Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880–1883 годах. СПб., 1909.

Смирнов М.В. Санитарный и медико-топографический обзор плавания винтового клипера «Пластун» в 1880–1883 годах // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1884. № 10.

Тимофеевский Ф.А. Мельбурн. (Из воспоминаний) // Кронштадтский вестник. 22.04.1901.

Тимрот К.Г. Медицинский журнал за кампанию корвета «Богатырь» // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1869. Вып. 7.

Stewart N. My Life's Story. Sydney, 1923.

РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ: НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ЭФФЕКТА ПРИСУТСТВИЯ

Ученые, занимающиеся историей эмиграции, неизменно стремятся установить более или менее точную дату начала этого процесса. В случае с Австралией, кажется, повезло. В научной литературе встречается точная дата появления первого российского подданного на территории пятого континента. Джон Потоцкий в составе группы каторжников прибыл из Англии в Хобарт (Тасмания) 18 февраля 1804 г. [Говор 1996: 3–7]. Таким образом, от начала приезда россиян в Австралию прошло свыше двух веков. За этот длительный период сюда тремя волнами прибыло немало русских людей. Этот процесс начался в конце XIX в. и практически закончился в 60–70-е гг. XX в. С конца XX в. нет массовой эмиграции русских в Австралию, но существует добровольное переселение в эту страну на постоянное или временное местожительство отдельных семей или граждан, желающих удовлетворить свои жизненные потребности.

История формирования и развития русской колонии в Австралии давно стала объектом пристального внимания ученых разных стран, в первую очередь российских и австралийских. Поэтому на эту тему написано немало книг и статей, а потому данную проблему можно считать хорошо изученной. Я в связи с исполняющейся датой отваживаюсь на основании известных мне публикаций откликнуться настоящим небольшим сообщением, основанным на работах отечественных ученых специалистов, в первую очередь А.А. Хисамутдинова, А.С. Петриковской [Хисамутдинов 2000; Петриковская 2002, 2007] и Г.И. Каневской¹ [Каневская 2005].

Мне представляется, что в данном сообщении нет смысла характеризовать поэтапное формирование общины русских в Австралии. Об этом написано довольно много, подробно и убедительно. Мною выбран только один определенный аспект этой проблемы — на нескольких, с моей точки зрения, ярких примерах показать эффект присутствия русских в Австралии, кратко, штрихами обозначить их вклад в развитие экономики и культуры страны, по мере возможности сделать ее более разнообразной. Русские люди, широко расселившись на необъятных ав-

---

¹ Содержание книги Г.И. Каневской значительно шире заявленной в заглавии темы.

стралийских просторах, работая в сельском хозяйстве, строительстве, промышленности делали страну более обжитой, развитой; определенная часть выбирала своим метом жительства города, прежде всего культурную столицу страны — г. Мельбурн.

Российскую иммиграцию в Австралию конца XIX — начала XX в. принято делить на трудовую (экономическую) и революционную (политическую). Последняя не является объектом нашего внимания. Что касается русских крестьян и рабочих, то они ехали в эти далекие, совершенно неизвестные им края с одной целью: обрести здесь свою землю, возделывать ее и жить в достатке, иметь высокий заработок, чтобы содержать себя и семью. История, естественно, не сохранила имена тех многочисленных трудовых иммигрантов, которые, не найдя сразу того, на что они надеялись, отправляясь на чужбину, готовы были выполнять любую работу. Их нанимали на самые тяжелые виды работы: на строительство железных дорог, лесозаготовки, в шахтах, на рудниках и приисках, наемными сельскохозяйственными рабочими на фермах. В последнем случае особой тяжелой была рубка сахарного тростника.

Показательна судьба одной из многочисленных групп казаков, появившихся в Австралии после революции в России. 4 ноября 1923 г. в Брисбен прибыла большая группа уральских казаков (59 человек) во главе с Владимиром Сергеевичем Толстовым (1884–1954) [Трегубов 2007]. Долго добирался этот спаянный коллектив до берегов пятого континента. В 1919 г. уральцы своими отрядами численностью свыше 10 тыс. человек под Уральском вступили в бой с войсками красных. Во главе их стоял генерал В.С. Толстов, представитель славной казацкой воинской династии. Кстати, к ней принадлежал и генерал Павел Сергеевич Толстов, родной брат Владимира Сергеевича и отец известного советского этнографа и археолога, директора Института этнографии АН СССР Сергея Павловича Толстова. С тяжелыми боями уходили казаки В.С. Толстова от преследовавших их красных отрядов. В этой упорной борьбе погиб отец командира — генерал Сергей Евлампиевич Толстов, погибла подавляющая часть казаков. За границу ушло всего около одной тысячи человек. И вот их сплоченная группа прибыла в Австралию. Казаки, люди трудолюбивые и свободолюбивые, с гордым чувством превосходства и своей исключительности, надеялись здесь обрести свою землю, работать на ней, создать процветающее хозяйство. Однако жизнь оказалась намного сложнее. Помимо работы на арендованной земле, где они создали овощеводческое хозяйство, они, перешагнув через свою гордыню, нанимались для сбора фруктов, хлопка, на рубку сахарного тростника, перегрузку грузов в порту. И держались

своим коллективом, копили деньги, чтобы обзавестись семьей (за женами даже ездили в далекий русский Харбин — дабы жениться на казачках), приобрести землю и зажить своим хозяйством. Некоторым это удалось. Фермером-хлопководом сделался В.С. Толстов. Некоторые казаки в поисках лучшей доли уезжали в другие районы страны, где создавали новые центры казачьих поселений. Поддержанию их самобытности способствовало участие в казачьих общественных организациях. Кстати, участие в общественной жизни — это характерная черта русских иммигрантов довоенного периода. Сплоченность помогала им обрести свое место в жизни австралийского общества. Британское подданство, а с ним и австралийское гражданство уральские казаки смогли получить только в самом конце 30-х гг.

В 1925 г. из Владивостока через Харбин прибыл в Сидней Иван Дмитриевич Репин (1888–1949). Выпускник горного факультета Санкт-Петербургского университета, он успешно работал в Донбассе, на Урале, Дальнем Востоке. В Австралии он вынужден был начать свою трудовую деятельность в качестве таксиста. В 30-е гг. XX в., накопив капитал, он открыл в центре Сиднея первые в стране кафе-рестораны, где подавали отличный кофе. Из натуральных, здесь же поджаренных зерен варили ароматный кофе. И.Д. Репина прозвали «кофейным королем»; у него уже было несколько специальных кофейных заведений. Поработав у него и получив навыки приготовления «кофе по-репински», некоторые его сотрудники открывали свое дело. Таким образом, можно утверждать, что именно русские иммигранты в 30-е гг. XX в. познакомили австралийское общество с настоящим натуральным кофе. Ныне этот напиток получил широкое распространение в стране.

Русские иммигранты в большом количестве трудились также в промышленности, дорожном и гражданском строительстве, внесли свой вклад в экономическое развитие страны. В основном они были заняты в качестве неквалифицированной и реже квалифицированной рабочей силы, являясь по существу рядовыми создателями новых заводов, фабрик, железных дорог, жилых и общественных зданий.

Особого рассмотрения требует вопрос о деятельности в Австралии русских инженеров и архитекторов. В первой и второй волнах русской иммиграции они насчитывались, как представляется, единицами. Наибольшее, заметное их количество появилось в разных городах Австралии после 1945 г. Это были по преимуществу выпускники русскоязычного высшего учебного заведения — Харбинского политехнического института. Выпускники с дипломом этого вуза были хорошо подготовлены теоретически и имели хорошую производственную практику. Многие

из них уже приобрели богатый опыт самостоятельной работы в Китае. В 1957 г. из Харбина приехал в Австралию инженер Борис Павлович Стоянов (1910–1988). Выпускник Харбинского политехнического института 1934 г., он свыше 20 лет проработал в китайских строительных фирмах. Блестяще подготовленному специалисту не пришлось долго искать достойное место в Австралии. Он пользовался большим авторитетом среди австралийских и русских специалистов. 1 декабря 1967 г. по его инициативе в стране было создано Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт. Он становится его первым председателем.

Борис Николаевич Коренев (1911–1988) прибыл на пятый континент в 1962 г. и сразу включился как инженер в производственную деятельность. Он также окончил Харбинский политехнический институт и сразу в 1935 г. стал работать по специальности. В Австралии он также много занимался общественной деятельностью. Здесь он стал известен как редактор журнала «Политехник», авторитетного издания, широко распространявшегося и за рубежом [В.Г. 1989: 1–3].

Инженером-строителем трудилась Татьяна Николаевна Барбелюк (1904–1976). Дочь известного российского общественного и государственного деятеля, ученого-сибироведа Николая Львовича Гондатти (1860–1946), она получила прекрасное среднее образование, окончив престижную гимназию им. М.А. Оксаковской, а затем в 1929 г. — Харбинский политехнический институт. Ее работа в Китае протекала в городах-центрах российской иммиграции, Харбине и Шанхае. Вскоре после победы революции в Китае в 1953 г. она выехала в Австралию, где довольно быстро нашла себе работу и трудилась в одной крупной фирме.

Хорошо известен в Австралии один из представителей клана Бакичей, Михаил Андреевич Бакич (1909–?). Он также в 1933 г. окончил Харбинский политехнический институт и четверть века работал как строитель и архитектор в разных городах Северо-Восточного Китая. В 1959 г. он с семьей перебрался в Австралию, длительное время выступал в качестве архитектора в Сиднее, по его проектам строились здания и в других городах. Выйдя на пенсию, он увлеченно продолжал заниматься живописью. Стоит специально отметить, что его работы, выставленные на престижных выставках, получали премии и пользовались спросом у австралийских почитателей изящных искусств.

Среди русских художников, творивших в Австралии, наибольшей известностью, пожалуй, пользовался Данила Иванович Васильев (1898–1958) [Васильев Данила... 1994: 25–26]. Как участник Граждан-

ской войны на юге России на стороне Белого движения он после его разгрома оказался в Шанхае, куда прибыл из Индии в 1923 г., но остался там недолго. Так как творческая и жизненная ситуация в Китае оказалась для него неблагоприятной, он по совету друзей отправился в поисках счастья в Австралию, прочно обосновался в Мельбурне, где его знания и творчество оказались востребованными. Здесь он первоначально преподавал рисунок в школах города. В 1939–1936 гг. он, увлеченный экзотикой, жил и творил в странах Южной Америки и Европы, но затем все-таки вернулся в Мельбурн. Он принадлежал к мельбурнскому авангарду, был одним из первых экспрессионистов в австралийском искусстве. Его картины пользовались успехом и спросом среди местной интеллигенции. Творческие достижения Д.И. Васильева заинтересовали австралийские музеи — национальные галереи и музеи штатов, которые стали приобретать его картины. И сегодня его имя в этой стране означает одного из ведущих австралийских художников. Известностью пользовалось также творчество художницы Александры Александровны Азовцевой (1910–1994). В Китае она жила и писала свои картины сначала в Харбине, а с 1940 г. — в Шанхае. Обосновавшись в 1954 г. в Австралии, она стала принимать активное участие в художественной жизни страны, ее картины выставлялись на персональных выставках в разных городах Австралии. К творчеству русских художников проявляли живой интерес их австралийские коллеги.

Заметный вклад в развитие театрального искусства на пятом континенте внес россиянин Адольф (Доля) Рибуш (1896–1947). Ему принадлежит заслуга ознакомления австралийской театральной общественности с системой реформатора русского театра К.С. Станиславского. Он поставил в 1938 г. пьесы М. Горького «На дне» и А.П. Чехова «Вишневый сад». В Австралии выступали русские драматические труппы, в составе которых играли широко известные артисты русского зарубежья. Последние годы своей жизни провел здесь один из лучших драматических артистов, с успехом игравший в различных русских труппах стран Азии, — Василий Иванович Томский (настоящая фамилия — Москвитин, 1893–1962) [Василий Иванович... 1994: 31–34]. Будучи с 1913 г. студентом Санкт-Петербургского технологического института, он одновременно посещал известное театральное училище М.Н. Топорской. С 1917 г. начались его выступления в Шанхае, там он играл в Русском драматическом театре как актер и выступал в качестве режиссера. Опытный, талантливый актер порадовал на склоне лет и австралийских любителей театрального искусства.

Вообще даже кратковременные гастроли русских артистов в Австралии приводили к возникновению интереса у австралийской общественности к определенным, ранее неизвестным ей видам театрального искусства. В 1926 г., у исследователей получившем название «Года русской культуры» в Австралии, в крупнейших городах страны состоялись гастроли Ф.И. Шаляпина — он дал несколько концертов, на которые приезжали меломаны из разных городов страны; Донского казачьего хора под управлением С.А. Жарова и балетной труппы под руководством и при участии выдающейся балерины Анны Павловой.

Повторно великая балерина посетила страну в 1929 г., затем здесь неоднократно выступали другие балетные коллективы с участием таких выдающихся артистов балета, как Ольга Спесивцева, Сергей Лифарь и др. Австралийское общество было потрясено искусством русских балетных артистов, появилось много желающих заниматься балетом. В 1928 г. в Мельбурне открыла свою балетную школу русская балерина Люся Саранова. Появились балетные школы М. Бурлакова, Антона Долина, Э. Борованского. Последний в 1939 г. в Мельбурне основал Балетную академию, давшую основательную профессиональную подготовку нескольким поколениям австралийских танцовщиков. Академия просуществовала до 60-х гг. XX в. Э. Бороновский в истории австралийского театрального искусства почитается как родоначальник балета на пятом континенте, ныне имеющего широкую известность. Уже в наше время с австралийским балетом танцевал Рудольф Нуриев.

Оставили свой достойный след русские иммигранты и в области австралийского музыкального искусства как педагоги и исполнители. В довоенное время в Китае широко было известно имя музыканта и педагога Владимира Давидовича Трахтенберга (1889–1963). Выпускник Санкт-Петербургской консерватории, окончив класс таких выдающихся музыкантов, как А.К. Глазунов и С.В. Рахманинов, и оказавшись в Харбине, он занял место первой скрипки в местном симфоническом оркестре, выступал с камерными концертами. После 1945 г. профессор класса скрипки Пекинской и Мукденской консерваторий. В Австралии он был приглашен также на профессорскую должность по классу скрипки в Сиднейскую консерваторию, выступал как исполнитель-солист с концертами.

Большой известностью пользовался в стране как джазовый музыкант Сергей Лукьянович Ермолаев (сценическое имя — Серж Ермолл) (1903–1996) [Косицын 1995: 21–23]. До отъезда в Австралию играл в Харбине и Шанхае. Любовью слушателей пользовались его музыкальные сочинения. Рассказывается, что во время визита Чарли Чаплина в Шанхай

по просьбе гостя он преподнес ему в подарок ноты танго собственного сочинения, которое великий артист предполагал использовать в своем очередном фильме. Его оркестр поклонники считали лучшим русским джазом. Перебравшись в 1951 г. в Австралию, он успешно продолжил свою джазовую исполнительскую карьеру как руководитель джазовых оркестров и композитор. Записи его музыки пользовались спросом, а выступления его с оркестром имели неизменный успех. Он был весьма востребованным джазовым музыкантом. Ермолаев прекратил свою исполнительскую деятельность, отпраздновав 70-летие.

Были среди русских в Австралии свои писатели и поэты. Одним из видных представителей этого цеха является поэт и журналист Михаил Николаевич Волин (настоящая фамилия — Володченко) (1914–1997) [Шнитцер–Смолянинов 1989: 20]. Образование, в том числе литературное, он получил в Харбине, с 1937 г. жил и работал в Шанхае. Уже в 1949 г. М.Н. Волин перебрался в Австралию, где сразу стал активно сотрудничать в местной прессе, публиковал свои стихи и рассказы.читающая публика проявляла интерес не только к его литературным творениям. Он был также автором книг по индуистской философии и йоге, которые издавались в Англии.

В 1939 г. переехав в Австралию, продолжали заниматься литературным трудом супруги Жемчужные, Зинаида Николаевна (1887–1961) и Александр Александрович (1882–1976). Супруг также известен и как врач-терапевт, разработавший и внедривший в практику новый метод дыхательной гимнастики. Нельзя не упомянуть имя Иннокентия Николаевича Серышева (1883–1976) [Суворов И.О. 1995, № 2: 7–8, 14], священника, писателя, журналиста и редактора. Обосновавшись в Сиднее в 1926 г., он стал активным корреспондентом крупнейших газет русского зарубежья, издавал журналы, явился основателем первой русской типографии на пятом континенте.

Среди русских людей, эмигрировавших из революционной России, особенно в связи с Гражданской войной, и обосновавшихся в Австралии, было довольно большое количество лиц с высшим образованием, но далеко не все из них смогли получить работу по специальности. Высокая тяга к образованию была и у молодежи, стремившейся занять престижное место в обществе. Примером может служить жизнь и деятельность Нины Михайловны Максимовой-Кристесен (1911–2001) [Петриковская 2007: 231–232]. До 1917 г. она с матерью жила в Санкт-Петербурге. Вместе с родителями через Харбин она в 1927 г. оказалась в Австралии. Тринадцатилетняя девочка стала кормилицей семьи, работая уборщицей. Прошло много тяжелых лет прежде, чем она поступила на отделе-

ние философии и французского и английского языков Квинслендского университета. Сбылась ее мечта. Она стала преподавателем в женской школе. Она познакомилась с молодым писателем Клемом Кристесеном и в 1942 г. стала его женой. В 1945 г. супруги переехали в Мельбурн, где она организовала при поддержке университетского факультета искусств курс русского языка — первый в Австралии. Появились противники, которые утверждали, что организованное ею преподавание русского языка — это «инструмент советской пропаганды, разрушения и обращения в свою веру». Ее большой победой было получение статуса независимости ее Отделения русского языка и литературы в Мельбурнском университете. В 1967 г. Н.М. Кристесен основала научный журнал «Melbourne Slavonic Studies», позднее — «Australian Slavonic and East European Studies», а также Австралийско-славянскую ассоциацию, которая со временем включила и Новую Зеландию. Она — инициатор создания серии «Russians in Australia», ею подготовлено значительное число специалистов и знатоков русского языка, которые затем становились преподавателями на отделениях русского языка в других университетах Австралии, сотрудниками австралийских посольств в славянских государствах и т.д. Роль этой русской женщины в развитии славяноведения в Австралии невозможно переоценить. Она была награждена медалью Австралии, но из-за нерадивости университетского руководства она не получила звание профессора, уйдя на пенсию лектором; такого рода ляпсусы, к сожалению, по формальным причинам нередки повсюду. Однако тот факт, что Мельбурнский университет занимает лидирующие позиции в области русистики и — шире — славяноведения в стране — несомненная заслуга Нины Михайловны Кристесен.

Нельзя не вспомнить и о вкладе русских ученых, приехавших из Харбина. Например, маститый китаевед Алексей Павлович Хионин (1879–1971) [Жернаков 1973; Хисамутдинов 1997: 112–117], проживая в Австралии с 1959 г., подготовил к печати «Новейший китайско-английский словарь», насчитывающий 9060 иероглифов и т.д. Ученым широкого профиля был Владимир Васильевич Поносов (1899–1975) [Жернаков 1972; Бакич 1997: 327–331], будучи в Китае, он изучал дауров, солонов, возглавлял археологические экспедиции, изучал шаманизм, буддизм, даосизм. С 1961 г. он проживал в Брисбене, принимал участие в полевых археологических исследованиях, проводившихся Квинслендским университетом. В 1966–1970 гг. университет пригласил его занять место куратора антропологического отдела. Благодаря его усилиям в университете выросло этнографическое и археологическое собрание, явившееся базой для преподавательской и научно-исследовательской деятельности.

В 1952 г. вместе с семьей отчима известного ученого Ивана Ивановича Гапоновича в Австралию приехала его приемная дочь Светлана (Вета) Римская-Корсакова, в замужестве Дайер (28.08.1931, г. Харбин). Будучи блестящим знатоком китайского языка, страны и народов, ее населяющих, она сразу получила место: в 1953–1959 гг. она работала в Восточной библиотеке Австралийского национального университета в Канберре. Одновременно с 1954 г. она стала преподавать древний и современный китайский язык и литературу, с 1984 г. заняла должность старшего лектора столичного университета в Канберре. В 1965 г. в Джорджтаунском университете защитила магистерскую, а в 1976 г. в Австралийском национальном университете — докторскую диссертацию. Она является автором работ по синологии и дунгановедению. Ею совершено несколько поездок в Китай и Среднюю Азию с научными целями. В 1959 г. с родителями приехала в Австралию Ольга Михайловна Бакич (1938). В 1964 г. она успешно окончила Сиднейский университет, где в 1971 г. получила ученую степень магистра по востоковедению. В дальнейшем ее научная деятельность оказалась связанной с университетом в Торонто, где в 1975 г. она получила профессию по русскому языку. Будучи доктором по славистике, она наряду с исследовательской деятельностью много энергии отдает редакционно-издательской работе, являясь с 1994 г. редактором и издателем ежегодника «Россияне в Азии», приобретшего репутацию солидного авторитетного издания.

Деятельность русских ученых проявлялась в разных сферах. Так, Мстислав Иванович Никитин (1911–1986) сформировался в Китае как опытный энтомолог. С 1957 г. он работал по своей специальности в Австралийском государственном департаменте сельского хозяйства. Он является автором целого ряда научных работ по энтомологии, изданных на английском языке. Князь Владимир Николаевич Гантемуrow (1906–1998), по специальности инженер-электрик, в Австралии занимался гранитным искусством, в 1962 г. создал Литофилистический музей; занимался общественной деятельностью.

В последние годы обосновались в Австралии приехавшие в 1990 г. по собственной инициативе российские ученые-австраловеды — семейная пара Елена Викторовна Говор (1957) и Владимир Рафаилович Кабо (1925), позднее — кореист Андрей Николаевич Ланьков и другие, которые опубликовали ряд ценных исследований. Монография Е.В. Говор о русском писателе-толстовце Н.Д. Ильине из рода Рюриковичей и его сыне Леандре, женившемся на австралийской аборигенке, вызвала повышенный интерес в стране. Ныне Е.В. Говор — научный сотрудник Национального университета.

Говоря о русских в Австралии, нельзя не сказать о важной роли в жизни русской общины Русской православной церкви. Православный храм с начала XX в. стал важнейшим центром этнокультурной консолидации русских. Австралийская же епархия была учреждена только 12 декабря 1946 г. постановлением Архиерейского синода Русской православной зарубежной церкви и с тех пор успешно развивается, способствуя поддержанию русской идентичности у соответствующей части своей паствы — через школы, приюты, проповеди и т.д. Вокруг церкви в приходах развивалась также и чисто светская жизнь. Нынешняя Австрало-Новозеландская епархия занимает важные позиции в жизни верующих на приходском уровне и в жизни австралийского общества и государства. Нынешний глава Русской православной зарубежной церкви митрополит Илларион до своего избрания на этот высокий пост возглавлял Австралийскую епархию. В настоящее время православные христиане есть и среди австралийцев. В Елеонском монастыре на Святой Земле несет послушание монахиня-австралийка.

Русские в Австралии являются составной частью полиэтничного австралийского общества. По неофициальным сведениям, их в настоящее время насчитывается свыше 60 тыс. человек. Но русские живут в этой стране давно, и все поколения вносили и вносят свой вклад в экономическое и культурное развитие австралийского общества, укрепление мощи государства. С помощью русских иммигрантов австралийское общество познакомилось с богатством русской национальной культуры и искусства. Русские проявили себя как трудолюбивая, законопослушная, социально активная часть общества. Ныне Австралия является высоко развитым процветающим государством, и в этом есть определенная заслуга русских австралийцев.

***

Василий Иванович Томский // Австралиада. 1994. № 1. С. 31–34.

Васильев Данила // Австралиада. 1994. № 1. С. 25–26.

Бакич О.М. Архив В.В. Поносова: Опись // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 327–331.

В.Г. Светлой памяти Бориса Николаевича Коренева // Политехник. 1989. № 12. С. 1–3, портрет

Говор Е. Судьба превратного счастья, или Тайна Джона Потоцкого // Австралиада. 1996. № 7. С. 3–7.

Жернаков В.Н. В.В. Поносов // Russians in Australia. Мельбурн, 1972. № 3.

Жернаков В.Н. Алексей Павлович Хионин. Russians in Australia, Мельбурн, 1973.

Каневская Г.И. «Я бездомный, но зато на воле...». Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток, 2005.

Косицын Г. Серж Ермолл и его оркестр // Австралиада. 1995. № 5. С. 21–23.

Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии (XIX — первая половина XX века). М., 2002.

Петриковская А.С. Культура Австралии: XIX–XX вв. М., 2007.

Суворов И.О. Иннокентий Серышев // Австралиада. 1995. № 4. С. 7–8, 14.

Трегубов А. Уральцы в Австралии. Уральск, 2007

Хисамудинов А.А. Алексей Хионин из общества русских ориенталистов // Восток. 1997. № 4. С. 112–117.

Хисамудинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. Владивосток, 2000.

Шнитцер-Смольянинов И.М. Михаил Николаевич Волин // Russians in Australia. Мельбурн, 1989. № 2.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ МАЭ РАН ПО АВСТРАЛИИ

Среди иллюстративных собраний МАЭ РАН по Австралии можно особо выделить две коллекции. Они интересны не только своим составом, но и историей, а также тем, что в некоторой степени отражают определенные тенденции в отношениях европейцев к культуре австралийских аборигенов.

Самыми ранними иллюстративными источниками МАЭ РАН по австралийскому региону являются материалы, входящие в коллекцию антропологических фотографий Н.Н. Миклухо-Маклая (№ 7425) [подробнее см.: Лебедева 2007: 328–330]. Во время своих путешествий Н.Н. Миклухо-Маклай среди множества других материалов собирал фотографии представителей различных культур. В эту коллекцию вошли 10 фотографий аборигенов Австралии. Согласно штампу на оборотах и рукописным датам снимки были приобретены Миклухо-Маклаем во время его пребывания в Австралии, в Брисбене, в 1880 г. [Миклухо-Маклай 1993: 236; 1996, 445] (рис. 1, 2).

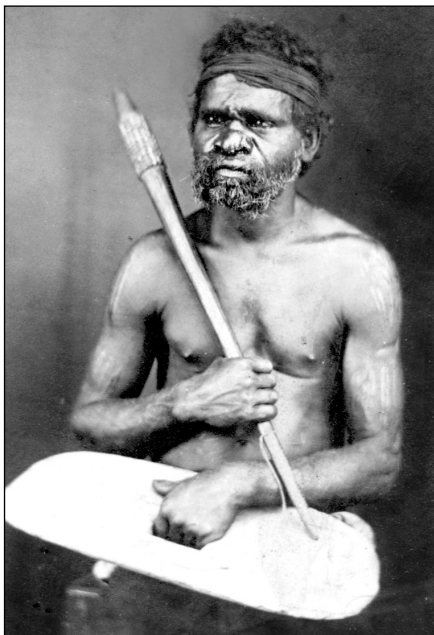

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Подобного рода снимки были очень распространены в то время в различных уголках колониального мира. Фотографии этого типа появляются, по всей вероятности, на почве интереса европейцев к экзотике, что накладывает определенные черты на стиль изображения. Характерно присутствие атрибутов «традиционности»: женщины с детьми и предметами быта, занятые домашней работой; мужчины с оружием, иногда изображающие поединки. При этом все сцены постановочные, а съемка происходит в павильонных условиях.

Все эти приемы направлены не столько на то, чтобы зафиксировать культурные реалии, сколько на то, чтобы создать определенный антураж. В данном случае, когда речь идет о такой культуре, как австралийская, явно присутствует стремление сформировать у зрителя образ «дикаря». Подобное стремление, в свою очередь, является лишь рефлексом желания увидеть этот образ. Здесь вступает в действие формула «спрос рождает предложение». Это надо учитывать, рассматривая такую фотографию, как этнографический источник. В то же время названные особенности делают ее интересной именно в качестве продукта своей эпохи, который, как любой документ, заключает в себе также что-то «между строк». Кроме того, для нас эти материалы представляют ценность как часть научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая, которого они интересовали в первую очередь с точки зрения антропологии.

Еще одна фотоколлекция по Австралии состоит из 150 снимков. Снимки невелики по размеру и сгруппированы по тематическому принципу в 10 таблиц. Эта коллекция в настоящее время не является зарегистрированной в МАЭ РАН, так как она была списана в 1977 г. по акту № 38 (ранее имела № 2675) (рис. 3).

В акте не указана причина, по которой фотографии было решено снять с учета, но о ней можно догадываться. Из сопроводительных документов следует, что материалы представляют собой, по сути, рекламный проспект и являются коммерческим предложением, поступившим в 1917 г. от фото-студии Кэрри. Студия была создана Чарльзом Керри в Сиднее в 1890 г. Она была ориентирована на создание различного рода тематических фотографий этнографического характера, в том числе и посвященных австралийским аборигенам. Как указано в сопроводительном письме, студия уделяла особое внимание фотографированию исчезающей культуры аборигенов Нового Южного Уэльса и Квинсленда. Подчеркивается, что некоторые сюжеты абсолютно уникальны, например «являющаяся первой и единственной серия изображений церемонии Бора», сохранившаяся только благодаря «большому личному риску». Далее в письме сообщается, что из множества снимков для презентации отобрано 150, которые скомпоно-

ваны в соответствии с тематикой и перефотографированы в уменьшенном размере. Затем следует информация о стоимости: фотография обычного размера (8 × 6 дюймов) стоит 2,6 доллара, 15 × 12 дюймов — 10 долларов, 23 × 17 — 15 долларов. Можно полагать, что подобные предложения были ориентированы на различного рода этнографические собрания, и, вероятно, наш музей был не единственным учреждением, получившим его. Что же касается самих фотографий, то они также обладают рядом особенностей. Так, портретные снимки нередко сделаны в нескольких ракурсах, практически лишены атрибутов, тем самым являясь собственно антропологическими фотографиями. Сюжетные съемки, как правило, действительно представляют собой серии, последовательно фиксирующие этапы какого-либо действия. Даже фотографии, на которых фигуры изображены в полный рост и с предметами традиционного быта (несмотря на то что такая съемка по стилю наиболее близка тому, что мы видели в первом случае), лишены нарочитости в плане демонстрации «первобытности». Что особенно важно, все фотографии проаннотированы. Информация содержится как на самой фотокарточке, так и в отдельном списке с указаниями племенной и региональной принадлежности.

Таким образом, несмотря на откровенно коммерческий характер деятельности этой студии и на тот факт, что она, возможно, несколько преувеличивает уникальность некоторых снимков, ее продукт на самом деле рассчитан на более искушенного и даже профессионального потребителя. Цель создания таких фотоматериалов скорее в том, чтобы реконструировать действительное, а не смоделировать желаемое, поэтому они обладают достаточной степенью аутентичности.

Оценивая конкретные материалы, хранящиеся в МАЭ РАН, надо учитывать, что они, во-первых, не являются оригинальными, поскольку были пересняты. Вполне возможно также, что они не уникальны и некоторое количество копий (в том числе и полноформатных) снимков содержится в музеях мира и, несомненно, в музеях самой Австралии. С другой стороны, время создания источника, которому уже около ста лет, и тот факт, что на сегодняшний день снимки студии Кэрри известны в мире и оцениваются достаточно высоко (в связи с перечисленными особенностями), придает этим фотографиям, даже в виде уменьшенных копий, ценность как с музейной, так и с научной точки зрения.

***

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1993. Т. II; 1996. Т. V.
Лебедева А.А. Материалы и документы, хранящиеся в отделе Австралии, Океании и Индонезии // Культура и быт австронезийских народов (история коллекций и их собиратели). Сборник МАЭ. Т. LIII. СПб., 2007. С. 321–332.

АВСТРАЛИЙСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАННИХ ПОСТУПЛЕНИЙ МАЭ

МАЭ РАН имеет достаточно обширные коллекции по традиционной культуре коренного населения Австралии. По современным меркам, это довольно старые коллекции, относящиеся ко времени сбора конца XIX — начала XX в. Однако в собраниях МАЭ есть несколько австралийских предметов, обладающих особой исторической и этнографической ценностью. Речь идет об орудиях труда австралийцев, привезенных экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в 1822 г. и приобретенных во время посещения российскими судами Порты Джексон (совр. Сидней) в 1820 г.

Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена достаточно хорошо изучена историками и этнографами. Казалось бы, столь же хорошо изучены австралийские предметы, привезенные русскими моряками из этой экспедиции. Во всяком случае до сих пор считалось, что все австралийские предметы из коллекции 736 относятся к числу приобретений участников плавания на кораблях «Восток» и «Мирный» 1819–1821 гг. В описи Е. Петри, составленной при первой регистрации коллекции 736 в 1903 г., и, как бы по инерции, в описи Л.Г. Розиной, составленной в 1957 г., в качестве источника поступления указывается Музеум Адмиралтейского департамента. Такое указание в документах того времени могло означать только их принадлежность к коллекциям экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена. Дополнительным аргументом может служить тот факт, что это плавание было единственным плаванием русских кораблей в Австралию в первой четверти XIX в., в связи с которым существуют документальные подтверждения привоза вещей в Музеум Адмиралтейского департамента. Судя по некоторым источникам, сбор этнографических вещей производился во время первого визита русского корабля «Нева» под командованием Л.А. Гагемейстера в Австралию в 1807 г. [Массов 1993: 73–74]. Но никаких упоминаний о подобном поступлении ни в документах Музеума Адмиралтейского департамента, ни в протоколах Академии наук обнаружить не удалось.

В книге «The Russians at Port Jackson. 1814–1822» (1981) известного исследователя Глинна Барратта, много лет занимавшегося изучением и систематизацией исторических и этнографических материалов, из существующих источников по русским кругосветным плаваниям пер-

вой четверти XIX в. опубликованы следующие предметы: 1) бумеранг 736-186; 2) палица 736-190; 3) щит 736-273; 4) копьё 736-276; 5) копьё с зазубренным наконечником 736-279 (на фотографии под литерой А вместе с наконечником 736-279 помещено также древко копья 736-275); 6) древко копья 736-274; 7) древко копья 736-278; 8) острога 736-280 [Barratt 1981: 86–91]. Этот список является далеко не исчерпывающим. Согласно существующим описям МАЭ, в коллекции 736 находятся еще несколько предметов явно австралийского происхождения: щит 736-185, щит 736-187, копьёметалка 736-188, палица 736-189. Эти предметы, как и опубликованные Г. Барраттом, в описях 1903 и 1957 гг. отмечены как австралийские (иногда под вопросом) вещи, поступившие из Музеума Адмиралтейского департамента.

В отношении того, что австралийские вещи из коллекции 736 возможно атрибутировать как принадлежащие исключительно к сборам экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена, в настоящее время возникают довольно серьезные сомнения. Во-первых, исследования последних лет показали, что коллекция 736 включает в себя не только вещи из бывшего Музеума Адмиралтейского департамента (время поступления в Академию наук — начало 1828 г.), но и те вещи, которые к тому времени уже давно находились в здании Кунсткамеры [Белков 2007: 45–55]. Во-вторых, общепринятая версия, согласно которой австралийские вещи могли попасть в Россию только с кораблями Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, не учитывает возможность опосредствованного пути — вместе с коллекциями иностранных собирателей. Первое замечание касается бумеранга 736-186, второе — щита 736-185.

На бумеранге 736-186 наклеена старинная текстовая этикетка с рукописной надписью: «Орудие против неприятеля жителей Новой Голландии». С.А. Корсун датирует появление таких этикеток на вещах из собрания Академии наук периодом до 1827 г. По его мнению, это было сделано в ходе учета поступлений из экспедиции М.И. Васильева — Г.С. Шишнарева в районе Берингова моря (1819–1822) [Корсун 2007: 118, рис. 10]. Ориентируясь на некоторые косвенные признаки, можно установить и нижнюю временную границу — 1820 г. Точно такие же этикетки находятся на океанийских вещах из коллекции 736. В любом случае бумеранг 736-186 не может принадлежать к коллекциям Музеума Адмиралтейского департамента, переданным в 1828 г. Возникает только один вопрос: кому принадлежал этот предмет? В данный момент наиболее вероятной кажется гипотеза, что его владельцем был В.М. Головин, в конце 1819 г. подаривший Академии коллекцию из 31 одного предмета американского и океанийского происхождения. К сожалению,

сохранилась только копия реестра В.М. Головнина, хранящаяся в отделе Америки МАЭ РАН, в которой упоминаются только американские вещи (строки с описанием океанийских вещей в этом списке пропущены). Если наше предположение верно, остается гадать, каким образом австралийская вещь попала в собственность В.М. Головнина. Известно, что в начале XIX в. он служил волонтером в английском королевском флоте и мог приобрести эту вещь, находясь в Лондоне во время аукциона 1806 г., на котором распродавались вещи Музея Левера (или раньше от кого-то из английских моряков). Надежда найти оригинал реестра В.М. Головнина в архиве РАН сохраняется. Но даже не имея на руках этого списка, мы уже сейчас по этикеткам (или надписям со сходным почерком на самих предметах) достаточно уверенно можем выделить вещи из коллекции 736, принадлежавшие капитану Головнину:

На щите 736–185 наклеена т.н. «узкая» номерная этикетка Музеума Адмиралтейского департамента «No. 42» и текстовая этикетка «No. 42 Палица к щиту из Новой Зеландии». Недавние исследования показали, что этикетки этого типа (со значком «No.») датируются 1819 г. [Белков 2007: 52], что вынуждает нас исключить щит 736–185 из списка предметов, поступивших в Музеум из экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена. Следы этого предмета мы находим в одной из описей Музеума Адмиралтейского департамента, т.н. «Ведомости Бестужева», составленной в сентябре 1825 г. В строке «Ведомости», соответствующей порядковому номеру 42 (этикетки присваивались попредметно), записано: «Палица к щиту из Новой Зеландии одна». В следующей строке значится «Щит из Новой Зеландии один». Ниже примечание: «NB От капитана Скотта» [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1–232]. Таким образом, австралийский щит 736–185 поступил в Музеум Адмиралтейского департамента в 1808 г. от капитана первого ранга Г.С. Скотта, согласно указам, сопроводительным спискам и записям в Генеральной описи Музеума (в частности, «деревянный щит с деревянным при оном орудии из Новой Зеландии») [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1128. Л. 16–17; Д. 1139. Л. 80–81; Д. 1203. Л. 20 об.–21 об.].

В данном случае сам характер ошибки, когда этикетка с описанием палицы была наклеена на щит, свидетельствует в пользу нашего предположения. «Недоразумение», которое Л.Г. Розина специально отмечает в своей описи 1957 г., возможно, объясняется узкой, сильно удлинённой (ромбической в поперечном сечении) формой щита, который неискушенный человек вполне может сравнить с палицей. Подобрать пару щиту 736–185 нам позволяет другой ряд этикеток Музеума, так называемых «белых» этикеток, датированных началом 1827 г. [Белков 2007:

52]. Описи вещей, хранившихся в Музее Адмиралтейского департамента, составлялись с учетом времени их поступления и, вероятно, располагались в таком же порядке (или, что почти то же самое, инвентаризировались). Австралийская палица 736-189, по форме отдаленно напоминающая меч, снабжена номерной «белой» этикеткой «I.». Это, несомненно, указывает на то, что палица поступила в Музей в период, близкий к его основанию, что примерно соответствует времени приобретения коллекции капитана Скотта (1808). Напротив, высокий порядок цифр свидетельствует, что копье 736-276 с «белой» этикеткой «394.» и тростниковое древко 736-279 с «белой» этикеткой «397.» происходят из сборов экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена.

На других предметах из коллекции 736, известных как австралийские, отсутствуют какие-либо указания в виде этикеток, что оставляет место для самых различных предположений, вплоть до того, что некоторые из них могут оказаться не австралийскими. Так называемый «щит» 736-273 представляет собой, пожалуй, наиболее простой пример. Согласно Г. Баррату: «Narrow wooden parrying shield (incomplete)» [Barratt 1981: 89, Plate 89]. По описи Е. Петри: «Небольшой узкий деревянный щит грубой работы». По описи Л.Г. Розиной: «Щит деревянный, узкий с заостренными и приподнятыми концами. Наружная и внутренняя стороны двугранные. С внутренней стороны посередине двугранный же выступ с четырьмя обломанными деревянными шпеньками в нем». Внешнее сходство с австралийскими щитами парирующего типа, безусловно, имеется, хотя щиты именно такой формы в Австралии не встречаются, даже если предположить, что это незаконченное изделие. Принятой трактовке противоречит и наличие четырех симметрично расположенных корешков от «шпеньков». Объяснить эту деталь можно только одним образом, предположив в них следы от палочек, с помощью которых данный предмет к чему-то крепился. Здесь, кажется, двух мнений быть не может: перед нами поплавок от модели лодки с аутригером. Чтобы это увидеть, достаточно расположить этот загадочный предмет не вертикально (как «щит»), а горизонтально.

Возникает и обратная ситуация, когда среди вещей, считающихся не австралийскими, находятся предметы, которые вполне можно рассматривать в качестве таковых. Речь идет о трех предметах: 736-269, 736-270 и 736-271, которые до сих пор атрибутировались как «металлические палки» из Новой Зеландии (описи Е. Петри и Л.Г. Розиной). На предмете 736-270 имеется номерная «белая» этикетка «5.», на предмете 736-271 — «6.». Это должно соответствовать порядку поступления данных предметов в Музей, позволяя отнести их к коллекции капитана

Скотта. Исключением является предмет 736–269, на котором, согласно описи Е. Петри, была «белая» этикетка «435.» (в настоящее время отсутствует). Однако на этом предмете имеется также текстовая этикетка с надписью: «Throwing sticks from New Zealand». В другой работе этикетки этого типа были нами связаны с именем капитана Скотта [Белков 2007: 54]. Таким образом, термин «метательная палка» является прямым переводом с английского. Интересно, что само по себе такое определение не так далеко от истины, если учесть, что по форме эти предметы похожи на копьеметалки, или, как было принято выражаться в старой литературе, метательные дощечки. В настоящее время в англоязычных странах такие предметы называют «spear-thrower» (букв. «копьеметалка»), но капитан Скотт мог просто не знать действительного назначения этих предметов или, зная это, использовал термин «throwing stick», считая его вполне точно отражающим функцию копьеметалки. О том, что это именно копьеметалки, свидетельствуют остатки смолы на заостренных концах предметов. Аборигены Австралии с помощью смолы и волокон крепили к концу копьеметалки зубчик, в который при метании упирался торец копья. На предмете 736–271 следы смолы обнаруживаются на обоих концах, что соответствует конструкции некоторых типов копьеметалок, у которых рукоятка образуется не вырезами для пальцев в утолщенной части, а особыми приспособлением, прикрепленным смолой к широкому концу копьеметалки.

В заключение следует остановиться на вопросе о первоначальном источнике рассматривавшихся выше австралийских предметов (бумеранг 736-186, щит 736-185, палица 736-189 и три копьеметалки 736-269, 270, 271). Если они были приобретены в Европе не ранее самого начала XIX в., то при чрезвычайной редкости австралийских предметов, относящихся к этому времени, практически единственным вариантом объяснения того, как австралийские предметы из МАЭ попали в Европу, может быть только их связь с наследием экспедиций Джеймса Кука. Этому предположению не противоречит очевидная древность упомянутых предметов, которые к тому же не всегда находят точные аналоги в музейных собраниях мира, возможно, представляя собой некий достаточно узкий локальный круг культуры австралийских аборигенов, не зафиксированный в результатах более поздних наблюдений. Не противоречит нашей гипотезе и обозначение предметов как «новозеландских», которое в те времена было довольно распространенной ошибкой при составлении реестров коллекций «редкостей». Окончательным подтверждением или опровержением этой гипотезы может быть только тотальная «инвентаризация» исторических фактов, связанных с плаваниями евро-

пейских кораблей, заходивших в этот регион после Кука, и предметов данных типов, входящих в наиболее старые музейные коллекции музеев мира.

***

Белков П.Л. «Дешифровка» музейных каталогов конца XVIII — начала XIX в. и проблема идентификации предметов из ранних поступлений МАЭ // Радловский сборник. СПб., 2007.

Корсун С.А. Музейные этикетки и проблема атрибуции предметов из старых коллекций МАЭ // Сб. МАЭ. Т. LIII. СПб., 2007.

Массов А.Я. Первое посещение русскими австралийского континента // Известия РГО. 1993. Т. 125. Вып. 1. С. 69–74.

Barratt G. The Russians at Port Jackson. 1814–1822. Canberra, 1981.

РОД, ЛИНИДЖ, ПАТРОНИМИЯ
(Из истории исследований социальной культуры
aborигенов Австралии и Океании в МАЭ РАН)

К концу первой половины XX в. в мировой науке стал заметно расти интерес к изучению первобытного общества, в частности его социально-экономических отношений, что нашло отражение в массе разнообразных трудов, вышедших в 1950–1970-х гг. Сотрудники отдела Австралии и Океании Музея антропологии и этнографии РАН не остались в стороне от поисков решений интересных и трудных проблем, встававших перед учеными в этой области исследований. Это прежде всего Бутинов Николай Александрович, Лихтенберг Юлия Михайловна и Кабо Владимир Рафаилович, который до начала 1980-х гг. работал в Ленинграде.

На период, о котором идет речь, в науке бытовало еще весьма слабое представление о сущности и характере взаимоотношений аборигенов, о структуре их обществ, и очень плохо был разработан понятийный аппарат. Нельзя не учитывать и факт стремительного изменения культуры аборигенов в результате влияния европейцев, вплоть до полного исчезновения некоторых институтов. В итоге исследователи могли непосредственно наблюдать далеко не все аспекты жизни изучаемых обществ. Советские ученые-исследователи зарубежных народов были лишены и этой возможности в силу географической удаленности от объекта исследований, круг их источников был фактически ограничен письменными свидетельствами путешественников и публикациями зарубежных коллег. В полной мере все это относилось и к изучению культуры аборигенов Австралии. Поэтому можно с уверенностью сказать, что условия, в которых решались задачи, стоявшие перед учеными отдела Австралии и Океании, были весьма нелегкими. Однако В.Р. Кабо полагал, что, во-первых, даже в тех случаях, когда традиционная социальная организация деформирована или разрушена, реконструкция ее доконтактного состояния вполне возможна. А во-вторых, воздействие более развитых обществ на менее развитые или смена природных условий существовали всегда, и задача ученых состоит также и в том, чтобы исследовать влияние различных факторов на развитие первичных обществ. Как было отмечено выше, в силу недостаточной разработки понятийного аппарата параллельно с исследованиями, касающимися определения социальной структуры австралийских аборигенов и взаимоотношения ее элементов,

также велась работа по определению терминов. Ключевыми понятиями здесь оказывались такие, как понятие общины (или локальной группы) и ее типов, рода, экзогамии, брачных классов (или секций). Проблемы, занимавшие советских исследователей, включали вопросы соотношения рода и общины как территориальной единицы, вопросы типологии родства и его связи с социальными группами, а также особое внимание уделялось патронимии.

В.Р. Кабо исследование общества австралийских аборигенов интересовало прежде всего с точки зрения общетеоретических построений в области истории первобытного общества. Иначе говоря, изучение культуры австралийских аборигенов он рассматривал как один из источников для реконструкции процесса истории первобытности от ранних стадий развития к появлению классового общества. В своих изысканиях он шел от частных к обобщениям. Поэтому ему важно было в конечном счете «освободить» конкретно-исторический материал по австралийским аборигенам от всего единично-конкретного, например от их локальных особенностей, чтобы затем, сопоставив с аналогичными структурами в других регионах мира, найти общие закономерности развития обществ подобного типа. В этом он видел задачу истории первобытного общества [Кабо 1979б: 62–66].

В.Р. Кабо рассматривает общество как единую систему, с учетом всей совокупности элементов. В то же время он, как и все советские ученые, настаивал на различении экономического базиса и надстройки в виде общественно-нормативных и идеологических институтов. Эта же позиция, естественно, присутствует и в трудах его коллег. Как известно, в основе отечественной науки лежало утверждение того, что экономический базис имеет первостепенное значение для развития общества. Соответственно элементы, непосредственно связанные с производственной частью жизни, рассматривались как первичные. Так, община в работах В.Р. Кабо выступает как стадияльно более ранний, чем род, социальный институт. Кроме того, он трактует общину не просто как основную социально-экономическую и структурную ячейку первобытного общества, но и как институт, наиболее полно выражающий типические черты первобытного общества. Другим исходным моментом в исследовании конкретных первобытных обществ, по мнению В.Р. Кабо, является осознание того, что первобытный социальный организм находится в непосредственной связи с экологической средой [Кабо 1979б: 70]. Австралийская община формируется в качестве основной ячейки социальной структуры в определенных условиях естественно-географической среды. Например, плотность населения в пустынных областях Австралии

низка, а территории, занимаемые локальными группами и достаточные для их прокорма, обширны; необходимо до 200 миль территории, чтобы поддержать жизнь одного человека. Поэтому в пустынных областях легче обеспечить свое существование небольшим группам, которые постоянно перемещаются по территории в поисках пищи [Кабо 1979а: 162–167].

В целом, структуру традиционного общества аборигенов Австралии исследователи представляли в следующем виде. *Локальная группа*, или *община* (в советской литературе эти понятия отождествляются), является основной социально-экономической ячейкой общества. Каждая локальная группа имеет свою территорию, границы которой хорошо известны членам группы и ее соседям. На этой территории они охотятся и собирают продукты питания. В то же время каждый член группы обладает определенным правом охоты на территории той локальной группы, откуда родом его мать или жена. Это социальные группирования, состоящие из отдельных семей, которые при необходимости образуют самостоятельные хозяйственные группы, обычно совпадающие с семьей. *Хозяйственная группа* — это форма существования общины в определенных экологических условиях, ограниченная во времени. То же можно сказать и о семьях, когда они существуют вне общины. Соответственно, общину (локальную группу) и род не следует отождествлять, они не совпадают даже там, где род локализован и основу общины составляют люди одного рода, поскольку мужа и жены в силу закона родовой экзогамии являются всегда представителями двух разных родов [Кабо 1979а: 155–156]. Соотношение общины с родом, в терминах В.Р. Кабо, определяется существованием двух типов общин: локально-родовой, обладающей единым ядром из представителей одного локализованного рода (Н.А. Бутинов называл этот тип «родовая община»), и гетерогенной, для которой не характерна такая форма единства. В.Р. Кабо не исключает, что исторически локально-родовые общины предшествовали гетерогенным, но, по его мнению, это всего лишь логическое допущение, не подтвержденное фактическими данными. Оно основывается на предположении, что родовая организация, одним из базовых признаков которой считается экзогамия, возникает внутри экзогамных общин и на их основе, а гетерогенные общины представляют собой более позднее усложнение элементарной первичной структуры [Кабо 1979а: 160].

Община первична по отношению к племени. Австралийское племя в конечном счете является территориально связанной совокупностью нескольких общин, объединяющихся в течение небольшой части года. Из чего следует, что все члены племени имеют общую территорию, ко-

торая является их общей экономической базой, и эту территорию члены каждой локальной группы защищают от вторжения других «чужих лиц», находящихся вне круга тех, кого они называют родственными терминами [Лихтенберг 1960а: 220]. С этнической точки зрения племя отличается общностью языка и традиционных межобщинных связей. Австралийское племя здесь еще не может рассматриваться как постаршая единица, его структура аморфна, поэтому оно характеризуется как находящееся на самой ранней стадии развития этого социального института [Кабо 1979а: 166].

Если с определением структуры общества австралийцев с социально-экономической точки зрения в целом все казалось более или менее ясно, то в отношении родовой организации, а также ее отношения к общине или локальной группе, возникали некоторые теоретические сложности. В этом направлении конкретные исследования проводились Н.А. Бутиновым и Ю.М. Лихтенберг. Н.А. Бутинова больше интересовало то, что связано с родовой организацией в целом, а Ю.М. Лихтенберг исследовала один из ее аспектов, а именно — родство, брачные классы («секции»). Это обусловлено стремлением понять механизмы социальных связей в архаическом обществе с тем, чтобы определить исторический момент возникновения его базовых институтов. Если для В.Р. Кабо предшествование локально-родовых общин гетерогенным является скорее умозаключением, основанным на анализе фактов, то для Н.А. Бутинова (такое складывается впечатление) данное положение является само по себе эмпирическим фактом. Это вытекает из его рассуждений о том, что патронимия выступает переходной стадией от родовой общины к большесемейной. Термин «большесемейная община», в свою очередь, не означает, что община обязательно состоит из одной большой семьи. Наоборот, чаще она может состоять из нескольких больших семей, каждая из которых экономически, социально и идеологически обособлена. То есть это то группирование, которое у В.Р. Кабо выступает под термином «гетерогенная община».

Патронимия состоит из нескольких объединенных общим происхождением больших семей, но проживающих в разных общинах [Бутинов 1968: 93], она дислокальна, в отличие от последних, хотя первоначально полагалось, что патронимия едина в территориальном и экономическом отношении. Позже в качестве связующих признаков остались общее имя, общие празднества и взаимопомощь [Бутинов 1968: 91]. В сущности, патронимия — это гипотетический социальный институт, который, по словам М.О. Косвена, введшего этот термин в советскую научную литературу, можно только реконструировать или даже лишь угадывать,

так как ученые застают его уже в состоянии распада в виде комплекса пережитков [Косвен 1963: 98]. Термин «патронимия» соответствует термину «линидж» в англоязычной литературе, отражая один из основных признаков этой социальной группы — общность происхождения от реального предка, который, как правило, также выступает в качестве эпонима данной группы. Кроме того, линиджи, как и патронимии, имеют тенденцию к разрастанию и далее «ветвятся», составляя систему, которую некоторые исследователи обозначают термином «рэמידж» (англ. *gamage* — ветвь) [Свод этнографических понятий и терминов 1986: 80–81]. Однако рэмиджи, хотя внешне функционально и схожи с линиджами, имеют отличие, заключающееся в счете родства и брачной норме. Если линиджи унилинейны и экзогамны, то рэмиджи — амбилинейны и неэкзогамны. Эту путаницу отчасти внес сам автор термина «рэמידж» Рэймонд Фирт, первоначально определив такую группу на о. Тикопия как унилинейную и неэкзогамную, что позже оказалось исключением на фоне общеполинезийского материала, но тем не менее термин попал в некоторые научные работы именно в этой трактовке. Впоследствии одни исследователи предпочли зарубежный аналог термину «патронимия» во избежание путаницы, а, например, Н.А. Бутинов посчитал вообще некорректным употребление терминов, отражающих деление родственных групп по признаку счета кровного родства, полагая родство, как оно понимается в изучаемых обществах, социальным по своей природе, а не биологическим (или кровным). С этой точки зрения рэмидж предстает как семейно-родовая община [Бутинов 1994: 65]. Таким образом, термин «патронимия», в конце концов, вышел из употребления в отечественной науке.

В том, что касается отличия патронимии от рода, в работах Н.А. Бутинова, во всяком случае этого периода, четких различий не указывается, тем более что определение рода как такового также оказывается спорным. Как писал сам Н.А. Бутинов в одной из статей, существует определенный набор признаков *рода* (общий предок, однолинейность, общее имя, родовая территория и экзогамия), но каждый из этих признаков — лишь некое правило на фоне довольно частых исключений, которых бывает так много, что подчас родовая норма с трудом поддается определению. Скорее всего, если считать патронимию синонимом линиджа, она оказывалась подразделением рода [Бутинов 1970: 25, 30].

В поисках решения этой проблемы особую важность приобретали факты, связанные с экзогамией и типами родства у аборигенов. *Экзогамия* обычно понимается как система брачных запретов между опре-

деленными категориями людей, связанных классификационным родством. Обратной стороной таких запретов являются правила, предписывающие брак между установленными категориями лиц. Понять *классификационное родство*, считал Н.А. Бутинов, — значит понять суть экзогамии. В своей статье «Типология родства» (1979) он определяет классификационное родство как результат сращивания кланового родства с семейным (генеалогическим). Под этими терминами понимаются два основных типа родства. Семейным родством, источником которого являются брак и рождение, Н.А. Бутинов называет то, что сегодня в литературе называется биологическим родством. А клановое родство, источник которого — совместный труд и коллективная собственность, примерно соответствует тому, что теперь называют социальным родством. Генеалогическое родство, устанавливающее за пределами семьи близкие и дальние связи с помощью генеалогий, Н.А. Бутинов полагает разновидностью семейного родства. По его мысли, рост генеалогических знаний может привести к тому, что различие некоторых категорий родства (например, по мужской и женской линии) в терминах будет утрачено. Так возникает родство классификационное [Бутинов 1979: 74]. Для него суть понятия классификационного родства заключается в объединении под одним термином группы родственников.

По мнению Ю.М. Лихтенберг, непонимание группового характера терминов родства у австралийских аборигенов (которое связано с учением Л.Г. Моргана о соответствии систем родства определенным формам брака) привело многих западных ученых к заключению о существовании т.н. аномальных форм брака, когда обязательными становятся браки между лицами разных поколений. Ю.М. Лихтенберг доказывает, что никакой аномалии здесь нет, ссылаясь на правило выбрать себе брачного партнера из группы родственников, объединенных одним термином родства, в которую входят представители разных поколений в силу определенных причин. Внутри этой группы родственников партнер подбирается соответственно реальному возрасту [Лихтенберг 1959: 35–37].

Ю.М. Лихтенберг подробно занималась вопросом взаимосвязи системы терминов родства, брачных классов (секций) и локальных групп австралийских аборигенов. На основе анализа терминов родства аборигенов яральде она показала, что эта связь существует, что ряд терминов выражает не индивидуальное родство, а принадлежность к определенной брачно-возрастной группе [Лихтенберг 1960б: 203–205]. Кроме того, из ее анализа следует, что система терминов родства яральде отражает состав родственников не абстрактных четырех брачных клас-

сов, а родственный состав четырех некогда существовавших локальных групп [Лихтенберг 1960б: 209]. Аналогичным образом она анализирует материалы по социальной организации арандаязычного населения. Если соотнести местные термины родства, согласно ее выкладкам, со всеми восемью брачными классами (секциями), то становится видно, что система терминов родства охватывает всех членов этих классов и что вместе они образуют эндогамное общество («племя»). Здесь в сфере внимания оказывается и такой аспект системы отношений родства, как система взаимных прав и обязанностей, в которую вовлечены все члены племени, чью общность, собственно, и отражает система терминов родства [Лихтенберг 1960а: 219–221]. Также нельзя не отметить вывод Ю.М. Лихтенберг о том, что, поскольку системы родства, подобные австралийским, имеют широкое распространение, то можно предполагать, что система брачных классов была некогда распространена более широко и не является особой формой социальной организации, присущей только австралийским обществам, где брачные классы были впервые открыты [Лихтенберг 1960а: 236–237].

В целом, если рассмотреть работы советских ученых, оказывается, что они не выходили далеко за рамки общемировой науки в вопросах, касающихся социальной организации первобытного общества. Как и для многих зарубежных ученых, для них был характерен системный подход к изучению социальных структур, согласно которому общество представлялось как комплекс взаимосвязанных элементов. Многие понятия имели свои аналоги в зарубежной научной литературе. Фактически различия наблюдались только в акцентах, которые расставлялись в соответствии с учением об историческом материализме. Хотя со времени этих исследований прошло почти полвека и какие-то положения и гипотезы устарели, тем не менее итоги большой работы, проведенной сотрудниками отдела Австралии и Океании МАЭ РАН в сфере социальной культуры аборигенов, остаются интересными и нужными для дальнейших исследований этого региона.

***

Бутинов Н.А. К вопросу о социальной организации полинезийцев (ответ оппоненту) // ЭО. 1994. № 6. С. 62–68.

Бутинов Н.А. Община, семья, род // Советская этнография. 1968. № 2. С. 91–95.

Бутинов Н.А. Проблема экзогамии (по австралийским материалам) // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. ТИЭ. Новая серия. М., 1951. Т. 14.

Бутинов Н.А. Род на Новой Гвинее // Австралия и Океания. История и современность. М., 1970. С. 25–34.

Бутинов Н.А. Типология родства // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 66–75.

Кабо В.Р. Австралийская община // Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979а. С. 139–171.

Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М., 1979б. С.60–107.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Лихтенберг Ю.М. Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и зависимость их от деления общества на группы // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1960а. Т. 54. С. 215–240.

Лихтенберг Ю.М. К вопросу о так называемых аномальных формах брака // Советская этнография. 1959. № 2. С. 31–37.

Лихтенберг Ю.М. Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-ганованского типа) // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1960б. Т. 54. С. 196–214.

Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

**ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ДИАСПОРЫ
СОВРЕМЕННОГО МЕЛЬБУРНА
КАК ПРИМЕР ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН**

Считается общепризнанным, что одним из наиболее характерных проявлений глобализации являются миграции населения. Только в тихоокеанском регионе к концу XX в. насчитывалось примерно 3 млн азиатских иммигрантов. При этом на каждого иммигранта, покинувшего родину в поисках более благоприятных условий труда, приходится от 2 до 5 членов семьи, оставшихся на территории родного государства, но живущих в основном на те деньги, что им посылает кормилец семьи [Castles S. Migration as a factor in social transformation in East Asia...]. С начала 1990-х гг. миграцию, при которой семьи переселенцев разделены и проживают как минимум в двух странах — на своей родине и государстве-реципиенте, американские исследователи стали называть транснациональной миграцией. Первоначально они изучали феномен, который получил название *transnational practices*, т.е. транснациональный опыт. Именно от названия этого феномена возник термин «транснациональная миграция». Тогда же был введен в оборот термин «транснациональное социальное пространство» (ТСП). Американский антрополог Линда Баш дает следующее определение транснациональной миграции — «это процессы, с помощью которых иммигранты создают и поддерживают сложные социальные связи, соединяющие общество их родины с обществом страны-реципиента» [Levitt P., Nyberg-Sørensen N. The transnational turn in migration studies...]. Таким образом, и та и другая среда становятся единым объектом для исследования и никак не могут рассматриваться отдельно друг от друга.

Сторонники транснационального подхода требуют отказа от методологического государствоцентризма, т.е. отрицания того, что все социальные процессы, даже рассматриваемые на международном уровне, возможны только в рамках страны. Необходимо отвлечься от страны-донора и страны-реципиента в пользу тех процессов, которые происходят, так сказать, меж границ, т.е. речь идет о том, что западные ученые называют *cross-border livelihoods*. При наличии современных средств транспорта и связи транснациональное социальное пространство возникает вне государственных границ стран, соединяя людей, находящихся, возможно, в разных точках земного шара [Portes 1999].

Профессор университета в Билефельде (Германия) Томас Фейст выделяет основные типы ТСП, уже существующие и изучаемые в современном мире: семейные группы, исследовательские ассоциации, транснациональные сообщества, транснациональные организации [Faist T. *Transnationalization in international migration...*]. В данном сообщении будут приведены сведения о транснациональных сообществах иммигрантов из Восточной Азии, проживающих в Австралии. Следует подчеркнуть, что большинство этих сообществ могут рассматриваться именно как транснациональные общины, поскольку в Австралию попадает обычно лишь часть членов семьи: муж-отец семейства, старший сын или некоторые из сыновей и дочерей. И даже если в Австралию попадает сразу несколько членов семьи, то часть ее все равно остается на родине. Кроме того, иммигранты далеко не всегда собираются остаться (или чаще им далеко не всегда удается остаться) в Австралии.

Крупные города Австралии всегда привлекали огромное количество иммигрантов из различных стран Восточной и Юго-Восточной Азии: КНР, Индонезии, Филиппин, Таиланда, Малайзии, Южной Кореи. Одним из наиболее привлекательных городов для иммигрантов остается Мельбурн. По данным переписи населения Мельбурна за 2006 г., число граждан, рожденных за пределами Австралии и переехавших в страну в период с 2001 по 2006 гг., составило: 4009 человек из Малайзии, 2671 — из Индонезии, 1153 — из КНР, 1142 — из Сингапура, 1064 — Гонконга и 221 — из Южной Кореи [Census 2001 to 2006...]. Недавно прибывшие иммигранты являются категорией, наиболее благоприятной для исследования в контексте транснационализма ввиду еще не ослабших связей с родной страной.

Если говорить о филиппинцах, то сегодня Филиппины являются одним из ведущих экспортеров рабочей силы в мире: более 1/10 населения Филиппин проживает в других странах. Филиппинцы стремятся уехать в первую очередь в США, а затем уже в Канаду и Австралию. Иммиграция филиппинцев в Австралию значительно усилилась в 1980-е гг., пик пришелся на период 1987–1988 гг. [Там же]. По данным переписи населения Австралии, в 2001 г. на территории страны проживало 103 990 тыс. иммигрантов, уроженцев Филиппин, средний возраст которых составлял 40 лет. Примерно 73 % филиппинцев, проживающих в Австралии, относятся к разнорабочим. 5 % занимают должности менеджеров, примерно 10 % заняты в торговле [Philippines-born Community Information Summary...]. В филиппинской диаспоре работают многие из женщин. Филиппинки находят применение своему труду в сфере занятости, традиционно принадлежащей женщинам: домработницы,

персонал отелей и ресторанов, работники конвейерных линий и т.п. Филиппинцы как дешевая рабочая сила пользуются спросом в Австралии, поскольку коренные белые австралийцы неохотно берутся за «черную» и низкооплачиваемую работу. Филиппинцы же не столь привередливы, с ними легче договориться и, кроме того, многие из филиппинцев сносно говорят по-английски.

По мнению ряда исследователей, например профессора М. Абеллы, филиппинская диаспора носит отчетливо транснациональный характер, поскольку для многих филиппинских семей эмиграция — не только вынужденная, но и временная мера. Переезд части членов семьи в Австралию дает возможность сравнительно быстро улучшить материальное положение семьи или получить хорошее образование с тем, чтобы затем более успешно устроить свою жизнь на родине [Abella 1995: 418–423].

Сегодня на территории Австралии проживает примерно 150 тыс. вьетнамцев, большая часть которых перебралась на Зеленый континент в период войны во Вьетнаме. Всего начитывается три главные иммиграционные волны вьетнамцев в Австралию: первая началась в 1975 г. и включала тех, кто стремился получить образование в Австралии, а также беженцев. Вторая волна пришлась на период 1978 г., когда многие вьетнамцы бежали из своей страны, спасаясь от нищеты, и на лодках добирались до Австралии. Многие из них были переправлены в Малайзию и Индонезию, но были и те, кто смог остаться в Австралии. Третья волна началась в 1992 г. и связана в основном с воссоединением семей [Jakubowicz A. Vietnamese in Australia...].

Данные переписи населения за 2006 г., свидетельствуют, что 78 % вьетнамского населения Мельбурна говорят между собой исключительно на вьетнамском языке и только 2 % стараются использовать английский [City of Melbourne 2006...]. Стоит также отметить, что вьетнамцы очень плохо приспосабливаются к английской речи, из-за чего часто возникают проблемы с трудоустройством.

Вьетнамцы заняли западные районы Мельбурна, стараясь селиться «поближе к своим», однако эти районы нельзя считать чем-то вроде гетто для малоимущих, что часто встречается в районах, заселенных иммигрантскими этническими общинами. Вьетнамцы стремятся создавать вокруг себя ареал того, что у нас принято называть средой среднего класса.

Вьетнамцы выступают очень сплоченной этнической общиной, что обусловлено в первую очередь медленным приспособлением к новой среде обитания. Трудности интеграции в австралийское общество способствуют сохранению прочных связей с родиной, что придает вьет-

намской диаспоре в значительной мере транснациональный характер. Стремление вьетнамцев иметь дело только со своими соплеменниками нередко приводит к организации несколькими семьями общего семейно-дружественного бизнеса.

История китайского населения в Австралии имеет схожую историю с тем, что происходило в США в XIX в. Китайцы попали на пятый континент с европейскими фермерами, прибывшими в страну для приобретения и возделывания земли. К 1849 г. в Австралии проживало всего 270 китайцев, однако ситуация изменилась в середине XIX в. с началом «золотой лихорадки». По данным первой переписи населения, в 1881 г. 1,6 % всего населения страны были китайцами, что на тот момент составляло 38,533 человек. Однако ввиду дискриминационной политики «Белой Австралии» в последующие десятилетия китайцам был закрыт доступ в страну, и их численность начала падать. Новый рост китайской диаспоры начался только в последней трети XX в. Сегодня на территории Австралии проживают 699 тыс. китайцев.

Как и повсюду в мире, в Мельбурне и в других городах штата Виктория существуют чайна-тауны, которые выступают в качестве своего рода центров азиатской культуры [Inglis 1972: 266–281]. В Мельбурне чайна-таун расположен на улице Бёрк, причем он считается одним из первых чайна-таунов в мире. Компактное поселение китайцев в Мельбурне возникло еще в XIX в., когда в штат Виктория приехали золотоискатели из Китая. Именно здесь спешили осесть все новоприбывшие китайские иммигранты. До сих пор для многих китайцев, приезжающих в Викторию, первое место жительства — это мельбурнский чайна-таун.

Китайцы открывают маленькие ресторанчики и магазины, ассортимент которых состоит исключительно из традиционных товаров, будь то лечебные травы или привычная для китайцев еда: рис, специи, китайская вермишель, табак, чай и т.п. Благодаря такому роду деятельности китайцы более всего подвержены транснационализму, так как подобная торговля невозможна без связей со страной происхождения.

В Австралии весьма ощутима разница между китайцами с материка и китайцами из Гонконга. Эта разница столь велика, что в этническом контексте обе общины принято разделять. По данным переписи населения за 2001 г., в Австралии проживает 67 тыс. человек, рожденных в Гонконге. Территориальные предпочтения можно выявить по тем же данным: в штате Виктория проживает примерно 17 тыс. человек, в Южном Уэльсе — 38 тыс. человек [Community Information Summary. Hong Kong*-born...].

Благодаря исторически сложившимся связям с англичанами вчерашние жители Гонконга быстрее привыкают к английскому языку, приспосабливаются к жизни в обществе западного типа и легче находят работу. Стоит отметить, что благодаря экономическому развитию Гонконга уроженцы острова обладают некоей предпринимательской жилкой. Также по сравнению с иммигрантами из других стран уровень образования иммигрантов из Гонконга очень высок. Однако, оставаясь в культурном плане китайцами, гонконгцы стараются поддерживать связь с родиной и многочисленными родственниками, а их активная предпринимательская деятельность, включающая, как правило, экономические связи со своей исторической родиной, превращает выходцев из Гонконга в Австралии в своего рода «транснациональных мостостроителей». Гонконгцы активно наводят экономические мосты между Австралией и своей родиной.

Транснациональный характер восточноазиатских общин в Австралии и связанное с ним стремление перетянуть в Австралию своих родственников по линии воссоединения семей усложняет для Правительства Австралийского Союза задачу контроля над миграцией. При этом следует иметь в виду, что в будущем объемы миграции не только не уменьшатся, но и увеличатся, и транснациональный характер восточноазиатских иммигрантских общин будет только возрастать. Это порождает не только ряд юридических проблем в осуществлении миграционной политики, но и может вызвать определенное напряжение в международных отношениях в австралийском обществе в целом. Появляется также ряд проблем внешнеполитического характера: правительства многих стран-доноров разрешают своим гражданам иметь двойное гражданство и пытаются использовать это обстоятельство в своих интересах, строя, например, по-новому экономические и политические отношения со странами-реципиентами, где проживают их граждане.

Процессы, придающие все более транснациональный характер миграции населения в современном мире, так же как и последствия этого явления, нуждаются в дальнейшем тщательном осмыслении и исследовании.

***

Abella M.I. Asian Migrant and Contract Workers in the Middle East // The Cambridge Survey of World Migration. Cambridge, 1995. P. 418–423.

Castles S. Migration as a factor in social transformation in East Asia // Conference on Migration and Development Princeton University, 4–6 May 2000. URL: www.childtrafficking.com/Docs/castles_2000_migration_as.pdf (Дата обращения: 21.03.2009).

Census 2001 to 2006 — Key Changes // Melbourne City Research. URL: http://www.futuremelbourne.com.au/wiki/pub/FMPlan/S3Resources/City_of_Melbourne_Population_Estimates_-_Analysis_of_Housing_and_Population_2001_-_2006.doc. (Дата обращения: 16.03.2009).

City of Melbourne 2006 Multicultural Community Demographic Profile. June, 2008 // Melbourne City Research. URL: www.melbourne.vic.gov.au. (Дата обращения: 1.04.2009).

Community Information Summary. Hong Kong*-born. Historical Background. Australian Government. Department of Immigration and Citizenship. URL: http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/comm-sum/_pdf/hongkong.pdf (Дата обращения: 26.03.2009).

Faist T. Transnationalization in international migration: implications for the study of citizen-ship and culture // Transnational Communities Programme. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers/faist.pdf (Дата обращения: 30.03.2009).

Inglis C. Chinese in Australia // *International Migration Review*. 1972. Vol. 6. № 3. P. 266–281.

Jakubowicz A. Vietnamese in Australia: a generation of settlement and adaptation. // *Making multicultural Australia*. URL: <http://www.multiculturalaustralia.edu.au/> (Дата обращения: 8.04.2009).

Levitt P., Nyberg-Sorensen N. The transnational turn in migration studies // *Global migration perspectives*. URL: [http://www.gcim.org/gmp/Global Migration Perspectives No 6.pdf](http://www.gcim.org/gmp/Global_Migration_Perspectives_No_6.pdf) (Дата обращения: 14.02.2009).

Philippines-born Community Information Summary // Australian Government. URL: http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/.../_pdf/philippines.pdf (Дата обращения: 16.03.2009).

Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field // *Ethnic and Racial Studies*. March 1999. Vol. 22. № 2.

IN MEMORIAM

Е.В. Ревуненкова

ИННА НАУМОВНА СОЛОМОНИК (7.08.1932–14.07.2009) И ТЕАТР КУКОЛ ВОСТОКА

Инна Наумовна Соломоник

14 июля 2009 г. скончалась Инна Наумовна Соломоник — известный театровед, специалист по истории и теории кукольного театра Востока.

И.Н. Соломоник родилась 7 августа 1932 г. в с. Малаховка Московской области. В 1973 г. окончила французское отделение Московского педагогического института иностранных языков. Несмотря на филологическое образование, все ее личностные и научные интересы сошлись в театре, который в буквальном смысле слова стал ее жизнью. В театре она работала: сначала в библиотеке Всесоюзного театрального общества (1956–1959), потом на-

учным сотрудником музея Государственного академического театра им. Евгения Вахтангова (1959–1960) и, наконец, научным сотрудником музея Государственного центрального театра кукол под руководством С.В. Образцова (1961–1991). Ее научная деятельность была посвящена изучению кукольного театра, сначала у народов Европы и Америки, а с середины 70-х годов — народов Востока.

Свои научные изыскания И.Н. Соломоник начала, может быть, с самой сложной и труднодостижимой европейцами области искусства Индонезии — с яванского театра плоских кожаных кукол (ваянг пурво) — вершины театрального творчества народов Востока, сконцентрировавшей основные черты кукольного театрального искусства. В 1981 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Поэтика выразительных средств ваянг пурво», которая была посвящена анализу художественного языка театра плоских кожаных кукол. С тех пор И.Н. Соломоник стала постоянным и почитаемым членом малайско-индонезийского научного сообщества Москвы и Санкт-Петербурга (тогда Ленинграда), до самых последних дней принимала активное участие во всех проводимых им мероприятиях, была автором сборников статей, издаваемых обществом малайстов и индонезистов в Москве и Санкт-Петербурге (Малайско-индонезийские исследования, сборники по материалам Маклаевских чтений, Сборники МАЭ и др.).

Мы познакомились в 1983 г. в Москве, на одном из заседаний Общества малайско-индонезийских исследований (позже оно стало называться Нусантара), и очень быстро профессиональное знакомство переросло в дружбу, которая длилась почти 30 лет и выражалась не только в личном общении, но и в интенсивной переписке.

В этом же году вышла ее первая книга «Традиционный театр кукол Востока: основные виды театра плоских изображений» [Соломоник 1983], ставшая событием большой научной значимости. Это обобщающее исследование, основанное на изучении литературных, музейных и архивных источников. В ней представлен тщательный, тонкий, подчас виртуозный, анализ основных компонентов традиционного восточного театра плоских изображений, выявлены законы и способы эстетического воздействия и эстетического восприятия этого вида искусства. В этой и последующих книгах и многочисленных статьях она впервые в российской науке подвергла тщательному анализу искусство театра кукол многих стран Востока: Китая, Индии, Ирана, Таиланда, Бирмы, Камбоджи, Вьетнама, Тибета, т.е. рассмотрела эти театральные формы в сравнительно-типологических связях. Но главное внимание И.Н. Соломоник уделила выразительной системе или, пользуясь ее терминологией, художественному языку яванского театра теней, который правильнее было бы, с ее точки зрения, называть «силуэтным театром». Она представила особую, ни с чем не сравнимую эстетику этого театра, его глубокий философский смысл и многогранную сущность, в которой соединились разные виды искусства (словесное, музыкальное, изобразительное, пластическое), воздействующие одновременно на все эмоции зрителя через слово, жест, движение в сценическом

пространстве, танец, цвет, голос, тембр, музыку и сообщающие таким образом огромную информацию сюжетно-мифологического, философского, морально-этического характера.

В 1992 г. вышла вторая книга под тем же названием, но с иным подзаголовком [Соломоник 1992], посвященная театру объемных кукол. И в этой книге большое место занимает яванский театр марионеток (ваянг голек). Многолетняя работа в научном отделе Театра кукол под руководством С.В. Образцова, изучение творческого процесса создания спектаклей, большой опыт просмотров различных кукольных представлений, в том числе крайне редких (из Китая, Японии, Таиланда), личные беседы с представителями этого искусства из разных стран, исследование коллекций кукол многих музеев мира (прежде всего музея при Московском театре кукол, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге), архивов, картин, литографий, буклетов, фотографий — словом все, что может дать хоть малейшую информацию по интересующей автора теме — позволили собрать и представить в книге уникальные сведения, в ряде случаев могущие служить первоисточником. В этом смысле данную работу И.Н. Соломоник я бы сравнила с полевыми наблюдениями этнографа.

И.Н. Соломоник формулирует свое понимание процесса исторического развития театра кукол, классифицирует и систематизирует материал, относящийся к сугубо эстетическому, театральному аспекту кукольного искусства, выстраивает определенную театральную систему или, во всяком случае, выявляет ее элементы. Справедливо считая, что традиционный театр кукол Востока помимо эстетических несет в себе множество внеэстетических, прежде всего религиозно-магических, функций, она скрупулезно выявляет их. Подлинным ее открытием является установление путей проникновения яванской тростевой куклы в европейский кукольный театр, в том числе и российский. Новую, неизвестную до сих пор страницу в истории кукольного театра открывают выявленные И.Н. Соломоник непосредственные и косвенные связи европейских мастеров кукольного искусства с восточными традициями кукловодства, влияние кукольных традиций Востока на выразительные средства современного театра кукол в целом. Эти открытия И.Н. Соломоник дали ей право поднять проблему, касающуюся вообще взаимоотношений искусства Востока и Запада, на более высокий уровень.

Нет необходимости доказывать, какому широкому кругу специалистов нужны труды Инны Наумовны Соломоник, раскрывающие мир восточного театра, композиционно четко выстроенные и сочетающие мастерски систематизированный и в то же время «зрелищно» пред-

ставленный конкретный материал в историческом освещении и теоретическом осмыслении. Написанные на пересечении востоковедения, искусствоведения и этнографии, ее многоплановые исследования интересны представителям этих наук. Неслучайно рецензии на ее книги появлялись в искусствоведческих, этнографических и востоковедных изданиях [Ревуненкова 1983: 36; 1995: 191–196; Иванова 1995: 163–167; Членов 1986: 165–168]. Представленный в них исключительно богатый материал открывает широкую перспективу его использования, дальнейшего развития и интерпретации специалистами разных областей знания. Особенный интерес работы И.Н. Соломоник вызывают у этнографов, поэтому большинство ее статей опубликовано в специальных этнографических изданиях, прежде всего в журнале «Советская этнография» («Этнографическое обозрение»), а также в сборниках МАЭ и Маклаевских сборниках. По своей эрудиции, способности глубоко проникнуть в суть обсуждаемых проблем, незаурядному классификационному уму (не зря она начала высшее образование с обучения на математическом факультете) и многим другим качествам, И.Н. Соломоник, несомненно, принадлежала к такому типу исследователей, которых выдающийся российский востоковед С.Ф. Ольденбург называл «точными учеными» и ценил таковых превыше всего [Алексеев 1982: 19].

Она была создана для работы в академической науке, но служила в иной системе — театральной, дававшей мощный импульс для ее исследований, который осуществлялись в свободное от работы время, так же как и необходимое для ученого общение в научной среде. Она очень хотела работать в академическом учреждении, но доступ туда в советское время для нее был закрыт. Ее лично коснулась политика государственного антисемитизма. Человек предельно честный и искренний, натура крайне щепетильная, гордая и независимая, она ни в малейшей степени не могла поступиться исповедуемыми ею нравственными принципами, представлениями о человеческом достоинстве и порядочности, чтобы добиваться для себя каких бы то ни было благ. Полученные с детских лет травмы на национальной почве повлияли на общий психологический настрой ее личности и сказались на всей ее жизни. Это была для нее больная тема.

Вот каковы ее отточенные критические и эмоциональные формулировки, описывающие восприятие спектакля «Дневник Анны Франк» в Молодежном театре, который она посмотрела 20 февраля 2001 г.: *«Все на сцене замечательно “живут”, замечательно придуманы переходы от эпизода к эпизоду (группы замирают, приглушается освещение на мгновенье — потом все оживает, освещается снова и уже понятно,*

прошло какое-то время после предыдущей сцены). Хорошо придуманы декорации (весь спектакль идет на сцене — зрители в несколько рядов сидят спиной к залу, он даже не отгорожен занавесом, и если оглянуться — видишь партер и ярусы, — так как их видят во время “обыкновенного” спектакля актеры. Несколько рядов стульчиков (на них висят бирочки с номером твоего места) спускается амфитеатром к полу сцены, актеры играют (“живут”) рядом с тобой. Мансарда показана условно, то ли несколькими полками-стеллажами, то ли шкафами разделена на несколько то ли комнат, то ли углов (я была в музее Анны Франк в Амстердаме, на реальную мансарду все это не похоже, но замечательно передана атмосфера скученности, замкнутости, “духоты”, выпихивающей из человека все то неприглядное, что в других условиях он прячет или подавляет). Психологический аспект, быт в необычных условиях передан замечательно, но меня огорчило то, что в спектакле приглушена трагическая нота. Акцент перенесен на быт, на неприглядное нутро некоторых (большинства) персонажей, а их трагедия затушевана (смерть не висит в воздухе, а мелкие дрязги выпячены), об их гибели говорится скороговоркой. И уж что меня не просто огорчило, а возмутило, так это затушевание еврейской темы — в угоду, видимо, нашему антисемитскому государству и православно-патриотическому воспитанию» (письмо от 21 февраля 2001 г.).

Она очень чутко и болезненно реагировала на недостаточное, как ей казалось, внимание к ее работе, ощущала себя неким чужеродным элементом в востоковедной среде, что абсолютно не соответствовало действительности — ее очень ценили и любили. Конечно же, мы, ее ближайшее окружение, может быть, плохо понимали, что вскользь брошенное небрежное слово, просто некоторые действия, которым другие в обыденной жизни не придают значения, в тонко организованной ранимой душе И.Н. Соломоник долго отзывались обидой, и она замыкалась в себе. Сама Инна Наумовна Соломоник была достаточно прямой, а иногда даже и резкой в своих суждениях, но ни публичные, ни кулуарные ее высказывания никому не были обидны. Она очень внимательно следила за работами коллег из малайско-индонезийского научного сообщества, была постоянным участником заседаний и по горячим следам так подробно описывала содержание докладов и выступлений в письмах, что я, находясь в Петербурге, была хорошо осведомлена о научной деятельности московских малайстов и индонезистов.

Столь же серьезно И.Н. Соломоник относилась к работам по малайско-индонезийскому региону и делилась своими впечатлениями. Она оказалась также весьма внимательным читателем моей книги «Сулалат-ус-

салатин: рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение» и в письме высказала чрезвычайно ценные для меня замечания. Я уговорила ее оформить эти замечания в виде заметки в готовящийся очередной сборник под предлогом, чтобы ее труд не пропал зря. Реакция Инны Наумовны на мою просьбу была очень быстрой. Так, заметка «Немного о Малакке и немного о книге Е.В. Ревуненковой “Родословия султанов”» в настоящем сборнике стала последней печатной работой И.Н. Соломоник. Нам всегда были интересны работы друг друга, мы не только обсуждали их в беседах, но и рецензировали в печати [Ревуненкова 1983: 36; 1995: 191–196; Соломоник 1994: 171–173]

Наряду с исследовательской кабинетной работой И.Н. Соломоник занималась активной научно-организаторской и просветительской деятельностью, была участником и организатором многочисленных отечественных и международных конференций и конгрессов, посвященных проблемам кукольного театра и проходивших во многих странах Европы и Азии. Много сил и времени она отдавала работе в советской секции Международного союза деятелей театра кукол (УНИМА), президентом которой был избран С.В. Образцов. Увидеть своими глазами малайский театр теней, который И.Н. Соломоник изучала почти 30 лет, ей удалось только в 2004 г., когда она побывала в Малайзии на международной конференции по теневому театру. Подробную информацию об этой конференции И.Н. Соломоник дала в Маклаевском сборнике [Соломоник 2008: 400–403].

Совершенно непонятно, как могла она сочетать каждодневную службу в театре, интенсивную исследовательскую и организационную работу и чрезвычайно насыщенную, интересную театральную жизнь помимо своего родного театра. И.Н. Соломоник была абсолютно театральным человеком в самом широком смысле слова. Драматический театр, музыка, балет, музеи изобразительных искусств и художественные выставки чуть ли не ежедневно заполняли ее жизнь вплоть до самого последнего времени, постоянно реализуя ее потребность в прекрасном. Люди искусства ей были так же близки, как и люди науки. Она была в курсе всех новых московских и гастрольных постановок, задолго до приезда тех или иных театральных коллективов запасалась билетами, ежегодно посещала почти все спектакли, привезенные из многих стран мира на Чеховский фестиваль. На последнем таком спектакле была буквально за несколько дней до своей кончины.

Свои впечатления от увиденного на сцене она часто эмоционально описывала в письмах. Это, в сущности, профессиональные рецензии, в которых чувствуется безупречный вкус, страстное неприятие обы-

вательской пошлости, высказываются краткие, но очень емкие, откровенные, иногда очень резкие, даже хлесткие суждения, а все вместе это создает у читателя (в данном случае у меня) эффект присутствия на описываемом зрелище. И.Н. Соломоник относилась к тому поколению людей, которые еще сохраняли и в совершенстве владели эпистолярным жанром. Она любила и умела писать письма, создающие иллюзию живого разговора с собеседником — искусство, почти утраченное в наш век электронной почты и эсэмэсок.

Приведу отрывок из ее письма, характеризующий образ жизни И.Н. Соломоник в художественном мире: *«Можно сказать, что в этом сезоне у меня получился балетный запой. И читала, и смотрела в основном балеты. Подтолкнуло то, что Большой закроется на капитальный ремонт, а перед закрытием там поставили балеты Баланчина и Мясина, и “взяли напрокат” у Венской оперы “Сон в летнюю ночь” (хореографа Нормейера). “Сон” сразил меня необыкновенной красотой и изобретательностью первого акта (т.е. “сна”). ...И сильнейшее впечатление осталось от “вашего” спектакля “Форсайт в Маринке” — Маринка привезла его на “Маску” и, как сейчас уже известно, он получил 1-ю премию. Попала туда, потому что мне подарили билет на галерку (которая изящно называется “первым ярусом”) новой сцены Большого (этот галерочный билет стоит 3000 р. — а сколько же пониже?). Если бы не неожиданный подарок, не увидела бы ни Форсайта, ни вашей Маринки (как не увижу вечер памяти Бенуа, на который приедут звезды из-за бугра. Среди них — Малахов, которого я успела увидеть в Москве до того, как он слинял в Европу. После окончания школы его не приняли в Большой, он танцевал у Касаткиной и Василёва, и там-то я его и разглядела и охотилась за спектаклями с его участием, но он очень быстро уехал из России).*

На драматической сцене видела за эту зиму мало, еще меньше интересного. Недавно посмотрела “Лес”, где меня порадовала Н. Тенякова — Гурмыжская. Поставил “Лес” в МХТ’е К. Серебренников — ловкий угодник, приспособленец к вкусам сегодняшней публики, приходящей в театр “оттянуться”. Но Тенякову не собьешь, закваска, полученная у Товстоногова, не дает К.С. свернуть ее на путь кривляния. Правда, и К.С. удивил меня трюком, не вписывающимся в его стиль: молоденький актер (Чурсин — не сын ли Чурсиной?) со “стертым”, невыразительным, ничем не примечательным лицом, играет в этом спектакле гимназиста-переростка, который в конце концов женится на Гурмыжской (точнее — которого она берет себе в мужья). Этого актера, как и остальных, прыгающих и визжащих, трюкачущих, я не

замечала, мне была интересна только Тенякова. И вот в финале на свадебном банкете новоиспеченный муж произносит речь — со стертыми “правильными”, общими местами и т.п. — и эту речь Серебренников (вряд ли актер сам это придумал) заставляет его произносить официальным тоном, с бокалом в руках, но повернувшись не к гостям, а к залу, точь в точь копируя манеру говорить нашего главного гэбэшника... Реакция зала напомнила мне лучшие времена нашего театра...» (письмо от 19.04.2005).

А какое возмущение в этом же письме она высказала нашумевшей книгой Дж. Дональда Рейфилда о Чехове! И такие живые, сочные и очень точные оценки спектаклей и книг написаны в обычном письме, но насколько же они интереснее многих невнятных рецензий профессиональных театральных критиков! Но я считаю, что подобные непосредственные и очень нестандартные отклики тонко чувствующего зрителя и читателя на культурные события конца XX — начала XXI в. являются важными слагаемыми истории искусства эпохи, создают ее колористический фон.

Вот еще один отрывок из письма: «Я запаслась билетами на “Мнимого больного”, которого поставил Сергей Женовач. А в понедельник пойду в консерваторию, где “ваш” Гергиев откроет Пасхальный фестиваль двумя симфониями Бетховена. С Большим театром попрощалась на “Балетах Мясина” — останется ли этот зал таким же красивым, или наш мэр расправится с ним, как с Манежем? Но я уже этого скорее всего не узнаю. Еще из приятного — была на юбилейной выставке Ю. Норштейна. Посмотрела все его фильмы (их там крутят целый день). Экспозиция очень интересная — не только эскизы и макеты, но и его описания к ним, к мультикам, — как они рождались, “почему” и “как” (без “зачем”)» (письмо от 30.04.2005).

Если научная деятельность Инны Наумовны Соломоник была связана с кукольным театром, то в повседневной жизни из драматического искусства ее больше всего привлекал театр психологический, хотя она признавала и другую театральную эстетику. Вот ее кредо: «Я люблю психологический театр, люблю формальный — но когда за этой формой скрывается глубинный смысл (как это часто бывает в спектаклях В. Фокина — холодных, обращенных не к сердцу, а к разуму, но восхищающих меня блестящей строгостью “архитектуры”, мизансценами-символами, символичностью декораций (посмотри в вашей Александринке его “Ревизора” — я до сих пор не могу забыть одну из последних мизансцен, “улетают мечты” дам, какой точный несловесный образ нашел для этого Фокин!)» (письмо от 19.10.2006).

Несмотря на свою, казалось бы, полную поглощенность искусством, она была человеком большого внутреннего общественного темперамента, очень внимательно относилась к нашей истории, следила за развитием политических событий в стране, принимала участие в них, но иным способом — не на митингах и демонстрациях, а своим творчеством. Достаточно прочесть ее мастерский анализ эпохального фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» [Соломоник 2004: 21], чтобы почувствовать остроту переживания и понимания ею мрачных периодов Советского государства.

В любую работу, за которую бралась Инна Наумовна Соломоник, она вкладывала душу, старалась выполнить ее на самом высоком уровне. Так было и с преподаванием русского языка иностранцам, которым она увлеклась после того, как перестала работать в театре. «Я с удовольствием вернулась к преподаванию, к заглядыванию в любопытные закоулки русского языка», — писала она. Но, конечно же, это были не просто уроки языка, она ходила с ними в театры, на концерты, художественные выставки, в музеи, читала и комментировала русскую литературу, т.е., обучая иностранцев русскому языку, И.Н. Соломоник приобщала их к русской культуре. Ученики дарили ей свое восхищение и благодарность за уроки познания русской культуры и искусства. Вот выдержка из еще одного письма от 23.06.03: *«А когда становится уж очень тошно, заглядываю в книжки, которые “мои ребятки” мне дарили на память, и греюсь их прощальными словами. М[ожет] б[ыть], нужно вводить коэффициент на вежливость, но все равно — приятно. Копию последней такой грелочки — к письму прилагаю — не столько хвастаюсь, сколько делюсь тем, что греет»*. Вот текст этой записки: *“Thank you so much for being such a wonderful teacher! I’ve so enjoyed my lessons with you and particularly grateful for such a thorough introduction to the to the Genius of Block.*

I wish you all the best in the future! George. 22.05.03”.

Была у Инны Наумовны еще одна страсть, доставляющая ей огромную радость и вызывающая душевный подъем, — она очень любила путешествовать и в письмах подробно описывала места, которые посетила — как всегда нестандартно, без туристических красотостей, а скорее изысканно просто, но очень зримо создавая образ страны или города, в которых побывала. Она объездила всю Центральную Европу, была в Китае, Малайзии, Тунисе и других странах. Но ее постоянной любовью всю жизнь была Франция. Когда стали возможны поездки, она часто ездила в эту страну — на конференции, фестивали, по приглашению своих многочисленных французских коллег, друзей, учеников. Легко и

свободно она себя чувствовала во Франции еще и потому, что свободно владела французским языком. «*Может быть, пойду послушать французского актера Патриса Шеро (он читает “Записки из подполья”) — соскучилась по хорошей французской речи*», — писала она в письме от 15.04.2005 из Москвы. И смерть ее оказалась непостижимым образом связанной с Францией: И.Н. Соломоник скончалась 14 июля, в День взятия Бастилии — национального праздника Франции.

Вот что сказала Елена Владимировна Иванова, узнав о кончине Инны Наумовны Соломоник: «Не могу смириться с мыслью о том, что Инны Наумовны не стало, что никогда больше не узнаю о ее новых работах, о грядущих театральных и музыкальных событиях, она всегда была в курсе всего самого интересного в Москве (и в мире!), жила литературой, искусством. Не услышу в телефоне ее голоса с незабываемыми интонациями. Не найду в почтовом ящике ее письма с колоритным рассказом о путешествии на Восток или в любимую Францию. Я видела восхитившие ее места ее глазами. Однажды осенним вечером, на веранде в Комарове, при свече читала приехавшей издалека своей дочери письмо Инны Наумовны с рассказом о паломничестве к поразившему ее своим величием монастырю Мон Сен-Мишель. Никогда не забуду ее трогательного внимания ко мне — она приехала в аэропорт Шереметьево, чтобы побыть со мной перед отлетом в Бангкок, и встречала меня на обратном пути, чтобы тут же проводить в Петербург — ради короткой возможности пообщаться лично. Встреч было немного, но общение с Инной Наумовой длившееся несколько незабываемых лет, было мне очень дорого».

С уходом из жизни И.Н. Соломоник мы потеряли высокопрофессионального исследователя, честного, благородного, образованного, умного человека, интересного собеседника, обладавшего особым даром понимания и сопереживания, сумевшего очень ярко и достойно прожить жизнь часто в недостойных для человеческого существования «предлагаемых обстоятельствах». Такие возвышенные, одухотворенные натуры во все времена встречаются редко, и образовавшуюся пустоту после их ухода ничем не заполнить. Может быть, лишь немного приглушает горечь утраты то, что они остаются живыми в памяти близко знавших их друзей и что трудам таких «точных ученых» суждена долгая жизнь в науке. Когда я перечитываю эти труды, перед глазами всплывают многие черты ее неповторимой личности, и таким образом общение с ней продолжается¹.

---

¹ Выражаю огромную благодарность Ирине Исаевне Тимофеевой, проявившей большой интерес к данной статье и сделавшей ряд важных и полезных замечаний, которые я постаралась учесть.

Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982.

Иванова Е.В. [Рец.] на кн.: Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра объемных кукол. М., 1992. 312 с. // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.

Ревуненкова Е.В. Куклы Востока. Рец. на кн.: Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра плоских изображений (М., 1983) // Декоративное искусство. 1983. № 12.

Ревуненкова Е.В. Рец. на кн.: Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра объемных форм (М., 1992) // Восток. 1995. № 1.

Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра плоских изображений. М., 1983.

Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра объемных форм. М., 1992.

Соломоник И.Н. Рец. на кн. Ревуненкова Е.В. Миф–обряд–религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии (М., 1992) // ЭО. № 1.

Соломоник И.Н. Кино. Без покаяния // Новая газета. 2004. № 6. 29 янв.

Соломоник И.Н. Международная конференция «Теневой театр как элемент развития цивилизации (1–2 июля 2004 г., Куала Лумпур, Малайзия) // Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину. Маклаевский сборник. 1. СПб., 2008.

Членов М.А. Рец. на кн.: Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра плоских изображений (М., 1983) // СЭ. 1986. № 2.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ И.Н. СОЛОМОНИК¹

1967

Методический материал для театров кукол «Литература по театру кукол». М. 71 с.

1978

К вопросу о поэтике Ваянг пурво // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. М. Т. III. Ч. 2. С. 62–64.

Проблемы анализа народного театра кукол // СЭ. № 6. С. 28–45.

1979

Поэтика выразительных средств Ваянг пурво: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 22 с.

Поэтика яванского лакона ваянг пурво // Вопросы истории литератур Востока: сб. ст. М. Ч. I. С. 93–122.

Язык силуэта яванских ваянгов // СЭ. № 3. С. 123–136.

1980

Древний прототип театра тростевой куклы (Яванский театр «Ваянг пурво») // Что такое театр кукол?: сб. ст. М. С. 149–177.

1982

К вопросу о термине «теневой театр» // Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М. С. 117–122.

1983

Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра плоских изображений. М. 184 с.

[Рец.] Ревуненкова Е.В. Куклы Востока. Рец. на кн.: Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра плоских изображений. М. 184 с. // Декоративное искусство. 1983. № 12. С. 36.

[Рец.] Членов М.А. Рец. на кн.: Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра плоских изображений. М. 184 с. // СЭ. 1986. № 2. С. 165–168.

1984

Человек на сцене традиционного и нового театра кукол // Международный симпозиум историков и теоретиков театра кукол (Москва, 6–9 декабря 1983 г.). М.

---

¹ Список составлен в основном Ольгой Николаевной Купцовой — кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником Государственного института искусствознания и доцентом Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова (Москва), за что выражаю ей глубокую благодарность.

1985

Традиционный театр перчаточной куклы в Китае // СЭ. № 5. С. 113–125.
Сутрадхар // Театр. № 11. С. 157–159.

1986

Йоу тай — бирманские марионетки // СЭ. № 3. С. 135–147.

1987

Катхпугли: народные марионетки Раджастана (к проблеме ирано-индийских этнокультурных связей) // СЭ. № 4. С. 128–142.

1990

[Рец.:] СЭ. № 1. С. 167–168. Рец. на кн.: V.M.C. Groenedaal van. Wayang Theatre in Indonesia. An annotated bibliography Dordrecht. 1987. 221 P.

Традиции перчаточной куклы на Востоке и в России // Что же такое театр кукол?: сб. ст. / сост. О.И. Полякова. М. С. 106–112.

Элементы кукольного театра в ритуалах североамериканских индейцев // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л. С. 6–20.

1991

Представления кукол на воде в средневековом Китае и современном Вьетнаме // СЭ. № 1. С. 120–132.

Тибетский театр масляных кукол (об одной восточной параллели к европейской рождественской кукольной традиции) // СЭ. № 4. С. 115–126.

1992

Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра объемных форм. М., 312 с.

[Рец.] Иванова Е.В. Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра объемных форм. М., 1992. 312 с. // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 163–167.

[Рец.] Ревуненкова Е.В. Соломоник И.Н. Традиционный театр кукол Востока: Основные виды театра объемных форм. М., 1992. 312 с. // Восток. 1995. № 1. С. 191–196.

Марионетки Италии // Кукарт. 1992. № 2. С. 41–43.

Карло Кале и сыновья (гастроли в Москве) // Кукарт. 1992. № 2. С. 49–50.

Готовится к изданию Энциклопедия всемирного театра кукол // Кукарт. 1992. № 3. С. 140–141.

1993

Куклы выходят на сцену. Книга для учителя. М., 1993. 160 с.

1994

Из прошлого и настоящего филиппинских кукол (отражение процесса влияний-усвоений, сопровождающего историю кукольного театра) // Филиппины в малайском мире. С. 52–62.

[Рец.] Рец. на кн.: Ревуненкова Е.В. Миф–обряд–религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии. М., 1992. 216 с. // ЭО. № 1. С. 171–173.

1995

Куклы ваянг голек. Особенности формы и некоторые рекомендации для их атрибуции // Сб. МАЭ. Т. XLVI. Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии. С. 108–128.

1996

Представления кожаных кукол // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 66–67.

1998

Карамат (группа кукол в малайских представлениях «ваянг кулит» и связанные с ней древние верования малайцев) // ЭО. № 4. С. 94–100.

Провокация воображения (проблема движения и ее решение в теневых театрах ЮВА) // «Северо-Запад–Юго-Восток»: Северо-западная междунар. (фин.-рос.) науч. сессия по Юго-Восточной Азии, 16–18 июня 1998 г.: тез. и материалы докл. рос. участников. СПб. С. 133.

2001

Ваянг бебер: театр или магический обряд? Старинное представление картин на острове Ява. М. 78 с.

2004

Кино. Без покаяния // Новая газета. № 6. 29 янв. С. 21.

Чары формы. Трансформация восточных «теней» в европейском и российском театре кукол // Малайско-индонезийские исследования: сб. ст. в память Б.Б. Парникеля. М. Вып. XVI. С. 237–256.

2006

Невидимое в зримом // Живая сторона. № 1. С. 9–12.

Китайский теневой театр. Язык силуэта // Проблемы изучения, сохранения и использования искусства вырезки: материалы симпозиума, посвящ. 95-летию со дня рождения А.М. Петриченко / сост. А.А. Петриченко; отв. ред. Н.М. Полунина. Домодедово. С. 86–91.

Невидимое в зримом (магический аспект народного театра кукол Китая) // Живая кукла. С. 154–165.

2007

Китайский теневой театр: резная графика фигур // Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А.М. Решетова. СПб. С. 73–79.

2008

Международная конференция «Теневой театр как элемент развития цивилизации (1–2 июля 2004 г., Куала Лумпур, Малайзия) // Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину. Маклаевский сборник. 1. СПб. С. 400–403.

2010

Немного о Малакке и немного о книге Е.В. Ревуненковой «Родословия султанов» // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве и времени истории / Отв. ред., сост. Е.В. Ревуненкова. Маклаевский сборник. Вып. 3. СПб., 2010. С. 167–170.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АТНАШЕВ Вадим Рафаилович — кандидат филологических наук старший преподаватель кафедры международного и гуманитарного права Северо-западной академии государственной службы.

БУДЕНКОВА Анна Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры делового иностранного языка 2 факультета управления и бизнес технологий Института градостроительства, управления и региональной экономики Сибирского федерального университета (Красноярск). Сфера научных интересов — оборонная политика и стратегия Австралии, австрало-американские отношения, отношения Австралии и стран АТР, интеграционные процессы в АТР, история Австралии.

БЕЛКОВ Павел Людвигович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

БЕРЕЗКИН Юрий Евгеньевич — доктор исторических наук, заведующий отделом Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

ГОРЯЕВА Любовь Витальевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва).

ДЬЯКОВ Николай Николаевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

ИВАНОВ Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, хранитель фондов Зарубежной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

ИВАНОВА Людмила Алексеевна — старший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва).

КИСЛЯКОВ Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

КЛИМЕНКО Сергей Борисович — в настоящее время магистрант-лингвист (специалист по тагальскому языку) Университета Филиппин, Дилиман (Манила).

ЛЕБЕДЕВА Арина Александровна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

МАССОВ Александр Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, профессор кафедры северо-американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

ОГЛОБЛИН Александр Константинович — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ПАРФЕНТЬЕВА Наталья Ивановна — (дочь И.Н. Хитрова) — скрипачка оркестра Мариинского театра, в настоящее время педагог музыкальной школы.

ПЕРШИН Александр Алексеевич — океанограф, путешественник, писатель, сотрудник Института океанологии им. П.П. Шишова РАН (Москва).

РЕВУНЕНКОВА Елена Владимировна — главный научный сотрудник отдела этнографии Австралии, Океании и Индонезии, доктор исторических наук.

РЕШЕТОВ Александр Михайлович — кандидат исторических наук, в последние годы был старшим научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

РОМАНОВА Евгения Викторовна — кандидат филологических наук, библиотечкарь централизованной библиотечной системы Калининского района Санкт-Петербурга.

СИНИЦЫН Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

СЛАНЕВСКАЯ Нина Михайловна — кандидат политических наук, директор Санкт-Петербургского центра междисциплинарной нейронауки.

СОЛОМОНИК Инна Наумовна — кандидат филологических наук, работала научным сотрудником музея Государственного театра кукол под руководством С.В. Образцова.

ТАТАРОВА Ксения Витальевна — магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

ТРЕТЬЯКОВА Мария Петровна — соискатель Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

ТЮНЬ Галина Тойвовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ФЕДОРОВ Николай Викторович — кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры североамериканских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

ФЕДОРОВА Ирина Константиновна — ведущий научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

ФЕДОРОВА Ольга Михайловна — кандидат педагогических наук, заведующая отделом комплектования Центральной военно-морской библиотеки.

УШАКОВ Никита Вадимович — кандидат исторических наук, заведующий фотолaborаторией Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

WAN JAMALUDDIN — доктор философии, директор Центра по изучению ислама центрально-азиатского и российского регионов при Государственном исламском университете им. Шарифа Хидаятуллаха (Джакарта, Индонезия).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Известия ГГО — Известия Государственного географического общества

ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

СЭ — Советская этнография

ЭО — Этнографическое обозрение

CONTENTS

<i>Revunenkova E.V.</i> INTRODUCTON	3
N.N. MIKLUKHO-MACLAY: NEW DISCOVERIES	
<i>Massov A.Ya.</i> N.N MIKLUKHO-MACLAY AND REAR-ADMIRAL N.V. KOPYTOV	9
<i>Reshetov A.M.</i> SOME FACTS ABOUT N.N. MIKLUKHO-MACLAY'S PERSONAL MATERIALS IN ARCHIVES OF RGO AND RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	15
<i>Reshetov A.M.</i> M.A. CZAPLICKA AND HER ARTICLE «LIFE AND WORK OF N.N. MIKLUKHO-MACLAY»	22
<i>Ivanova L.A.</i> ROLE OF N.N. MIKLUKHO-MACLAY'S SKETCHES AND FIELDS NOTES IN ATTRIBUTION OF THE ARTIFACTS FROM HIS COLLECTION	32
ETHNOGRAPHY, LANGUAGE, FOLKLORE AND LITERATURE	
<i>Belkov P.L.</i> TURNER'S THEORY OF SIGNIFICATA: THOUGHTS ON INTERPRETATIONS OF A CERTAIN AUSTRALIAN MYTH	51
<i>Beryozkin Yu.E.</i> TWO MOTIVES IN WEST MELANESIA MYTHOLOGY AND THEIR CONNECTIONS TO THE ORIGINS OF LAPITA CULTURE	58
<i>Slanevskaya N.M.</i> FORMATION OF AUSTRALIAN IDENTITY	68
<i>Tret'yakova M.P.</i> PRINCIPLES OF SOCIAL CONTINUITY IN TRADITIONAL POLYNESIAN SOCIETY	81
<i>Lebedeva A.A.</i> SOME ASPECTS OF MICRONESIAN METROLOGY (ON EXAMPLE OF TRADITIONAL CANOE CONSTRUCTION METHODS)	87
<i>Massov A.Ya.</i> MY TRIP TO AUSTRALIA	94
<i>Ogloblin A.K.</i> THE PROBLEM OF LANGUAGE IN MALYSIAN EDUCATION SYSTEM	101
<i>Klimenko S.B.</i> THE 1ST PHILIPPINE CONFERENCE WORKSHOP ON MOTHER TONGUE BASED MULTILINGUAL EDUCATION (18–20 February 2010, Cagayan de Oro City, the Philippines)	114
<i>Atnashev V.P.</i> CURRENT STATE OF EPIC POETRY RESEARCH OF THE TAYNGUYEN PEOPLE OF VIETNAM	120
<i>Goryaeva L.V.</i> VISION OF THE WORLD IN THE MALAY «TALE OF THE WAR OF THE VICTORIOUS PANDAVAS»	127
<i>Romanova E.V.</i> INDIAN MYTHOLOGY IN INDONESIAN POETRY OF THE EARLY XX-th CENTURY	133

<i>Ushakov N.V.</i> THE EXISTENCE OF PHOTOGRAPHIC OBJECTS (MATERIALS FROM M.V.STANYUKOVICH'S EXPEDITION TO THE PHILIPPINES IN 2008)	142
---	-----

HISTORY AND DATA ABOUT SOURCES

<i>Solomonik I.N.</i> SOME FACTS ABOUT MALACCA. THOUGHTS ABOUT E.V. REVUNENKOVA'S BOOK «GENEOLOGY OF THE SULTANS»	167
<i>Wan Jamaluddin.</i> AL-PALIMBANI'S THOUGHT IN HIS SUFISTIC WORK	171
<i>Kislyakov V.N.</i> C. MASCHMAYER'S CONTRIBUTIONS TO THE CHINESE COLLECTIONS OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY (MAE) OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	180
<i>Parfent'eva N.I.</i> THE «UNKNOWN» FAMOUS ARTIST. LIFE AND WORKS OF I.N.KHITROV — THE ARTIST WHO CREATED THE SCULPTURES OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY EXHIBITIONS	185
<i>Pershin A.A.</i> RUSSIAN EMIGRATION TO FRENCH POLYNESIA	196
<i>Fyodorova I.K.</i> A SHORT OVERVIEW OF MAORI'S PAST: SOME NOTES ABOUT NEW ZEALAND (THE «FORGOTTEN» MATERIALS)	209
<i>Fyodorova O.M.</i> THE DIARY OF M.I. RATMANOV AS AN UNKNOWN SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE FIRST RUSSIAN EXPEDITION CIRCUMNAVIGATING THE WORLD	216
<i>Massov A.Ya.</i> 200 YEARS OF AUSTRALIAN-RUSSIAN DIPLOMATIC RELATIONSHIP	223
<i>Budenkova A.V.</i> AUSTRALIA AND RUSSIA: COMMON INTERESTS AND PERSPECTIVES OF REGIONAL COOPERATION ...	231
<i>Fyodorov N.V.</i> AUSTRALIA'S OPPOSITION TO USSR DURING THE COLD WAR AND AUSTRALIAN NAVAL POLICIES	236
<i>Tyun' G.T.</i> N.A. SIMONIYA'S WORK: FROM THE PROBLEMS OF THE INDONESIAN NATION FORMATION TO THEORETICAL PROBLEMS OF THE WORLD HISTORY	241

PACIFIC REGION IN COMPARATIVE STUDIES

<i>Dyakov N.N.</i> THE MOORS BETWEEN THE AL-ANDALUS AND SPAIN: ETHNO-CONFESSIONAL GROUP ON THE CROSSROADS OF CULTURES	253
---	-----

<i>Ivanov D.V.</i> THE CONTRIBUTIONS OF G.F.MILLER AND I.JERIG TO THE KUNSKAMMER BUDDHIST COLLECTION	261
<i>Sinitsyn A.Yu.</i> SOME ILLUSTRATIONS OF THE TRADITIONAL JAPANESE VIEW ON THE COITAL FUNCTIONS OF THE ANIMALS WITH SUPERNATURAL POWERS. (MATERIALS FROM THE JAPANESE COLLECTION OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)	277

AUSTRALIA AND RUSSIA

<i>Fytzlyon S.</i> INTRODUCTORY WORDS TO CONFERENCE HELD IN KUNSTKAMERA ON AUSTRALIA	293
<i>Massov A.Ya.</i> MELBOURNE OF THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY IN WRITINGS OF THE RUSSIAN SAILORS	295
<i>Reshetov A.M.</i> RUSSIANS IN AUSTRALIA: SOME EXAMPLES OF THE «PRESENCE EFFECT»	302
<i>Lebedeva A.A.</i> ILLUSTRATIVE MATERIALS FROM THE AUSTRALIAN COLLECTION OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	313
<i>Belkov P.L.</i> AUSTRALIAN ARTIFACTS FROM EARLY COLLECTIONS OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY	317
<i>Tretyakova M.P.</i> GENUS, LINEAGE, PATRONYMICS (SOME FACTS FROM THE HISTORY OF RESEARCH OF THE SOCIAL CULTURE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF AUSTRALIA AND OCEANIA IN THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)	323
<i>Tatarova K.V.</i> EAST ASIAN DIASPORAS OF MODER.N MELBOURNE AS AN EXAMPLE OF A TRANSNATIONAL COMMUNITY	331

IN MEMORIAM

<i>Revunenkova E.V.</i> INNA NAUMOVNA SOLOMONIK (1932–2009) AND THE ORIENTAL PUPPET THEATER	337
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ревуненкова Е.В.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	3
НОВОЕ О Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ	
<i>Массов А.Я.</i> Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ И КОНТР-АДМИРАЛ Н.В. КОПЫТОВ	9
<i>Решетов А.М.</i> К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В АРХИВАХ РГО И АН СССР	15
<i>Решетов А.М.</i> М.А. ЧАПЛИЦКАЯ И ЕЕ СТАТЬЯ «ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ»	22
<i>Иванова Л.А.</i> О РОЛИ РИСУНКОВ И ПОЛЕВЫХ ЗАМЕТОК Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В АТРИБУЦИИ ЭКСПОНАТОВ ЕГО КОЛЛЕКЦИИ	32
ЭТНОГРАФИЯ, ЯЗЫК, ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА	
<i>Белков П.Л.</i> ТЕОРИЯ SIGNIFICATA В. ТЭРНЕРА. К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО АВСТРАЛИЙСКОГО МИФА	51
<i>Березкин Ю.Е.</i> ДВА МОТИВА В МИФОЛОГИЯХ ЗАПАДНОЙ МЕЛАНЕЗИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛАПИТЫ	58
<i>Сланевская Н.М.</i> ФОРМИРОВАНИЕ АВСТРАЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	68
<i>Третьякова М.П.</i> О ПРИНЦИПАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛИНЕЗИЙСКИХ ОБЩЕСТВАХ	81
<i>Лебедева А.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ МИКРОНЕЗИЙСКОЙ МЕТРОЛОГИИ (На примере строительства каноэ)	87
<i>Массов А.Я.</i> ПОЕЗДКА В АВСТРАЛИЮ	94
<i>Оглоблин А.К.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ МАЛАЙЗИИ	101
<i>Клименко С.Б.</i> ПЕРВАЯ ФИЛИППИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-СИМПОЗИУМ ПО МНОГОЯЗЫЧНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ	114
<i>Атнашев В.Р.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОСА НАРОДОВ ТЭЙНГУЭН ВО ВЬЕТНАМЕ	120
<i>Горяева Л.В.</i> КАРТИНА МИРА В МАЛАЙСКОЙ «ПОВЕСТИ О ПОБЕДОНОСНЫХ ПАНДАВАХ»	127

<i>Романова Е.В.</i> ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX в.	133
<i>Ушаков Н.В.</i> БЫТОВАНИЕ ВЕЩЕЙ НА ФОТОГРАФИИ (На примере материалов экспедиции М.В. Станюкович на Филиппины в 2008 г.)	142

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Соломоник И.Н.</i> НЕМНОГО О МАЛАККЕ И НЕМНОГО О КНИГЕ Е.В. РЕВУНЕНКОВОЙ «РОДОСЛОВИЯ СУЛТАНОВ»	167
<i>Wan Jamaluddin AL-PALIMBANI'S THOUGHT IN HIS SUFISTIC WORK</i>	171
<i>Кисляков В.Н.</i> КОЛЛЕКЦИИ К. МАШМЕЙЕРА В КИТАЙСКОМ ФОНДЕ МАЭ РАН	180
<i>Парфентьева Н.И.</i> НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. О И.Н. ХИТРОВЕ — СКУЛЬПТОРЕ И ХУДОЖНИКЕ, АВТОРЕ СКУЛЬПТУР В ЭКСПОЗИЦИЯХ МАЭ РАН	185
<i>Першин А.А.</i> РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИНЕЗИИ	196
<i>Федорова И.К.</i> КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ МАОРИ: ЗАМЕТКИ О НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ (Из забытых материалов)	209
<i>Федорова О.М.</i> ДНЕВНИК М.И. РАТМАНОВА — НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	216
<i>Массов А.Я.</i> 200 ЛЕТ ОТНОШЕНИЙ АВСТРАЛИИ И РОССИИ	223
<i>Буденкова А.В.</i> АВСТРАЛИЯ И РОССИЯ: ОБЩНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	231
<i>Федоров Н.В.</i> ПРОТИВОСТОЯНИЕ С СССР В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННО-МОРСКАЯ ПОЛИТИКА АВСТРАЛИИ	236
<i>Тюнь Г.Т.</i> ТРУДЫ АКАДЕМИКА Н.А. СИМОНИЯ: ОТ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ В ИНДОНЕЗИИ — К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	241

ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Дьяков Н.Н.</i> МОРО МЕЖДУ АЛЬ-АНДАЛУСОМ И ИСПАНИЕЙ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР	253
<i>Иванов Д.В.</i> ВКЛАД Г.Ф. МИЛЛЕРА И И. ИЕРИГА В ФОРМИРОВАНИЕ БУДДИЙСКОГО СОБРАНИЯ КУНСТКАМЕРЫ	261
<i>Синицын А.Ю.</i> НЕКОТОРЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОИТАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ЖИВОТНЫХ-ОБОРОТНЕЙ (По материалам японского собрания МАЭ РАН)	277

АВСТРАЛИЯ И РОССИЯ

<i>Fitzlyon S.</i> INTRODUCTORY WORDS TO CONFERENCE HELD IN THE KUNSTKAMERA ON AUSTRALIA	293
<i>Массов А.Я.</i> РУССКИЕ МОРЯКИ О МЕЛЬБУРНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	395
<i>Решетов А.М.</i> РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ: НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ЭФФЕКТА ПРИСУТСТВИЯ	302
<i>Лебедева А.А.</i> ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ МАЭ РАН ПО АВСТРАЛИИ	313
<i>Белков П.Л.</i> АВСТРАЛИЙСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАННИХ ПОСТУПЛЕНИЙ МАЭ	317
<i>Третьякова М.П.</i> РОД, ЛИНИДЖ, ПАТРОНИМИЯ (Из истории исследований социальной культуры аборигенов Австралии и Океании в МАЭ РАН)	323
<i>Татарова К.В.</i> ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ДИАСПОРЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЛЬБУРНА КАК ПРИМЕР ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН	331

IN MEMORIAM

<i>Ревуненкова Е.В.</i> ИННА НАУМОВНА СОЛОМОНИК (7.08.1932–14.07.2009) И ТЕАТР КУКОЛ ВОСТОКА	337
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	352
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	354

Научное издание

**Австралия, Океания и Индонезия
в пространстве времени и истории**

(статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.)

Редактирование Т.В. Никифоровой
Корректурa К.С. Овериной
Компьютерный макет Р.А. Морозовой

Подписано в печать 10.2010. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.печ л. 16,3. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 300 экз. Заказ №

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.
Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lemma@mail.ru

Фотографии собранных вещей

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Фотографии собранных вещей in situ

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Фотографии процесса изготовления этих вещей

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Фотографии использования вещей

Рис. 26

Рис. 27

Фотографии подобных вещей из других районов

Рис. 28

**Фотографии близких по назначению вещей,
которые не удалось приобрести в качестве экспонатов**

Рис. 29

Рис. 30

**Фотографии современных заменителей традиционных вещей,
бытующих наряду с традиционными**

Рис. 31

**Сканы аналоговых фотографий подобных вещей, сделанных
несколько десятков лет назад другими исследователями Филиппин**

Рис. 32

Рис. 33